

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

XII

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК
XII

USSR ACADEMY OF SCIENCES
ORIENTAL COMMISSION
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of Corresponding Member
of the Academy of Sciences of the USSR
D. A. OLDEROGGE

VOL. XII

INDIA — LAND AND PEOPLE Book 2

Compiled and edited by I. V. Sakharov

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1972

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XII

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Составитель и ответственный редактор
И. В. САХАРОВ

Второй сборник известной серии, посвященный Индии. В него вошли статьи ученых нашей страны и Индии. Авторы рассматривают вопросы, связанные с экономической географией Индии, экономикой страны, анализируют демографические проблемы современной Индии и вопросы культуры.

Г. В. Сдасюк

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ИНДИИ**

Задача «сбалансированного регионального развития» занимает одно из центральных мест в планах и программах развития многих колониальных и зависимых в прошлом стран. Это обусловлено рядом объективных причин.

Достижение экономической самостоятельности этими странами связано с перестройкой колониального типа отраслевой и территориальной структуры производительных сил, которые складывались под воздействием неравноправного международного разделения труда. Для территориальной структуры хозяйства колониального типа характерны чрезвычайная неравномерность развития, гипертрофированный рост одного или немногих метрополитенских центров (в приморских странах это обычно крупнейший морской порт), относительная развитость тяготеющих к ним территорий и крайняя отсталость глубинных районов, ориентированность вовне основных грузопотоков, слабость межрайонных и внутрирайонных производственно-территориальных связей и т. д.

Территориальная структура хозяйства характеризуется весьма заметной устойчивостью. Силы притяжения развитых районов и крупнейших городов в развивающихся странах особенно выделяются на фоне крайней экономической отсталости и транспортно-географической изолированности внутренних территорий. Тем не менее подъем и развитие отсталых районов и преодоление резких территориальных диспропорций, требующие больших финансовых затрат и продолжительного времени, стоят как актуальная задача перед развивающимися странами. Решение этой задачи, естественно, не может откладываться до тех пор, когда будут решены основные экономические проблемы [см. по этому поводу: 15, 32].

В действительности экономический прогресс развивающихся стран в значительной мере связан с вовлечением в хозяйственную эксплуатацию богатых природными ресурсами наиболее отсталых территорий (бассейна Амазонки в Бразилии, Сахары в Африке и т. д.). В Индии наиболее перспективны для освоения минерально-сырьевые, лесные и земельные ресурсы центральной части, гидроэнергетические и лесные ресурсы Гималаев, земельные ресурсы пустыни Тар, т. е. наиболее экономически отсталые районы страны.

Объективным и чрезвычайно важным фактором является требование народов и племен, населяющих отсталые территории, ускорить их

социально-экономический прогресс. В условиях многонационального, этнически пестрого состава населения, сложившегося во многих развивающихся странах, требование ускоренного развития экономики отсталых районов приобретает большую остроту и социально-политическую значимость.

С этим связана и более общая проблема укрепления производственно-территориальной интеграции в пределах экономических районов разных таксономических рангов и в масштабах страны в целом.

Весьма серьезно стоит и проблема уменьшения силы «демографического давления» в «старых», густонаселенных районах, испытывающих тяжелое аграрное перенаселение. Выходом в этой ситуации было бы стимулирование миграции населения в глубинные, слабо заселенные районы.

Государство и государственное строительство обычно играют решающую роль в дорогостоящем и длительном процессе подъема отсталых районов и преодоления региональных диспропорций в развивающихся странах [35]. Поэтому специалисты разрабатывают вопросы общей стратегии региональной политики и регионального планирования, опирающихся на научно разработанную систему экономического районирования — типологическую (по уровням социально-экономического развития, типам сочетания природных ресурсов и т. д.) и конкретную сетку комплексного экономического районирования, предназначенного для целей перспективного планирования.

Такое районирование должно явиться основой при определении темпов и очередности развития отдельных экономических районов в связи с намеченными темпами общегосударственного прогресса и других сложных и по существу противоречивых проблем преодоления региональных диспропорций.

Одна из главных задач, которые ставятся в Комиссии по региональным аспектам экономического развития МГС и особенно широко обсуждаются в системе ООН при разработке научных рекомендаций для развивающихся стран, в том числе и в области регионального планирования, — распространение тех сторон передового мирового опыта, которые с успехом могут быть применены в их специфических условиях [2]. При этом возникает кардинальный вопрос, насколько в принципе возможно распространение опыта, например, Советского Союза в условиях развивающихся стран.

Один из важнейших материальных факторов, обуславливающих возможность такого применения, заключается в том, что региональное развитие предопределется в большей степени технико-балансовыми законами производства, многие из которых имеют универсальный характер [3; 4; 23].

Советское экономическое районирование, получившее отражение в обширной специальной литературе [см. обзоры 5; 6], основано на принципах производственно-территориальных сочетаний (комплексов), которые были разработаны еще в начале 1920-х годов — при составлении первого в мире плана (ГОЭЛРО — плана электрификации России) и последующих пятилетних планов.

В качестве крупных экономических районов рассматриваются довольно обширные по площади территории, хозяйство которых, во-первых, обладает ярко выраженной специализацией по отдельным отраслям производства общегосударственного (либо даже мирового) значения и, во-вторых, отличается внутренним территориально-производственным единством — тесной взаимосвязанностью (комплексностью) производства. Появление этих признаков определяется уровнем со-

циально-экономического развития страны в целом и ее отдельных территорий. Производственная специализация районов формируется в зависимости от сочетания природных ресурсов территории, причем обычно не однообразие, а разнообразие природных ресурсов служит основой развития производственно-территориальных взаимосвязей. Большую роль в формировании экономических районов играют размещение населения и его трудовые навыки, исторические, социально-политические, национально-этнические и другие условия, сложившиеся в районе.

Отличительная особенность принципов советского экономического районирования — его ярко выраженная конструктивная направленность, связь с перспективным планированием, что имеет особое значение для многих развивающихся стран, широко использующих практику планирования.

Экономическая целесообразность, выгоды специализации отдельных районов на тех отраслях производства, для развития которых они располагают наилучшими сочетаниями ресурсов, — другой основополагающий принцип советской теории экономического районирования, имеющий первостепенное значение для развивающихся стран с их острыми проблемами ускорения социально-экономического прогресса.

Специализация хозяйства отдельных районов означает усиление межрайонных производственно-территориальных связей и расширение и укрепление интеграции в общегосударственных масштабах. Последнее обстоятельство представляет одну из актуальных проблем развития для многих стран «третьего мира», преодолевающих «разорванность» внутренней производственно-территориальной структуры, свойственной бывшим колониальным и зависимым странам.

Еще один основополагающий принцип советского экономического районирования, который может иметь самое широкое применение в странах «третьего мира», — всесторонний учет сложного национального и этнического состава населения. В «Тезисах», выработанных специальной комиссией при ВЦИК еще в начале 1920-х годов, подчеркивалось: «...экономический принцип районирования должен быть выявлен в такой форме, чтобы он содействовал материальному и духовному развитию всех национальностей и племен РСФСР применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния» [1, 103]. В соответствии с этим положением при образовании экономических единиц действовал принцип: мелкие территориальные единицы включались как подрайоны, более крупные образуют самостоятельные районы и самые обширные объединяют в своем составе несколько районов.

Сложная проблема соотношения административно-территориального деления и экономического районирования, постоянно занимающая специалистов-географов, приобретает особую значимость, когда речь идет о национально-административных единицах.

Тщательный учет соотношения границ национально-административных единиц с экономическими районами разных таксономических рангов особенно необходим в развивающихся странах, которым нередко приходится сталкиваться с сепаратистскими тенденциями и опасностями трайбализма.

Многоукладность хозяйственного строя, свойственная большинству развивающихся стран, имела своих аналогов в прошлом СССР, которому приходилось в первые годы своего существования преодолевать элементы экономической зависимости от более развитых европейских стран. В СССР, как ныне в странах «третьего мира», жизненно важной была задача быстрейшего преодоления вековой отсталости и достижения подлинной экономической самостоятельности. Решающим средством

выполнения этой задачи является индустриализация на основе научно разработанной стратегии развития страны, включающей региональное планирование.

Проводить прямые аналогии между странами «третьего мира» и Советским Союзом 1920-х годов вряд ли возможно и уместно. Слишком велики различия временные, пространственные и качественные. Однако существуют объективные основания, создающие возможности в специфических условиях развивающихся стран применять некоторые теоретические и методологические положения советского экономического районирования и регионального планирования, что может содействовать ускорению их прогресса и решению ряда сложных экономических проблем.

В этой связи поучителен, в частности, опыт индо-советского научного сотрудничества в области экономического районирования и регионального планирования Индии [14, 37].

Остановимся на некоторых основных терминологических понятиях, относящихся к поставленной проблеме.

I. За последнее время при чрезвычайно широком распространении терминов «районный подход», «районное планирование» и «районирование» (причем не только в среде географов, как это было раньше, а все более и у экономистов, и у государственных служащих, особенно занимающихся вопросами планирования, и у других специалистов) возрастаает разноречивость их понимания и толкований. Широко распространены прагматический подход, с одной стороны, и упрощенное отождествление существующей административно-территориальной сетки с экономическим районированием — с другой.

Весьма характерна в этом отношении работа «Проект всемирного исследования регионального развития», выполненная по заказу ООН Корпорацией «Ресурсы для будущего» [18].

Как бы оправдывая слабость анализа концепций районирования, содержащихся в «Проекте», авторы заверяют: «Не существует особой мистики в их (типах районов. — Г. С.) выявлении и анализе. Это обычные, общие, реальные географические площади, для которых разрабатываются, планируются и осуществляются программы социального и экономического улучшения». Критерии выделения районов сводятся к следующим самым общим положениям: «В добавлении к географически определенному местоположению на карте два элемента существенны: осознание региональных проблем и потенциалов и возможность сделать что-то для решения этих проблем» [18, 4]. Предлагаемая «классификация» основных типов районов, не имея единой системы принципов построения, по существу представляет собой перечень разнородных явлений.

В «Проекте всемирного исследования регионального развития» даже не упоминаются труды Комиссии по методам экономического районирования Международного географического союза (МГС).

Очевидно, географам предстоит еще большая работа по углублению обоснования самого понятия «экономический район». В частности, на наш взгляд, особого внимания требует понимание различий и взаимосвязанности природно-ресурсного, специального (отраслевого, секторного) и комплексного экономического районирования. Так если важнейшим принципом первого является томогенный характер территории и природных условий, то комплексное экономическое районирование, предназначенное для целей планирования, обычно строится на основе гетерогенного сочетания природных условий и ресурсов и т. д.

Естественно, что многих недоразумений удалось бы избежать при

четком определении того, какой именно тип районов имеется в виду при постановке той или иной проблемы.

II. Нередко объективные сложности и противоречивость «отраслевого» (секторного) и «регионального» подходов к размещению производства возводятся в абсолют. При этом «секторный подход» отождествляют с территориальной концентрацией производства, а «региональный» — с его рассредоточением. В свете очевидных выгод «агломерации» производства «региональный подход» в такой интерпретации выглядит искусственным и противоречащим интересам экономического прогресса.

К сожалению, понятие «регионализм» иногда отождествляют с местничеством, с сепаратистскими тенденциями.

Очевидно, следовало бы сосредоточиться на разработке научного, экономико-географического понятия — региональный подход в планировании, суть которого состоит в тщательном изучении и учете территориальной концентрации ресурсов и выборе наиболее рациональных путей развития районов страны в процессе географического (территориального) разделения труда.

«Специализация» и «интеграция» — понятия взаимосвязанные; усиление хозяйственной специализации районов содействует решению таких жизненно важных проблем развивающихся стран, как:

а) ускорение экономического прогресса — в силу чисто экономических выгод научно обоснованного территориального разделения труда;

б) укрепление территориально-производственной интеграции в общегосударственных масштабах.

III. Децентрализация промышленности и подъем отсталых районов часто воспринимаются как процессы-синонимы. Однако практическое осуществление подъема обширных отсталых территорий путем децентрализации крупной промышленности представляется одной из наиболее трудно выполнимых и объективно противоречивых проблем.

Прежде всего ограниченность финансовых ресурсов практически исключает возможность одновременного (или даже близкого по срокам) рассредоточенного крупного промышленного строительства. Очевидна ограниченность возможностей размещения предприятий, «привязанных» к минерально-сырьевым базам либо к другим строго локализованным факторам. Прямая связь между мощностью предприятия и его рентабельностью и современные чрезвычайно высокие показатели этих величин предопределяют необходимость высокой концентрации и вновь организуемых — по принципу децентрализации — производств.

Отсюда следуют два очевидных принципиальных вывода: во-первых, об ограниченных возможностях децентрализации крупного, вновь организуемого производства; во-вторых, о том, что та «выборочная» децентрализация, которая ведется и должна планироваться, фактически означает появление новых точек (узлов) централизации.

Вероятно, требуется большая четкость и в понимании термина «подъем» отсталых территорий. Естественно, речь идет о подъеме уровня жизни и улучшении условий жизни людей, населяющих такие территории.

Элементарное обслуживание в сфере здравоохранения, предоставление возможностей получить начальное образование, получить работу — это те «азы» социального обслуживания («социальной инфраструктуры»), которые необходимы и в кратчайшие сроки должны создаваться во всех отсталых районах и для чего требуется максимальная мобилизация в общегосударственных масштабах финансовых средств.

Один из путей такой мобилизации средств состоит в извлечении выгод, связанных с централизацией и комплексированием производств. Очевидно, надо различать очередьность распространения насущных социальных благ и очередьность экономического подъема территорий — они не всегда могут происходить одновременно. Диалектика развития состоит в том, что всемерное распространение, децентрализация благ социального прогресса на определенном этапе могут быть связаны и с централизацией производства.

Конечно, и это естественно, социальный прогресс тесно связан с экономическим подъемом, и экономически отсталые территории, особенно если они транспортно изолированы, гораздо труднее «втянуть» в орбиту улучшенного социального обслуживания.

Опыт Советского Союза с его громадной территорией и унаследованной от дореволюционного прошлого отсталостью, проявлявшейся особенно остро на национальных окраинах, добившегося уже к концу 1930-х годов (по данным переписи 1939 г.) фактически сплошной грамотности и создания сплошной системы здравоохранения, свидетельствует о реальности решения грандиозных по масштабам задач такого рода. В то же время были достигнуты большие успехи и в экономическом, прежде всего промышленном, развитии национальных республик.

Методологические и конкретные проблемы общегосударственного подъема уровней развития различных районов постоянно разрабатываются в нашей стране [7], что делает особенно важной живую связь этих работ с аналогичными исследованиями в зарубежном мире, включая развивающиеся страны, и в первую очередь Индию.

Индия — крупнейшая и относительно развитая страна «третьего мира», с достаточно выраженным процессом территориального разделения труда и формирования экономических районов. Естественно, что с первых лет независимости разработка основ региональной политики и планирования заняла важное место в процессе планирования в Индии. Ведущими задачами регионального планирования провозглашаются подъем отсталых районов и «сбалансированное» региональное развитие. Так, в середине 50-х годов во втором пятилетнем плане Индии подчеркивалась необходимость преодоления региональных диспропорций и в то же время отмечались трудности решения этой проблемы. «Аксиомой любого пятилетнего плана является то, что специфические нужды менее развитых территорий должны получать соответствующее внимание. Капиталовложения должны распределяться таким образом, чтобы содействовать сбалансированному региональному развитию. Эта проблема оказывается особенно трудной на ранних стадиях развития, когда общие имеющиеся ресурсы весьма недостаточны по сравнению с нуждами. Но все более по мере развития и расширения ресурсов, доступных для капиталовложений, упор программ развития должен даться на распространение прибылей в менее развитые районы. Только таким образом может быть построена диверсифицированная экономика» [36, 36]. Эти идеи переходят из одного официального документа в другой. Правда, до последнего времени их декларирование преобладает над опытами углубленной разработки.

В декабре 1969 г. в докладе группы экспертов по разработке экономической политики Комитета правящей партии Индийский национальный конгресс проблема подъема отсталых районов непосредственно связывается с необходимостью разработки генеральной схемы

размещения производительных сил страны. «Одна из важных задач нашего планируемого развития связана с достижением сбалансированного регионального роста... Несомненно, сбалансированное региональное развитие может быть достигнуто только в течение относительно длительного периода. Разработка пространственной перспективы для всей страны на следующие 10—20 лет является необходимой предпосылкой подготовки сбалансированной программы с особым вниманием к отсталым районам» [31].

Индия располагает богатейшим статистическим материалом, который составил фундамент региональных исследований многих индийских и зарубежных ученых. Существует ряд серьезных опытов выделения в Индии территорий разного уровня социально-экономического развития — в большинстве это работы, основанные на математических методах обработки статистики и картирования. Отметим среди них труды индийского статистика М. Н. Пала, работающего в Отделе региональных исследований Индийского статистического института [27; 28]. Национальный совет прикладных экономических исследований выпустил работу по определению уровней экономического развития штатов [19]. На основе многофакторного анализа, теории поля и других математических методов обработки статистики по округам проведены работы американских географов в этой области [34; 10; 11; 22].

Усиливающееся внимание со стороны Плановой комиссии Индии к проблемам определения уровня социально-экономического развития нашло отражение в ее специальных публикациях на эти темы [20; 33]. Одной из наиболее фундаментальных работ в этой серии исследований представляется двухтомная монография «Уровни регионального развития» Ашока Митры, бывшего Генерального регистратора Индии, а ныне секретаря Плановой комиссии Индии [25].

Работа А. Митры основана на исследовании территориальных ассоциаций по округам и балльной оценке 63 исходных показателей, которые сгруппированы в 6 «блоков»: I) общая экология, II) сельскохозяйственная инфраструктура, III) занятость в традиционном секторе, IV) потенциал трудовых ресурсов, V) торговля и социально-бытовая инфраструктура, VI) организованная современная промышленность.

В данной статье сделана попытка сопоставить: а) уровни регионального развития Индии (в основном опираясь на работу А. Митры), б) характер и стадии формирования ее экономических районов [8; 37], в) региональные системы городов [16, 40]. Города и особенно их группировки и система, «фокусируя» хозяйственную деятельность, служат яркими индикаторами общего уровня и направления хозяйственного развития отдельных территорий, их экономической специализации и производственно-территориальной консолидации, т. е. всего хода процесса районаобразования.

Мы выделяем следующие основные уровни, типы и стадии формирования экономических районов в их тесной связи с процессом урбанизации, отмечая при этом качественно различные региональные проблемы дальнейшего развития.

Во всех опытах определения уровней регионального развития Индии к высшей категории относятся зрелые экономические районы во главе с крупнейшими метрополитенскими центрами — Калькуттой, Бомбеем, Мадрасом и Дели.

Это территории ярко выраженной хозяйственной специализации общегосударственного значения и усиливающихся внутрирайонных производственно-экономических связей. Они опираются на сложившиеся промышленно-энергетические комплексы, которым соответствуют четко

выраженные региональные системы городов во главе с крупнейшими метрополитенскими конурбациями.

В годы независимости эти территории становятся базами индустриализации всей страны. В них развивается тяжелая промышленность (главным образом в государственном секторе), благодаря чему создаются отсутствовавшие либо крайне слабые звенья общегосударственного народнохозяйственного комплекса. Благодаря ускоренному строительству предприятий тяжелой промышленности сами районы, тяготеющие к крупнейшим метрополитенским центрам, все более приобретают структуру зрелых территориально-экономических образований.

Значение Северо-Восточной Индии во главе с Калькуттой все более определяется в масштабах страны развитием тяжелого машиностроения, а джутовая промышленность отесняется на второй план. В соответствии с этими тенденциями хозяйственного развития ускоренно растут старые и появляются новые, быстро растущие города в Дамодарском угольном бассейне и на плато Чхота-Нагпур. Дургапур, Ранигандж, Култи, Асансол, Читтаранджан, Дханбад, Джхария, Синдри, Чандрапура, Бокаро и др. представляют цепь нередко сливающихся промышленных городов и рабочих поселков Дамодарской долины.

Имея тесные многоплановые связи (промышленно-энергетические, транспортно-экономические и др.), обусловленные экономико-географической близостью и общностью историко-географического развития, Калькуттская метрополитенская конурбация и Дамодарский промышленный пояс образуют многофункциональное производственно-территориальное сочетание — опорную базу Северо-Восточного макроэкономического района.

Формирование каждого крупного экономического района и изменение его специализации представляют процесс общегосударственной значимости — процесс становления территориальной структуры производительных сил *нового типа*.

Так если прежняя традиционная специализация Северо-Востока на производстве джутовых изделий в основном ориентирована на внешний рынок, то ее современная тяжелоиндустриальная специализация ориентирована на внутренний рынок, с чем связаны переориентация основных направлений транспортно-грузовых связей макрорайона, с одной стороны, и укрепление внутрирайонных связей — с другой.

Поднятие общегосударственной хозяйственной значимости каждого района и расширение межрайонных связей усиливают необходимость рассматривать и разрабатывать перспективы развития отдельных районов и метрополитенских центров в органической связи с другими районами и с хозяйством страны в целом. Последнее неоднократно подчеркивалось, в частности, в работах Калькуттской метрополитенской планирующей организации (СМПО) [29; 9].

В региональных системах городов с крупнейшими метрополитенскими центрами во главе остро стоит проблема рационализации роста главной конурбации и всей остальной системы.

Пример Калькутты, переживающей острейший транспортный, водный, жилищный кризис, свидетельствует об угрожающих размерах и последствиях неконтролируемого роста громадного города и о тяжелых последствиях, связанных со стагнацией главного районаобразующего центра для всей обширной территории макрорайона, центром которого он является.

Районные планировки для таких территорий должны разрабатываться на основе генерального плана развития макрорайонов и крупнейших формирующихся производственно-территориальных комплексов,

основные черты и направления развития которых выражены уже достаточно ясно.

Аналогичные аспекты проблем регионального развития встают и в другом зрелом макрорайоне — в Западной Индии во главе с Бомбеем. Специализация этого района также переживает в годы независимости коренную трансформацию. Традиционное хлопчатобумажное фабричное производство Бомбейско-Ахмадабадского промышленного района дополняется нефтеперерабатывающей промышленностью и нефтьдобывающей, ускоренно развиваются разнообразные химические производства, среднее и точное машиностроение. Остро стоит проблема рационализации роста Бомбейской конурбации и Пуны [32, 14], с одной стороны, Ахмадабада и Бароды — с другой.

В менее ярком виде, но аналогичные процессы прослеживаются и в третьем старом экономическом районе страны высшего уровня развития, тяготеющем к г. Мадрасу. Этот район значительно уступает двум первым по мощности промышленного потенциала, в «суженном» виде предстает пирамида южноиндийской региональной системы городов Мадрас — Бангалур — Мадураи.

На Северо-Западе происходит консолидация экономического района и региональной системы городов, тяготеющей к Дели. Формирование крупного столичного района происходит при довольно строгом правительстве ограничении крупного промышленного строительства в самом Дели, но при быстром промышленном росте тяготеющего к нему созвездия городов [38; 26].

К высшему уровню социально-экономического развития, либо близко к нему, либо к их «чересполосице», относятся сельскохозяйственно развитые территории, где нередко наблюдается широкое развитие мелкой фабричной промышленности и ремесел. Такие территории имеют довольно равномерную сеть городов однородной функциональной структуры и размеров. Будущее этих территорий в большей степени связано с выделением главного районаобразующего ядра.

В годы независимости в ходе ускоренного промышленного развития с появлением новостроек тяжелой индустрии и энергетики, обладающих наибольшей районаобразующей силой, в ряде таких территорий районаобразующие ядра (узлы, или «полюса роста») начинают вырисовываться все более отчетливо.

Характерно, что на синтезирующей карте «Уровни развития Индии» А. Митры округа, в пределах которых размещены такие «сгущающиеся» ядра, довольно четко выделяются как территории высшего уровня развития. Это, например, сросшиеся города Kochin, Эрнакулам, Алвайе в Керале на Малабарском побережье; Виджаявада в дельтах Кришны — Годавари, одной из крупнейших рисовых житниц страны, главном табаководческом районе с высокоинтенсивным, многоотраслевым сельскохозяйственным производством; Гаухати — Нунмати на нижней Брахмапутре и Дибругарх — Дигбай в верхней части долины выступают как «полюсы роста» Ассама и всего краиного Северо-Востока Индии.

Если рассматривать те же территории с точки зрения стадии формирования комплексных экономических районов, то обнруживается, что их, как правило, можно отнести к типу «экономических районов незавершенной стадии формирования» либо «складывающимся экономическим районам» [8; 37]. Так, Ассам и прилегающие территории краиного Северо-Востока имеют ярко выраженную общегосударственную специализацию (нефтьдобывающая и нефтепереработка, производство чая и джута), но весьма слабые внутрирайонные производственно-территориальные связи.

Особую зону складывающихся районов, региональных систем и локальных группировок городов представляют великие Индо-Гангские равнины, северо-западная часть которых находится под сильным воздействием Делийского столичного района, а юго-восточная — входит в обширную «зону тяготения» Калькуттско-Дамодарского промышленного комплекса. Это территории, обладающие ярко выраженной сельскохозяйственной специализацией, но находящиеся на резко различных уровнях развития: если Панджаб, Хариана и Западный Уттар Прадеш относятся к высшему уровню, то Центральный и Восточный Уттар Прадеш, а также Северный Бихар образуют обширную отсталую территорию, испытывающую особо тяжелое аграрное перенаселение, — ее нередко характеризуют как находящуюся в состоянии стагнации. Крупные промышленно-энергетические новостройки, предопределяя контуры будущих промышленно-территориальных комплексов, усиливают экономическую консолидацию этих территорий, существенно влияя на их хозяйственную специализацию.

Мощное комплексное гидroteхническое строительство в бассейне Инда (Бхакра-Нангал, Биас) служит главной районоформирующей основой Северо-Запада. Кроме Дели в системе пяти крупнейших городов долины Ганга — КАВАЛ (Канпур, Аgra, Варанаси, Аллахабад, Лакхнау) усиливается роль группы Канпур — Лакхнау как районообразующегося ядра Северной и Центральной Индии. Быстро развиваются новые энергопромышленные центры на крайнем Северо-Западе (Хардвар — Ришикеш, Джамна ГЭС) и на Юго-Востоке (Риҳанд — Синграули) Уттар Прадеша.

Территории, уровень социально-экономического развития которых отстает от среднего (менее развитые территории), и отсталые территории обычно либо переживают начальные стадии районоформирования, либо «аморфны» в экономическом отношении и слабо вовлечены в общегосударственное русло хозяйственной жизни. В них преобладает отсталое сельское хозяйство полупотребительского типа и крайне невелик общий экономический потенциал. Все это проявляется в слабом развитии городской жизни. Так, штаты, образующие обширный «Центральноиндийский пояс отсталости», относятся к одним из наименее урбанизированных в стране: доля городского населения в Ориссе составляла в 1961 г. 6,32%, в Мадхья Прадеше — 14,29, в Раджастане — 16,28% (против 17,97% в среднем по стране).

Широко распространены менее развитые сельскохозяйственные территории, имеющие разреженную сеть городов без четко выраженного районообразующего ядра, которое на основании существующих тенденций развития затруднительно выделить. Трудно также говорить об их перспективе. Можно предположить, что такие территории далеко не во всех случаях будут выделяться из своей среды главное «ядро» локальной (или региональной) системы городов. В ряде случаев они могут «подключаться» к крупнейшим сложившимся региональным системам городов, все более вовлекаясь в орбиту «притяжения» главных метрополитенских центров.

Так, западная часть Мадхья Прадеша тяготеет в транспортно-экономическом отношении к Бомбею, восточная же — к Калькутте, испытывающая существенное воздействие этих крупнейших метрополитенских центров. Примерно аналогичным в экономическом отношении представляется положение части Южной Индии, охватывающей северную половину штата Майсур, среднюю и южную части Андхра Прадеша. До некоторой степени сходной можно считать ситуацию, в которой находятся левобережье Ганга и Раджастан.

Пытаясь выявить объективную картину «зон влияния» крупнейших метрополитенских центров и тяготеющих к ним относительно «аморфных» в экономическом отношении территорий, следует учитывать усиление сознательно укрепляемой территориально-экономической интеграции в пределах соответствующих штатов. Развитие наций, укрепление автономии штатов, их складывающаяся производственно-территориальная консолидация — один из важнейших факторов современной внутренней жизни Индии и формирования ее экономических районов.

Выделяются довольно обширные, *наиболее отсталые территории, практически не имеющие городов*. Часто такие территории заселены племенами. Помимо районов *экстремальных природных условий* (Гималайские высокогорья, территория пустыни Тар вне зоны действия Раджастханского канала, Качский Ранн) в эту категорию входят *территории, богатые природными ресурсами и подлежащие хозяйственному подъему и освоению*, — район Дандакараны, срединной Ориссы и другие части Центральной Индии, периферийные территории крайнего Северо-Востока и др.

В общем менее развитые и отсталые территории имеют весьма различные перспективы развития в зависимости от транспортно-географического положения (изолированность) имеющихся природных ресурсов, степени аграрной перенаселенности либо «недозаселенности» и ряда других факторов.

Важную роль в становлении территориальной структуры хозяйства нового типа приобретают в годы независимости *ядра формирования новых экономических районов* — города, возникающие либо начинаяющие усердно расти на базе промышленно-энергетических новостроек. Классический пример города-новостройки, выросшего на пустом месте и представляющего базу подъема отсталой прилегающей территории, Бхилайнагар в Центральной Индии. К этому же типу городов можно отнести порт Висакхапатнам в Андхра Прадеше и Коту в Раджастхане.

В таких районах в качестве одной из основных выдвигается проблема преодоления «дуализма» — производственно-территориальной разорванности между мощным современным промышленным узлом и отсталой прилегающей сельскохозяйственной территорией. Одним из путей постепенной производственно-территориальной интеграции таких территорий представляется развитие адекватной системы средних и малых городов и «подключение» сельских территорий к городским торговым центрам.

Аналогичная проблема развития стоит в районах «одиночно» расположенных метрополитенских центров и крупных городов. «Миллионер» Хайдарабад — яркий представитель такого типа развития [12]. В таких территориях особенно остро ощущаются «отсутствие иерархии городов и слабость механизма взаимодействия» [24].

Дискутируется вопрос о роли крупного промышленного строительства в развитии новых и подъеме отсталых районов. Одна из трудностей развития стран «третьего мира» состоит также в своеобразном «дуализме» (раздвоенности) их экономики: изолированности «сосуществования» традиционного отсталого сельского хозяйства (часто полупотребительского характера), образующего основной пространственно-экономический «фон» развивающихся стран, и отдельных «островов» мощных современных промышленных предприятий.

Строительство с помощью СССР Бхилайского металлургического комбината в юго-восточной части штата Мадхья Прадеш представляет один из наиболее ярких примеров сооружения крупного предприятия тяжелой промышленности в наиболее отсталом районе страны. Изуче-

ние (хотя бы в общих чертах) особенностей взаимодействия этого промышленного комплекса с окружающей территорией позволяет выделить разномасштабные типы территориально-экономических связей, интенсивное развитие которых происходит поэтапно.

Бхилаи работает в основном на местной сырьевой базе. Строительство комбината шло одновременно с развитием местной горнодобывающей промышленности. Лишь коксующийся уголь привозится из Дамодарского бассейна, являясь единственным дальнепривозным сырьем. Главная топливно-энергетическая база Бхилаи — угольный район с центром Корба, расположенный в 200 км на северо-северо-восток от комбината. Корба ТЭС становится одной из крупнейших электростанций всей Центральной Индии.

Для обеспечения Бхилаи и этой ТЭС топливом растет угледобыча в Корбе. С 1960 по 1968 г. она увеличилась в 10 раз — до 5,5 млн. т. Корба превратилась в самый крупный центр угледобычи в Центральной Индии. Электроэнергия Корбы ТЭС используется на местных угольных разрезах, в цементной промышленности и на других возникающих поблизости предприятиях. В Корбе начато сооружение с помощью СССР самого мощного в стране государственного алюминиевого комбината.

В районе Нагпур — Вардха проектируется строительство государственного завода химических емкостей и арматуры.

Таким образом, на первом этапе строительство комбината было связано с одновременным развитием местных центров горнодобывающей промышленности и ускоренным развитием нового промышленного центра в Корбе, причем последняя в процессе развития сама превратилась в новый центр притяжения промышленных производств, стала как бы «полюсом роста» второго порядка, расположенным в том же районе. Иначе говоря, на первом этапе характерно интенсивное развитие внутрирайонных, но широких по территориальному охвату производственно-экономических и межрайонных связей. Последние представлены транспортно-экономическими связями Бхилаи с Дамодарским угольным бассейном, в том числе связями по готовой продукции.

Однако в то же время для первого этапа характерна слабость связей комбината с непосредственно прилегающей территорией. Когда автору статьи впервые довелось посетить Бхилаи в марте 1960 г., была заметна «пустынность» территории, на которой «вдруг» появились трубы комбината; цены на местных рынках — выше, чем в крупных городах; почти полное отсутствие даже мелких ремонтных мастерских, характерные черты действительно слабо освоенной отсталой территории.

Резко отличная картина предстала автору в феврале 1969 г. (что получило и статистическое подтверждение). На протяжении примерно в 30—50 км по обе стороны вдоль асфальтированного шоссе, соединяющего Бхилаи с Дургом, почти непрерывной полосой тянутся небольшие заводы и мастерские.

По данным, любезно предоставленным зональным директором департамента промышленности правительства штата Мадхья Прадеш, на территории, непосредственно прилегающей к Бхилайскому металлургическому комбинату, в то время действовало 39 мелких и средних предприятий, причем все они (за исключением текстильной фабрики «В. Н. С. Милз»), были основаны после 1960 г., в том числе почти половина после 1965 г. 22 предприятия располагаются в пределах Бхилайской промышленной колонии и территории (Industrial Estate Area). Почти все предприятия либо имеют прямые производственно-экономические связи с Бхилайским металлургическим комбинатом (так, для

23 из них основным сырьем служат чугун, сталь и стальные конструкции), либо обслуживают комбинат (производство строительных материалов, электродов и т. д.), либо используют его побочную продукцию и отходы (в том числе химические).

Особую, и довольно быстро расширяющуюся, группу образуют предприятия по производству потребительских товаров для растущего населения г. Бхилаинагар. За 5—6 лет буквально на пустом месте вопрос большой промышленный город: численность жителей в городской группе Дург — Бхилаи достигла уже к 1961 г. 133 тыс. человек, в 1967 г. она оценивалась в 205 тыс. человек [17].

Такова цепная реакция промышленного развития, вызванная появлением в Центральной Индии мощной новостройки — Бхилайского металлургического комбината, который играет ярко выраженную роль районообразующего ядра («полюса роста»).

Интенсификация сельского хозяйства прилегающих территорий и его усиливающаяся специализация на типично пригородных отраслях (производство молока, овощей, фруктов), а также организация большого сельскохозяйственного кооператива служащих и рабочих комбината (кооператив бесплатно использует воду комбината, получает разнообразную поддержку руководства предприятия) привели к тому, что ныне Бхилаинагар снабжается продовольствием местного производства — рыночные цены здесь ниже, чем в соседнем Дурге.

В общем можно заключить, что примерно с 1960 г., и особенно после 1965 г., т. е. через 6—10 лет после начала строительства комбината, на территории, непосредственно к нему прилегающей, происходит как бы «экономическая конденсация». Мощный металлургический комбинат общегосударственного значения, в силу самой своей «природы» имеющий прежде всего макрорегиональное значение, вызвавший к жизни новые промышленные центры регионального значения (Корба и др.), постепенно становится основой подъема и непосредственно прилегающей территории (развитие мелкой и средней промышленности, интенсификация сельскохозяйственного производства и изменение его специализации). По времени развитие территориально-экономических связей местного характера, разрушающих традиционный «дуализм» экономики, происходит с некоторым запозданием по сравнению с развитием связей межрегиональных и широких внутрирегиональных. Очевидно, при заранее составленном проекте районных планировок подъем непосредственно прилегающей территории мог бы быть ускорен и начаться уже на первом этапе строительства и ввода в строй комбината, что содействовало бы повышению эффективности как работы самого комбината, так и его воздействия на развитие прилегающей территории.

Приведенный пример подтверждает справедливость положения, сформулированного Плановой комиссией Индии еще в начале 60-х годов о том, что «благоприятные последствия крупного строительства проявляются для населения района, где это строительство размещено, в том случае, если осуществляются взаимосвязанные и дополняющие программы и проекты. Следовательно, важная часть планирования состоит в том, что каждая крупная новостройка должна рассматриваться как ядро интегрированного развития района в целом» [39, 149]. Иначе говоря, для проявления функции «ядра регионального развития» и базы подъема необходимо осуществление заранее запланированных проектов и других мер, связывающих мощную современную новостройку и города, вырастающие на ее основе, с окружающей территорией.

В общем в Индии «размещение крупных новостроек, осуществляе-

мых центральным правительством, в отсталых штатах и территориях, там, где это возможно, является общепринятой политикой» [21, 18]. Однако, имея почти двадцатилетний опыт регионального планирования, в конце 60-х годов Плановая комиссия Индии приходит к выводу о том, что только рассредоточение крупных государственных новостроек не может быть главным и единственным «фактором исправления диспропорций» [21, 18].

Таким образом, на конкретном опыте Индии мы вновь возвращаемся к проблемам, поставленным нами в начале статьи: к проблемам ограниченных возможностей децентрализации крупного промышленного строительства и к сложным взаимосвязям этого процесса с подъемом отсталых районов.

В Индии все большее внимание уделяется проблеме мобилизации местных ресурсов и учету своеобразных условий обширных территорий, не имеющих в ближайшие годы больших надежд на крупное промышленное строительство. Население этих территорий тем не менее выдвигает справедливое требование об ускорении социального и экономического прогресса. Эффективная утилизация местных природных, трудовых и финансовых ресурсов выдвигается на передний план в ходе распространяющейся практики «планирования снизу» и «местного планирования».

Итак, в Индии в годы независимости, как и в других развивающихся странах, одно из центральных мест заняла сложная и противоречивая проблема преодоления резких региональных диспропорций, свойственных колониальному типу размещения многоукладного хозяйства. Эта проблема имеет экономические, социальные, географические и политические аспекты; она тесно связана с процессом формирования наций и ростом национального самосознания.

Суть экономической стороны данной проблемы в большой степени сводится к вопросу об эффективности капитальных затрат. В «старых», относительно развитых экономических районах, тяготеющих к крупнейшим метрополитенским центрам и обеспеченных инфраструктурой, рынком, возможностями кооперирования, квалифицированными кадрами и другими важными преимуществами, обычно достигается наибольшая эффективность капитальных затрат в самые сжатые сроки, что чрезвычайно важно в условиях ограниченности накоплений и нехватки материальных ресурсов. Напротив, в расчете на длительную перспективу наибольшая эффективность капиталовложений нередко может быть достигнута в новых, слабоосвоенных территориях. Очевидно, задача состоит в научном обосновании оптимального для каждого данного этапа сочетания обоих типов регионального развития.

Географические исследования, в том числе широко поставленные полевые работы, выявляющие местные сочетания природных, трудовых и экономических ресурсов, а также объективные тенденции развития отдельных территорий становятся ключевым фактором при научном обосновании регионального планирования на разных таксономических уровнях, при обосновании порайонной очередности интенсивного экономического развития, с одной стороны, при определении отсталых территорий, остающихся вне сферы непосредственного воздействия процессов индустриализации и урбанизации, — с другой, а также при выявлении всех территориально-экономических вариаций и градаций постепенных переходов этих двух крайних типов регионального развития.

Рассмотрение даже в схематизированном виде конкретного индийского материала обнаруживает, насколько качественно различны задачи и перспективы развития районов разного типа, уровней и стадий форми-

рования и насколько в то же время эти различные районы взаимосвязаны. Решение специфических проблем развития одних районов зависит в большой степени от развития других и в решающей степени от общегосударственной региональной стратегии и темпов развития.

Решение сложной проблемы преодоления региональных диспропорций должно опираться на районирование по уровням социально-экономического развития, на различные виды отраслевого и секторного районирования и, что особенно важно, на комплексное экономическое районирование, предназначенное для целей перспективного планирования.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. «Вопросы экономического районирования. Сборник материалов и статей (1917—1929 гг.)», М., 1957.
2. Карпов Л., Сдаюк Г., Уткин Г., ООН и региональные проблемы экономического развития,— «Общественные науки в СССР», Вестник гл. редакции науки и техники АПН и ред. «Общественные науки и современность», 1.IX.1970.
3. Колосовский Н. Н., Основы экономического районирования, М., 1958.
4. Колосовский Н. Н., Теория экономического районирования, М., 1969.
5. Покшишевский В., Экономическое районирование СССР (Обзор советских исследований проблем экономического районирования за 1962—1964 гг.), — «География СССР (Итоги науки), вып. 2, Экономическое районирование СССР», М., 1965.
6. «Производственно-территориальные комплексы. География СССР (Итоги науки)», вып. 8, М., 1970.
7. Розенфельд Ш. П., Методология выравнивания уровней развития экономических районов СССР, М., 1969.
8. Сдаюк Г. В., Некоторые особенности формирования экономических районов в Индии,— «Вопросы географии», сб. 76, М., 1968.
9. «Basic Development Plan Calcutta Mertopolitan District 1966—1968, Calcutta, 1966.
10. Berry Brian J. L., Essays on Commodity Flows and Spatial Structure of the Indian Economy, The University of Chicago, Research Paper № 111, Chicago, 1966.
11. Berry Brian J. L., Interdependency of Spatial Structure and Spatial Behavior: a General Field Theory Formulation, Regional Science Association Papers, 1968, 21.
12. Berry Brian J. L., and Rao Prakasa V. L. S., Urban-Rural Duality in the Regional Structure of Andhra Pradesh: a Challenge to Regional Planning and Development, XXIIIC, New Delhi, 1968 (mimeo).
13. Bharmal Sulabha, Rationale of Dispersed Development in Maharashtra, Metropolitan Regional Planning Seminar, Poona, October 1968 (mimeo).
14. Bhat L. S., Pal M. N., Komaragari I. V., Popov K. M., Problems of Regionalization for the Development of National Economy,— «Sankhya, The Indian Journal of Statistics», series B, vol. 25, pt 1—2, 1963.
15. «Criteria for Location of Industrial Plants (Changes and Problems)», Economic Commission for Europe, UN, New York, 1967, E/ECE/652.
16. Datt Kusum Lata, Urban Zones in India,— «National Geographical Journal of India», 1967, vol. XIII, pt 2.
17. «Demographic Yearbook», UN, New York, 1968.
18. «Design for a Worldwide Study of Regional Development. A Report to the United Nations on a Proposed Research-Training Program, A Resource for Future Staff Study», Baltimore, 1966.
19. «Distribution of National Income by States, 1960—61», NCAER, New Delhi, 1965.
20. «Economic Development in Different Regions in India», Planning Commission, New Delhi, 1966.
21. «Fourth Five Year Plan 1969—74, Draft», New Delhi, 1969.
22. Horton F. E., Connell H. Mc., Ranjit Tirtha, Spatial Patterns of Socio-Economic Strukture in India,— «Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, Koninklijk Nederlands Aardrijkskundig Genootschap», 1970, LXI, № 2.
23. Lange O., *Economia polityczna*, PWN, Warszawa, 1967.
24. Misra R. P., Prakasaraao V. L. S., Sundaram K. V., Growth Poles and Growth Centres in Regional Development and Planning in India (Summary), Geneva, UNRISD/70.C.53 GE.70—20349, 20 September 1970.
25. Mitra Asok, Levels of Regional Development in India, «Census of India 1961», vol. 1, pt 1—A (i),— pt 1 — A (ii) Tables, Delhi, 1966.

26. Mukharji G., *Metropolitan Planning in India*, Regional Planning, Mysore, 1969.
27. Pal M. N., Quantitative Delimitation of Regions,— «Geographical Magazine», 1961, vol. VIII—IX.
28. Pal M. N., A Method of Regional Analysis of Economic Development with Special Reference to South India,— «Journal of Regional Science», 1963, vol. 5, № 1.
29. «Regional Planning for West Bengal», CMPO, Calcutta, 1965.
30. «Regional Variations in Social Development and Levels of Living, A Study of the Impact of Plan Programmes, vol. I, II, Programme Evaluation Organisation, Planning Commission, New Delhi, 1967—1968.
31. «Report of the AICC Panel on Economic Policy», New Delhi, December 1969 (mimeo).
32. «The Report of the Committee Appointed for Regional Plans for Bombay — Panvel Regions», Bombay, 1966.
33. «Report on the Interregional Seminar on Industrial Location and Regional Development, Minsk, 14—26 August 1968, UNIDO, UN, New York, 1969.
34. Schwartzberg J. E., Three Approaches to the Mapping of Economic Development in India,— «Annals of the Association of American Geographers», December 1962, vol. 52, N 4.
35. S das yuk G. V., The Role of the State in Formation of Economic Regions in India,— «Regionalisation et developpement», Paris, 1968.
36. «Second Five Year Plan», New Delhi, 1956.
37. Sen Gupta P., S das yuk Galina, Economic Regionalisation of India: Problems and Approaches,— «Census of India 1961, Monograph Series», Delhi, 1968, vol. 1, N 8.
38. «17th Annual Town and Country Planning Seminar, Delhi Development Authority Souvenirs», New Delhi, 1968.
39. «Third Five Year Plan», New Delhi, 1961.
40. Qazi Ahmad, Indian Cities: Characteristics and Correlates, Chicago, 1965.

B. A. Пуляркин

ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ И РУБЕЖИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАЙОНОВ В ИНДИИ

Связь сельскохозяйственного производства с природными факторами несомненна и проявляется на земном шаре повсеместно. Индия дает в этом отношении богатейший материал для исследований и в силу необычайного разнообразия природных условий на ее обширной территории, и вследствие того, что влияние климата на сельское хозяйство благодаря отчетливой смене влажного летнего и сухого зимнего муссонов проявляется в стране очень наглядно.

Вопрос о влиянии природных факторов на рубежи сельскохозяйственных районов, по существу, частный аспект актуальной проблемы воздействия природы на хозяйство. Господствующая длительное время в нашей литературе недооценка естественных факторов сменилась в последнее десятилетие тщательным учетом их влияния при анализе размещения производительных сил. В области географии сельского хозяйства советскими учеными были проведены многочисленные исследования по природному районированию для нужд сельскохозяйственного производства и нередко ставился знак равенства между районированием такого типа и собственно сельскохозяйственным районированием. В частности, в исследованиях, выполненных Советом по изучению производительных сил при Госплане СССР, в основу сельскохозяйственного районирования были положены различия почвенных и климатических условий. Выделенные таким образом районы (546 на территории СССР) условно были названы «первичными» сельскохозяйственными районами. Были высказаны взгляды, что «дифференциация сельскохозяйственной территории в почвенно-климатическом отношении и есть та физическая основа, которая создает контуры и образует рубежи сельскохозяйственных районов» [4, 56].

При такой формулировке представляется неизбежным — и исторически неизменным — совпадение границ определенных физико-географических областей с рубежами сельскохозяйственных районов. В данной статье мы исходим из тезиса, что сами границы сельскохозяйственных районов, формирующихся в процессе территориального разделения труда, испытывают влияние комплекса факторов: природных и экономических, в первую очередь, но также исторических, этнографических и др. При этом изменения в природных условиях, выявляемые на границах этих районов, могут быть менее значимыми для происходящей здесь смены сельскохозяйственной специализации, чем различия в экономических условиях, вытекающих, например, из дистанционного фактора — роста удаленности от центров сбыта.

Следует признать, что, как правило, в основе коренных различий в сельскохозяйственном профиле территории лежат экономические мотивы, которые вытекают из факта существования пространственной дифференциации природных условий. Однако для отдельных сельскохозяйственных культур воздействие экономических факторов (расстояние от рынков сбыта, обеспеченность рабочей силой и т. д.) преломляется по-разному, в результате чего границы сельскохозяйственных районов неоднотипны не только в силу преимущественного воздействия на них разных природных компонентов, но и — как ниже будет показано — по выполняемой ими экономической роли.

Под границей сельскохозяйственного района понимается переходная территория (которая может быть представлена в виде достаточно широкой полосы или, наоборот, может приближаться к линейной границе), где происходит качественное или существенное количественное изменение тех признаков, которые положены в основу выделения района.

В статье рассматривается вся территория Индии, исключая высокогорные области страны, которые ввиду существования вертикальной поясности отличаются определенным своеобразием и заслуживают специального анализа; правда, местности в пределах горных областей, лежащие на нижних уровнях, вполне могут изучаться в рамках равнинной Индии. Освещению проблемы влияния природных факторов на границы сельскохозяйственных районов, поставленной, конечно, только в первом приближении ввиду ее сложности и многогранности, должно предшествовать выделение сельскохозяйственных районов. Опыта деления Индии на такие районы имеются, на них следует остановиться, прежде чем предлагать какую-либо сетку и на ее основе переходить к непосредственной теме статьи.

Принципы, которые были положены в основу имеющихся схем районирования, могут быть рассмотрены на примере трех научных работ.

Американский географ С. Ван-Валкенбург в серии своих статей «Сельскохозяйственные районы Азии», по существу, ставил знак равенства между определенными природными и сельскохозяйственными районами, выделяя в пределах крупных географических районов более мелкие территориальные подразделения, характерные местными (локальными) сельскохозяйственными особенностями. На карте Индии, беря ее в современных границах, Ван-Валкенбургом были показаны следующие районы: 1) Гималаи, 2) равнина Ганга и Брахмапутры, 3) форланд Декана, 4) район расселения племен группы мунда (это название не соответствует принципам самого автора), 5) Западные Гаты, 6) низменность вдоль восточного побережья и 7) низменность вдоль западного побережья [17, 109—135].

Сельскохозяйственное районирование Индии, опирающееся на физико-географические критерии, отразило определенную ограниченность взглядов буржуазных географов, недооценивших значение исторических и экономических факторов в формировании современной картины размещения важнейших сельскохозяйственных культур. Но одновременно в районировании по этому принципу проявилась и объективно существующая сильная зависимость земледелия — господствующей отрасли сельского хозяйства почти на всей территории Индии — от природной среды.

Известный индийский географ Ш. П. Чаттерджи в своем варианте сельскохозяйственного районирования Индии основывался на господствующих культурах (т. е. исходил из различий в отраслевой структуре

земледелия — на основе данных о распределении посевных площадей), в результате чего выделенным районам были даны следующие названия: 1) риса, 2) пшеницы, 3) джовара, 4) баджры, 5) кукурузы и баджры, 6) раги, 7) мелких просаенных, риса и хлопчатника, 8) леса и плантационных культур. Тот же принцип выдерживался и при дальнейшем делении территории, когда каждый из районов подразделяется на подрайоны в зависимости от сочетания главной культуры с второстепенными. Так, в пределах рисового района были выявлены подрайоны: а) риса и джути, б) риса и чая, в) риса и кокосовой пальмы, г) риса и масличного льна, д) риса, джути и чая и т. д. [5, 157].

Д. Торнер при районировании учитывал семь факторов, надо признать весьма разнообразных (чтобы не сказать — разнородных): сочетание укладов; характер и типы землевладений; роль наемного труда; условия кредита, сбыта и переработки продукции; природные условия; структура посевов и размеры обрабатываемых участков; новейшие тенденции — индустриализация, урбанизация и рост населения. Предложенное в заключение названным автором (как и рядом других) деление во многом совпадало с административным. Большинство штатов было признано самостоятельными районами, четыре штата (Уттар Прадеш, Бихар, Андхра Прадеш и Мадхья Прадеш) были подразделены на два района каждый и существовавший тогда штат Бомбей — на три [16, 152—160]. В работе Торнера прослеживается тенденция к идентификации сельскохозяйственных и интегральных, общеэкономических районов, (отсюда и привлечение столь широкого круга факторов), что, на наш взгляд, вряд ли оправдано, даже с учетом той решающей роли, которая принадлежит сельскому хозяйству в экономике Индии.

Задача сельскохозяйственного районирования Индии усложняется тем, что в индийском земледелии трудно обнаружить устойчивые, жестко взаимосвязанные комбинации культур, которые бы соответствовали тем типичным, причинно обусловленным сочетаниям сельскохозяйственных культур и отраслей, какие получили распространение в развитых странах, лежащих в умеренных широтах. В частности, в Индии отсутствуют севообороты в европейском понимании этого слова, а определенная традиционная последовательность культур не предусматривает их «жесткого» сочетания в хозяйстве и часто варьируется в зависимости от количества выпавших в предпосевной период осадков, обеспеченности рабочей силой и других причин. Наличие минимум двух сезонов в местном земледельческом производстве обогащает его отраслевую структуру и наряду с распространенной практикой смешанных посевов двух или более культур вносит дополнительные трудности в задачу выявления сельскохозяйственных районов в Индии.

Приведенные выше схемы районирования свидетельствуют, что в их основу были положены: в одном случае (Чаттерджи) — признаки, свойственные самому сельскому хозяйству, в других — природные и экономические условия сельскохозяйственного производства. Сетки районов при этом вырисовываются в определенной мере сходные, но несовпадающие.

Мы полагаем, что наиболее объективную картину пространственной дифференциации сельского хозяйства — при современном уровне развития науки — можно получить, используя показатели, характеризующие отраслевую структуру производства (хотя эти показатели сами по себе и не позволяют непосредственно выявить факторы указанной дифференциации). От выбранной схемы районирования во многом зависит конкретный анализ влияния отдельных природных компонентов на границы сельскохозяйственных районов. Стремясь элиминировать

субъективизм в подходе, автор ниже опирается на сельскохозяйственные районы, выделенные на основе преимущественно сочетаний первой и второй ведущих культур (учитывая, что земледелие — доминирующая отрасль индийского сельского хозяйства). В этих целях были использованы данные о долевом распределении посевых площадей по округам. Возможно, что доходность культур — валовая или чистая — могла бы служить не менее полезным критерием, но такими сведениями по стране в сколько-нибудь полном виде мы не располагаем. (Имеет, конечно, значение низкая товарность ряда важнейших отраслей сельского хозяйства в Индии, где на рынке реализуется, например, менее 40% сбора зерна.)

Статистические сведения и имеющийся картографический материал, показывающий размещение важнейших культур по округам, позволяют создать достаточно прочную и, главное, объективную базу для выявления территориальных единиц высокого таксономического ранга в сельском хозяйстве Индии¹. Для наших целей достоинство подобного подхода состоит также в том, что он дает относительно простые сочетания культур и в сравнительно умеренном числе (хотя и в данном случае требовалась определенная генерализация). В то же время многие более совершенные (или более сложные) методы сельскохозяйственного районирования, разработанные к настоящему времени, создают при их применении слишком пеструю картину территориальной дифференциации земледелия в Индии. Например, при использовании весьма популярного за рубежом метода американского географа Дж. Уивера только в пределах одного из небольших равнинных ареалов Панджаба было выделено 22 сельскохозяйственных района [11, 21—30].

Следует, правда, признать, что в ряде случаев статистических данных лишь о двух культурах, занимающих наибольшие площади, было недостаточно, в частности когда несколько культур второго плана имеют примерно одинаковое распространение или когда район специализируется на интенсивном производстве высокоценных культур. Их скромное (по занимаемой площади) место в посевах не может быть решающим показателем.

В общей постановке проблемы представляется реальным, что особенности культурного (сельского) ландшафта в целом, в котором находят свое внешнее воплощение основные черты «ленд-юза», принципиально могут служить не менее ценным и притом синтетическим выражением территориальных различий в сельскохозяйственном производстве Индии, а сельскохозяйственный район следует рассматривать как закономерную совокупность взаимосочетающихся типов сельских ландшафтов. В стране весьма ярко проявляется связь сельского хозяйства не только с природными условиями, но и со всем комплексом хозяйственного уклада (об этом хорошо свидетельствует известное и справедливое выражение, что «в Индии сельское хозяйство — это не столько занятие, сколько образ жизни»), и территориальная дифференциация земледелия обычно отчетливо прослеживается; к примеру, весь облик рисовых ландшафтов Конкана и лежащих западнее их хлопковых мест-

¹ Размеры этих единиц по площади обычно различны для отдельных стран и обусловливаются не только степенью пространственной дифференциации сельскохозяйственного производства, но и особенностями человеческого мышления и восприятия: большое число районов (свыше 20) уже не позволяет составлять общее представление, и поэтому исследователи стремятся, часто неосознанно, прибегнуть к генерализации, при слишком же малом числе районов (2—3) обычно пускаются в ход более частные критерии, чтобы детализировать представление о территории. Поэтому сельскохозяйственные районы, выделяемые для таких разных по своей величине стран, как, например, Индия и Непал, оказываются несопоставимыми по площади.

ностей Деканского плато столь различен, что их принадлежность к разным сельскохозяйственным районам представляется очевидной и несомненной.

Однако нам придется отказаться от диагностического метода определения сельскохозяйственных районов через слагающие их культурные ландшафты ввиду его неразработанности на современном этапе (отсутствуют классификация и типология таких ландшафтов, неясны критерии их количественной оценки и т. д.) и из-за возможного субъективизма, которого пока вряд ли удалось бы избежать при применении этого метода.

Рассмотрим вопрос: не являются ли границы сельскохозяйственных районов в той мере, в какой их обусловливают природные факторы, функцией экологии ведущих (для района) культурных растений и не достаточным ли будет познание именно их экологии? Зависимость — в той или иной степени — сельскохозяйственных рубежей от экологических требований культур представляется несомненной. Но если при экологическом исследовании мы имеем дело с двуединой системой: природная среда — культурные растения, то для понимания сложившейся отраслевой структуры конкретного сельскохозяйственного района неизбежно приходится учитывать соперничество и конкурирующие взаимоотношения сельскохозяйственных культур, в том числе — в условиях товарного производства — возделываемых в других, соседних районах. Сравнительная экономическая ценность культур выступает на первый план при формировании сельскохозяйственного профиля района, и распространение на определенной территории данной культуры зависит не только, а нередко и не столько от того, в какой мере условия района хороши для нее, сколько от того, подходят ли они для других культур. Примером может служить положение с сахарным тростником в Уттар Прадеше, где природные предпосылки для его возделывания менее благоприятны, чем во многих других штатах Индии, в том числе, в Западной Бенгалии. Однако благодаря отсутствию конкуренции со стороны других технических культур в 1930-х годах (с введением высоких импортных пошлин на сахар) культура сахарного тростника в Индии распространилась широко именно на территории современного штата Уттар Прадеш.

При экологических исследованиях, как известно, преимущественное внимание обращается на критические значения естественных факторов, иначе — на предельные рубежи ареалов возделывания культуры. При анализе же процесса формирования сельскохозяйственных районов более значимыми нередко бывают границы, обособляющие территорию с оптимальными для определенных культур природными условиями, что при производстве данных культур обычно находит объективное экономическое выражение в относительно низкой их себестоимости на этой территории, а также границы, близ которых рента при возделывании конкурирующих между собой культур становится одинаковой — их можно назвать границами равновесия культур. В качестве примера последней укажем на рубеж между районами пшеницы и джовара в Центральной Индии: на территории к востоку от него происходит сокращение посевов джовара, а к западу уменьшаются площади под пшеницей. Такую границу нельзя считать ни оптимальной, ни критической для обеих культур, скорее она свидетельствует о более или менее удовлетворительных для них условиях возделывания в той местности, по которой она проходит. По другую сторону этой границы, т. е. в соседнем районе, условия для возделывания одной из названных зерновых культур постепенно становятся уже малоблагоприятными.

Граница равновесия культур носит не только экономический характер, она соответствует и определенным значениям естественных факторов (причем их роль в качестве собственно физико-географических рубежей может быть очень скромной, как это вообще часто наблюдается при сельскохозяйственном районировании). Изменение указанных значений на территории должно происходить, однако, весьма постепенно, в противном случае — при наличии мощного природного рубежа — возникает обычно граница, критическая хотя бы для некоторых культур. Иногда граница равновесия оказывается при очень медленном изменении природных условий как бы «растянутой» в пространстве, в результате чего становится возможным выделить переходный район, сочетающий в себе черты тех двух сельскохозяйственных районов, которые он разделяет. Ярким примером подобного рода района служит Средне-Гангская равнина, в пределах которой совершается переход от возделывания пшеницы и ячменя к рисоводству.

Конечно, границы между сельскохозяйственными районами подвержены в историческом плане изменениям в зависимости от различных социальных, экономических и технологических сдвигов. Устойчивее других обычно критические границы, часто связанные с рубежами резких качественных изменений в природной обстановке, что создает препятствие дальнейшему распространению отдельных культур. Но и эти границы стабильны не абсолютно: на них отражаются внедрение новых, ранее в районе не возделывавшихся культур, сдвиги в сельскохозяйственной специализации территории, интродукция улучшенных сортов (что, например, в Панджабе позволило продвинуть посевы хлопчатника далее на восток, в засушливые ареалы штата) и мелиоративные мероприятия, особенно ирригация, которые в сильной степени преобразуют агроприродные условия.

Правда, при наличии мощных физико-географических рубежей (типа Западных Гат; впрочем, в Индии такие рубежи скорее исключение), выступающих вместе с тем границами сельскохозяйственных районов, обычно происходят с течением времени лишь изменения в отраслевом профиле подобных районов или же они разделяются на большее число районов, но сама данная граница устойчиво сохраняется в системе сельскохозяйственного районирования.

Ввиду отсутствия опытов районирования Индии в предшествующие исторические периоды трудно судить о тех трансформациях, которые претерпела на ее территории сетка сельскохозяйственных районов. Бесспорно, однако, что за последние 100—150 лет в Индии наблюдались значительные изменения в географии важнейших возделываемых культур, причем в некоторых областях Индии этот процесс повторялся. Влияние мирового рынка сильно сказалось как на плантационной экономике, так и на большинстве крестьянских хозяйств, возделывающих товарные культуры. Хорошо известно, что Бенгалия, еще до середины XIX в. слывшая производителем хлопка, в дальнейшем в качестве главной технической культуры производила индиго, а с открытием искусственных красителей — джут. Но сравнительно быстрые и значительные изменения в локализации культур и в отраслевом профиле сельскохозяйственных районов в Индии происходили отнюдь не только под внешним, иностранным влиянием и не только в сравнительно отдаленные от нас периоды. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует превращение Гуджарата буквально в последнее десятилетие в крупнейший район выращивания земляного ореха в стране: посевы этой культуры на территории штата выросли с 688 тыс. га в 1950/51 г. до 2053 тыс. га в 1962/63 г., а его доля в общем индийских площадях

под земляным орехом повысилась соответственно с 15 до 30% [15, 83; 14, 63]. Поэтому еще бытующее, особенно в западной литературе, представление о традиционном консерватизме индийской деревни, о малом динамизме индийского сельского хозяйства требует, нам кажется, критического к себе отношения и не может приниматься на веру. Впрочем, отдельные ученые уже давно обращали на это внимание. Один из крупных знатоков индийского сельского хозяйства, Г. Манн, писал, что «деканские крестьяне отнюдь не медленно воспринимают нововведения и внедряют их в практику, как только убеждаются в их преимуществах. Я убежден, что идея о крайнем консерватизме этих людей — миф» [8, 58].

Попытаемся сформулировать некоторые соображения о характере связи природных условий и ареалов размещения отдельных групп культур, от чего частично зависит, кстати, и стабильность границ самих сельскохозяйственных районов.

Продовольственные культуры в Индии возделываются повсеместно на больших площадях в значительной мере для удовлетворения собственных потребностей производителей. Поэтому указанные культуры, и особенно важнейшие среди них — зерновые, в своем размещении обычно далеко выходят за пределы областей с наиболее благоприятными для них условиями (эти области, правда, выделяются высокой товарностью зернового хозяйства; например, в основных рисопроизводящих районах, расположенных в дельтах крупных рек Южной Индии — Кришны и Понниара, товарность риса превышает 50%, тогда как в среднем по стране она равняется 31%) [3, 12]. Исследования по штату Уттар Прадеш показали, что рис здесь выращивается в малоподходящей экологической обстановке на 43,5% отведенных под него площадей, пшеница — на 31%, баджра — на 72, джовар — на 25, кукуруза — на 30, грам — на 20,5 и ячмень — на 32,5% площадей (для сравнения: сахарный тростник — на 1,4% земель). В целом же 29,6% посевых площадей оказались заняты культурами, которые по природным условиям лучше было бы выращивать в других районах; было отмечено, что подобную же картину можно считать типичной для Индии в целом [6, 275—276].

Для технических культур тенденция к концентрации в районах с оптимальными условиями выражена гораздо отчетливее. В этом отношении показателен пример джута. До раздела Индии в 1947 г. ареал культуры ограничивался небольшой по площади территорией, которая обладала максимально благоприятными природными предпосылками для возделывания джута. После раздела ввиду резкой нехватки собственного джута, основные площади под которым оказались в пределах Пакистана, посевы этой волокнистой культуры в Индии значительно расширились и она распространилась на менее подходящие для нее земли. Однако и в настоящее время используются не все пригодные под джут площади, например в тераях Уттар Прадеша; между тем рис и пшеница в тераях широко возделываются, хотя приносят урожай значительно ниже среднеиндийских [9, 27—30, 34—35].

Следует, видимо, проводить также различие между товарными культурами, дающими продукцию на внутренний и на внешний рынки. В последнем случае требования к природным условиям будут более жесткими, чтобы обеспечить производство продукции, по цене и качеству соответствующей мировым стандартам (кофейные насаждения на склонах гор Нилгири в свое время частично уступили место чайным плантациям именно из-за трудностей сбыта индийского кофе за границей).

При ориентации отрасли сельскохозяйственного производства на внутренний рынок, особенно защищенный от иностранной конкуренции, ареал распространения товарной культуры во многом зависит от взаимоотношений и сравнительной выгодности ряда сельскохозяйственных культур. О расширении посевов сахарного тростника в Индии в 1930-х годах выше упоминалось: посевы его увеличились во многих частях страны, но особенно возросли на полях Средне-Ганской равнины, где была слабой конкуренция со стороны других технических культур.

Все же и в таких случаях технические (и вообще высокотоварные) культуры не возделываются на худших, мало пригодных для них землях, как это происходит с потребительскими зерновыми и бобовыми культурами, которые выращиваются крестьянскими хозяйствами прежде всего для удовлетворения собственных нужд. В условиях же рыночной конкуренции доход с малопродуктивных земель обычно не бывает достаточным, чтобы заинтересовать товаропроизводителей. Поэтому размещение технических культур, возделываемых преимущественно для внутреннего потребления, отмечено обычно границей равновесия этих культур, а не критической границей.

* * *

Для Индии характерно отсутствие ярко выраженных сельскохозяйственных поясов широтного простирания. Стране «гораздо более свойственно,— как отмечал Г. Ковалевский,— продольно-меридиональное протяжение агрикультурных зон» [2, 151], что отражает прежде всего различия в количестве выпадающих осадков.

Первичное сельскохозяйственное деление Индии, которое отчетливо проявляется и издавна обратило на себя внимание исследователей,— это деление на три крупные зоны в зависимости от преобладания следующих зерновых: риса, пшеницы или проса. Поскольку зерновые (или более широко — продовольственные культуры) сохраняют прочные позиции в индийском земледелии, то и выдвижение этих культур на первый план при сельскохозяйственном районировании страны вполне обоснованно. Учитывая «традиционность» зерновых культур, возделываемых на территории субконтинента в продолжении уже многих столетий, и их в основном еще потребительское, притом практически одинаковое назначение, можно утверждать, что ареалы размещения указанных зерновых в Индии сложились исторически давно, в условиях натурального хозяйства, и четко отразили основные имеющиеся различия в природной среде с учетом экологических требований этих культур.

Границы между ареалами данных зерновых культур весьма устойчивы и подвержены лишь незначительным изменениям (исключение могут составить случаи, когда на территории проведены крупные мелиоративные работы). Однако в пределах ареалов «насыщенность» ведущими зерновыми культурами менялась, отражая, в частности, рост товарного земледелия и углубление специализации. Впрочем, колебания соотношения зерновых и технических культур не были слишком значительны, так как необходимость прокормить многомиллионные массы при любых условиях оставалась актуальной задачей.

Обращаясь к первичному делению Индии на три сельскохозяйственные зоны, следует, прежде всего выделить зону риса, резко отличную от других по степени увлажнения. Определяющее экологическое свойство риса — большая потребность во влаге — обуславливает в первую очередь сравнительно узкую локализацию посевов этой культуры

на земном шаре. Ареал риса в пределах Индии отчетливо совпадает с областью наибольших осадков, и годовая изогиета в 1 тыс. *мм* достаточно точно ограничивает его. В окраинных районах этой области, получающих от 1000 до 1250 *мм* осадков в год, происходит заметное относительное сокращение посевов риса. Характер границы свидетельствует о тесной зависимости размещения культуры риса от количества атмосферных осадков: на западе Индии, где Западные Гаты образуют мощное препятствие для влажных ветров, восточную границу ареала риса, лежащую в дождевой тени Гат, можно считать линейной — переход от риса к просяным культурам, типичным для Декана, совершается в полосе шириной менее 100 *км*; иная картина наблюдается на Гангской равнине, лишенной орографических барьеров: количество выпадающих осадков постепенно уменьшается по мере продвижения в глубь субконтинента, и столь же медленно — на протяжении 600 *км* — в том же направлении происходит сокращение посевов риса.

Конечно, культура риса далеко не безразлична и к другим природным факторам; в частности, в пересеченной местности плато Чота-Нагпур рис встречается только в долинах и по их склонам, а водораздельные пространства с бедными красноземными почвами или выглядят «белым пятном» на карте земледелия, или же заняты посевами кукурузы, масличных и других менее требовательных культур. Однако в условиях Индии это важно учитывать скорее при изучении распространения самой культуры (риса), чем для сельскохозяйственного зонирования, ибо почти во всех районах страны, где рис возделывается, он вытесняет другие зерновые и в целом доминирует на полях. Граница рисоводческих районов и районов, где преобладают другие продовольственные культуры, должна считаться важнейшим разделительным рубежом в сельскохозяйственной географии Индии, географическое расположение которого зависит прежде всего от количества осадков, приносимых влажным муссоном.

На малопригодной по условиям увлажнения для возделывания риса территории Индии преобладают среди зерновых пшеница и группа просяных, и требуется выявить важнейшие физико-географические факторы, определяющие водораздел между ними. Пшеница и просяные не в такой мере несовместимы между собой, как с рисом, и потому чаще сочетаются, хотя это экологически (и тем более экономически) возможно далеко не на всей территории вне рисовой зоны. Назовем три причины в качестве важнейших среди обуславливающих существование границы между зонами пшеницы и просяных и ее локализацию: а) нетерпимость пшеницы к высоким температурам, б) меньшая засухоустойчивость пшеницы и в) требовательность пшеницы к плодородию почв, что особенно проявляется ближе к границе ее ареала (подобная закономерность, видимо, вообще характерна для сельскохозяйственных культур).

В конкретных условиях Индии особенно привлекает внимание первая из перечисленных причин: в летний сезон пшеница в стране вообще не выращивается (кроме горных местностей в Гималаях), но и осенние посевы ее ограничены территорией, замкнутой с юга изотермой +26° для конца октября — начала ноября. И хотя пшеница в Индии заходит на юг вплоть до 15° с. ш. — ближе к экватору, чем в других частях земного шара, — обширные области страны оказываются недоступными для выращивания этой культуры [7, 25].

Для возделывания пшеницы в Индии важнейшее значение имеют дожди холодного сезона, приносимые с запада через Индскую равни-

ну циклонами. Область их выпадения в основном локализована Гангской равниной, вниз по которой обеспеченность циклональными осадками снижается. Хороший урожай получают уже при весьма умеренных осадках (менее 50 *мм* в месяц), но количество осадков сильно изменяется год от года, в результате чего высока доля орошаемых посевов пшеницы. В районах Центральной Индии, лежащих в стороне от движения циклонов, пшеница достаточно широко распространена лишь на почвах, способных хорошо удерживать влагу (выпавшую в муссонный период).

В целом западную границу пшеничной зоны определяют именно осадки: на территориях, получающих меньше 500 *мм* влаги в год, пшеница как культура отодвигается на второй план. Поскольку одновременно происходит также смена типов почв — аллювиальные земли Панджаба уступают место пескам Раджастана, указанная граница выражена весьма резко. Если рубеж зон пшеницы и просяных обусловливает критические условия для первой как более ценной культуры, то на границе зон риса и пшеницы картина иная — пшеница возделывается на Ганской равнине, пока это «позволяет» рис.

Просяные — сравнительно малоценные среди выращиваемых в Индии зерновых — распространены преимущественно в жарких засушливых частях страны. Однако неприхотливость и многообразие представленных видов просяных позволяют им произрастать в весьма различных природных областях. Зона просяных сама пространственно дифференцирована в большой степени в зависимости от преобладания той или иной просяной культуры. Критический естественный рубеж для возделывания просяных, обусловливаемый недостаточным увлажнением, является вместе с тем предельной границей индийского земледелия в целом.

При осадках менее 200—250 *мм* в год сокращаются почти совершенно неполивные посевы даже засухоустойчивой баджры, и северо-западная часть Раджастана исторически развивалась уже как район экстенсивного пастбищного животноводства — единственный во внегорной Индии (в ее современных границах).

Среди называвшихся выше естественных факторов, которые влияют на рубежи сельскохозяйственных районов страны, отсутствовал такой обычно веский фактор, как летние температуры, что связано с малой значимостью данного показателя для территориальной дифференциации индийского сельского хозяйства. Это определяется удивительным однообразием температурных условий на всей территории субконтинента в период влажного муссона: разница между северными и южными равнинными районами на всем континенте в июне—сентябре равняется лишь 3° С (в пределах Индии еще меньше), хотя отстоят они друг от друга по широте на 25°.

Зимние температуры, сравнительно низкие, ограничивают возделывание на севере Индии (в отличие от южных районов страны) ряда однолетних культур в сезон раги, как-то: риса, хлопчатника, и определяют северную границу распространения таких теплолюбивых многолетних растений, как кокосовая и арековая пальмы, кэшью. В летние же месяцы одни и те же сельскохозяйственные культуры возможно успешно выращивать и в Тамилнаде, и в Панджабе. Разница, таким образом, заключается в том, что в климатических условиях Тамилнада различие между сезонами хариф и раги выражено значительно слабее, так как допускается круглогодичное произрастание и возделывание сельскохозяйственных культур, которые в северной части Индии сеются лишь в сезон хариф.

* * *

Вторые — по месту, занимаемому в посевной площади,— культуры, которые отражают географическую дифференциацию внутри выделенных зон, представлены преимущественно техническими и специальными культурами. Как правило, они требовательнее к природным условиям, чем зерновые, и на их локализацию активно влияет большее число естественных факторов. Границы ареалов этих культур нередко обуславливает наряду с экономическими причинами сложное взаимодействие ряда природных компонентов.

В качестве конкретного примера рассмотрим сельскохозяйственные районы и их границы в пределах зоны риса. В этой зоне можно выявить, опираясь на статистико-картографический материал, следующие сочетания ведущих культур, которые в условиях Индии дают достаточные основания для выделения сельскохозяйственных районов: 1) рис — джут, 2) рис — кокосовая пальма, 3) рис и разнообразные технические культуры, 4) монокультура риса.

Для джути характерна очень четкая локализация, которая является результатом его высокой требовательности сразу ко многим компонентам среды. Это, естественно, резко ограничивает возможности расширения ареала культуры. Сосредоточение посевов джути в северо-восточном районе субконтинента одновременно означает и концентрацию культуры в мировом масштабе; попытки интродуцировать ее в другие районы земного шара успеха не имели.

В комплексе требуемых джутиом природных условий следует отметить: а) жаркий и влажный климат (наилучшие урожаи — в округах, получающих 1250—1750 мм осадков в год); б) плодородные, особенно суглинистые аллювиальные почвы; в) ровные или слабонаклонные, но хорошо дренируемые участки; г) обилие чистых проточных вод для вымачивания волокна. Нужно также принять во внимание, что джути — трудоемкая культура, сильно истощает почву, что отражается на доле джути в посевных площадях, отводимых под него в каждом отдельном хозяйстве,— обычно она не превышает 10%.

Лишь наличие совокупности всех перечисленных факторов при благоприятном влиянии экономических показателей — особенно важных для джути ввиду его высокой товарности и сбыта на мировом рынке — и конкурентной борьбы за земельные площади между рисом и джути определяет границу рисо-джутового района в Индии. Эта граница не признается ныне удачной. Дело в том, что увеличение производства джути в Индии после 1947 г. было достигнуто частично путем расширения ареала культуры, распространившейся на относительно менее пригодные земли. В результате почти $\frac{1}{3}$ площадей под джутиом дает низкие урожаи, тогда как хорошие земли в относительно отдаленных ареалах — в долине Брахмапуты, в округах Кучбехаре и Джалпайгuri — в должной мере не используются для возделывания джути [10, 50].

Район «рис—кокосовая пальма» охватывает прежде всего Малабарское побережье (в штате Керала) и отличается тем своеобразием, которое всегда придается культурному ландшафту насаждениями кокосовых пальм. Климат этого района более близок к экваториальному, чем любой другой части страны, и это отражается на выборе выращиваемых культур. Набор их богаче, чем в области типично муссонного климата, ряд культур — арековая пальма, кэшью, черный перец, тапиока и другие — имеют в районе главный ареал распространения в пределах Индии.

Господствуют, однако, две культуры — рис и кокосовая пальма, которые занимают совместно до 60—70% обрабатываемых земель. В отличие от джута кокосовая пальма не конкурирует с рисом, а скорее дополняет его. Насаждения пальмы приурочены к песчаным почвам, непригодным для выращивания риса, и главный сбор орехов приходится на мертвый — на полях — сезон.

Границы района выражены весьма отчетливо и определены критическими условиями для кокосовой пальмы — важнейшей из числа культурных растений, которые обусловливают сельскохозяйственную специфику Малабарского побережья. Кокосовая пальма тяготеет к приморской территории, и на востоке рубеж для нее (а также для арековой пальмы, кэшью и некоторых других) образуют низкие склоны Западных Гат и южных глыбовых гор. На севере жесткие (но все же не линейные) рамки определяются зимними температурами. Ареал кокосовой пальмы на земном шаре ограничен пределами в 20° по обе стороны от экватора; но уже на Конканском побережье, к северу от Гоа, лежащего близ 16° с. ш., происходит заметное снижение роли кокосовой пальмы и других столь же теплолюбивых культур в местной экономике.

Конкан в пределы рассматриваемого района может быть включен при достаточно высокой степени генерализации. Конканское побережье в целом обильно увлажнено (свыше 2 тыс. мм осадков в год), так же как протянувшаяся южнее Малабарская низменность, но дожди приурочены лишь к периоду юго-западного муссона; побережье имеет среднюю температуру воздуха зимой 23—24° сравнительно с 25—26° в приморских районах Кералы. В результате в Конкане земледелие хотя и сходно, но беднее по составу возделываемых сельскохозяйственных растений, чем в Малабаре. Местами оно приближается по типу к монокультурному рисоводству; рис дополняют влаголюбивое просяное растение раги, под которое отведены малоплодородные земли, и бобовые.

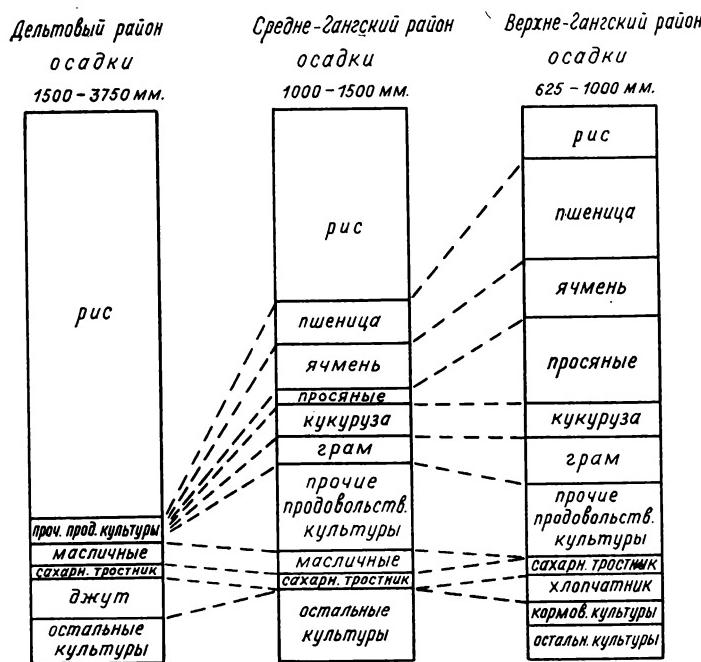
Орографическая преграда Западных Гат резко ограничивает с востока территорию района на всем его протяжении, а на севере рубеж создается уменьшением количества выпадающих атмосферных осадков до 1 тыс. мм в год в пределах южной части Гуджарата, что ведет к замене культуры риса менее влаголюбивыми видами зерновых.

Восточное (Коромандельское) побережье — район риса и разнообразных технических культур — хуже увлажнено, чем западные прибрежные низменности Индии, и здесь приходится прибегать к помощи ирригации. Существенные различия в характере естественного орошения и в обеспеченности искусственным поливом привели к формированию разностороннего сельского хозяйства. Ван-Валкенбург в вышеназванной статье выделял в пределах побережья три сельскохозяйственных подрайона (проводя границу между ними по изогиете 1000 мм, образующей рубежи для центрального — самого бедного атмосферными осадками подрайона). Г. В. Сдаюк подразделяет эту территорию на пять подрайонов, определяя в целом ее сельскохозяйственный профиль следующим образом: «Один из наиболее важных (в масштабах всей страны) районов интенсивного поливного земледелия со сложной структурой высокотоварного сельского хозяйства, специализирующегося на производстве риса, табака, а также сахарного тростника, арахиса; почти повсеместно выращиваются пальмы пальмира и кокосовые, бананы, манго; есть отдельные ареалы хлопчатника, орехов кэшью» [1, 186].

Внутренние природные различия на Коромандельском побережье столь значительны, что, возможно, его не следует считать единым

сельскохозяйственным районом. Тем более, что возвышенности, для которых характерно сочетание масличных культур с просяными на полях (как это свойственно внутренним частям Южной Индии), местами подходят к самому берегу и тянутся почти непрерывной полосой, ограничивая низменность с запада. В силу этого трудно решать и вопрос о границах, которые должны отразить общую схему сельскохозяйственного районирования.

Но во всяком случае к северу, с постепенным увеличением годовой суммы выпадающих осадков примерно до 1500 мм и более, совершается переход: начинается район неполивной рисовой монокультуры, который охватывает береговую низменность и внутренние плато Ориссы и соседние территории штатов Бихар и Мадхья Прадеш. В некоторых частях этого района весьма важное место в экономике занимают такие маслич-

Структура посевных площадей
по трем районам равнины Ганга

ные культуры, как масличный лен, кунжут, рапс и горчица, сохранившие значение в тех частях субконтинента, где не получили распространения другие технические культуры, и кукуруза, которую сеют на возвышенных землях, мало пригодных для риса. Малая диверсификация местного сельского хозяйства объясняется прежде всего общей экономической отсталостью района, специализация которого еще не сложилась. О границах района частично было сказано при характеристике рубежей между зонами зерновых, частично же их определяют границы уже оформленвшихся и описанных выше сельскохозяйственных районов в пределах рисовой зоны.

Переходный облик имеет сельскохозяйственный район, сложившийся на Средне-Гангской равнине. Об этом свидетельствует диаграмма, показывающая структуру посевных площадей этого района в сравне-

ния с районами, типичными, с одной стороны, для рисовой и, с другой — для пшеничной зоны. Проблеме определения границ Средне-Гангской равнины была посвящена специальная статья [12, 74—83], автор которой в итоге приходит к выводу, что наиболее обоснованы границы, предложенные виднейшим английским географом Д. Стэмпом, а именно изогиета 1000 $мм$ на западе и 1500 $мм$ на востоке. Эти показатели были выбраны Стэмпом с учетом прежде всего территориальных различий в сельскохозяйственном производстве [13, 315—326].

Все изложенное выше подтверждает тезис о значительном влиянии природных факторов на географию границ сельскохозяйственных районов в Индии. При этом возможно как совокупное действие ряда природных компонентов, так и преимущественное воздействие одного из физико-географических элементов. Наиболее ярко проявляется роль климатических показателей, а именно количества выпадающих осадков, но существенное значение имеют также зимние температуры воздуха. Значение орографических преград, образующих вместе с тем весьма резкие и отчетливо выраженные рубежи сельскохозяйственных районов, локально.

Пространственной дифференциации почв в проведенном анализе принадлежало скромное место, в основном она отражалась на соотношении возделываемых культур в рамках самих районов. И все же делать на основании этого вывод о малом влиянии почвенного покрова на границы сельскохозяйственных районов в Индии было бы необоснованным. Можно напомнить ставший уже хрестоматийным пример приуроченности посевов хлопчатника на Декане к черным почвам, получившим дополнительное название «хлопковых». Однако можно вернуться и к границе одного из уже рассматривавшихся районов рисовой зоны, чтобы осветить еще раз роль почвенного покрова. На карте посевов риса хорошо видно, что в этом районе — с господством культуры риса на территории штатов Орисса, Бихар и Мадхья Прадеш — граница посевов риса в пределах Мадхья Прадеша не доходит до «привычной» изогиеты 1000 $мм$; зато пшеница переходит этот рубеж. Объяснение лежит в господстве в этой части Мадхья Прадеша мощных регуров, очень хорошодерживающих влагу. В период обильных муссонных дождей эти плохо дренируемые почвы становятся непригодными для обработки и не используются, но в сухой зимний сезон на них можно успешно выращивать пшеницу, используя только запасы почвенной влаги.

В то же время при рассмотрении каждой отдельной сельскохозяйственной культуры выяснилось, что ее размещение не есть самостоятельный процесс, а неразрывно связано со всей отраслевой структурой сельского хозяйства как на данной территории, так и по Индии в целом. Конкуренция культур ощущается в большинстве рассматривавшихся случаев, а это означает уже воздействие экономических факторов на рубежи сельскохозяйственных районов. Особенно остро чувствуется влияние экономических факторов на границе ареалов тех культур, которые характеризуются высокой товарностью и выращиваются с учетом спроса на мировом рынке. При этом, однако, как уже подчеркивалось, повышаются и требования к природным условиям, которые в максимальной степени должны приближаться к оптимальным для данных культур. Специального анализа заслуживает вопрос о взаимодействии естественных факторов и границ сельскохозяйственных районов на территориях, подвергшихся крупным мелиоративным (оросительным) мероприятиям.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов А., Княжинская Л., Сдалик Г., Южная Индия, М., 1966.
2. Ковалевский Г., Земледельческая Индия,— «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. XXI, 1929, вып. 5.
3. Миронова Е. И., Продовольственная проблема в Индии (зерновой рынок и государственная политика), М., 1967.
4. Никишин И. И., К теории специализации, районирования и размещения сельского хозяйства,— «Вопросы народного хозяйства СССР», М., 1962.
5. Осколкова О. Б., Пуляркин В. А., Лекции профессора Чаттерджи в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова,— «Известия АН СССР. Серия географическая», 1959, № 1.
6. Chauhan D. S., Regional Self-Sufficiency in Food,— «Indian Journal of Agricultural Economy», 1966, vol. 21, № 1.
7. Engelbrecht Th. H., Die Feldfrüchte Indiens in ihrer geographischen Verbreitung, Hamburg, 1914.
8. Mann H. H., Land and Labour in a Deccan Village, London, 1917.
9. Pande Y. D., Agriculture in Nainital Tarai and Bhabar,— «Geographical Review of India», 1961, vol. 23, № 2.
10. Sen Gupta P., Jute Problem of India,— Geographical Review of India, 1955, vol. XVII, № 4.
11. Singh H., Crop Combination Regions in the Malwa Tract of Punjab,— «Deccan Geographer», 1965, vol. 3, № 1.
12. Singh S. C., Delimitation of the Middle Ganga Plain,— «National Geographical Journal of India», 1965, vol. 11, № 2.
13. Stamp L. D., Asia. A Regional and Economic Geography, London, 1959.
14. «Statistical Abstract of the Indian Union, 1963—1964», New Delhi, 1965.
15. «Study of Groundnut in India», Hyderabad, 1963.
16. Thorner D., Demarcation of Agrarian Regions of India: Some Suggestions for Further Study,— A. R. Desai (ed.), Rural Sociology in India, Bombay, 1961.
17. Van Valkenburg, Agricultural Regions of Asia: pt V. India, Regional Description,— «Economic Geography», 1934, vol. 10, № 1.

А. М. Рябчиков, В. А. Николаев

ЛАНДШАФТЫ ПЛАТО ЧХОТА-НАГПУР И РАВНИНЫ ЗАПАДНОЙ БЕНГАЛИИ

Во время научной командировки в Индию авторы совершили поездку из Калькутты на запад до города Ранчи и обратно (другим путем), общей протяженностью 1200 км.

Эта часть страны известна как один из наиболее развитых экономических районов Индии. Занимая первое место в стране по добыче угля, располагая крупными месторождениями железной и марганцевой руд, бокситов и других полезных ископаемых, а также развитой металлургической промышленностью, этот район иногда именуется даже «Индийским Руром». В советской литературе имеется немало работ, посвященных экономике этого района. Цель настоящей статьи — дать краткий очерк природных условий и ландшафтов этой территории, основанный главным образом на путевых наблюдениях.

Плато Чхота-Нагпур, образующее северо-восточную окраину Деканской глыбы, и примыкающие к нему с востока низменные равнины Бенгалии располагаются в области субэкваториального муссонного климата. Средние суточные температуры воздуха даже в зимние месяцы (декабрь—январь) в Калькутте не опускаются ниже +12,5°, а в Ранчи, расположенном на плато (абсолютная высота 650 м), — не ниже +10,3°. Но чаще суточные температуры колеблются около 20°. В предмуссонный период (март—май) воздух нагревается до 30—37°, и затем вплоть до ноября температура не опускается ниже 20°.

Режим атмосферных осадков в этом районе отличается резкими колебаниями. В среднем за год на равнинах Западной Бенгалии (Калькутта, Бурдван) выпадает около 1500—1600 мм осадков, в глубине плато Чхота-Нагпур на 100—200 мм меньше (Ранчи — 1476 мм, Хазарибагх — 1347 мм в год). Около 80% указанной суммы осадков приходится на период муссона — на четыре летних месяца (июнь — сентябрь). При этом коэффициент увлажнения возрастает до 300—400%, т. е. в три-четыре раза выше нормали. Остальная часть года отличается засушливостью, наиболее значительной в декабре—январе, когда коэффициент увлажнения снижается до 10%.

Столь резкая неравномерность выпадения атмосферных осадков находит прямое отражение в гидрологическом режиме рек, многие из которых (Дамодар, Аджай и др.) характеризуются катастрофическими паводками, нередко приводящими к стихийным бедствиям.

Плато Чхота-Нагпур представляет древний пенеплен, сложенный с поверхности архейскими гранитами и гранито-gneйсами. Лишь в грабене долины Дамодара, рассекающем кристаллическую глыбу плато с за-

пада на восток, сохранились более молодые осадочные толщи, представленные гондванской свитой верхнепалеозойского возраста (пермь-карбон). К этой свите приурочены все каменоугольные месторождения района.

В районе Хазарибагх—Ранчи абсолютные высоты плато колеблются в среднем от 500 до 700 м. Лишь одиночные останцовые горы и холмогорные массивы возвышаются до 1000—1100 м. В западной части плато, в бассейне Верхнего Коэла, они образуют систему плосковершинных и крутоисклонных останцовых гор, именуемых патами. Поверхность патов бронирована древними латеритными корами, с которыми связаны крупные месторождения бокситов.

Как видно, здесь мы имеем дело с двумя уровнями пенепленизации. Более древний уровень, предположительно мезозойско-палеоценовый, с высотами 900—1000 м, сохранился главным образом в западной части плато в виде останцовых массивов. Относительно молодой уровень (500—700 м) олигоцен-миоценового возраста занимает остальную, большую часть плато. На его поверхности также повсеместно развиты коры выветривания, однако менее мощные (не более 8—12 м) и, как правило, не содержащие сплошных прослоев железистых панцирей. Однако марганцево-железистые конкреции и здесь довольно многочисленны, появляясь в коре выветривания с глубины 1,5—2 м. Их образование находится в непосредственной связи с периодическим иссушением выветренной толщи в зимне-весенний период.

На глинистой аллитизированной коре выветривания, обогащенной кварцевым хрящом разрушенных гранитов и псевдолепеском маловодных гидратов окислов железа, развиваются латеритные (ферраллитные) почвы в широком понимании этого термина. В зависимости от условий рельефа, степени увлажнения и гидратации полуторных окислов они изменяют свою окраску от красной и буро-красной до желтой и буро-желтой.

В 30 км к югу от г. Ранчи мы обследовали почвенный разрез на окраине неорошающей пашни. Общий характер профиля почв таков:

- 0—27 см — желто-серый, суглинистый, хрящеватый, комковатый, в верхней части распылен, книзу заметно уплотняется.
- 27—142 см — красно-бурый, глинистый горизонт с включениями рыхлых марганцево-железистых конкреций и гнезд, книзу обогащается кварцевым хрящом.
- 142—210 см — желтовато-светло-серый, глинистый, хрящеватый горизонт с многочисленными марганцево-железистыми бобовыми конкрециями (1—1,5 см в диаметре).
- 210—350 см — буровато-желтый горизонт с белесыми прослойями, глинистый, хрящеватый; книзу кора выветривания переходит в гранитную дресву.

Результаты лабораторных анализов почвенных образцов (см. таблицу) показали, что почвы плато Чхота-Нагпур не являются вполне типичными для латеритных. Аллитизация почвенной толщи выражена весьма отчетливо, однако не столь значительна, как в типичных латеритных почвах. Молекулярные отношения кремнезема и полуторных окислов еще достаточно велики.

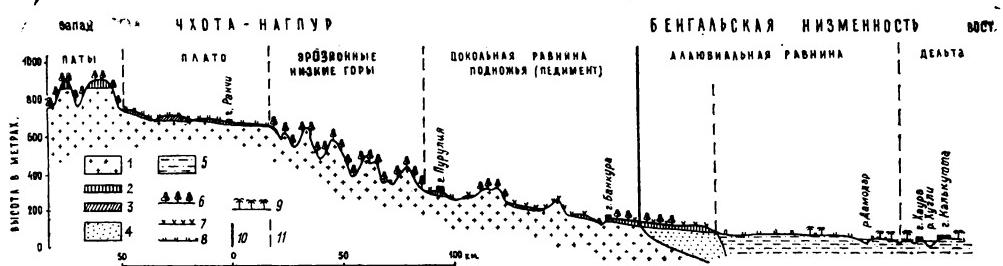
Характерна глубокая выщелоченность почвы. Помимо выноса кальция, натрия, магния имеются признаки частичного вымывания полуторных окислов из верхних горизонтов в нижние, с чем связана относительная обогащенность верхних горизонтов кремнеземом и обеднение их глинистой фракцией.

Таблица

Данные анализов желтой латеритной почвы на плато Чхога-Нагпур в районе г. Ранчи

Глубина, см	Сокращенный валовой анализ в % на навеску, выпущенную при 105°						рН	Гумус, %	Обменные основания м2·вкв/100 г			Содержание частиц меньше 0,001 мм, %		
	Потери при про- кашивании	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO			водн. сол.	Ca	Mg	Сумма		
2 — 5	2,19	76,00	13,68	1,12	0,24	0,26	0,08	5,66	4,31	0,69	2,49	1,65	4,14	9,99
15 — 20	2,95	75,48	13,92	1,89	0,18	0,32	0,11	5,53	4,42	0,64	3,49	0,75	4,24	16,42
30 — 35	3,77	72,66	16,47	2,50	0,0*	0,46	0,14	5,57	4,65	0,51	2,99	0,75	3,74	27,78
55 — 60	—	—	—	—	—	—	—	5,58	4,65	0,36	3,49	1,65	5,14	—
85 — 90	4,12	71,23	17,10	2,94	0,20	0,27	0,10	5,56	4,73	0,28	—	—	—	29,91
120 — 125	—	—	—	—	—	—	—	5,50	4,72	—	3,99	1,65	5,64	—
155 — 160	4,02	68,34	17,06	4,05	0,15	0,30	0,11	5,59	4,93	—	—	—	—	26,10
240 — 250	4,32	68,29	18,61	2,96	0,23	0,28	0,19	5,76	4,97	—	4,49	2,48	6,97	23,59

Почва имеет кислую реакцию. Следует отметить крайне малые запасы перегноя, постепенно убывающие с глубиной. Бедность верхнего горизонта гумусом отчасти может быть объяснена энергичными процессами смыва и размыва почвы, столь характерными для обезлесенных площадей Чхота-Нагпур, специализирующихся на земледелии. Очень

Схематический ландшафтный профиль плато Чхота-Нагпур и западной части Бенгальской низменности

низка поглотительная способность почвы ($4-7 \text{ мг-экв}$), выражаясь прежде всего в малом содержании обменных оснований кальция и особенно магния. Все это говорит о невысоком агропроизводственном качестве данной почвы, об острой необходимости в минеральных и особенно органических удобрениях.

В районе г. Ранчи слаборасчлененная волнистая поверхность плато на 70—80% занята под земледелие. Растениеводство в основном базируется на атмосферном увлажнении. Лишь на низких террасах неглубоких речных долин имеются небольшие участки с искусственным орошением. Главной сельскохозяйственной культурой является рис, под который отводятся латеритные земли пологих делювиальных склонов с крутизной $1,5-2^\circ$. В результате террасирования на склонах созданы системы плоских, ступенчатых полевых участков. Они окаймлены невысокими земляными валиками и возвышаются один над другим примерно на 0,5 м. С помощью такой системы террасирования почти полностью ликвидируется поверхностный сток во время муссонных дождей. Избытки влаги, накопленной на полях, постепенно сбрасываются по ступеням террас вниз по склону.

Ввиду неравномерного выпадения атмосферных осадков на плато удается собрать лишь не более двух урожаев риса в год. Один из них, именуемый аус, приходится на июль—сентябрь, другой — аман — на ноябрь—январь. Лучшим по качеству обычно является рис урожая аман, высеваемый в самый разгар муссона. Посевы аус производятся в предмуссонный период (апрель—май). В зимне-весенне время большая часть полей остается незанятой. Во время нашей поездки в конце декабря около 80% возделываемых земель находилось под стерней недавно убранного риса урожая аман. Лишь нетеррасированные участки плоских водоразделов были заняты зимними посевами проса (раги) и масличных (рапс, горчица) культур.

Естественная лесная растительность, когда-то занимавшая все плато Чхота-Нагпур, в процессе многовекового сельскохозяйственного освоения территории сведена почти на всех сколько-нибудь пригодных для пахоты землях. Леса сохранились главным образом на холмогорных останцовых массивах и в еще большей степени на расчлененных окраинах плато, обращенных к прилежащим низменностям.

В 30—50 км к востоку от Ранчи и Хазарибагха пепелен Чхота-Нагпуре обрывается крутым высоким (до 300 м) уступом к Бенгальской равнине. Будучи глубокорасчлененным молодыми врезами речных долин, этот окраинный пояс плато представляет эрозионное низкогорье. Реки, спокойно несущие свои воды в неглубоких долинах плато, у его окраин образуют системы высоких скалистых водопадов, ниже которых глубина их долин возрастает до 200—300 м. Один из таких водопадов, низвергающийся по гнейзовым скалам высотой около 80 м расположен в верховьях р. Субарнарекхи.

Для расчлененной окраины плато характерен низкогорно-лесной муссонный ландшафт. Саловые леса, почти сплошь покрывающие эрозионные склоны гор, теряют листву на сухое время года. *Shorea robusta* обладает прочной древесиной, которая широко используется в строительстве, в качестве крепежного материала, для изготовления шпал и в других отраслях хозяйства. По заготовкам деловой древесины лесные районы Чхота-Нагпуре занимают одно из первых мест в Индии.

Саловые леса издали напоминают наши среднерусские дубравы, но отличаются большей густотой древостоя, обилием подроста и кустарников, большей сомкнутостью крон. Верхний ярус, состоящий в основном из сала с участием терминаллии (*Terminalia chebula*, *T. tomentosa*), дальбергии (*Dalbergia latifolia*), туна (*Cedrela toona*), лагерстремии (*Lagerstroemia parviflora*) и др., обычно достигает высоты 30—40 м. Под его пологом, во втором и третьем ярусах произрастают джамун (*Eugenia jambolana*), кусум (*Schleichera trijuga*), палас (*Butea frondosa*), бер (*Zizyphus jujuba*) и др. Изредка в лесах Чхота-Нагпуре можно встретить крупные экземпляры тика (*Tectona grandis*).

Помимо древесины леса указанного района являются крупными в Индии поставщиками смол, в частности шеллака, выделяемого насекомыми *Laccifer lacca* (*Coccus lacea*) на ветвях паласа, бера, кусума и других пород. Шеллак — важная статья экспорта Индии. Он используется в лакокрасочной промышленности и в производстве пластмасс.

Несмотря на значительную крутизну склонов (до 20—25°) окраинных эрозионных гор Чхота-Нагпуре, под саловыми лесами развиваются красноцветные латеритные почвы и молодые аллитные коры выветривания. Однако мощность последних в верхних и средних частях склонов, как правило, не превышает 4—6 м. В случае сведения леса почвы и коры выветривания очень быстро эродируются, после чего повторяющее облесение склонов становится весьма затруднительным. Лесная формация заменяется кустарниковой.

Пояс эрозионных лесистых низкогорий по восточной окраине плато Чхота-Нагпур имеет ширину около 50—70 км. Чем ближе к равнинам Бенгалии, тем шире становятся речные долины, а разделяющие их лесистые хребты суживаются и распадаются на цепочки останцовых массивов. На террасированных днищах речных долин, сложенных четвертичным аллювием, вновь появляются рисовые поля. Лесистость ландшафта заметно уменьшается.

Примерно по линии, соединяющей города Дханбад и Пурулию, проходит рубеж, который отделяет эрозионно-низкогорный ландшафт окраины Чхота-Нагпуре от равнинных ландшафтов Западной Бенгалии. Однако этот рубеж не совпадает с тектоническим контактом Деканской глыбы и депрессии Ганга. Последний прослеживается значительно восточнее, по линии Дубраджпур—Банкур, и характеризуется резким погружением кристаллических пород архея под аллювиальные толщи антропогена. Поэтому западная часть Бенгальской равнины, примыкающая к подножию Чхота-Нагпуре, является в основном дену-

дационным образованием и может рассматриваться как типичный пединент или цокольная равнина подножия. Действительно, в неглубоких (до 10—15 м) долинах, прорезающих эту равнину, и на останцовых холмах часто вскрываются те же архейские граниты и гнейсы, которые слагают плато Чхота-Нагпур.

Пологоволнистые междуречья с высотами 150—300 м над уровнем моря прикрыты здесь маломощной (до 7—8 м) латеритной корой выветривания, под которой лежат кристаллические породы. На поверхности цокольной равнины очень широко распространены железистые панцири, состоящие из очень плотного пизолитового латерита, крайне затрудняющего обработку земли. Значительные пространства заняты пустошами. Аналогичные образования мы встречали на равнинах не только у подножия Чхота-Нагпур, но и у подножия Восточных Гхат на Коромандельском побережье, в штатах Орисса, Андхра и Мадрас. Железистые панцири и латеритные коры переходят с гранитных педиментов на высокие (трети надпойменные) террасы речных долин Западной Бенгалии (районы Асансола, Дургапура, Банкуры и др.), что может свидетельствовать о геологической одновозрастности соответствующих денудационных и аккумулятивных поверхностей. В индийской геологической литературе принято датировать указанные террасы и латеритные коры плиоцен-нижнечетвертичным временем.

Таким образом, от центральных районов плато Чхота-Нагпур до его восточной окраины сменяют друг друга три основных уровня денудационных поверхностей выравнивания: верхнемезозойско-палеоценовый (1000—1100 м), олигоцен-миоценовый (500—700 м) и плиоцен-нижнечетвертичный (150—300 м). Эти поверхности прикрыты плащами латеритных кор выветривания различного возраста и мощности.

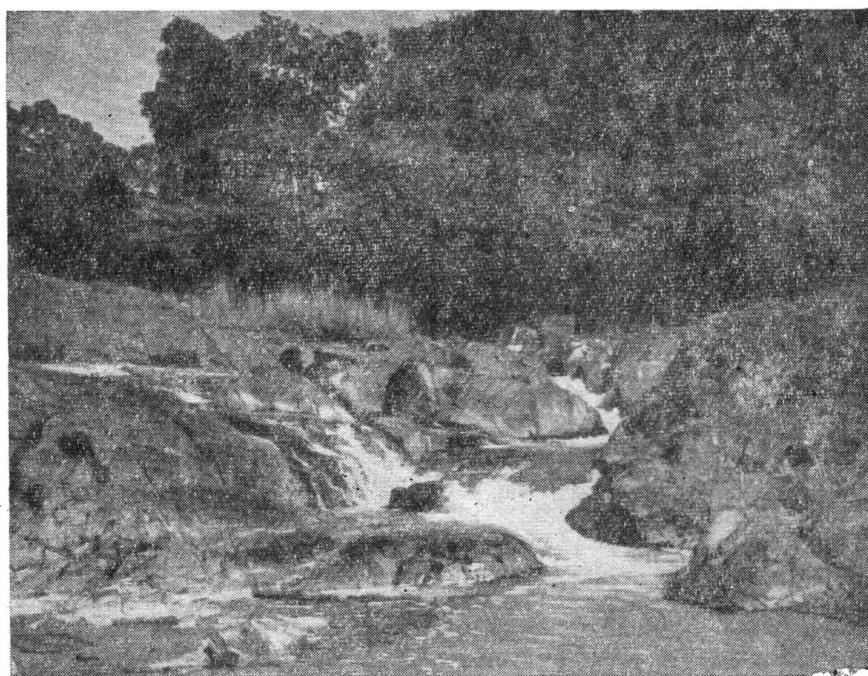
Ландшафт нижней цокольной равнины нам пришлось наблюдать по пути от Пурулии на Банкуру и далее на Дургапур. Кроме того, он хорошо был виден с самолета во время наших полетов из Калькутты в Варанаси (Бенарес) и Бомбей. Общее впечатление от его облика безрадостное. До 50—60% площади занимают колючковые кустарниково-низкотравные пастища, сильно стравленные скотом. Они приурочены к междуречным равнинам, бронированным с поверхности железистым панцирем. Верхний почвенный горизонт настолько уплотнен, что не поддается плугу. Повсеместное сведение лесов послужило причиной широкого развития процессов смыва и размыва. Несмотря на плотную борону, склоны междуречий изъедены густой сетью действующих оврагов и промоин. Большая часть мелкозема удаляется с бронированной поверхности плоскостным смывом и, возможно, дефляцией.

В последние годы эти бросовые земли, непригодные для земледелия, частично стали использоваться для лесопосадок, которые могут иметь не только почвозащитное, но и промышленное значение. Молодые саловые насаждения близ Дургапура и в других местах успешно приживаются даже на участках с очень прочным железистым панцирем. В штате Орисса на таких бросовых землях помимо саловых лесов выращиваются рощи плодоносящего манго (*Mangifera indica*).

По-видимому, в прошлом саловые леса занимали всю цокольную равнину у подножия Чхота-Нагпур. Под их пологом сформировалась латеритная кора, прикрывающая гранитный цоколь и древний (плиоценовый) аллювий. Позже, в результате уничтожения лесов человеком, углубления эрозионной сети и понижения уровня грунтовых вод, произошло резкое иссушение всей толщи выветривания. Сосредоточенные в ней коллоиды гидратов окислов железа и алюминия потеряли прежнюю подвижность, образовали массу конкреций, спаявшихся в проч-

ный железистый панцирь. Природный потенциал ландшафта былведен к минимуму. Многие тысячи гектаров земли стали непригодными для растениеводства.

Земледелие в указанном районе возможно лишь на террасах широких речных долин. Первая и вторая надпойменные террасы рек сложены пылеватыми суглинками и супесями, на которых сохранились плодородные аллювиальные почвы, еще не затронутые процессами аллитизации. На них повсюду размещаются рисовые поля. Часть посевов на низких террасах орошается из небольших водохранилищ (танков), созданных в тех же долинах выше по течению. Но основные мас-

Река Санджай на окраине плато Чхота-Нагпур

сивы, занятые рисом, получают лишь атмосферное увлажнение. При этом широко используется метод террасирования полей, описанный выше.

Восточнее Дургапура равнина заметно снижается и вскоре не превышает отметок 30—50 м абсолютной высоты. Сложенная мощными толщами четвертичного аллювия нижнего Ганга и рек, стекающих с плато Чхота-Нагпур, равнина отличается весьма плоским рельефом. Именно здесь по контакту ландшафтов цокольной и аллювиальной равнин проходит важный природный рубеж Индии, разделяющий две физико-географические страны: Декан и Индо-Гангскую низменность.

На аллювиальных равнинах Бенгалии широкое распространение получают гидроморфные ландшафты. Плоский низменный рельеф, слабый дренаж и близость грунтовых вод, частые разливы рек в период муссонных дождей, заметная карбонатность молодого (верхнечетвертич-

ного) пылевато-суглинистого аллювия — все это благоприятствует развитию на равнине процессов латеритизации. Всюду господствуют более плодородные аллювиальные малогумусные почвы, местами карбонатные или солончаковые. Они давно и практически нацело освоены под земледелие. На десятки и сотни километров раскинулись рисовые поля, разбитые на правильные квадраты и прямоугольники, обрамленные невысокими земляными валами.

В отличие от плато Чхота-Нагпур помимо дождевой влаги здесь применяется и искусственный полив посевов из оросительных каналов, отведенных от водохранилищ Дамодара и других рек, стекающих с плато. Катастрофические разливы этих рек ранее причиняли колоссальные бедствия сельскому хозяйству и населению низменных районов Бенгалии. За годы первых пятилеток независимой Индии удалось решить проблему Дамодара. В этом речном бассейне создана система водохранилищ и ГЭС, которые регулируют сток. Равнину Западной Бенгалии прорезали оросительные каналы, огражденные высокими дамбами. Искусственное орошение создало возможности для выращивания на больших площадях двух и даже трех устойчивых урожаев риса в год вместо одного. Кроме того, крестьяне стремятся использовать промежутки между посевами риса для выращивания овощей.

Ландшафт Бенгальской аллювиальной равнины имеет облик типичной для Индии культурной саванны. Среди сплошных полей растут в одиночку и небольшими рощами могучие развесистые баньяны (*Ficus bengalensis*), пипалы (*Ficus religiosa*), ним (*Melia indica*), манго и другие деревья. Ним и в особенности пипал считаются у индусов священными деревьями и ревностно охраняются. Шоссейная дорога из Калькутты в промышленный район Дамодара проходит в сплошной зеленой галерее, под сенью густой листвы этих популярных в Индии деревьев. Близ бенгальских деревень очень часто можно встретить рощи пальмиры. Реже встречается дикая финиковая пальма (*Phoenix silvestris*). Сахаристый сок, получаемый из надрезов стволов и черешков соцветий пальм, приятен на вкус и используется для приготовления сахара. Путем брожения сок превращают в пальмовое вино — тодди.

Чем ближе к Гангу и промышленным пригородам Калькутты, тем гуще становится заселенность Бенгальской равнины. На правобережье дельтового рукава Ганга — р. Хугли придорожные селения уже сливаются своими окраинами. Низменная аллювиально-дельтовая равнина не превышает здесь 10—15 м над уровнем моря. Она прорезана сетью староречий. Часть их заболочена, другие расчищены и используются для орошения прилегающих земель. Грунтовые воды, залегающие даже в сухое время года не глубже 3—5 м от поверхности, также широко используются для полива многочисленных в этой пригородной зоне садов и огородов. Полив обычно производится либо из колодцев, либо из открытых водоемов (танков), в большом количестве вырытых на равнине. Пригороды Калькутты утопают в зелени кокосовых пальм (*Cocos Nucifera*) и пальмир (*Borassus flabelliformis*). Густое заселение, обилие искусственных водоемов, огорода, сады и пальмовые рощи свидетельствуют о высокой степени окультуренности пригородного дельтового ландшафта. Но население в своей массе еще живет бедно. Истоки этой бедности кроются не в природных, а в социальных причинах.

Огромные площади, выпавшие из хозяйственного использования вследствие сплошного сведения древесной растительности и возникновения на почве ферраллитной брони, также порождены в конечном счете социальными причинами, стихийным использованием земли. Задача

состоит в том, чтобы путем облесения и необходимых мелиораций восстановить их природный потенциал и вновь разумно использовать в хозяйстве.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов И. П., Генетические типы почв на территории Индии,— в кн. Герасимов И. П., «Очерки по физической географии зарубежных стран», М., 1959.
2. Герасимов И. П., Современные латериты и латеритные почвы,— «Известия АН СССР, серия географическая», 1961, № 2.
3. Ковда В. А., Очерки природы и почв Китая, М., 1959.
4. Розанов Б. Г. и Розанова И. М., Почвы влажной муссонной тропической зоны Бирмы,— «Почвоведение», 1961, № 12.

Л. А. Княжинская

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В ИНДИИ

К числу объективных трудностей, с которыми Индия сталкивается в борьбе с экономической отсталостью, унаследованной от колониализма, относится диспропорционально высокий по сравнению с темпами экономического развития естественный прирост населения. Отрицательно отражаясь на многих сторонах жизни страны, эта диспропорция особенно остро и болезненно ощущается в продовольственном вопросе. Обозревая путь, пройденный Индией за годы независимости, можно утверждать, что проблема обеспечения продовольствием многомиллионного, быстро растущего населения была и остается одной из наиболее сложных и постоянных проблем социально-экономического развития страны. Хронический продовольственный дефицит, периодически, в годы стихийных бедствий и неурожаев перерастающий в острый кризис,— такова общая картина продовольственного положения Индии. Стремлением решить продовольственные трудности во многом определяются внутренняя политическая обстановка в стране и в ряде случаев ее политика на международной арене.

Страна с высокой плотностью населения, с преимущественно аграрной экономикой (в сельском хозяйстве занято 70% всего самодействующего населения, оно обеспечивает почти половину национального дохода) не в состоянии прокормить свое население, и число недоедающих и безработных растет темпами, близкими к среднему показателю естественного прироста населения — 2,5% в год.

Такая ситуация не может не внушать тревогу; необходимо выявить причины сложившегося положения и возможные пути его нормализации. Задача мобилизации продовольственных ресурсов в условиях слаборазвитой многоукладной экономики осложняется в Индии, если иметь в виду полумиллиардное население страны (седьмая часть человечества), каждый год увеличивающееся на 13 млн. человек. Темпы роста сельскохозяйственной продукции в Индии заметно отстают от темпов повышения спроса на продовольствие, а временами даже от темпов естественного прироста населения.

Понять причины нарушения баланса между ростом населения и продовольственных ресурсов, проявляющегося в Индии острее, чем в других развивающихся странах, стремятся многие ученые мира, трактуя это явление в зависимости от своих политических и классовых позиций и научной методологии. В острой идеологической борьбе, развернувшейся вокруг проблемы «население — продовольственные ресурсы», скрещиваются реакционные, пессимистические взгляды неомальту-

зианцев, считающих Индию страной классического проявления Мальтусова закона (рост населения — причина нищеты и отсталости), с мнением ученых-антимальтизанцев, которые убеждены в возможности удовлетворения растущих потребностей населения Индии и других развивающихся стран благодаря социальному и экономическому прогрессу и практическому применению достижений науки и техники. Советские, индийские и другие зарубежные прогрессивные ученые, верящие в успех экономического и социального прогресса Индии, вносят свою лепту в исследование продовольственной проблемы путем объективного анализа причинно-следственных связей социально-экономических и демографических процессов, а также разработкой некоторых практических мер, направленных на ее решение.

В данной статье ставится задача проанализировать на основе методологии советской научной школы демографический аспект продовольственной проблемы Индии, которая в целом трактуется автором как проблема комплексная, многоплановая, прежде всего социально-экономическая. Население — его абсолютная численность, динамика роста и структурные сдвиги — рассматривается как фактор, влияющий на продовольственную ситуацию, но находящийся в зависимости от социально-экономических условий страны. В статье критически рассматриваются попытки некоторых буржуазных ученых обосновать возможность ликвидации продовольственного кризиса с позиций «демографического детерминизма». Этим попыткам противопоставляется альтернативная программа более полного и рационального использования естественных, прежде всего земельных, ресурсов в условиях радикальных социальных реформ и общего подъема экономики при сопутствующих им мерах по контролю над рождаемостью.

Материалы для статьи были в основном почерпнуты во время командировок автора в Индию. Поездки в Индию в 1964, 1966/67 и 1968/69 гг., с интервалами в два года, позволяют полнее увидеть процессы развития страны в годы независимости, упорную борьбу индийского народа за ликвидацию последствий колониализма. Методы исследования проблемы населения и продовольственных ресурсов во время наших командировок были и «кабинетными» и «полевыми», визуальными: ознакомление с работой и материалами различных научных, учебных и практических организаций, имеющих отношение к указанной тематике, и наряду с этим личные путевые наблюдения в поездках от Кашмира на севере до мыса Коморин на юге, от Гуджарата на западе до Ассама на востоке.

В связи с тем, что исследуемая тема стоит на стыке нескольких различных наук — экономической географии, экономики, демографии и социологии, — приходилось посещать широкий круг научно-исследовательских и учебных институтов и практических организаций и встречаться с людьми различных профессий и социальных слоев: медиками, агрономами, министрами, землепашцами. Неоценимое значение для изучения проблемы имели поездки по деревням различных агроклиматических зон и штатов и беседы с крестьянами, которые интересовали нас не только как производители и потребители продовольствия, но и как «производители самих себя», ибо именно на деревню приходится основной естественный прирост населения, усугубляющий относительное аграрное перенаселение. Поездки по деревням дали возможность лучше понять подлинную, крестьянскую Индию, без трансформации которой невозможен прогресс страны.

Продовольственный кризис в Индии — не случайное явление; это — итог общественно-экономического развития страны в годы колониализма. Не углубляясь здесь в «колониальную предысторию», создавшую предпосылки хронической продовольственной проблемы в Индии, отметим лишь, что именно в результате длительной колониальной эксплуатации возникла одна из основных диспропорций в экономическом развитии страны, а именно несоответствие темпов роста национального производства продовольствия темпам роста фактических потребностей в продовольственных ресурсах. Эта диспропорция продолжала углубляться в годы независимости вследствие колossalного роста текущих потребностей страны в продовольствии.

Динамика спроса на продовольствие в Индии, как и во всех странах мира, определяется двумя факторами: ростом численности населения и ростом (в перерасчете на душу населения) расходов на потребление продовольствия, зависящих от роста валового национального продукта на душу населения и подоходной эластичности спроса на продукты питания. При этом рост численности населения, т. е. увеличение числа потребителей, является решающим фактором не только для Индии и других развивающихся стран, где население растет высокими темпами, а валовой национальный продукт — относительно медленными, но и для большинства экономически развитых стран, где доход на душу населения, хотя и увеличивается быстрее, сам по себе уже достаточно высок и обеспечивает соответствующий уровень потребления продовольствия¹. Поэтому анализ нынешнего состояния и тенденций естественного движения населения страны представляется чрезвычайно важным для определения перспектив ее продовольственного положения.

Современная Индия находится на той стадии демографического развития, на которой режим воспроизведения населения характеризуется устойчивой высокой рождаемостью (ее уровень составил в 1951—1961 гг. 41,7 на тысячу населения) и снижающейся смертностью (ее уровень в те же годы — 22,8 на тысячу) [37, 17]². Результатом таких параметров естественного движения населения явился так называемый демографический взрыв с его быстро нарастающими темпами прироста (см. табл. 1).

Как свидетельствует таблица, за нарастанием среднегодовых темпов прироста с 0,6% в начале нынешнего века до 2,2% в 1950-х годах стоят внушительные абсолютные цифры. За 1951—1961 гг. население Индии выросло почти на 80 млн. человек — цифра, превышающая численность населения любой из стран Европы.

В последние годы среднегодовой прирост населения составляет 2,5%, что ведет к увеличению численности населения страны на 13 млн. человек ежегодно (в начале XX в. для такого прироста требовалось 20 лет!) ³.

¹ Фактор увеличения доходов играет основную роль в росте спроса на продовольствие только в таких районах мира, где быстрое экономическое развитие сочетается с замедленным приростом численности населения, как, например, в Западной Европе и Японии [17; 32].

² Эти оценочные показатели естественного воспроизведения населения в межпереписной период 1951—1961 гг. индийское правительство считает более надежными и близкими к современной действительности, чем более поздние данные за 1963—1964 гг. (рождаемость 38,4, смертность 12,9 на 1000), полученные из 18 тура Национального выборочного обследования, которые, как полагают, дают недооценку на 10% [37, 17].

³ Среди азиатских стран, за исключением Израиля, Индия имеет самую высокую норму прироста населения.

Таблица 1
Динамика роста населения Индии*

Год	Численность населения, млн. человек	Абсолютный прирост, млн. человек	Темп прироста, %
1901	238,3	—	
1911	252,0	13,7	5,69
1921	251,2	-0,8	-0,31
1931	278,8	27,6	11,00
1941	318,5	39,7	
1951	360,0	42,3	13,34
1961	439,0	78,1	21,49
		12,9	
		67,3	
		120,4	

* [23, 2].

Как видно из табл. 1, быстрый рост населения — сравнительно новое явление в истории Индии. До 40-х годов ХХ в. население порабощенной английским империализмом страны росло медленно, а в периоды массовых эпидемий и голода происходило абсолютное сокращение его численности. Демографические процессы в докапиталистических формациях, проявлявшиеся в биологически максимальной рождаемости и высокой смертности, консервировались и приобретали гипертрофированные формы под влиянием жесточайшей колониальной эксплуатации. Высокая рождаемость стала гарантией возобновления рабочей силы, социальным обеспечением для престарелых, средством сохранения народа.

Не удивительно поэтому, что высокие темпы прироста населения, зафиксированные переписью 1961 г., далеко обогнали различные прогнозы и официальных индийских организаций (Бюро переписей населения Индии, Плановой комиссии, Центральной статистической организации и др.) и ряда ученых-демографов и экономистов (К. Дэвиса, Д. Гопаласвами, С. Агарвала и др.), которые даже в своих максимальных оценках перспектив роста населения, основанных на экстраполяции тенденций прошлого, не смогли предвидеть демографических сдвигов, наметившихся на рубеже 1950-х и 1960-х годов.

Новая демографическая ситуация явилась следствием объективных изменений в жизни страны в годы независимости. Ликвидация политического господства английского империализма существенно оздоровила внутреннюю социальную обстановку, позволив, в частности, приступить к применению последних достижений мировой научно-технической революции в области медицины (антибиотиков, современных средств санитарии и контроля над эпидемиями и т. д.). Возможность частичного использования достижений развития производительных сил в экономически развитых районах мира привела к резкому снижению уровня смертности⁴, без существенного изменения экономических условий

⁴ Смертность в десятилетние промежутки между переписями характеризуется следующими коэффициентами (на 1000 населения) [20, X; 37, 17]:

1901—1910 гг.	42,6	1931—1940 гг.	31,2
1911—1920 гг.	47,2	1941—1950 гг.	27,4
1921—1930 гг.	36,3	1951—1960 гг.	22,8

жизни. Высокая рождаемость — защитная общественная реакция, выработанная в течение веков и освящаемая сложной системой национально-религиозных институтов и традиций,— сохранилась на прежнем уровне. Разрыв в соотношении этих параметров естественного воспроизводства привел к тому «деформированному» росту населения, свидетелями которого мы сейчас являемся. Иными словами, теперешний «демографический взрыв» в Индии и других развивающихся странах — «неизбежное следствие затяжного колониального угнетения и торможения нормальной (естественной) социальной эволюции стран трех континентов» [7, 19].

Количественной характеристикой «демографического взрыва» в Индии служат статистические оценки численности ее жителей за последние годы. По официальной оценке министерства здравоохранения и планирования семьи правительства Индии, население страны в 1966 г. достигло полумиллиарда [23, 2]. К началу 1971 г. оно должно было составить, по предположению Экспертного комитета по прогнозированию населения под председательством Генерального регистратора — главы Бюро переписей Индии, 560 млн. человек [38, табл. 8а]. Результаты очередной общеиндийской переписи населения 1971 г., безусловно, внесут свою корректику в эту оценку. Однако, по нашему мнению, отклонения от этой цифры вряд ли будут существенными, ибо она выведена на основе изучения уже достаточно полно себя проявившей и относительно устойчивой (по крайней мере на ближайшее десятилетие) демографической тенденции, оказавшейся столь неожиданной ко времени переписи 1961 г.

В отношении перспектив дальнейшего роста населения Индии пока могут быть лишь предположения, основанные на различных посылках. Если допустить, что население Индии будет и впредь расти нынешними темпами, равными 2,5% в год, то к концу XX в. оно удвоится и достигнет миллиарда человек.

При столь высоком абсолютном и относительном приросте населения должны быть особенно большими так называемые демографические инвестиции на поддержание нынешнего чрезвычайно низкого уровня продовольственного потребления. Чтобы степень остроты продовольственной проблемы осталась хотя бы на прежнем уровне, производство продовольствия должно увеличиваться в среднем на 2,5% в год — только для удовлетворения спроса растущего населения, без улучшения средннациональной нормы питания. Улучшение же норм питания потребует значительного опережения темпов производства продовольствия над темпами увеличения численности жителей [36, 15].

Динамика текущих потребностей страны в продовольствии находится в прямой пропорциональной зависимости от темпов естественного прироста населения, но определяется не только им. На увеличение спроса оказывает влияние и наблюдающееся в годы независимости некоторое повышение дохода на душу населения вследствие роста валового национального продукта. В период четвертого пятилетнего плана подушевой прирост дохода должен составить 2,5% (в годы предыдущих трех пятилетних планов среднегодовой прирост реального подушевого дохода был порядка 1,7%, отставая от темпов роста населения) [2, 4; 13, 9].

С показателем подушевого дохода тесно связана так называемая подоходная эластичность спроса, т. е. изменение в потребности тех или иных продуктов или товаров в зависимости от размеров дохода. В Индии она такова, что при росте дохода на 1% примерно 0,8% идет на продовольствие (в развитых странах — только 0,1—0,2%) [24, 34; 21, 4].

В высоком коэффициенте подоходной эластичности спроса отражается стремление народных масс, страдающих от недоедания, при первой же возможности увеличить закупки пищевых продуктов.

Механизм возрастания реального общенационального спроса на продовольствие складывается, таким образом, из трех переменных: прироста населения, прироста подушевого дохода и коэффициента подоходной эластичности спроса. Умножение подушевого дохода на коэффициент подоходной эластичности спроса дает размер ежегодного прироста подушевого спроса на продовольствие. Для определения же ежегодного общенационального прироста спроса на продовольствие нужно показатель темпа прироста населения умножить на эти две переменные величины — прирост подушевого дохода и коэффициент эластичности спроса. Для Индии начала 70-х годов, если удастся достичь запланированные 2,5% среднегодового прироста подушевого дохода, общий прирост спроса на продовольствие составит 4,5% в год [24, 34]. Если же исходить из желательного, но, на наш взгляд, нереального темпа роста подушевого дохода в 3,5%, рекомендуемого для развивающихся стран на 70-е годы в резолюции ООН по международной стратегии так называемого второго десятилетия развития [14, 8], то ежегодный общенациональный прирост спроса на продовольствие в Индии достигнет 5,3%. Это — максимальный предел возможного в 70-х годах роста спроса на продовольствие; минимальные же темпы можно определить в 3,9%, если исходить из сохранения прежних низких (1,7%) темпов прироста дохода на душу населения при приросте населения в 2,5% и неизменном коэффициенте эластичности спроса на продукты питания.

При сопоставлении удельного веса переменных, влияющих на механизм продовольственного спроса, видно, что определяющая роль принадлежит темпам прироста населения. В 1950—1960 гг., когда прирост населения составлял примерно 2%, он обусловливал 60% увеличения спроса на продовольствие [21, 4], в конце же 60-х годов удельный вес фактора населения в динамике продовольственного спроса поднялся, по нашим подсчетам, примерно до 70%.

Высокие темпы роста населения влияют на продовольственное положение не только своим непосредственным воздействием на спрос продовольствия, но и косвенно, усугубляя относительное аграрное перенаселение, затрудняя внедрение механизации в сельское хозяйство, способствуя еще большей дробности и малоземелью крестьянских хозяйств и распылению их накоплений и т. д., т. е. в конечном счете еще более увеличивая уже существующую большую нагрузку на земельные ресурсы, в условиях, когда повышение продуктивности земли становится все затруднительнее. Неуклонное разбухание численности сельских жителей, хотя и при падении их удельного веса в общем населении, неизбежно ведет к усилению давления на землю. Между тем интенсификация сельского хозяйства современными методами (механизация, широкое применение химических удобрений, пестицидов и гербицидов и т. д.) требует (и порождает) сокращения числа работающих на единице площади.

Тот, сам по себе положительный, факт, что рост численности населения определяет возрастание размера рабочей силы — главной производительной силы общества,— в Индии приобретает негативное значение из-за низких темпов роста экономики, недостаточных для рассасывания безработицы и неполной занятости трудовых ресурсов [15, 49]. Экономический рост в свою очередь затрудняется колоссальными демографическими инвестициями, т. е. средствами, необходимыми для

сохранения уже существующего уровня жизни населения (на строительство больниц, школ, жилого фонда и т. д.). Чем процент роста населения выше, тем пропорционально большими должны быть демографические инвестиции, составляя примерно 4% национального дохода на 1% ежегодного прироста населения [3, 28].

Острота продовольственной проблемы во многом определяется качественными сдвигами, которые происходят в составе населения Индии. В период независимости в стране значительно увеличилась прослойка населения, потребляющая товарное продовольствие. В результате интенсивного процесса урбанизации возросло количество городских жителей, главным образом за счет миграции из деревень. Хотя удельный вес горожан в общем населении по сравнению с показателями для стран развитого капитализма по-прежнему невелик — 18% (1961 г.), их абсолютная численность внушительна: число городских жителей, по переписи 1961 г., составляло 79 млн. человек, значительно превышая общую численность населения таких крупнейших европейских государств, как Англия или Италия. Темпы роста числа горожан обгоняют темпы роста населения в целом, и по мере индустриального развития страны процесс урбанизации неизбежно будет прогрессировать. Растет и армия сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян, продовольственное снабжение которых все более зависит от рынка. В результате углубляющегося разделения труда большой спрос на товарное зерно предъявляют и крестьянские хозяйства, производящие технические культуры на экспорт и для снабжения сырьем национальной промышленности. Чтобы удовлетворить растущий спрос на продовольствие этой части населения, отвлеченной в ходе экономического развития от натурального хозяйства, преимущественно потребительскому сельскому хозяйству Индии необходимо не только поднять общий объем производства продовольствия, но и значительно увеличить выход товарной продукции.

О производительности сельского хозяйства Индии можно судить по официальной статистике Сельскохозяйственной и продовольственной организации (ФАО) ООН (табл. 2).

Таблица 2
Индексы производства продовольствия за 1953 — 1967 гг.
(1952 — 1956 гг. = 100)*

Показатель Год	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967
Производство в целом	101	100	104	106	106	111	116	120	124	124	126	128	122	121	130
На душу населения	103	100	102	102	100	102	105	106	107	105	104	103	96	93	98

* [40, 31].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что в Индии, при крайне низком отправном уровне сельскохозяйственного производства, наблюдается неустойчивость производства продовольствия вообще и тенденция к падению уровня прироста на душу населения в частности. Сельское хозяйство страны, играя доминирующую роль в экономике, тем не менее оказывается не в состоянии прокормить собст-

венное население. И дело здесь не столько в высоких темпах прироста населения, сколько в низких темпах прироста (а иногда и в полном его отсутствии) производства продовольственных культур и в его недостаточном объеме. Высокие темпы роста численности населения лишь усугубляют положение. В результате спрос на продовольствие повышается гораздо быстрее темпов увеличения его производства. Налицо наглядное проявление реального продовольственного (и аграрного) кризиса, а не «гипотеза» о биологическом расхождении темпов роста населения и продовольствия [7, 36].

Недостаточный объем производства продукции продовольственных культур объясняется прежде всего чрезвычайно слабой исходной базой в развитии сельскохозяйственного производства, что было предопределено длительным колониальным режимом, ослабившим экономику страны, консервировавшим отсталые формы землевладения и землепользования, подрывая тем самым производительные силы в деревне. Проведенные же после освобождения аграрные реформы, не затронувшие существа производственных отношений, не обеспечивали достаточного ускорения темпов прироста продовольствия и увеличения размеров накопления — материальной основы роста производства. Отрицательно сказывается и та второстепенная роль, которая традиционно отводилась потребительским продовольственным культурам по сравнению с техническими, идущими на экспорт.

Еще большее несоответствие наблюдается между потребностями в товарном продовольствии и его реализацией за счет внутреннего производства. Зерновое хозяйство Индии является по преимуществу натуральным: по расчетам экономистов, на рубеже 1950—1960-х годов уровень товарности зернового производства составлял в стране лишь 32 % [28, 163]. Перспективы увеличения товарной массы зерна оцениваются как весьма неблагоприятные.

Не обеспечивая внутренние потребности, Индия вынуждена прибегать к импорту продовольствия. С 1947 по 1968 г. страна импортировала (главным образом из США) 93 млн. т продовольственного зерна, из них 10,4 млн. т было ввезено за один только 1966 г. [44, 28].

Импорт продовольствия серьезно тормозит рост национальной экономики. Он усиливает зависимость страны от США — главного поставщика продовольствия, истощает и без того скучные резервы валюты, отвлекает средства от капитального строительства. Импорт зерна оказывает отрицательное влияние и на развитие сельского хозяйства, давая возможность реакционным силам внутри страны выступать против назревших радикальных аграрных преобразований, снижая заинтересованность в местном производстве продовольственных культур, обогащая капиталистов-перекупщиков.

Несмотря на значительный импорт продовольствия, энергетическая и качественная структура питания индийского населения за годы независимости не претерпела сколько-нибудь существенных изменений, все еще значительно отставая от медицинских норм. Для характеристики качества рациона питания индийского населения приведем средние показатели потребления различных пищевых продуктов в годы до и после независимости. Для сравнения дадим показатели «сбалансированной» диеты, рекомендованные Консультативным комитетом питания Индийского совета медицинских исследований (табл. 3).

Основную традиционную пищу индийского населения составляют зернобобовые, на которые приходится около 90% белков и калорий. Уменьшение их потребления, не возмещенное адекватным ростом доли других, более ценных продуктов, означает ухудшение качества питания

Таблица 3

**Распределение отдельных продуктов питания на душу населения*,
г на день**

Период	Зерновые	Картофель и другие кор- непродукты	Сахар и другие сладости	Бобовые и орехи	Овощи	Фрукты	Мясо	Яйца	Рыба	Молоко	Жир и масло
1934 — 1938	377	21	36	60	68	72	8	1	4	177	7
1949 — 1950	324	24	32	56	...	36	4	—	2	122	8
1960 — 1962	383	29	49	63	...	48	4	1	3	127	11
1965 — 1966	346	39	50	41	...	44	4	1	3	110	9
Рекомендованная «сбалансирован- ная» диета . . .	400	...	57	85		284		125		284	57

* [41, 180; 34, 4].

индийского населения. Белки животного происхождения составляют лишь 9% в общем потреблении белков в сравнении с 30% в питании населения экономически развитых стран (табл. 4).

Таблица 4

**Калорийность и содержание белков в продовольствии
в расчете на душу населения***

Период	Калории	Белки в целом	Белки животного происхождения
		г	г
Довоенный	1950	52,2	8,2
1948 — 1950	1700	44,9	5,4
1960 — 1962	2020	49,6	5,6
1966	1810	45,4	5,4

* [41, 181].

Не только качественная, но и количественная сторона рациона питания индийского населения отстает от минимальных рекомендованных норм. По данным, которыми располагает филиал ФАО в Дели, энергетическая ценность суточного рациона «среднего» индийца составляет только 2000 калорий при минимальных потребностях в 2240 калорий [17, 36]. Таким образом, наблюдается недостаток в калориях в размере 11%, а по подсчету возглавляющего статистический отдел ФАО известного индийского статистика П. В. Сукатме, разрыв достигает 14% [43, 31].

Никакая нивелировка действительности, неизбежная при использовании средних показателей, не в состоянии скрыть остроту продовольственного положения в Индии. Если бы продукты питания распределялись в Индии «поровну» (что возможно лишь в научной абстракции), то и в этом случае «потреблять в среднем только 2000 калорий» — значит недоедать. Реальное положение, при котором в условиях социального и имущественного неравенства меньшинство населения живет в довольст-

ве и пресыщении за счет вопиющей нищеты и настоящего голода народных масс, представляется еще более мрачным.

Необходимость количественного увеличения рациона и его качественных изменений становится в Индии с каждым годом все более ощущимой. Но пока что ближайшей задачей является достижение уровня питания, минимально достаточного по калорийности, за счет увеличения потребления растительной пищи. Качественное изменение рациона (в особенности увеличения в нем продуктов животноводства) — очевидно, дело более отдаленного будущего, ибо оно потребует кардинальной перестройки сельского хозяйства и его всесторонней интенсификации.

Выше мы показали, что в Индии в результате увеличения потребностей в продовольствии со стороны численно растущего населения и недостаточного объема производства сельскохозяйственной продукции продовольственный дефицит все более обостряется. При сохранении в ближайшие десятилетия высоких темпов прироста населения, о чем свидетельствуют научно обоснованные прогнозы, разрыв между потребностями в продуктах питания и их обеспечением может принять катастрофические масштабы, если не произойдет резкого подъема в развитии растениеводства и других отраслей сельского хозяйства.

Четвертый пятилетний план Индии ориентирует страну на подъем сельского хозяйства и достижение продовольственной самообеспеченности. Это — одна из его ключевых целей. Как можно видеть из ниже приведенных статистических данных (табл. 5), темпы прироста производства зерновых, предусмотренные для достижения этой цели, значительно превышают темпы роста в прошлом.

Таблица 5
Темпы увеличения производства зерновых*

Производство продовольственного зерна, млн. т		Темп прироста продукции продовольственного зерна, % в год	
1967/68 г.	1973/74 г.	в прошлом*	во время планового периода
95,6	129,0	3,0	5,6

* 1949/50 — 1964/65 гг.

Обладает ли Индия достаточной естественной базой для ликвидации продовольственного дефицита или ее земля, истощенная многовековой эксплуатацией, исчерпала свои возможности? Ознакомление с работами, ведущимися в целом ряде научно-исследовательских центров Индии — в институте сельскохозяйственных исследований (так называемом Пусском институте) в Дели, сельскохозяйственных университетах в ЛудхIANе, Бхубанешваре, на географических факультетах в университетах Алигарха, Агры и др., на семеноводческих и плодовых опытных станциях, с достижениями отдельных крупных ферм, не оставляет сомнений в несостоятельности предположения об ограниченности естественных ресурсов страны. Научные исследования и отдельные примеры практики показывают, что сельское хозяйство Индии располагает значительными и вполне реальными природными резервами для увеличения производства продуктов питания. Речь идет лишь о рациональной организации их использования в масштабах всей страны.

Во время командировок нам была предоставлена возможность наблюдать различные типы ведения сельского хозяйства в Индии — от наиболее современного, механизированного на государственной ферме, созданной в полупустынном Раджастане с советской помощью, до примитивного «шифтинга» — подсечно-огневого земледелия, практикуемого в горах Ассама и Восточных Гатах. Сравнение этих контрастных явлений, уживающихся в современной Индии, дает наглядное представление об огромном диапазоне еще не реализованных возможностей развития сельского хозяйства.

Наиболее остро стоит, привлекая к себе внимание многих ученых, вопрос о соотношении экстенсивного и интенсивного пути увеличения сельскохозяйственной продукции. При неблагоприятном соотношении численности населения и обработанных площадей (0,37 га на человека) [28, 248] и крайне низкой урожайности необходимо либо расширение пахотного фонда за счет вовлечения в хозяйственный оборот целины и залежи, либо увеличение продуктивности земель, либо — в идеальном варианте — сочетание того и другого.

Распашка целинных и залежных земель была в первое десятилетие независимости основным средством увеличения сборов продовольственных культур в Индии. В эти годы в стране началось организованное по государственной линии освоение и заселение трех важнейших районов «целинного края». Это: 1) аридный Раджастан на северо-западе Индии; на этот штат приходится примерно 10 млн. га, или около трети невозделываемых пахотнопригодных земель; 2) восточная часть Центральной Индии (район Дандакаранья — обширное междуречье Маханади и Годавари, располагающееся в основном в пределах штата Мадхья Прадеш и охватывающее прилегающие территории штатов Орисса и Андхра Прадеш); эта центральноиндийская целинная область обладает ресурсами порядка 7 млн. га; 3) предгималайские тераи — заболоченные джунгли северной части штатов Уттар Прадеш и Бихара — третий значительный (в масштабах Индии) целинный край; его земельные ресурсы оцениваются в 2 млн. га. За счет освоения целины и поднятия пары «чистая» (т. е. без учета повторных урожаев) обрабатываемая площадь под продовольственными зерновыми возросла с 98 млн. га в 1950/51 г. до 112 млн. га в 1960/61 г. Благодаря этому расширению, согласно подсчетам некоторых индийских экономистов, была получена примерно половина дополнительной продукции зерновых.

Каковы возможности дальнейшего распространения сельского хозяйства Индии «вширь»? Директорат экономики и статистики министерства продовольствия и сельского хозяйства оценивает остающиеся неиспользованными, но пригодные к обработке земли и площадь под текущим и долгосрочным паром в 39 млн. га [28, 35]. Именно эти угодья являются основным резервом расширения пашни в Индии (табл. 6). (Некоторые экономисты-аграрники, как, например, старший научный сотрудник Национального совета прикладных экономических исследований Р. С. Шарма, считают эту цифру несколько заниженной по причине слабой изученности земельного фонда в ряде слабозаселенных штатов, таких, как Кашмир, Орисса, Ассам, Нагаленд.)

Обращает на себя внимание тот факт, что в 60-х годах освоение новых земель затормозилось. По оценке экспертов Национального совета прикладных экономических исследований, где было проведено долгосрочное прогнозирование потребностей и обеспечения главными сельскохозяйственными продуктами, за десятилетие (1960/61—1970/71) под все сельскохозяйственные культуры будет освоено максимум 3,6 млн. га новых земель, в то время как в предыдущее десятилетие

площадь только под продовольственными культурами возросла на 14 млн. га [42, 16].

Таблица 6

Использование земельного фонда в Индии*,
млн. га

Земельные угодья	1950/51 г.	1964/65 г.
Общая площадь	326,8	326,8
Ученная земельная площадь **	284,3	305,6
в том числе:		
«чистая» посевная площадь	118,7	137,8
площадь под двойными урожаями	13,2	20,2
посевная площадь с учетом двойных уро- жаев	131,9	158,0
площадь под паром	28,1	20,3
текущий пар	10,7	11,1
остальные земли под паром	17,4	9,2
Леса	40,5	61,1
Земли, непригодные для обработки	47,5	50,1
земли, используемые для несельскохо- зяйственных нужд	11,2	15,1
пустоши, непригодные для обработки	33,6	35,0
Другие необрабатываемые земли	49,5	36,3
постоянные пастбища	6,7	14,8
земли под различными растениями и ку- старниками	19,9	4,2
земли необрабатываемые, но пригодные для сельскохозяйственной обработки	22,9	17,3

* [26, 221].

** Земельная площадь, учтенная статистикой, составляет 93,5% всей территории Индии.

Почему произошло снижение темпов расширения пахотных площадей? При ответе на этот вопрос чаще всего выдвигается тот аргумент, что все наиболее удобные для сельского хозяйства земли уже освоены. При этом ссылки делаются на работу авторитетного Комитета по изучению и освоению пустующих земель, специально созданного в министерстве продовольствия и сельского хозяйства. Его основная задача первоначально заключалась в выявлении пустошей, расположенныхных массивами в 100 га и более. Обследование показало, что освоение таких массивов возможно лишь на 0,8 млн. га. Вовлечение в оборот новых целинных земель связано с преодолением серьезных природных препятствий (засушливость климата или, наоборот, его чрезмерная влажность, пересеченность рельефа, засоленность и т. д.). Большие трудности возникают из-за транспортной изолированности, общей экономической отсталости и необжитости новых территорий, недостатка рабочей силы. Все это делает сельскохозяйственное освоение новых районов непосильным или невыгодным для национального частного капитала, усилия же в этом направлении государственного сектора были в текущем десятилетии неоправданно ослаблены. Очень медленно прогрессирует строительство государственного Раджастханского канала — стержня освоения аридного Северо-Запада, медленно осуществляется так называемый проект Дандакаранья.

Освоение новых земель в Индии — это вопрос не только технических возможностей и экономической рациональности. Это и острый социальный вопрос, заключающийся в том, кому владеть землей и на каких условиях. Наиболее нуждающиеся в земле беднейшие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие оказываются обойденными при распределении земель, попадающих в руки богатой сельской прослойки и часто городской буржуазии.

Вовлечь в интенсивный оборот земель под паром тормозится из-за сохраняющейся в большинстве крестьянских хозяйств отсталой системы агротехники, при которой земли под паром приходится сохранять для восстановления плодородия почвы.

Но каковы бы ни были темпы дальнейшего расширения пахотных угодий, очевидно, что Индия стоит на пути к полному освоению земельных резервов. При возобновлении темпов сельскохозяйственного расширения, отмеченных в первом десятилетии независимости, земельные резервы могут быть полностью исчерпаны в течение не столь отдаленного будущего. В этих условиях особенно важен научный подход к освоению земель с учетом того, что помимо площадей под зерновыми и другими сельскохозяйственными культурами для страны необходимо сохранение и расширение площадей под лесом для производства древесины и прочих лесоматериалов и для охраны почв от эрозии. Необходимо и расширение пастбищ для увеличения продукции животноводства. Для наиболее рационального комплексного использования земельных резервов необходимы их тщательное изучение и оценка учеными различных специальностей.

Не умаляя важности дальнейшего расширения пахотных земель для увеличения производства продовольствия, главным путем решения продовольственной проблемы Индии, очевидно, надо считать интенсификацию использования обрабатываемых земель. Мы не будем здесь разбирать весь комплекс мероприятий по подъему продуктивности сельского хозяйства, от расширения ирригации до применения гербицидов, положенных в основу «новой стратегии» в индийском сельском хозяйстве, призванной обеспечить успех так называемой зеленой революции. Отметим лишь несколько, на наш взгляд, уязвимых мест этой программы.

Возлагая все надежды на увеличение применения химических удобрений и ирригацию, программа недостаточное внимание, на наш взгляд, уделяет комплексу мер по охране земель — сохранению влаги в почве, противоэрзационным мероприятиям, обеспечению дренажа орошаемых земель, защите от наводнений и т. д. По приблизительному подсчету, в подобных мероприятиях нуждается около 60% общей обрабатываемой площади. В проведении мер по охране земель заключается необходимая предпосылка эффективности любых агротехнических нововведений, включая применение искусственных удобрений и ирригации.

Большее внимание могло бы быть уделено развитию животноводства и других отраслей сельского хозяйства, дающих дополнительные продукты питания, ослабляя нагрузку на зерновые.

Для решения продовольственной проблемы необходимо усиление позиций государственного сектора как по линии сельскохозяйственного производства (создание крупных государственных семеноводческих, животноводческих и другого типа ферм, прокатных машинно-тракторных станций и т. д.), так и по линии распределения кредитов среди крестьянства, осуществления продовольственных закупок, торговли зерном, производства и снабжения удобрениями и т. д. Между тем в «новой стратегии» взят курс на дальнейшее укрепление частного сектора.

Успех «зеленой революции», т. е. эффективность мер по интенсификации сельского хозяйства и подъему производства продовольствия, зависит от глубины социальных преобразований в деревне, особенно в области арендных отношений. Индийские крестьяне должны иметь моральный стимул для увеличения продукции, материальные средства для дополнительных вложений в землю, которая должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Агротехнические нововведения сами по себе не могут быть средством ликвидации аграрного кризиса.

В индийских правительственные и научных кругах огромное значение придают разного рода демографическим мерам как способу облегчения продовольственных трудностей. Как известно, Индия — одна из развивающихся стран, где курс на сокращение прироста населения путем регулирования рождаемости стал официальной правительственной доктриной. Так называемая национальная программа планирования семьи является неотъемлемой частью пятилетних планов развития страны, при этом значение и объем мероприятий и соответственно размеры ассигнований по этой программе в каждом новом пятилетии неуклонно возрастают (цифры бюджета по статье «программа планирования семьи» возросли с 270 млн. рупий в третьем пятилетнем плане до 3,2 млрд. рупий в четвертой пятилетке) [25, 21].

Низовыми организационными ячейками в области планирования семьи являются консультации по планированию семьи — специализированные учреждения по популяризации идей, методов и средств ограничения рождаемости. Вместе с лечебно-профилактическими учреждениями, в той или иной форме связанными с осуществлением программы планирования семьи, число их достигло в общей сложности 12 тыс. Руководит и координирует деятельность в области планирования семьи Центральное бюро по планированию семьи и сеть его органов на местах. Комитеты планирования семьи есть и в структуре некоторых министерств, в частности министерства здравоохранения, реорганизованного и переименованного в министерство здравоохранения и планирования семьи. Пропаганда идей планирования семьи широко ведется с помощью радио, кино, постоянно действующих и временно устраиваемых выставок; в ней принимают участие многочисленные общественные организации, добровольные общества. 18 декабря ежегодно отмечается по всей стране День планирования семьи.

Программа планирования семьи в Индии имеет, таким образом, свой весьма значительный бюджет, четкую организационную структуру, многочисленный штат специально подготовленных работников в разветвленной сети специализированных учреждений.

«Стратегическая» цель программы планирования семьи — добиться уменьшения или как минимума стабилизации роста населения Индии в кратчайшие сроки. В проекте четвертого пятилетнего плана говорится о желательности сокращения коэффициента рождаемости с 39 на 1000 в 1968 г. до 26 на 1000 в 1980—1981 гг. [24, 30] и о необходимости в этих целях привлечь к осуществлению программы 90% всего населения, состоящего в браке.

Этой генеральной целью определяется характер практических мероприятий в области планирования семьи, которые включают, во-первых, популяризацию среди населения самой идеи «планирования размеров семьи», или, иными словами, возможности сокращения рождаемости, во-вторых, обучение населения «технике» ограничения деторождения и, в-третьих, научные исследования в этой области.

Для анализа практических мероприятий программы и ее теоретической трактовки попытаемся ответить на ряд вопросов, принципиально

важных для обоснования наших собственных взглядов по затронутым проблемам.

Первый вопрос. *Желательно ли вообще в условиях Индии внутрисемейное регулирование рождаемости, иначе, поощрение практики, широко распространенной во всех экономически развитых странах?* Ответ, на наш взгляд, может быть только положительным. Необходимость определенных мер по регламентации семейно-брачных отношений, регулирование и упорядочение практики деторождения, разъяснение среди населения прогрессивных взглядов на семью и брак диктуется в Индии социально-гигиеническими и экономическими соображениями.

Речь идет прежде всего о здоровье и общественном положении женщин. Многократные, почти безынтервальные роды, доведенные по числу до биологического максимума, при нищете и антисанитарии не могут не истощать женский организм. Не случайно в Индии, как и в некоторых других развивающихся странах с аналогичными социально-экономическими и демографическими условиями, половая структура населения характеризуется все увеличивающимся превышением числа мужчин над числом женщин. Средняя продолжительность жизни женщин в результате особенно высокой смертности здесь значительно меньше мужской (в 1951—1961 гг. соответственно 40,6 года против 41,9)⁵. Многодетность отражается и на общественном положении женщин, не имеющих практически возможности заниматься общественно полезным трудом. Высокая рождаемость не приносит пользы ни здоровью, ни воспитанию детей в Индии. Существующий демографический режим, способствуя закреплению молодой структуры общества, при которой дети до 14 лет составляют 40% населения, и воспроизводству людей со слабым здоровьем, наносит ущерб экономике, подрывая создательные возможности населения.

Второй вопрос, возникающий при оценке программы планирования семьи в Индии: *возможно ли осуществление на практике этой программы?* С нашей точки зрения, это в принципе вполне реально, ибо политика планирования семьи соответствует объективно существующей тенденции к малодетности семей.

Многодетная семья — это исторически преходящий институт докапиталистических формаций. В Индии стремление населения к многодетности в докапиталистический период стимулировалось потребностями производства, главным образом сельскохозяйственного, основанного на использовании мускульной силы человека. Также экономическими отношениями было вызвано и стремление жить большой объединенной семьей, позволяющей растиать многочисленных детей и наиболее эффективно организовать малопроизводительный физический труд взрослых. Именно эти соображения экономического порядка, а не какие-либо религиозные догматы лежали в основе так называемого индусского идеала брака, обязательного для всего населения, начиная с ранних возрастов, не допускающего разводов, ставящего как самоцель произведение на свет потомства, особенно сыновей. Из-за высокой смертности и низкой продолжительности жизни увеличение численности потомства могло быть достигнуто только за счет очень высокой рождаемости. И ее коэффициент испокон веков держался приблизительно на уровне 45—50 на 1000 [10, 121].

Изменение социально-экономических условий в Индии в связи с развитием капитализма вносит свои корректизы в традиционный семей-

⁵ По оценке Комитета экспертов, назначенного правительством Индии, продолжительность жизни мужчин возросла в 1968 г. до 53,2 года, женщин — до 51,9 [26, 94].

но-бытовой уклад индийского общества. В эпоху, когда происходит ограничение и сужение сферы применения неквалифицированного физического и детского труда, когда первостепенное значение приобретает не столько количественная, сколько качественная сторона народонаселения — его здоровье, грамотность и образованность, профессиональная обученность, культура, — возникает стремление к малодетным семьям. Более эффективные меры борьбы со смертностью, особенно детской, создают гарантию сохранения и продления жизни рождающегося потомства, чем косвенно способствуют понижению уровня рождаемости. Такова тенденция, пробивающая себе дорогу в Индии по мере развития научно-технического прогресса. Поскольку программа планирования семьи соответствует этой объективно наметившейся в Индии и уже в полную силу проявившей себя в развитых странах тенденции, облегчая ее утверждение, она имеет шанс на успех. Осуществление такой программы — обоснованное с уверенностью право индийского центрального правительства и правительства отдельных штатов.

Третий вопрос. *Насколько быстро* по времени могут быть достигнуты цели программы планирования семьи в Индии? Это, по нашему мнению, зависит от того, в какой степени данная программа будет опираться на общие социально-экономические преобразования в стране. Тенденция к малодетным семьям и снижению рождаемости пробивает себе дорогу в Индии в борьбе с еще сохраняющимся стремлением населения иметь большие семьи и стихийным деторождением, соответственно тому как складывающиеся прогрессивные социально-экономические отношения вступают в конфликт с пережитками прошлых формаций.

Проведенный нами выборочный опрос населения в бедняцких кварталах Мадраса, Дели, Сринагара и некоторых других городов и среди низших каст сельских жителей, а также беседы с работниками системы планирования семьи показали, что многомиллионная прослойка «низов» индийского населения отрицательно относится к призывам планировать семью, так как она по-прежнему материально заинтересована именно в том, чтобы иметь большое количество детей. Дети в таких семьях — с малых лет работники, помощники родителям. При большом количестве детей в семье в условиях безработицы больше шансов на получение какой-нибудь работы, хотя бы случайной, работы. При полном отсутствии социального обеспечения в старости или по болезни дети — опора родителей. Воспитание же их и содержание родителям почти ничего не стоят, так как в школе они не обучаются, ходят почти голые и иногда полуоголенные, питаясь чем попало. Снижение смертности мало затронуло низшие слои индийского населения, и риск потерять детей от болезней и голода по-прежнему стимулирует большую рождаемость. Если не изменится социально-экономическое положение беднейших слоев индийского общества, трудно ожидать среди них успеха пропаганды сокращения рождаемости, ибо для этого еще нет объективных предпосылок. Важными мерами, предваряющими успех программы планирования семьи, должны быть также ликвидация неграмотности и повышение общего культурного уровня населения [32, 3].

Пока что демографическая политика в Индии не дала ощутимых результатов. По словам премьер-министра Индиры Ганди, в осуществлении программы планирования семьи «достигнут лишь частичный успех» [11, 3].

Чрезвычайная сложность проведения разъяснительной работы в условиях Индии — одна из причин низкой эффективности пропаганды контроля над рождаемостью по сравнению с некоторыми другими развивающимися странами, где в последние годы наметилась тенденция к

падению уровня рождаемости. Огромные масштабы Индии нельзя недооценивать: она состоит из 17 штатов, крупнейший из которых — Уттар Прадеш — по численности населения близок к Японии или Индонезии. Штаты насчитывают 335 административных округов и 560 тыс. деревень, в которых проживает 82% всего населения страны. Многие деревни в Индии отрезаны от транспортной сети, только 9% их электрифицированы, 25% имеют радиосвязь. Все это делает разъяснительную работу в деревнях чрезвычайно трудной. Надо учитывать и многонациональный состав страны, население которой говорит на многочисленных языках и диалектах, а также существование серьезных религиозных и кастовых «перегородок». Успех пропаганды планирования семьи в Индии требует преодоления психологического барьера, отсталых представлений, традиций и религиозных предрассудков и вместе с тем решительного пресечения использования планирования семьи в интересах национальной, религиозной или кастовой исключительности.

Не менее важно материальное обеспечение политики планирования семьи (разработка и производство дешевых и эффективных противозачаточных средств, подготовка необходимого медицинского персонала и т. д.). Трудности проистекают здесь в силу общего слабого развития системы здравоохранения в Индии, частью которой является программа планирования семьи. На начальной стадии становления национального здравоохранения, когда свыше 80% населения еще практически лишены элементарной медицинской помощи, когда не хватает врачей (один врач в среднем приходится на 58 тыс. жителей) и особенно среднего медперсонала, когда на тысячу человек приходится примерно 0,5 больничных койки (это в 25—30 раз ниже обеспеченности койками в развитых странах), трудно предоставить соответствующую медицинскую базу для осуществления надлежащим образом операций по поводу искусственного прерывания беременности и т. д.

Признавая обоснованность и целесообразность проведения практических мероприятий программы планирования семьи, нельзя не подвергнуть критике реакционную пропаганду, которую развернули вокруг нее апологеты капитализма, рекламируя ее как средство от всех социальных и экономических «недугов». Эта пропаганда исходит из антинаучного мальтизянского положения о том, что острые социально-экономические проблемы могут быть разрешены в случае быстрого общенационального успеха политики контроля над рождаемостью и снижения прироста населения. Масштабы, степень и сроки преодоления отсталости и нищеты Индии, как и других развивающихся стран, определяются социально-экономическими факторами. Эти же факторы решающим образом влияют на характер демографических процессов. Демографическая политика, направленная на сокращение рождаемости для достижения в специфических условиях Индии наилучшего сочетания роста населения с экономическим прогрессом, может быть успешной и полезной, если в своем осуществлении она будет опираться на общие социально-экономические и культурные преобразования, не пытаясь их подменить.

Объективные трудности в практическом осуществлении мер планирования семьи, а также ряд факторов, способствующих поддержанию потенциала демографического роста («молодая» возрастная структура населения, при которой в условиях традиционных ранних браков — в среднем для женщин 16 лет, для мужчин 22 года⁶ — естественный прирост будет очень скорым; уменьшающаяся смертность матерей во вре-

⁶ 20% девушек выходят замуж до достижения 15-летнего возраста [16, 31].

мя родов; учащающиеся случаи ранее запрещенных вторичных браков вдов и т. п.), дают основание считать, что ближайшие два десятилетия уровень рождаемости в Индии останется высоким. При далеко еще не исчерпанных резервах уменьшения смертности можно предполагать, что к началу 70-х годов естественный прирост населения в Индии еще более возрастет и лишь к концу 80-х годов, возможно, начнет снижаться, если более полно проявят себя такие стабилизаторы роста населения, как индустриализация, урбанизация, грамотность и другие социально-экономические и культурные факторы и сопутствующий им успех программы планирования семьи. Но даже при благоприятных обстоятельствах абсолютный прирост населения в ближайшие 15 лет составит не менее 200 млн. человек.

Все сказанное выше подводит нас к двум основным выводам относительно политики планирования семьи в связи с продовольственной проблемой в Индии.

1. Как бы обоснованы и желательны ни были цели, поставленные в программе контроля над рождаемостью, достижение их — дело отдаленного будущего. Для этого понадобятся годы колосальной разъясняющей работы среди населения, десятки массовых кампаний, опирающихся на серьезную международную помощь медикаментами и опытными кадрами специалистов. Реалистически оценивая обстановку, можно утверждать, что практические результаты активной демографической политики, выражавшиеся в сокращении естественного прироста населения и соответственно спроса на продовольствие, будут получены лишь к концу 80-х годов или даже позже, т. е. фактически в следующем тысячелетии. А до конца текущего тысячелетия прирост населения и прирост спроса на продовольствие будут происходить высокими темпами.

2. Демографическая политика при самом благоприятном развитии событий сама по себе не в состоянии решить исход борьбы с продовольственными трудностями в жизни народных масс. Обострение продовольственной проблемы, нарастание ее масштабов явится неизбежной перспективой для страны, если не будут предприняты самые действенные меры по мобилизации всех внутренних ресурсов для обеспечения насущных потребностей населения. Эта сложная задача осуществима лишь в условиях радикальных социально-экономических преобразований. Попытки решить продовольственную проблему изолированно не могут увенчаться успехом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Гузеватый Я. Н., Программы контроля над рождаемостью в развивающихся странах, М., 1969.
- Гурвич Р. П., Индия. Продовольствие — возможности и перспективы, М., 1970.
- Кваша А. Я., Экономическое развитие стран Азии и Африки и политика ограничения рождаемости, — «Народы Азии и Африки», М., 1968, № 4.
- Княжинская Л. А., Проблема роста населения и использования продовольственных ресурсов в развивающихся странах, — «Известия ВГО», М., 1968, № 5.
- Княжинская Л. А., Изменения в численности и размещении населения Индии за годы независимости, — Экономико-географические проблемы стран Азии, Африки и Латинской Америки, М., 1964.
- Котовский Г. Г., Аграрные реформы в Индии, М., 1959.
- Левковский А. И., Третий мир в современном мире, М., 1970.
- Макеева О. В., Бурнашев Э. Ю., О здравоохранении Индии, М., 1964.
- Миронова Е. И., Продовольственная проблема в Индии. Зерновой рынок и государственная политика, М., 1967.
- Петров В. В., Население Индии. Демографический очерк, М., 1965.
- «Правда», 23.IV.1969.
- «Продовольственная проблема в странах Азии и Северной Африки», М., 1968.

13. Растяников В. Г., Развивающиеся страны: продовольствие и политика, М., 1968.
14. «Резолюция ООН по второй декаде развития», Нью-Йорк, 1970 (Документ ООН).
15. Скоров Г., Поиски решения сложной проблемы,— «Мировая экономика и международные отношения», М., 1969, № 11.
16. Agarwala S. P., Some Problems of India's Population, Bombay—Allahabad, 1966.
17. «Agricultural Commodities—Projections for 1975 and 1985», vol. I, FAO, Rome, 1967.
18. «Asia's Population Problems», ed. by S. Chandrasekhar, London, 1967.
19. «Census of India, 1961, Paper № 1 of 1962 Final Population Totals», Delhi, 1962.
20. «Census of India, 1951, Paper № 6, Delhi, 1954.
21. «Changes in Agriculture in 26 Developing Nations», Washington, 1965.
22. Dandekar V. M., The Demand for Food, and Conditions Governing Food Aid During Development, FAO, Rome, 1965.
23. «Facts about Population and Family Planning in India», Ministry of Health and Family Planning, government of India, Delhi, 1967.
24. «Fourth Five Year Plan. A Draft Outline», Delhi, 1969.
25. «Fourth Five Year Plan. Revised Outlay, 1969—74». Government of India, Planning Commission, Delhi, 1970.
26. «India, 1969. A Reference Annual», Delhi, 1969.
27. «Indian Economics Year Book, 1968—69», Allahabad, 1968.
28. «Indian Agriculture in Brief», Delhi, 1968.
29. Kalatbari P., Übervölkerung in den Entwicklungsländern, Berlin, 1968.
30. Knyazhinskaya L. A., Focus on Food Shortage,— «Patriot», Delhi, 5.XII.1968.
31. Krishnamurthy K. G., Research in Family Planning in India, Delhi, 1968.
32. Mitra A., The Small Family Norm and Literacy, Bombay, 1969.
33. Myrdal G., Asian Drama, New York, 1969.
34. «Nutrition», Hyderabad, 1967, № 1.
35. «Partners in Development, Report of the Commission on International Development», New York, 1969.
36. Pokshishevskii V. V., The Population and Resources of the World. A Paper Submitted to the International Geographical Union's Commission, Pennsylvania, 1967.
37. «Population and Vital Statistics Report», U. N. Statistical Papers, Series A, vol. XXII, N 2, New York, 1970.
38. «Population Projections for Official Use, Worked out under the Guidance of the Expert Committee», Delhi, 1968.
39. «Population Growth and Brain Drain», Edinburg, 1969.
40. «Production Year Book, 1968», FAO, Rome, 1969.
41. «The State of Food and Agriculture, 1969», FAO, Rome, 1969.
42. «A Strategy for Agricultural Planning», NCAER, Delhi, 1966.
43. Sukhatme P. V., Feeding India's Growing Millions, New York, 1965.
44. «The Times of India» Directory and Year Book. 1969», Bombay, 1969.
45. Tomiche F. J., L'Inde à la recherche d'un équilibre démographique,— «Le Monde», 27—28.VII.1969.
46. «World Population Prospects as Assessed in 1964», UN, New York, 1966.

Ф. Сенгупта¹

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ИНДИИ

В настоящей статье поставлена задача проанализировать характер внутренних миграций в Индии. Рассматриваются следующие вопросы: тенденция внутренних миграций с 1901 г.; основные особенности миграции населения в 1951—1961 гг.; главные районы иммиграции и эмиграции; направление миграционных потоков.

Данные о миграции, использованные в статье, основаны на статистических материалах о месте рождения (по переписи населения 1961 г.) и относятся к десятилетию 1951—1961 гг.

Тенденции внутренних миграций с 1901 г.

Известно, что для большинства жителей Индии характерна глубокая привязанность к родным местам. Тем не менее обстоятельства заставляли людей покидать места своего рождения, и эти перемещения стимулировались индустриализацией, ростом городов, расширением ирrigации, развитием транспорта и т. д. Еще до начала XX в. имело место движение населения из одних провинций в другие на постоянное жительство или на временное поселение, в поисках заработка. Так, массовая миграция крестьян на новые орошаемые земли — в Колонии-на-каналах в Панджабе — относится к 1887—1888 гг. Перенаселенность и нехватка земли начали «выталкивать» крестьян из Бенгалии в Ассам в 1900 г. Сильнейшим магнитом, привлекавшим население из других районов, стали в начале XX столетия районы развивающегося плантационного хозяйства — Западные Гаты на юго-западе, равнина Северной Бенгалии и Ассамская долина на северо-востоке страны. Значительные массы сельского населения поглощали города Калькутта, Бомбей и Мадрас.

¹ Автор этой статьи — видный прогрессивный индийский экономико-географ, демограф и картограф. По окончании географического факультета Калькуттского университета в 1944 г. Фулрани Сенгупта продолжила свои географические исследования в Лондонской школе экономики. Защищив в 1955 г. в Лондоне докторскую диссертацию на тему «Джутовый пояс в Индии» (сокращенный вариант диссертации был издан в виде отдельной монографии), Ф. Сенгупта возвратилась в Индию, где вела большую плодотворную работу в различных учреждениях страны. С 1962 г. и до своей кончины в декабре 1968 г. она работала в крупнейшем демографическом учреждении Индии — Ведомстве Генерального регистратора (Службе переписи населения), где она руководила Отделом географии и картографии. Подробные сведения о д-ре Ф. Сенгупта см. в ст.: И. В. Сахаров, Доклады доктора Фулрани Сенгупта (Индия) в Географическом обществе СССР.—«Известия Всесоюзного Географического общества», т. 100, в. 1, 1968, стр. 90—93; И. В. Сахаров, Фулрани Сенгупта (1913—1968),—там же, т. 101 в. 5, 1969, стр. 483—484, с портр.

Можно было бы предполагать, что удельный вес мигрантов² во всем населении из десятилетия в десятилетие будет увеличиваться. Однако статистика такого увеличения не обнаруживает. Таблица 1 показывает, насколько постоянной оставалась доля мигрантов во всем населении страны в период с 1901 по 1961 г.

Таблица 1
Тенденции внутренних миграций 1901—1961 гг.

Год	Все население	Зарегистрировано за пределами штата (территории) своего рождения*	Удельный вес мигрантов во всем населении, %	Прирост общей численности населения за 10 лет, %	Прирост численности мигрантов за 10 лет, %
1901	238 396 327	7 874 469	3,30		
1911	252 093 390	9 045 111	3,59	+ 5,75	+ 14,87
1921	251 321 213	9 984 595	3,97	- 0,31	+ 10,39
1931	278 977 238	10 009 703	3,59	+ 11,00	+ 0,25
1941	318 660 580	нет данных	нет данных	+ 14,22	нет данных
1951	361 088 090	10 849 976	3,00	+ 13,31	+ 8,39**
1961	439 234 771	14 524 974	3,31	+ 21,51	+ 33,87

* Цифры в этом столбце, относящиеся к 1901—1931 гг., подсчитаны по данным кн. Дэвиса [2, гл. 14, табл. 39]. Продолжительность проживания мигрантов на новом месте ни для одного из указанных десятилетий не учтена.

** За период 1931—1951 гг.

Тот факт, что удельный вес мигрантов во всем населении страны на протяжении указанных десятилетий оставался почти неизменным, не означает, что внутренние миграции в Индии имели застойный характер. За период 1901—1961 гг., исключая десятилетия, заканчивающиеся 1931 и 1951 гг., рост числа мигрантов (в среднем за десять лет) происходил быстрее, чем рост численности населения в целом.

Механическое перераспределение населения ускорилось в последнее десятилетие рассматриваемого периода, что видно из значительного увеличения числа мигрантов в 1951—1961 гг. (за 10 лет — на 33,87%). Это резкое увеличение подвижности населения можно объяснить объективными причинами: усилением действия в сельских районах страны фактора «выталкивания» — из-за обостряющейся нехватки земли, пригодной для обработки, и все большего сужения возможностей трудоустройства в деревне; увеличением силы притяжения больших городов; расширением применения искусственного орошения в засушливых районах; увеличением объема строительных и других работ, связанных с вовлечением в оборот нетронутых прежде людских ресурсов; осуществлением программы по расселению и устройству переселенцев из Пакистана; реорганизацией штатов и т. д.

Основные особенности миграции населения за период 1951—1961 гг.

Миграции внутри штатов. За это десятилетие наряду с абсолютным ростом численности населения наблюдалось значительное увеличение

² Под мигрантами здесь и ниже, как это принято в индийской демографической статистике, понимаются лица, место регистрации которых в момент переписи не совпадало с местом их рождения.—Прим. ред.

его подвижности, причем перемещение населения внутри штатов было более интенсивным, чем между ними. За 1951—1961 гг. из 65,9 млн. мигрантов около 57,2 млн. (87%) приходилось на лиц, мигрировавших внутри штата.

Эти данные свидетельствуют о том, что по своему объему перемещение населения внутри отдельных дистриктов или между дистриктами одного и того же штата (т. е. обычно перемещение на небольшое расстояние) преобладало над миграцией через границы штатов. Впрочем, следует учитывать, что некоторые из зафиксированных переписью перемещений на небольшие расстояния вообще не являются миграцией, так как у многих лиц (особенно у тех, кто зарегистрирован переписью в пункте, находящемся поблизости от места их рождения) либо рождение, либо пребывание в момент переписи в том или ином пункте имели случайный характер³.

Направление движения населения в пределах границ штатов таково:

	Численность мигрантов внутри штатов	%
Из деревни в деревню .	41 639 671	72,7
Из деревни в город . .	8 565 840	15,0
Из города в деревню .	2 553 381	4,5
Из города в город . . .	4 480 506	7,8
Итого . . .	57 239 398	100,0

Следует отметить, что подавляющая часть механического движения населения внутри штатов (72,7%) приходится на перемещение из одних сельских районов в другие сельские районы, так что это никак не влияет на изменение соотношения между сельским и городским населением. В то же время движение из городов в сельские районы, на которое приходится 4,5% всего подвижного населения, привело к увеличению сельского населения страны примерно на 2,5 млн. человек, тогда как встречный поток (из деревень в города), составляющий 15,0% всей миграции, имел своим следствием сокращение численности сельского населения на 8,5 млн. человек. Таким образом, за десятилетие (1951—1961) чистая убыль сельского населения в итоге миграционных процессов в пределах границ штатов составила около 6 млн. человек, или 2,0% общего числа сельских жителей в 1951 г., а чистый прирост числа городских жителей составил 9,6% численности городского населения в 1951 г.

Миграция между штатами. В отличие от миграции внутри штатов, в которых преобладает движение населения из одних сельских местностей в другие, в миграциях между штатами преобладает перемещение населения из деревень в города. Это можно проиллюстрировать следующими данными по направлению движения:

³ Действительно, во многих случаях расхождение между местом рождения и местом регистрации ни в коей мере не свидетельствует о сколько-нибудь длительном проживании в одном из этих пунктов. Известно, например, что на время рождения первого ребенка замужние женщины в Индии обычно уезжают из дома мужа в дом своих родителей, а после появления ребенка на свет возвращаются в дом мужа на постоянное жительство, и, таким образом, многие индийские дети рождаются в пункте, где им в дальнейшем жить (и, может быть, даже побывать еще раз) не придется. С другой стороны, перепись зарегистрировала также лиц, оказавшихся в том или ином пункте проездом (по делам, в гостях у родных или знакомых и т. п.). — Прим. ред.

	Численность мигрантов между штатами	%
Из деревни в деревню .	2 901 497	33,4
Из деревни в город . .	3 055 053	35,2
Из города в деревню .	451 522	5,2
Из города в город . . .	2 279 367	26,2
И т о г о . . .	8 687 439	100,0

Около 61,4% мигрантов (выходцев как из сельских районов, так и из городов), пересекших границы штатов, переселилось в города (среди мигрантов внутри штатов на соответствующую категорию мигрантов приходится 22,8%). Это означает, что сила притяжения городов была достаточно велика для того, чтобы стимулировать миграцию сельского населения в города через границы штатов на большие расстояния. Чистая убыль сельского населения за счет миграций между штатами составила за десятилетие около 2,6 млн. человек.

Общая картина внутренних миграций. Всего во внутримиграционные потоки (как внутри штатов, так и между ними) за 1951—1961 гг. было вовлечено 65,9 млн. человек, из которых 72% переместилось в сельские районы и 28% — в города, что подтверждается следующими данными:

	Общая численность мигрантов	%
Из деревни в деревню .	44 541 168	67,6
Из деревни в город . .	11 620 893	17,6
Из города в деревню .	3 004 903	4,6
Из города в город . . .	6 759 873	10,2
И т о г о . . .	65 926 837	100,0

В итоге процессов механического движения за десятилетие отток населения из деревень составил 8,6 млн. человек (сокращение численности на 2,9%), а прирост численности населения городов достиг 13,8%.

Интерес представляет исследование вопроса о том, обнаруживают ли темпы прироста городского населения за счет миграции (с 1901 г.) тенденцию к ускорению. К сожалению, систематизированных данных о миграции ни за один из прежних переписных лет не имеется. Согласно оценке К. Ч. Захарии, за 1941—1951 гг. городское население Индии возросло за счет миграции на 9 млн. человек, или на 20% [3]. Сравнение этой цифры с данными, приведенными выше, обнаруживает, что за последние два десятилетия в движении населения из сельских районов в города наблюдался некоторый спад. Тем не менее было бы неправильно делать из этого вывод о том, что сила притяжения городов в стране уменьшилась, так как движение мигрантов из одних городов в другие за последнее десятилетие было значительным. Из 18,4 млн. человек, переселившихся в города, свыше трети (почти 6,8 млн., т. е. 36,8%) приходилось на переселенцев из других городов. По-видимому, в городах имеется значительный спрос скорее на квалифицированную, чем на неквалифицированную рабочую силу, и как источник этой категории людских ресурсов города успешно конкурировали с сельскими районами.

До сих пор значительная часть миграционных движений в Индии (67,6%) приходится на перемещения населения из одних сельских районов в другие сельские районы, что указывает на то, что в деревнях

все еще велика потребность в неквалифицированной привозной рабочей силе. Повышение уровня профессиональной подготовки все большего числа сельских жителей путем увеличения ассигнований на народное образование, вероятно, приведет к изменению направления движения сельского населения — все более и более в города, где требуются квалифицированные рабочие-иммигранты. Проблема аграрного перенаселения может быть частично решена путем вовлечения жителей деревни в несельскохозяйственные занятия в процессе развития экономики и просвещения в сельских районах.

Основные районы иммиграции и эмиграции

Районы с положительным сальдо миграции. Основными факторами эмиграции и иммиграции населения в Индии являются «выталкивающее» воздействие безработицы и неполной занятости в перенаселенных сельских районах и притяжение промышленных и торговых городских центров. За десятилетие (1951—1961) последний фактор приобрел важное и все более возрастающее значение в пяти штатах — Западной Бенгалии, Махараштре, Мадхья Прадеше, Майсуре и Ассаме и в союзной территории Дели. Имеет место значительный приток населения в эти районы в поисках несельскохозяйственных занятий. Таблица 2 показывает влияние иммиграции и эмиграции на рост численности населения в указанных штатах и территории за последнее десятилетие.

Таблица 2
Механическое и естественное движение населения в районах с положительным миграционным балансом за 1951—1961 гг.,
тыс. человек

Штат или территория	Численность населения в 1961 г.	Чистый прирост	Численность иммигрантов	Численность эмигрантов	Чистый прирост за счет внутренней миграции	Численность иммигрантов из-за границы	Естественный прирост
Западная Бенгалия	34 926	8626 (32,80%)	1324	344	981 (3,73%)	3 246 (12,34%)	4 399 (16,73%)
Махараштра . . .	39 559	7551 (23,60%)	1407	564	843 (2,63%)	439 (1,44%)	6 269 (19,53%)
Мадхья Прадеш	32 372	6300 (24,17%)	932	413	519 (1,99%)	203 (0,78%)	5 578 (21,40%)
Майсур	23 587	4184 (21,57%)	702	450	252 (1,30%)	63 (0,32%)	3 869 (19,95%)
Ассам	11 873	3042 (34,45%)	278	86	192 (2,17%)	863 (9,78%)	1 987 (22,50%)
Дели	2 659	914 (52,44%)	664	121	542 (31,07%)	526 (30,21%)	—154 (—8,84%)
Прочие союзные территории . .	5 057	1135 (22,95%)	155	111	44 (0,89%)	468 (9,46%)	623 (12,60%)

Среди перечисленных пяти штатов Западная Бенгалия показывает максимальный механический прирост численности населения за счет внутренней миграции; далее следуют Махараштра, Мадхья Прадеш, Майсур и Ассам. За указанные десять лет численность населения Западной Бенгалии увеличилась за счет переселения сюда из других районов

нов Индии на 981 тыс. человек, т. е. на 3,73%, по сравнению с числом жителей штата в 1951 г. Поскольку этот штат был образован в результате раздела Бенгалии между Индией и Пакистаном, число мигрантов из-за границы достигло здесь чрезвычайно высокой цифры — 3,2 млн. человек, что почти втрое превышает число переселенцев из других областей Индии.

Если исключить миграционный (как внутренний, так и внешний) компонент чистого прироста численности населения на 1951—1961 гг., то естественный прирост населения штата за десятилетие оценивается в 16,73% — ниже, чем в других штатах страны, кроме Мадраса (12,7%) и Панджаба (14,60%).

За последнее десятилетие в Западной Бенгалии все большее значение приобретали миграционные движения, направленные в города. Самый мощный в штате городской центр притяжения мигрантов из деревень — это Калькуттский промышленный район. Сила притяжения населения из сельских районов в Калькутту и ее пригороды отражается в том факте, что большая часть мигрантов в Калькуттской конурбации приходится на выходцев из деревень. Так, в 1961 г. удельный вес мигрантов (как из других районов Западной Бенгалии, так и из других областей) составил в ядре конурбации — собственно Калькутте — 53%, в Хоуре — 54, Баранагаре — 57, Бхатпаре — 61, Балли — 70%, причем переселенцы из сельских районов составляли свыше половины всех мигрантов.

Фактор «притягивания» сельского населения в города штата стал играть еще большую роль благодаря росту новых индустриальных центров в районе долины Дамодара. За десятилетие (1951—1961) в дистrikте Бардван (где расположены города Асансол, Бёрнпур, Дургапур, Читтаранджан и др.). 20,5% городского населения (т. е. около 120 тыс. человек) приходилось на мигрантов; из них 69% прибыло сюда из деревень.

Что касается иммигрантов из других районов Индии (в 1961 г. в Западной Бенгалии их насчитывалось 1,3 млн. человек), то около 82,6% их общего числа — выходцы из сельских районов, из них 64,0% поселились в городах штата, причем подавляющее большинство среди них — 76,4% — составляют мужчины. Это указывает на то, что безработица среди мужчин в деревнях штатов, таких, как Бихар, Орисса, Ассам и Уттар Прадеш, дающих основной поток эмигрантов, все еще велика. В то же время среди мигрантов, сконцентрированных в городах Западной Бенгалии, трудоустроиться смогло лишь 56%.

Благодаря исключительному росту промышленности в Большом Бомбее и его хинтерланде в 1951—1961 гг. центром сильного притяжения мигрантов стал штат Махараштра. За десять лет сюда переселилось 1407 тыс. человек из Гуджарата (19,7%), Майсура (18,5%), Уттар Прадеша (18,4%), Андхра Прадеша (12,9%), Мадхья Прадеша (9%) и других районов (21,5%). С другой стороны, 564 тыс. человек эмигрировало из Махараштры в другие штаты. Эти два встречных потока привели к механическому приросту населения Махараштры за десять лет на 2,63%, что, однако, меньше, чем соответствующий показатель для Западной Бенгалии (3,73%). Иммиграция из-за границы составила лишь 1,44% общего прироста численности населения Махараштры за межпереписное десятилетие по сравнению с 12,34% в Западной Бенгалии. В итоге, хотя общий прирост численности населения за десять лет в Махараштре (23,60%) был ниже, чем в Западной Бенгалии (32,80%), естественный прирост в Махараштре (19,53%) был выше, чем в Западной Бенгалии (16,73%).

Подавляющее большинство иммигрантов из других районов — около 81,9% — поселилось в городах штата, причем весьма значительная их часть (91,3%) мигрировала из одних городов в другие. Этот интенсивный поток мигрантов из городов других районов в города Махараштры объясняется, вероятно, возрастающей потребностью индустриальных центров этого штата в квалифицированной рабочей силе. Тем не менее численность иммигрантов, переселившихся в этот штат, превышала потребность в них, о чем свидетельствует весьма высокая доля (45,4%) неработающих среди иммигрантов.

Третий важный район привлечения мигрантов — штат Мадхья Прадеш. Плотность населения в этом штате сравнительно невысока, и развитых промышленных центров в нем немного, хотя его потенциальные ресурсы огромны. Ядром, которое привлекало в Мадхья Прадеш мигрантов из других штатов за десятилетие (1951—1961), явился развивающийся металлургический центр в Бхилаи с его расширяющейся добывающей и обрабатывающей промышленностью. Общее число переселенцев в этот штат составило 932 тыс., в том числе из Уттар Прадеша — 30,6%, Махараштры — 21,1, Раджастхана — 16,6, Ориссы — 7,3, Бихара — 4,1 и из других районов — 21,3%.

Общий прирост численности населения Мадхья Прадеша за десять лет составил 24,17%, в том числе за счет миграции (как внутренней, так и внешней) — 2,77%. Путем вычитания этого миграционного компонента из общего изменения численности населения Мадхья Прадеша за 1951—1961 гг. получим естественный прирост 21,4% — самый высокий среди основных штатов иммиграции после Ассама.

Переселение в города штата преобладало над переселением в его сельские районы (соответственно 53,8 и 46,2% общего числа мигрантов), но мигрантов из деревень (67,4% общего числа переселенцев) было гораздо больше, чем выходцев из городов (36,2%). Удельный вес иммигрантов, расселившихся в сельских районах, в Мадхья Прадеше был гораздо выше (46,2%), чем в Западной Бенгалии (31,5%) и Махараштре (18,1%), и доля иммигрантов, занятых в сельском хозяйстве и смежных отраслях (43,9%), также превышала соответствующий показатель для Махараштры (15,7%) и Западной Бенгалии (22,2%).

Прирост населения штата Майсур за счет внутренней миграции составил за десятилетие (1951—1961) 252 тыс. человек (1,3%) и за счет внешней миграции — 63 тыс. человек (0,32%). Вычитание этого миграционного компонента (1,6%) из общего прироста численности населения за десять лет (21,6%) дает естественный прирост в 19,95% — выше, чем в Западной Бенгалии (16,3%) и Махараштре (19,5%).

Индустриальный комплекс в районе Бангалура, металлургическая промышленность в дистрикте Шимога, химическая индустрия дистрикта Южная Канара, плантационное хозяйство дистриктов Кург и Чикмагалур, строительство гидроэлектростанций в ряде районов штата служат «магнитами», притягивающими в Майсур иммиграционные потоки. Приток населения шел в основном из сельских районов; большая часть иммигрантов (61,8%) направлялась в сельские районы штата. Численность мужчин и женщин среди иммигрантов была примерно одинаковой.

В различных отраслях народного хозяйства Майсура трудоустроилось свыше 55% иммигрантов, из них значительная часть (41%) была поглощена сельским хозяйством и родственными отраслями. Это выше, чем соответствующий показатель для Западной Бенгалии и Махараштры.

Иммиграция в Ассам стимулируется главным образом развитием плантационного хозяйства. За 1951—1961 гг. численность населения

этого штата увеличилась за счет внутренней миграции на 192 тыс. человек, благодаря чему число жителей возросло на 2,9%. Большой прирост произошел также за счет внешней миграции. Наплыв иммигрантов из-за границы достиг 863 тыс. человек, что весьма повлияло на темпы роста численности населения этого штата за 1951—1961 гг. Если бы за эти десять лет в Ассам не было иммиграции, прирост численности населения этого штата составил бы не 34,5, а 22,5%.

Миграционные движения в Ассаме обнаруживают черты, характерные для слаборазвитых штатов. Число переселенцев, прибывших в Ассам из сельских районов, составляет около 90% общего числа иммигрантов; из них примерно 70% расселилось в сельских районах штата, причем большую их часть (около 69%) составляли мужчины. Что касается удельного веса занятых, то он составлял среди иммигрантов примерно 74%. Около 51% иммигрантов было занято в сельском хозяйстве и смежных отраслях экономики, главным образом в плантационном хозяйстве.

Среди штатов и территорий, для которых характерен положительный миграционный баланс, союзная территория Дели обращает на себя внимание своим чрезвычайно высоким приростом численности населения за 1951—1961 гг.— 52,4%. Расчленение этого прироста на компоненты — механический (внутренняя и внешняя миграция) и естественный — обнаруживает, что первый компонент дал за эти десять лет огромный прирост численности населения Дели, тогда как второй действовал в обратном направлении. За 1951—1961 гг. численность населения этой территории увеличилась за счет миграции (внутренней и внешней) на 1068 тыс. человек (61,3%). С другой стороны, естественное движение населения Дели выразилось в отрицательной величине: его итогом было сокращение численности на 154 тыс. человек (8,8%).

Около 62,5% иммигрантов прибыло в Дели из сельских районов и 37,5% — из городов. Главными сферами притяжения мигрантов в Дели со всей страны являются сфера услуг, торговля и строительство. Приток рабочей силы шел в основном из Уттар Прадеша (0,29 млн. человек), а также из Панджаба (0,22 млн.) и Раджастана (0,06 млн.). Основную массу иммигрантов (около 60%) составляют мужчины; на них же приходится и большая часть занятых. Наплыв населения в Дели намного превышал имеющиеся здесь возможности его трудоустройства, и доля незанятых среди мужчин-иммигрантов в Дели была весьма высока — 53,7%.

Районы массовой эмиграции. На первом месте по числу эмигрантов стоит Уттар Прадеш, за ним следуют Бихар и далее — Панджаб, Мадрас, Раджастан и т. д. (табл. 3). Но если расположить штаты по величине чистого баланса миграции (с учетом встречных потоков эмигрантов и иммигрантов), то штаты эмиграции распределяются в следующем порядке: Уттар Прадеш, Бихар, Мадрас, Панджаб, Керала, Раджастан и т. д. Если же принять во внимание интенсивность чистого баланса эмиграции, т. е. отношение величины чистой эмиграции (эмigration минус иммиграция) к общей численности населения, то на первом месте окажется Керала, а за нею — Панджаб, Бихар, Раджастан и Уттар Прадеш (табл. 4).

Важно отметить, что основные источники эмиграционных движений расположены на равнине Ганга (Уттар Прадеш и Бихар), на побережье Кералы и равнинах Панджаба — в наиболее густо населенных частях страны. Таблица 4 раскрывает некоторые характерные особенности эмиграции из городов и сельских районов основных штатов эмиграции,

Таблица 3

Механическое и естественное движение населения в штатах с отрицательным миграционным балансом за 1951 — 1961 гг.,
тыс. человек

Штат	Численность населения в 1961 г.	Чистый прирост	Численность иммигрантов	Численность эмигрантов	Чистое сокращение за счет внутренней миграции	Численность иммигрантов из-за границы	Естественный прирост
Уттар Прадеш .	73 746	10 531 (16,66%)	571	1 588	— 1 017 (—1,60%)	546 (0,86%)	11 002 (17,4%)
Панджаб	20 307	4 172 (25,86%)	450	802	— 352 (—2,18%)	2 168 (13,44%)	2 356 (14,60%)
Бихар	46 456	7 669 (19,77%)	437	1 162	— 725 (—1,87%)	246 (0,63%)	8 148 (21,01%)
Мадрас	33 687	3 568 (11,85%)	370	738	— 367 (—1,22%)	104 (0,35%)	3 831 (12,72%)
Андрхра Прадеш .	35 983	4 868 (15,65%)	360	554	— 194 (—0,62%)	22 (0,07%)	5 040 (16,20%)
Гуджарат	20 633	4 371 (26,88%)	357	373	— 16 (—0,10%)	172 (1,06%)	4 215 (25,92%)
Раджастан	20 156	4 185 (26,20%)	342	629	— 287 (—1,80%)	341 (2,13%)	4 131 (25,87%)
Орисса	17 549	2 903 (19,82%)	186	267	— 81 (—0,55%)	50 (0,34%)	2 934 (20,03%)
Керала	16 904	3 355 (24,76%)	149	449	— 300 (—2,22%)	26 (0,19%)	3 629 (26,79%)
Джамму и Кашмир	3 561	307 (9,44%)	24	57	— 33 (—1,00%)	7 (0,20%)	281 (8,64%)

Таблица 4

Интенсивность чистой эмиграции и ее распределение по месту выхода и месту вселения

Штат	Интенсивность чистой эмиграции, %	Распределение чистой эмиграции, %			
		по месту выхода		по месту вселения	
		из деревень	из городов	в деревни	в города
Уттар Прадеш	— 1,36	72,8	27,1	28,2	71,8
Бихар	— 1,54	86,6	13,4	46,9	53,1
Мадрас	— 1,08	63,1	36,9	41,0	59,0
Панджаб	— 1,71	69,1	30,9	36,9	63,1
Керала	— 1,75	59,4	40,6	27,6	72,4
Раджастан	— 1,41	74,4	25,6	41,2	58,8

Эта таблица показывает, что сельская эмиграция была особенно интенсивной в Бихаре (86,6%), Уттар Прадеше (72,8%) и Раджастане (74,4%), отличающихся высоким уровнем аграрного перенаселения. Это свидетельствует о том, что из-за недостатка земли, пригодной для обработки, и отсутствия на месте возможностей трудоустройства населения в несельскохозяйственной сфере народного хозяйства в деревнях этих штатов заметно действие сил «выталкивания».

Во всех указанных штатах миграционные движения в города были более интенсивными, чем миграции в сельские районы. Перемещение

из деревень в города было наиболее интенсивным, по-видимому, в Уттар Прадеше: 73% эмигрантов из этого штата были выходцами из сельских районов, а удельный вес переселившихся в города составил 72%.

Эмиграционные потоки из Бихара, Мадраса и Раджастана в значительной степени (свыше 40%) направлялись в сельские районы. В первых двух штатах это было вызвано притяжением безземельных сельскохозяйственных рабочих на плантации соседних штатов, а в Раджастане — привычкой местных земледельцев мигрировать из-за неустойчивости и ненадежности экономической конъюнктуры в земледелии этого штата.

Направление внутренних миграций

Основным направлением внутренних миграций населения Индии до ее раздела, как это было показано Дэвисом в его книге «Население Индии и Пакистана», было направление с Запада на Восток. Самый многочисленный поток направлялся в Калькуттский промышленный район в Бенгалии и в районы плантационного хозяйства в Ассаме. Причиной такого одностороннего характера миграций населения, по-видимому, было крайне неравномерное размещение промышленности Индии, сложившееся в колониальный период.

За годы осуществления трех пятилетних планов в Индии имел место рост новых городов и промышленных предприятий, расположенных в разных районах страны. Одновременно с этим за последнее десятилетие весьма возросла подвижность населения страны, и направление главных миграционных потоков претерпело значительные изменения, о чем свидетельствуют следующие данные:

Направление на:	Чистая миграция	Процент к итогу
Восток (Западная Бенгалия, Ассам)	1 172 425	35,22
Запад (Махараштра)	842 692	25,32
Северо-Запад (Дели)	541 812	16,28
Центр (Мадхья Прадеш)	518 443	15,58
Юг (Майсур)	252 909	7,60
Итого	3 328 281	100,00

Таким образом, в 1951—1961 гг. основные потоки мигрантов направлялись по пяти главным направлениям: на Восток, на Запад, на Северо-Запад, в Центр и на Юг.

Притяжение мигрантов было особенно сильным на Востоке и Западе, где расположены крупнейшие индустриальные «магниты» страны — Калькутта и Бомбей: сюда было привлечено около 60% общего числа мигрантов. Перемещение населения к Северо-Западу (в Дели) и в Центр (Мадхья Прадеш) началось сравнительно недавно. Притягательная сила южного района пока что невелика, о чем свидетельствует небольшая доля мигрантов (7,6%), отмеченных в этой части страны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 «Census of India, 1961», vol. I, India, pt II-C (iii) and II—C (iv).
2. Devis K., The Population of India and Pakistan.
3. Zachariah K. C., A Note on Internal Migration,—«Urban-Rural Differences in Southern Asia. Reports of Regional Seminar», Delhi, 1962.

Л. И. Бонифатьева

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРБАНИЗАЦИИ ИНДИИ

В процессе урбанизации различных районов Индии проявляются некоторые черты этого процесса, присущие всей стране в целом. Среди характерных особенностей урбанизации наиболее важными нам представляются следующие.

Процесс урбанизации протекает сравнительно медленно. Статистические данные, отражающие рост городов, содержатся в индийских переписях населения начиная с 1881 г. Перепись того года зафиксировала, в частности, что городское население Индии составляло только 9,3% ее жителей [10]¹. До 1921 г. доля городского населения находилась на уровне 10—11%. Начиная с 20-х годов текущего столетия процесс урбанизации несколько ускорился, что было связано с некоторым усилением капиталистического развития страны и увеличением внутренних миграций. Однако и ко времени переписи населения 1961 г. доля городских жителей не достигла 18%². Нет оснований предполагать, что в ближайшем будущем произойдет значительное повышение удельного веса городского населения.

Темпы роста городского населения Индии определяются в первую очередь относительно малой мобильностью ее жителей. Правда, приток сельских переселенцев в города постепенно нарастает. Из всего городского населения страны выходцы из других штатов или из других округов в пределах одного и того же штата (а среди них преобладают сельские мигранты) составляли в 1901 г. 3,3% и в 1961 г. 7,9% [10]. В связи с увеличением сельской миграции, охватывающей преимущественно трудоспособных мужчин, индийские города становятся все более и более «мужскими». Преобладание мужчин в городском населении Индии непрерывно возрастает: число женщин на каждую тысячу мужчин составляло в 1901 г. 910 человек, в 1961 г. лишь 845.

Несмотря на относительное нарастание миграции жителей из деревни в город, этот процесс захватывает лишь сравнительно небольшую часть сельского населения страны. Перелив деревенских жителей в города тормозится постоянной, хронической безработицей среди городского населения³. По данным Плановой комиссии Индии, в 1961 г.

---

¹ Данные относятся к Индии в границах конца XIX в.

² О причинах замедленного роста городского населения Индии в течение десятилетия 1951—1961 гг. см. [1].

³ Об особенностях миграции сельского населения Индии в городе см. [3]. Помимо хронической безработицы в городах, повышению мобильности сельского населения препятствуют и некоторые социально-экономические особенности индийской деревни: сохранение традиционной объединенной семьи, кастовой наследственной профессии и др.

в трудоспособном городском населении страны 3,3% составляли безработные, зарегистрированные на бирже труда (в сельской местности зарегистрированные безработные — 0,7%) [10]. Но известно, что фактическая безработица в Индии намного превышает зарегистрированную. Только среди трудоспособных мужчин, проживавших в индийских городах, не менее 2 млн. вынуждены были заниматься поисками работы [10]. Наиболее высок уровень безработицы в крупных городах. Среди всего трудоспособного населения зарегистрированные безработные составляли: в Калькутте — 10%, Мадрасе — 10, Канпуре — 6,3, Джамshedпуре — 8,3% [10].

В связи с возрастающим притоком сельских жителей в города в последних непрерывно увеличивается потребность в оплачиваемой работе. По прогнозам, в 1971 г. должно было потребоваться сравнительно с 1961 г. по меньшей мере 10 млн. дополнительных рабочих мест [10]. Но создание дополнительных возможностей занятости в индийских городах сильно ограничивается их функциональными особенностями. В 1961 г. более 40% самодеятельного городского населения было занято в непроизводительной сфере (торговля, различного рода услуги, государственная, военная, полицейская служба) [4]. Сельские жители, переселившись в город, вынуждены искать занятия преимущественно в этой сфере. Нередко люди, занимавшиеся прежде в деревне производительным трудом, переключаются в городе на непроизводительные профессии. При слабой еще индустриализации и широком развитии непроизводительных отраслей «поглотительная» способность городов как рынков труда оказывается весьма ограниченной.

Одной из основных особенностей урбанизации Индии является значительная противоречивость и контрастность этого процесса. В Индии одновременно существуют различные стадии урбанизации, последовательно пройденные развитыми странами в ходе их исторического развития.

Первоначальное возникновение городов в Индии относится к третьему тысячелетию до нашей эры. История развития некоторых из индийских городов длится без перерыва более тысячи лет. Древние индийские города появлялись и росли как торгово-ремесленные, военно-административные и религиозные центры. Это была прединдустриальная стадия урбанизации, начавшаяся задолго до развертывания индустриализации и не связанная с ней. Но некоторые черты этой стадии урбанизации проявляются в Индии до сих пор. Многие из индийских городов, возникнув несколько веков тому назад, продолжают и сейчас сохранять некоторые черты, присущие городу прединдустриальной стадии урбанизации. В сельской местности Индии постоянно возникает значительное число малых городов, образовавшихся на месте деревень и вызванных к жизни не индустриализацией, а ростом торговли (связанной очень часто с распространением не крупнокапиталистического, а мелкотоварного производства).

Во второй половине XIX в. в Индии создаются крупные промышленные предприятия. Этот процесс связан с началом индустриальной стадии урбанизации. Некоторые города развивались как относительно крупные индустриальные центры. Усилилось промышленное значение и многих других городов, не превратившихся, однако, в крупные промышленные узлы. Но в колониальный период промышленная революция в Индии оставалась незавершенной, индустриальная стадия урбанизации охватывала сравнительно ограниченное число городов. Создание национальной индустрии как важнейшей основы урбанизации началось, по существу, лишь после достижения страной независимости,

в ходе выполнения пятилетних планов. Таким образом, индустриальная стадия урбанизации в Индии еще только развертывается. В ее осуществлении большая роль принадлежит государству, поскольку развитие государственного сектора составляет основу индустриализации независимой Индии.

В XX в., и особенно на протяжении последних десятилетий, в Индии развивается ряд городских агломераций со сложными функциями и выраженной иерархией городов, складываются системы городов, состоящие из взаимосвязанных частей. Эта наиболее высокая в настоящее время стадия урбанизации именуется некоторыми зарубежными авторами «метрополитенской» [5]⁴.

В современной Индии в процессе урбанизации, как уже отмечалось, можно обнаружить очень резкие контрасты. С одной стороны, количественно резко преобладают малые города (свыше 70% общего числа городов приходится на те из них, в каждом из которых проживает менее 20 тыс. жителей). Это преимущественно небольшие локальные торговые центры, часто сохраняющие некоторые особенности сельских населенных пунктов. С другой стороны, в Индии имеется ряд крупных многофункциональных городов, являющихся главными составными частями городских систем. Концентрация населения в крупных городах Индии непрерывно нарастает, и по удельному весу крупных городов в городском населении Индия стоит на уровне наиболее развитых стран мира (в 1961 г. в городах с населением в 100 тыс. и более в Индии проживало более 40% всех городских жителей).

Индия примыкает к наиболее урбанизированным странам земного шара и по абсолютной численности городского населения (почти 80 млн. в 1961 г.).

Все отмеченные особенности урбанизации Индии отражают многоукладность экономики, порождающую большую сложность и противоречивость процесса роста городов и распространения их влияния на сельскую местность страны.

* * *

В такой огромной стране, как Индия, процесс урбанизации приобретает специфические особенности в ее различных частях. Выявление региональных различий в урбанизации и урбанизированности Индии имеет большое значение и несомненный интерес.

Для выделения на территории страны районов различного уровня и характера урбанизации необходимо прежде всего установить важнейшие показатели, которые следует принимать во внимание при таком выделении.

Применительно к отдельным территориям Индии вполне возможно использовать те же критерии, что и при определении уровня урбанизации страны в целом. Это, во-первых, самый распространенный из показателей — доля городских жителей во всей массе населения, во-вторых, абсолютная численность городского населения и, в-третьих, степень развития крупных городов⁵. Большое значение имеют показатели темпов урбанизации, отражающие динамику роста городского населения и в значительной степени — перспективы урбанизации разных

⁴ Один из исследователей выделяет две стадии урбанизации Индии — первичную, основанную на местной цивилизации и выражающуюся в образовании городов среди сельской местности, и вторичную, складывающуюся при соприкосновении с культурой других народов, характеризующуюся усложнением городских функций и возникновением систем городов [7].

⁵ Об общеиндийских критериях урбанизации см. [2].

территорий. Разумеется, при рассмотрении уровня урбанизации в региональном разрезе необходимо проводить постоянное сопоставление со средними данными по стране в целом, устанавливать удельный вес данной территории в общегосударственных показателях.

Однако все перечисленные показатели не отражают в достаточной мере многих специфических региональных особенностей роста и развития городов. В дополнение к ним следует пользоваться и другими критериями (доступными из индийской демографической статистики).

Процесс урбанизации по мере своего развития оказывает существенное влияние на отраслевую структуру самодеятельного населения, отражая углубление общественного и территориального разделения труда. Усиливается значение несельскохозяйственных городских отраслей, локализованных преимущественно в городах, но одновременно распространяющихся и в сельской местности, на которую все в большей мере оказывает свое многообразное влияние город.

Некоторые особенности индийской статистики таковы, что благодаря им возникают немалые трудности для анализа занятости населения в городских и негородских отраслях. В переписи населения Индии 1961 г. принята следующая классификация отраслей хозяйства: земледелие, горнодобывающая промышленность, лесное хозяйство, охота, рыболовство, животноводство, плантационное хозяйство (одна группа, объединяющая отрасли, непосредственно связанные с первичным использованием природных ресурсов и носящие преимущественно товарный характер,— в отличие от земледелия, представленного в значительной мере полунатуральными или даже натуральными хозяйствами), домашняя промышленность (кустарные производства), обрабатывающая недомашняя (фабрично-заводская) промышленность, строительство, торговля, транспорт, складское дело и связь.

Как видно из вышеизложенного, в некоторых случаях вообще невозможно различать сельскохозяйственный и несельскохозяйственный характер занятости — в одну группу попадают занятые в таких сельскохозяйственных отраслях, как животноводство и плантационное хозяйство, и в такой несельскохозяйственной отрасли, как горнодобывающая промышленность.

В других случаях весьма затруднительно провести территориальный анализ занятости населения в тех отраслях хозяйства, которые широко представлены одновременно и в городе, и в деревне. Ярким примером в этом отношении может служить домашняя промышленность (кустарные промыслы). С одной стороны, наблюдается исторически сложившееся широкое распространение ремесел в деревне. На протяжении длительной истории индийских народов основой их хозяйственной жизни являлась сельская община, отличавшаяся натуральным характером и сочетанием земледелия и ремесла. В результате английского колониального господства традиционное индийское ремесло было коренным образом подорвано и в значительной мере разрушено. Но индийские крестьяне продолжали заниматься кустарными промыслами, хотя бы для удовлетворения части собственных потребностей.

Государственная политика возрождения и дальнейшего развития на более современной технической базе ремесла, проводимая в независимой Индии, распространяется в значительной степени на деревню, что ведет к усилению позиций кустарного производства в сельских районах. Но, с другой стороны, концентрация ремесленных производств в селениях, расположенных вблизи резиденций феодальных правителей, еще в феодальную эпоху являлась важным фактором возникновения и развития многих древних индийских городов. И до настоящего

времени в силу незавершенности в Индии промышленной революции городская индустрия в очень значительной степени представлена ремесленным производством.

Но, несмотря на отмеченные сложности, материалы индийской статистики трудовой занятости населения могут быть использованы (хотя и с большой степенью условности) для определения уровня урбанизации разных частей страны. Для этой цели можно использовать данные о занятости населения, связанные с региональными различиями в тех отраслях хозяйства, которые в наибольшей степени носят городской характер — либо сосредоточены преимущественно в городах, либо получили распространение в сельской местности в значительной мере под влиянием города. К подобным отраслям мы считаем возможным отнести в первую очередь недомашнюю (фабрично-заводскую) обрабатывающую промышленность, строительство и транспорт. В этих отраслях сравнительно с другими отраслями индийской экономики более широко представлено крупное капиталистическое производство, тяготеющее преимущественно к городам. Из всех отраслей данной группы наибольшее значение как градообразующая отрасль имеет, бесспорно, фабрично-заводская промышленность.

К числу городских отраслей мы относим также торговлю. Правда, в этом случае допускается большая степень условности, поскольку эта отрасль распространена как в городе, так и в деревне. Тем не менее развитие торговли может в известной степени служить показателем урбанизации в силу того, что, как известно, с развитием капитализма значение торговли в экономической жизни общества усиливается и ее распространение в деревне непосредственно связано с экономическим влиянием городов, выступающих в качестве основных торговых, финансовых и организующих центров. К тому же следует отметить, что основной функцией многих индийских городов является именно торговля и ее роль в экономике того или иного региона непосредственно связана с усилением урбанизации. Перепись 1961 г. показала, что большая часть лиц, находящихся в деревне, в сельской местности — 3,3 млн.) [4].

С ростом урбанизации связано усиление товарного сектора в домашней промышленности в первую очередь в городе, но также и в сельской местности. Однако эту отрасль хозяйства мы не можем отнести к разряду городских, служащих показателем уровня урбанизации. Во-первых, подавляющее большинство ремесленников сосредоточено в деревне, а не в городе (в 1961 г. 9,9 млн. против 2,1 млн.) [4]. Во-вторых, до сих пор часть домашней промышленности носит нетоварный (или слабовыраженный товарный) характер, снабжая предметами личного потребления или непосредственно семью самого ремесленника, или крестьян той деревни, где живет ремесленник (пережитки общинной организации производства). В то же время индийская статистика не дает возможности выделить в ремесленном производстве его товарный сектор, рост которого связан с усилением городского влияния на деревню.

Среди других отраслей экономики, выделяемых индийской статистикой, мы, разумеется, исключаем из числа городских земледелие: хотя эта сфера занятости и представлена в городах (в 1961 г. земледелием было занято почти 10% самодеятельного городского населения [4]), однако никакой градообразующей роли земледелие, естественно, не играет. Исключена из числа городских и группа отраслей, объединяющая горнодобывающую промышленность, лесное хозяйство, охоту,

рыболовство, животноводство и плантационное хозяйство. Правда, горнодобывающая промышленность является, бесспорно, городской отраслью, но она охватывает лишь небольшую часть самодеятельного населения как страны в целом, так и большинства ее районов. Кроме того, нет возможности выделить по отдельным регионам занятых в этой отрасли среди других отраслей, объединяемых в этой группе. Остальные отрасли (за исключением горнодобывающей) входят, бесспорно, в область сельскохозяйственной занятости, и поэтому включение всей группы в целом в «неземледельческое производство» (т. е., по существу, в несельскохозяйственное производство), как это принято в индийской статистике, никак нельзя признать оправданным.

Для определения уровня урбанизации очень важны различные социальные показатели. К сожалению, они почти отсутствуют в индийской статистике. Казалось бы, можно использовать для наших целей такой важный показатель, как разделение лиц, занятых в земледелии, на собственно земледельцев и сельскохозяйственных рабочих (в переписи населения 1961 г. проводится такое разделение). Известно, что по мере развития капитализма растет удельный вес наемных сельскохозяйственных рабочих среди общего числа земледельцев. Поскольку распространение капитализма в деревне непосредственно связано с усилением процесса урбанизации, вполне правомерно считать распространение наемного труда в сельском хозяйстве одним из косвенных показателей урбанизации. Но дело в том, что в условиях Индии выделяемые статистикой сельскохозяйственные рабочие далеко не всегда действительно рабочие, работающие по найму с денежной оплатой. Очень многие из них подвергаются различным формам полуфеодальной эксплуатации (формы зависимости безземельного или малоземельного индийского крестьянина от землевладельца весьма разнообразны и сложны, представляя собой целую систему переходов от феодальной к капиталистической эксплуатации). Поэтому приходится отказаться от рассмотрения в нашем исследовании этого критерия.

Процесс урбанизации непосредственно связан с ходом внутренних миграций населения. Поэтому региональные различия во внутренних миграциях во многом отражают и различия в уровне урбанизации.

Поскольку в индийские города в основном переселяются мужчины трудоспособных возрастов, усиление миграции обычно ведет, как уже отмечалось, к возрастанию количественного перевеса мужчин в населении городов. Количественное преобладание мужчин отличается сильной дифференциацией среди городов различного масштаба. Оно в наибольшей мере проявляется в крупных городах, для которых характерна более значительная подвижность населения. В то же время в относительно малых городах с их более стабильным населением перевес мужчин обычно выражен слабее, а в некоторых из них наблюдается отток мужского населения в более крупные города, что приводит даже к численному преобладанию женщин⁶.

Таким образом, количественный перевес мужского населения отражает размах миграций из деревни в город главным образом применительно к крупным городам, а не ко всем городам в целом. Но даже и в крупных городах, расположенных в разных районах, половая структура населения подвержена сильным влияниям исторически сложившихся региональных социально-экономических, этически-религиоз-

⁶ В 1961 г. во всем городском населении Индии на каждую тысячу мужчин приходилось 845 женщин; в населении крупных городов (с числом жителей в 100 тыс. и более) — 800; в населении наиболее мелких городов (от 5 тыс. до 20 тыс. жителей) — 897 [4].

ных, бытовых особенностей. Так, в южных районах Индии сложились традиции семейной миграции, тогда как в северных частях страны широкое распространение высших индуистских каст, в которых существует запрет для женщин работать вне собственного дома, сильно ограничивает подобную семейную миграцию. В результате этих, а равно и целого ряда других факторов в городах Южной Индии обычно менее проявляется количественный перевес мужского населения.

Из сказанного выше можно прийти к заключению, что такой критерий, как половая структура населения, может рассматриваться как определенный показатель урбанизации с большой степенью условности.

Косвенным показателем урбанизации той или иной территории может служить уровень грамотности населения, так как с ростом городов повышается и уровень грамотности (в 1961 г. грамотные в Индии составляли: во всем населении — 24%, среди городского населения — 46,9, среди сельского населения — 19%) [4].

Следует подчеркнуть, что индийская статистика не предоставляет полной возможности для вполне обоснованного выявления региональных различий в урбанизации страны. Однако применение всех названных показателей, несмотря на их несовершенство, создает определенную основу для выявления в первом приближении тех районов, которые отличаются наиболее высоким уровнем урбанизации и, таким образом, играют главную роль в современном процессе урбанизации Индии.

Ниже приводятся и анализируются таблицы, в которых рассматривается ряд названных выше показателей урбанизации.

Таблица 1
Размещение городского населения по административным единицам Индии, 1961 г.*

Административная единица	Число городов	Городское население		Доля в общениндийских показателях, %		
		тыс.	%	в территории	во всем населении	в городском населении
Махараштра	265	11 163	28,2	10,1	9,0	14,1
Мадрас	338	8 991	26,7	4,3	7,7	11,2
Гуджарат	181	5 317	25,8	6,1	4,7	6,7
Западная Бенгалия	184	8 541	24,5	2,3	8,0	10,8
Майсур	230	5 266	22,3	6,3	5,4	6,7
Панджаб	187	4 089	20,1	4,0	4,6	5,2
Андрхра Прадеш	223	6 274	17,4	9,0	8,2	7,9
Раджастхан	145	3 281	16,3	11,2	4,6	4,1
Керала	92	2 554	15,1	1,3	3,9	3,2
Мадхья Прадеш	219	4 627	14,1	14,5	7,4	5,9
Уттар Прадеш	275	9 480	12,9	9,7	16,8	12,0
Бихар	153	3 914	8,4	5,7	10,6	5,0
Ассам	60	913	7,7	4,0	2,7	1,2
Орисса	62	1 110	6,3	5,1	4,0	1,5
Кашмир	43	593	16,7	—	0,8	0,7
Нагаленд	3	19	5,2	0,5	0,1	0,02
Территории:						
Дели	3	2 359	88,8	0,05	0,6	3,0
Прочие	27	345	7,0	5,85	0,9	0,78
Вся Индия . . .	2 690	78 736	18,0	100,0	100,0	100,0

* Составлено по [4]. В группу „прочие территории“ объединены все административные единицы, именуемые в переписи „союзные и другие территории“, за исключением Дели.

Как видно из табл. 1, отражающей наиболее общие особенности географического размещения городского населения Индии, самый высокий его процент (превышающий общенациональный показатель) присущ таким административным единицам, как Махараштра, Мадрас, Гуджарат, Западная Бенгалия, Майсур, Панджаб и Дели. Одновременно доля каждой из этих единиц в городском населении страны выше, нежели их доля во всем населении. Следовательно, можно считать, что именно эти административные единицы отличаются относительно более высоким уровнем урбанизации.

Но, как уже отмечалось, для Индии с ее огромным населением нельзя не учитывать и такой важнейший показатель, как абсолютная численность городского населения. Из таблицы ясно, что по этому показателю особенно выделяются штаты Махараштра, Уттар Прадеш, Мадрас и Западная Бенгалия. В каждом из названных штатов городское население составляет от 8,5 млн. до 11 млн. человек, на каждый из них приходится более 10% всего городского населения страны. По этому показателю в группу сравнительно урбанизированных штатов попадают Махараштра, Мадрас и Западная Бенгалия и, кроме того, добавляется штат Уттар Прадеш.

Таблица 2 отражает региональные различия в степени концентрации городского населения Индии. Наиболее значительная концентрация характерна для штатов Махараштра, Западная Бенгалия и административной территории — Дели. Здесь весьма высок удельный вес как крупных городов в целом, так и крупнейших городов-«миллионеров». По удельному весу крупных и крупнейших городов в городском населении упомянутые административные единицы намного превосходят общеиндийские данные. Сопоставление табл. 2 с табл. 1 свидетельствует и о том, что для всех указанных территориальных единиц их доля в населении крупных городов страны выше, чем доля во всем городском населении. В совокупности на Махараштуру, Западную Бенгалию и Дели приходится 17,6% всего населения Индии, 26,9% городского населения и 39,3% населения крупных городов (в суммарном населении городов-«миллионеров» на долю перечисленных трех единиц падает 64,4%).

Выделяются рассматриваемые административные единицы и по значимости такого условного показателя, как средняя численность населения города. В табл. 2 обращает на себя внимание общая малая средняя численность населения городов в большинстве штатов (что обусловливает и низкий общеиндийский показатель). Бросается в глаза также и то обстоятельство, что примерно в половине штатов средняя численность населения в городе близка к общеиндийской, колеблясь в пределах 20—30 тыс. На этом фоне резко выделяется территория Дели, но ее, по существу, нельзя сопоставлять с другими административными единицами страны, поскольку этот столичный округ почти целиком занят городом-«миллионером» Дели. Среди сопоставимых территориальных единиц заметно поднимаются над общенациональным уровнем Западная Бенгалия и Махараштра, где средняя численность населения города примерно в полтора раза выше, чем в среднем по стране.

Следует отметить высокую концентрацию населения в крупных городах в Уттар Прадеше, где половина всего городского населения сосредоточена в городах-«стотысячниках» (при этом показательно, что в Уттар Прадеше нет ни одного города, достигшего миллионного населения). Существование многочисленных крупных городов привело к тому, что доля этого штата в населении крупных городов Индии

Таблица 2

Географическое размещение крупных городов Индии и средняя численность населения городов, 1961 г.*

Административная единица	Крупные города (с населением в 100 тыс. и более)			Крупнейшие города (с населением в 1 млн. и более)			Средняя численность населения города, тыс.
	число городов	доля в городском населении административной единицы, %	доля в населении крупных городов Индии, %	число городов	доля в городском населении административной единицы, %	доля в населении крупнейших городов Индии, %	
Махараштра . . .	12	60,5	19,2	1	37,2	29,3	42,1
Мадрас	9	37,8	9,7	1	19,2	12,1	26,6
Гуджарат	6	42,4	6,4	1	21,6	8,1	29,4
Западная Бенгалия	12	55,5	13,5	1	34,3	20,6	46,4
Майсур	6	36,8	5,5	1	20,8	7,6	22,9
Панджаб	5	26,2	3,1	—	—	—	21,9
Анхра Прадеш .	11	40,5	7,2	1	17,8	7,8	28,1
Раджастхан . . .	6	37,8	3,5	—	—	—	22,6
Керала	4	26,9	2,0	—	—	—	27,8
Мадхья Прадеш .	6	31,5	4,2	—	—	—	21,2
Уттар Прадеш .	17	50,3	13,6	—	—	—	34,5
Бихар	7	33,1	3,7	—	—	—	25,6
Ассам	1	11,0	0,3	—	—	—	15,2
Орисса	1	13,2	0,4	—	—	—	17,9
Кашмир	2	65,4	1,1	—	—	—	13,8
Нагаленд	—	—	—	—	—	—	6,3
Дели	2	90,0	6,6	1	88,2	14,5	786,3
Прочие территории	—	—	—	—	—	—	12,9
Индия	107	44,5	100,0	7	18,0	100,0	29,3

* Составлено по [4].

выше, чем его доля во всем городском населении страны. По этой же причине Уттар Прадеш несколько превосходит и общеиндийский показатель средней численности населения города.

Не отличаясь значительным распространением крупных городов в целом и не достигая по концентрации населения в них общеиндийских показателей (равно как не выделяясь высоким удельным весом в населении крупных городов страны и величиной средней численности населения города), довольно большой концентрацией населения в городах-«миллионерах» характеризуются штаты Гуджарат, Майсур и Мадрас (доля городского населения, сосредоточенного в крупнейших городах, в этих штатах выше, чем по Индии в целом).

Все названные при анализе табл. 2 административные единицы, отличающиеся относительно более высокой урбанизированностью (Махараштра, Западная Бенгалия, Дели, Уттар Прадеш, Гуджарат, Майсур и Мадрас), входят в состав той же группы, которая была выделена на основе анализа табл. 1.

Попутно следует отметить, что по материалам табл. 2 выделяется по концентрации населения в крупных городах штат Кашмир, в котором 65% городского населения проживает в крупных городах. Но по одному этому показателю нет оснований относить Кашмир к числу относительно урбанизированных территорий в связи с тем, что его городское население в целом сравнительно невелико, средняя числен-

ность населения города мала и удельный вес штата в населении крупных городов страны весьма незначителен.

Теперь обратимся к данным о некоторых региональных различиях в характере трудовой занятости населения Индии и попытаемся установить, какие из частей страны по этим показателям могут быть отнесены к числу более урбанизированных (табл. 3).

Таблица 3
Некоторые особенности отраслевой структуры
самодеятельного населения Индии, 1961 г.*

Административная единица	Занятые в городских отраслях в 1961 г., процент ко всем занятым	
	Фабрично-заводская промышленность, строительство, транспорт	Торговля
Махараштра	10,5	4,5
Мадрас	8,5	4,9
Гуджарат	9,1	5,1
Западная Бенгалия . .	16,0	7,5
Майсур	6,7	3,6
Панджаб	9,0	5,4
Андрха Прадеш . . .	5,0	1,2
Раджастхан	4,1	3,0
Керала	13,5	5,0
Мадхья Прадеш . . .	3,9	2,4
Уттар Прадеш	4,9	3,6
Бихар	3,9	2,7
Ассам	4,2	3,6
Орисса	2,2	1,9
Кашмир	3,7	2,2
Нагаленд	0,8	0,6
Дели	30,0	17,2
Индия в целом	6,9	4,0

* Таблица составлена на основе [4]. Среди территорий рассматривается только Дели. Остальные территории в таблицу не включены, поскольку их роль в процессе урбанизации Индии ничтожна.

Из табл. 3 видно, что наиболее значительным развитием городских отраслей хозяйства выделяются Западная Бенгалия, Махараштра, Гуджарат, Мадрас, Панджаб, Дели и Керала. В каждой из этих территориальных единиц доля занятых в городских отраслях выше, чем по стране в целом. Особенно заметно это превышение в фабрично-заводской промышленности, строительстве и на транспорте. Что касается занятости в торговле, то в большинстве выделяемых административных единиц показатели мало отличаются от общегосударственных. Это связано, бесспорно, с более равномерным распространением по стране торговли сравнительно с такими отраслями, как фабрично-заводская промышленность, строительство и механизированный транспорт (представленный преимущественно в городах и их хинтерландах). Но тем не менее во всех названных выше административных единицах доля занятых в торговле несколько выше, чем в среднем по Индии, что связано с более значительным распространением торгово-денежных отношений, в чем, в свою очередь, находит отражение более высокий уровень урбанизации.

Выделенные на основе анализа табл. З штаты в своем большинстве совпадают с теми, которые были названы и на основе рассмотрения таблиц 1 и 2. Кроме того, по данным табл. 3, в группу более урбанизированных штатов попадает еще Керала, хотя по материалам двух предыдущих таблиц такого результата мы не получали.

Как уже отмечалось, косвенным показателем того или иного уровня урбанизации может служить уровень грамотности населения (табл. 4).

Таблица 4
Грамотность населения Индии, 1961 г.*

Административная единица	Грамотные, процент ко всему населению	Административная единица	Грамотные, процент ко всему населению
Махараштра	29,8	Мадхья Прадеш	17,1
Мадрас	31,4	Уттар Прадеш	17,6
Гуджарат	30,5	Бихар	18,4
Западная Бенгалия	29,3	Ассам	27,4
Майсур	25,4	Орисса	21,7
Панджаб	24,2	Кашмир	11,0
Андрха Прадеш	21,2	Нагаленд	17,9
Раджастхан	15,2	Дели	52,7
Керала	46,8	Индия	24,0

* Составлено по [4].

Как видно из табл. 4, наиболее высоким уровнем грамотности отличаются Мадрас, Гуджарат, Махараштра, Западная Бенгалия, Майсур, Панджаб, Дели, а также Керала и Ассам. Конечно, на уровень грамотности населения влияют весьма различные факторы. Например, относительно высокий (на общеиндийском фоне) уровень грамотности в Керале связан с некоторыми особенностями исторического развития этой территории. В колониальный период здесь широко действовали миссионеры. После достижения независимости большое внимание подъему образования уделяют коммунистические правительства штата.

Другая картина в Ассаме. Эта территория постоянно привлекает значительное число переселенцев из других частей Индии (в первую очередь для работы на чайных плантациях, а также в нефтяной промышленности). Переселение охватывает прежде всего трудоспособных мужчин, а поскольку в Индии грамотность мужчин заметно выше по сравнению с женщинами, это обстоятельство повышает общий уровень грамотности всего населения штата.

Но какими бы причинами ни определялся тот или иной уровень грамотности в каждом конкретном случае, повышение уровня грамотности связано, бесспорно, с расширением урбанизации. Весьма показательно, что в группу штатов относительно более высокой грамотности, как видно из табл. 4, попадают в основном те же штаты, которые уже были выделены ранее как более урбанизированные на основе иных признаков. Следовательно, повышенный уровень грамотности является еще одним дополнительным показателем, который свидетельствует о более значительной урбанизации.

Что касается такого показателя, как количественное соотношение мужского и женского населения, то, как уже отмечалось, при опреде-

лении уровня урбанизации этот признак имеет в значительной степени условное значение. Тем не менее интересно отметить, что те штаты Индии, которые на основе анализа всех предыдущих таблиц выделяются как наиболее урбанизированные, отличаются и самым значительным численным перевесом мужского населения. Речь идет о Западной Бенгалии и Махарашtre, в которых на 1000 мужчин городского населения приходилось в 1961 г. соответственно 701 и 801 женщина (при среднеиндийском показателе 845) [4]. Если рассматривать только крупные города-«стотысячники», то картина получится такая: на 1000 жителей-мужчин приходится женщин в Западной Бенгалии 638, в Махарашtre 721 и в Индии в среднем 800 [4]. В административной территории Дели количественное преобладание мужчин в городском населении более значительно, чем в стране в целом, но разрыв менее выражен, чем в Западной Бенгалии и Махарашtre. Во всем городском населении территории Дели на 1000 мужчин приходится 777 женщин, а в населении крупных городов — 781 [4].

Приведенные данные о половой структуре городского населения свидетельствуют о значительном притоке мужского населения в города (в первую очередь в крупные) штатов Махараштра и Западная Бенгалия, что в специфических условиях Индии является важным подтверждением более интенсивного, активно протекающего процесса урбанизации. Приток мужского населения проявляется и в Дели, но в столицу в значительной мере направляется семейная миграция (в первую очередь она охватывает государственных служащих), что несколько смягчает «дефицит полов» (количественное преобладание мужчин). Относительно остальных штатов Индии трудно проследить четко выраженную закономерность в изменении количественного соотношения мужчин и женщин в зависимости от уровня урбанизации.

Подводя итог всех рассмотренных показателей урбанизации можно сделать следующие выводы. На основании всех без исключения показателей выделяется в первую очередь группа административных единиц, являющихся наиболее урбанизированными в стране. Это штаты Западная Бенгалия, Махараштра и территория Дели. Следующую группу образуют штаты Мадрас, Майсур, Гуджарат и Панджаб. Они попадают в число относительно более урбанизированных территорий Индии на основе данных всех приведенных выше таблиц, но такой важный показатель, как концентрация городского населения (см. табл. 2), в них не достигает уровня, который характерен для первой группы. Следовательно, по достигнутому уровню урбанизации вторая группа стоит «на ступеньку ниже» первой группы административных единиц. На третьей «ступени градации» стоит штат Уттар Прадеш, отличающийся высокой абсолютной численностью городского населения и значительной его концентрацией в крупных городах (см. табл. 1 и 2), но не выделяющийся большим развитием городских отраслей (особенно фабрично-заводской промышленности, строительства и транспорта) и относительно более высоким уровнем грамотности (см. табл. 3 и 4). По развитию городских отраслей и по уровню грамотности поднимается над общеиндийским уровнем Керала (см. табл. 3 и 4). Но для этого штата повышенное значение названных показателей связано в первую очередь не с урбанизацией (как видно из табл. 1 и 2, Керала не выделяется среди других штатов ни долей городского населения, ни его абсолютной численностью, ни концентрацией в крупных городах). Основные причины более высокой грамотности населения Кералы уже были упомянуты. Что касается более значительного, чем по стране в целом, развития городских отраслей, то это явление скорее всего

связано с широким распространением плантационного хозяйства (в частности, производства кокосовых орехов) и обработки сельскохозяйственной продукции на мелких предприятиях, расположенных при плантациях (но не сконцентрированных в городах). В результате всего сказанного нет оснований для отнесения Кералы к числу более урбанизированных штатов.

Таким образом, завершая наш анализ, мы относим к числу штатов с относительно более высоким уровнем урбанизации Западную Бенгалию, Махараштру, Мадрас, Майсур, Гуджарат, Панджаб и Уттар Прадеш. В эту же объединенную группу попадает и территория Дели, но она занимает особое положение, поскольку почти целиком представляет собой городское поселение. Если сгруппировать выделенные административные единицы в крупные регионы, то можно говорить о двух основных районах относительно более высокой урбанизированности в Индии. Первый охватывает северо-западные, северные и северо-восточные территории в стране, занимая большую часть равнины Ганга. В этот район включаются штаты Западная Бенгалия, Уттар Прадеш, Панджаб и территория Дели. Это почти сплошная обширная полоса, которая прерывается лишь штатом Бихар, отличающимся более низким уровнем урбанизации⁷. Второй район более высокой урбанизированности охватывает южные и западные территории Индии. Это штаты Мадрас, Майсур, Махараштра и Гуджарат, расположенные в юго-восточной, юго-западной и западной частях Индостана и образующие сплошной территориальный пояс.

Выявление факторов более значительной урбанизации в каждом из этих регионов не может быть предметом исследования в данной статье. Это самостоятельная весьма важная тема, требующая специального изучения. Здесь можно привести лишь самые общие соображения. Прежде всего различия в уровне урбанизации, достигнутой в той или иной части страны, определяются уровнем экономического развития, поскольку к настоящему времени в Индии наибольшее значение приобрела индустриальная стадия урбанизации. Но, как уже отмечалось в начале статьи, в Индии до сих пор сохраняются элементы прединдустриальной стадии урбанизации. В связи с этим региональные различия в урбанизации определяются также действием национальных особенностей, культурных и религиозных традиций, характером древнего заселения. Большое влияние оказывают и природные условия.

В качестве примеров можно упомянуть некоторые факторы, оказавшие свое воздействие на ход урбанизации Гангской равнины — одного из основных регионов относительно более значительной урбанизации. Как отмечают индийские исследователи, в истории городов этого района отразились все главные этапы истории индийских государств, возникавших и развивавшихся на этой территории. Так, зарождение и первоначальное развитие (и в то же время весьма длительное) таких городов, как Варанаси, Аллахабад, Матхура, связаны с древней культурой индуизма. Возышение городов Дели (Старый Дели), Лакхнау, Агра находится в связи с господством в Индии мусульман (династии Великих Моголов). Колонизация Индии британской буржуазией явилась мощным толчком для роста крупнейших городов в противоположных концах Гангской равнины — Калькутты и Нью-Дели. Подъем Канпура и некоторых городов в долине Хугли связан с индустриали-

⁷ По существу, полного территориального разрыва в северной более урбанизированной территории нет, поскольку южные округа Бихара (Дханбад, Сингхбхум, Ранчи) отличаются сравнительно более высокой урбанизированностью.

зацией Индии, начавшейся во второй половине XIX в. [9]. Наконец, на равнине Ганга имеются и города, непосредственно связанные с политикой государственного регулирования, проводимой в независимой Индии в ходе выполнения пятилетних программ экономического развития. Ярким примером в этом отношении может служить город Читтаранджан в Западной Бенгалии. Это — один из самых молодых городов Индии, основанный в 1948 г. в связи со строительством государственного локомотивного завода [6]. Таким образом, различные социально-экономические, политические и культурные факторы, приобретавшие особое значение в разные исторические периоды, определили развитие городов Гангской равнины.

Весьма большое значение для возникновения и развития городов имели и природные условия. Подавляющее большинство крупных городов Гангской равнины выросло на берегах Ганга, Ямуны и их притоков, в течение многих веков постоянно игравших важную роль в экономической и религиозно-обрядовой жизни индийцев. Наибольшее значение для привлечения населения имели места слияния рек (например, Аллахабад вырос при слиянии Ганга и Ямуны, Патна — при слиянии Ганга, Гандака и Сона). В тяготении городов к крупным рекам проявилось значение выгод географического положения, которым обладали населенные пункты, расположенные на водных артериях. На западной окраине Гангской равнины приречные города сложились еще в древности. Интересно отметить, что наибольшее число городов привлек не Ганг, а его приток Ямуна, отличавшийся на этом участке равнины большей глубиной, чем Ганг. Центром приречных городов западной части Гангской равнины явился Дели. Возникновение и движение Дели как столицы связано и с другими выгодами его положения: город расположен на р. Ямуне в своего рода узком «коридоре» (ширина менее 200 км) на водоразделе Ганга и Инда, между Гималаями, с одной стороны, и Деканским плоскогорьем и пустыней Тар — с другой [9].

В развитии более молодых городов на восточной окраине Гангской равнины существенное влияние оказали выгоды географического положения: агломерация Калькутты на р. Хугли своим ростом в значительной мере обязана тому, что в низовьях Ганга смыкались важнейшие речные и океанические коммуникации. В дальнейшем немалое значение имела близость и основных каменноугольных и железорудных бассейнов страны. Выгоды транспортно-географического положения, удобное расположение относительно месторождений природного сырья имеют очень большое значение и для выбора места строительства новых городов, создаваемых в плановом порядке. Например, выбор площадки для нового города Читтаранджан был обусловлен рядом обстоятельств: близостью разработок угля, металлургического центра Асансола — Дургалпуре, возможностью снабжения водой из водохранилища Майтхон, построенного на р. Дамодар.

Таковы некоторые примеры важнейших факторов, которые в сложном переплетении определили относительно более высокую урбанизацию Гангской равнины.

Интересно проследить различия в темпах роста городского населения разных частей Индии (табл. 5).

Из таблицы видно, что лишь немногие из выделенных нами штатов относительно более высокой урбанизированности обнаружили рост городского населения более значительный, чем Индия в целом,— это Западная Бенгалия и Панджаб, а также Дели. Остальные из относительно более урбанизированных штатов отличались замедленным по

Таблица 5

Увеличение городского населения с 1951 по 1961 г.,^{*}
 %

Административная единица	Рост городского населения	Административная единица	Рост городского населения
Махараштра	21,0	Мадхья Прадеш	47,7
Мадрас	22,6	Уттар Прадеш	9,9
Гуджарат	20,1	Бихар	49,0
Западная Бенгалия	36,0	Ассам	122,5
Майсур	18,2	Орисса	86,7
Панджаб	33,3	Кашмир	—
Андрха Прадеш	15,8	Нагаленд	364,4
Раджастхан	11,0	Дели	64,2
Керала	39,9	Индия	26,2

* Составлено по [4].

сравнению со страной в целом, приростом городского населения. С одной стороны, такое положение определяется более высоким исходным (в 1951 г.) уровнем урбанизации в этих штатах. С другой стороны, проявились и недостаточные для быстрой урбанизации темпы индустриализации за последнее десятилетие. Относительно уже развитые к 1951 г. города в этих штатах не получили новых значительных возможностей для привлечения и поглощения крупных потоков сельских переселенцев. В замедленности роста городского населения в сравнительно более урбанизированных штатах и в более быстром его росте в менее урбанизированных штатах находит свое проявление наметившаяся в независимой Индии тенденция к экономическому развитию наиболее отсталых в прошлом районов. Примерами могут служить Мадхья Прадеш с развивающейся металлургической промышленностью, Ассам — с нефтяной промышленностью.

Возможно, в перспективе обнаруженные переписью 1961 г. различия в темпах роста городского населения и приведут к иному соотношению районов с более или менее высокой урбанизированностью, но к настоящему времени пока еще не произошло сколько-нибудь существенных процессов, которые изменили бы картину, выявленную на основе нашего анализа.

В заключение следует отметить, что принятие в данной статье штатов в качестве единиц для территориального анализа сопряжено с немалыми недостатками. Дело в том, что каждый из штатов обладает значительными внутренними различиями в уровне и особенностях урбанизации. В первую очередь это относится к штатам, в которых выросли наиболее крупные города, сконцентрировавшие большую долю городского населения. Указанная особенность отчетливо видна из табл. 6.

Из таблицы видно, что наиболее значительными различиями в уровне урбанизации «собственно городских» территорий и остальных частей штатов отличаются Западная Бенгалия и Махараштра — те два штата, которые на основе наших наблюдений выделяются как наиболее урбанизированные. Именно в относительно более урбанизированных штатах в наибольшей мере проявляются внутренние различия (а иногда и контрасты) в степени достигнутой урбанизации.

Таблица 6

**Городское население в штатах, где расположены
10 крупнейших городов Индии, 1961 г.***

Штат в целом	Городское население,		
	штат за исключением крупнейших городов	млн. человек	%
Мадрас	9,0	26,6	
без г. Мадрас	7,3	22,8	
Гуджарат	5,3	25,8	
без г. Аллахабад	4,1	18,4	
Майсур	5,3	22,3	
без г. Бангалур	4,1	18,4	
Махараштра	11,2	28,2	
без городов Бомбей, Пуна, Нагпур	5,6	15,4	
Андрхра Прадеш	6,3	17,4	
без г. Хайдарабад	5,0	14,4	
Уттар Прадеш	9,5	12,9	
без городов Канпур, Лакхнау	7,9	11,0	
Западная Бенгалия	8,5	24,5	
без Большой Калькутты	2,6	9,3	

* Составлено по [8].

Для более точного выявления конкретных территориальных различий в уровне урбанизации необходимо проводить анализ не по штатам, а по более дробным административным единицам — округам. Но подобное изучение должно быть темой дальнейшего, более детального исследования. В этой же статье мы ставили перед собой более скромную задачу — выделение на базе индийской статистики самых основных, крупных территорий относительно более высокой урбанизации. Таким образом, это лишь начало теоретически и практически важной работы по определению тех региональных различий в уровне и характере урбанизации Индии, которые сложились к настоящему времени.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бонифатьева Л. И., Данные о городах в переписи населения Индии, 1961 г., — «Страны и народы Востока», вып. IV, 1965.
- Бонифатьева Л. И., К вопросу об определении уровня урбанизации Индии, — «Страны и народы Востока», вып. V, 1967.
- Бонифатьева Л. И., Миграция населения Индии из деревни в город, — «Страны и народы Востока», вып. III, 1964.
- «Census of India, 1961, Paper № 1. Final Population Totals», New Delhi, 1962.
- Eames E., Urbanisation and Rural-Urban Migration in India, — «Population Review», 1965, vol. 9, № 1—2.
- Mohsin M., Chittaranian, a Study in Urban Geography, Bombay, 1964.
- Qazi A., A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy.— «Research Paper, Department of Geography, University of Chicago», 1965, № 102.
- «Regional Planning for West Bengal», Calcutta, 1965.
- Singh U., Distribution and Character of Cities of the Ganga Plain, — «The National Geographical Journal of India», 1965, vol. 11, № 1.
- Vakil C. N., Roy K., Growth of Cities and Their Role in the Development of India, — «Civilisations», 1965, vol. 15, № 3.

P. Ч. Нигам¹

ЯЗЫКИ ИНДИИ И РОЛЬ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ

Языковой состав населения Индии отличается исключительной сложностью и пестротой, и это обстоятельство накладывает глубокий отпечаток на все стороны жизни современной Индии.

В этой стране распространены языки, относящиеся к четырем крупным языковым семьям: австриской (австро-азиатской подсемье), дравидийской, тибето-китайской и индоевропейской (индоарийской подсемье).

Австриская языковая семья. Эта семья представлена в Индии языками ветви мунда и ветви мон-кхмер. Большая часть народов, говорящих на языках мунда, населяет возвышенные лесные районы Бихара, Ориссы и Центральной Индии. Наиболее многочисленные народы этой группы — санталы, мунда, хо, бхумидж, корку, кхария и саора, говорящие на одноименных языках. По данным переписи 1961 г., на языке сантали говорит более 3 млн. человек, тогда как на каждом из шести остальных — лишь несколько более чем по 100 тыс. На кхаси — языке мон-кхмерской ветви этой семьи — говорит около 360 тыс. человек (в Ассаме), а на никобарском языке (на Никобарских островах) — около 14 тыс. человек.

Хотя по числу говорящих австро-азиатские языки охватывают совсем небольшую часть (около 1,5%) всего индийского населения, они представляют большой интерес для исследователей в области языкоznания и культуры. Информации о них, однако, пока что недостаточно. До XIX в. мы вообще не имели образцов речи на этих языках. Сведения о них были получены только в XIX в., когда христианские миссионеры из Европы начали работать среди санталов и других народов.

В течение последнего десятилетия, однако, наши знания об этих языках значительно расширились. Ряд языков, прежде мало известных, был изучен компетентными лингвистами. Был проведен также пересмотр классификации ветви мунда. Ряд элементов, восходящих к языкам мунда, был обнаружен и в индоарийских языках. Было выявлено

---

¹ Ромеш Чандр Нигам — видный индийский лингвист и крупный организатор научных исследований. В 1961 г. был заведующим Отделом языков Ведомства Генерального регистратора Индии и руководил всей работой по сбору, обработке и публикации лингвостатистических данных, собранных во время переписи 1961 г. В настоящее время Р. Ч. Нигам занимает пост Помощника Генерального регистратора и возглавляет все мероприятия и исследования, связанные с изучением языковой ситуации в Индии в рамках осуществления программы переписи 1971 г.

лексическое взаимодействие не только между языками мунда и тибето-тигмалайскими, но также и между мунда и классическим тибетским языком. В настоящее время ученые заняты сбором сравнительных данных по различным языкам с целью найти удовлетворительные объяснения, касающиеся взаимоотношений языков мунда с языками других языковых семей Индии.

Благодаря смешению населения, говорящего на австро-азиатских языках, с численно гораздо более крупными индо-арийскими и дравидийскими народами во многих случаях значительная часть ряда мундаязычных языковых групп либо стала двуязычной, либо почти полностью переключилась на окружающие арийские или дравидийские языки. Грамотность среди этих народов находится на очень низком уровне (5—8%), и, несмотря на ряд усилий, предпринятых, например, санталами и кхаси для сохранения и развития своих языков, процесс дальнейшего перехода носителей многих языков этой группы на более «сильные» и пользующиеся более высоким престижем языки окружающего населения будет продолжаться.

Дравидийская языковая семья. Из четырех главных языковых семей в Индии дравидийская семья — вторая по величине (свыше 107 млн. человек, т. е. 24,47% всего населения Индии). Эта семья охватывает четыре крупных региональных языка: телугу (около 38 млн.), тамил (около 31 млн.), каннада (17 млн.) и малаялам (17 млн.), которые объединяют 95,58% общего числа говорящих на дравидийских языках в стране. Поскольку в своем «Лингвистическом обзоре Индии» Дж. А. Грирсон не охватил Мадрасское президентство и княжества Майсур и Хайдарабад мы находим у него лишь краткие сведения о главных дравидийских языках. Однако вслед за Грирсоном, исследованиями дравидийских языков занялись многие как западные, так и индийские ученые, и за последнее время наши знания об этих языках значительно расширились.

Последние исследования в этой области дравидийского языкоznания привели к переоценке классификации Грирсона, и современные лингвисты склоняются к иной схеме классификации языков внутри дравидийской семьи. Например, Грирсон делил ее на три главные группы: группа андхра, представленная языком телугу; группа дравида, представленная тамильским и некоторыми другими языками; промежуточная группа, представленная такими языками, как курукх, малято, куи, гонди и колами. К этому были добавлены еще две небольшие группы: северо-западный язык брагуи, на котором говорят в Белуджистане, и ряд полудравидийских гибридных языковых форм. Выделение Грирсоном промежуточной группы, которая в грамматическом отношении находится где-то между группами андхра и дравида, оспаривается современными исследователями. Хотя точная альтернативная схема классификации еще не предложена, языки семьи принято подразделять с учетом их географического распространения, и место отдельного языка или диалекта в системе родства рассматривается с учетом его положения в трех крупных территориальных группах. Прежде всего выделяются *южнодравидийские* языки, в том числе тамил, каннада, малаялам, кодагу, тулу, тода, кота и бадага, и *центральнодравидийские* языки, куда входит ряд менее известных и мало-развитых языков — куи, хонд, колами, конда, гонди, наики, парджи, койя и некоторые другие. Ареал телугу, будучи географически смежным с ареалами обеих названных групп, занимает среднее положение между ними, и этот язык включается в *северодравидийскую* и в *южнодравидийскую* территориальные группы. Третья группа — *северодрави-*

дийская — включает языки курукх (или ораон), малто, а также брагуи, который находится за пределами Индии.

Структурно дравидийские языки относятся к так называемому агглютинативному типу языков. К агглютинативному типу также относятся урало-алтайские языки. Некоторые ученые пытаются установить генетическую связь между дравидийскими и урало-алтайскими языками, но полностью эта гипотеза не доказана. Открытия цивилизаций Мохенджодаро и Хараппы пролили яркий свет на положение перед приходом ариев. Предполагается, что эти древние городские цивилизации созданы дравидами. Находка нескольких печатей с надписями из этих мест дает огромные возможности дальнейших открытых, но, к сожалению, точная расшифровка этих печатей еще не сделана.

Из четырех больших дравидийских языков тамильский, по-видимому, более других сохранил свой дравидийский характер. В меньшей степени это можно сказать о его звуковой системе, но большая часть его грамматических форм и лексики — чисто дравидийские. На тамильском языке имеется очень древняя литература, начало которой уходит в двухтысячелетнее прошлое. Три других крупных языка — каннада, телугу и малаялам — испытали большую инфильтрацию санскритской лексики.

Появление малаялам, древнего ответвления тамильского языка, относится, возможно, к IX в., хотя только с XV в. литература на малаялам получила свою самостоятельную жизнь и развитие. Каннада как литературный язык почти так же древен, как тамил. Хотя древнейшие надписи на телугу относятся к VII—VIII вв. н. э., его литературное развитие, по-видимому, начинается около XI в.

Для полноты обзора дравидийских языков требуется хотя бы упомянуть о некоторых других языках этой группы. К южнодравидийской группе относятся языки тулу (около миллиона говорящих), кодагу (около 100 тыс.), а также языки тода и кота в горах Нилгири, которые, хотя численно и незначительны (на каждом говорит менее тысячи человек), представляют большой интерес для лингвистов и исследователей культуры. Народы, говорящие на всех этих языках, двуязычны; они владеют также либо тамильским языком, либо каннада. Говорящие на тulu и кодагу сосредоточены в штате Майсур и имеют тесные связи с каннада.

В центральнодравидийскую группу включается язык гонди, на котором говорит более 1,5 млн. человек. Территория, где распространен гонди, разделена в основном между штатами Андхра Прадеш, Орисса, Мадхья Прадеш и Махараштра. Многие гонды переключились на индоарийские региональные языки, забывая свой собственный. В любом случае гонди, очевидно, требует более детального изучения. Другие крупные языки этой группы — куи, пардхи, койя и кхонд, на каждом из которых говорит свыше 100 тыс. человек.

В северодравидийской группе числятся два языка: курукх, или ораон (свыше 1 млн. говорящих, сконцентрированных главным образом в Бихаре и Западной Бенгалии), и малто (свыше 90 тыс.) в Бихаре.

Тибето-китайская семья языков. Считается, что народы монголоидного происхождения, говорящие на языках тибето-китайской семьи, проникли в Индию намного раньше, чем индоарии. Территория распространения тибето-китайских языков огромна. Она тянется от Балтистана на западе к северо-восточным границам страны и далее, достигая

самых южных частей Ассама. Так как большая часть этого региона гориста и покрыта густыми лесами, плотность населения мала. Информация о языковых общинах индийских границ очень скудная. «Лингвистический обзор Индии» Дж. Грирсона — до сих пор единственный источник, где можно получить значительные сведения о лингвистической классификации этих языков. При проведении переписи 1961 г., когда была поставлена задача зарегистрировать ответы каждого человека о его родном языке, вновь подтвердились существующие здесь условия крайней языковой раздробленности. Было зарегистрировано 226 названий родных языков. При критическом разборе, частью на базе классификации Грирсона и частью на основе местной информации, собранной переписными организациями, их удалось свести к 98 языкам. Население, говорящее на всех языках этой семьи, насчитывает в Индии 3,2 млн. человек, что составляет лишь 0,73% всех жителей страны. При этом установлено, что семь языков этой семьи — мейтхен (или манипури), бодо, гаро, трипури, лушай, мири и абор — имеют число говорящих выше 100 тыс. каждый.

Тибето-китайская семья подразделяется на две главные подсемьи: тай-китайскую и тибето-бирманскую. Тай-китайская подсемья, однако, представлена сейчас в Индии лишь одним языком. Это кхамти (только 300 говорящих), который относится к группе тай.

Тибето-бирманская подсемья языков далее делится на две ветви — тибето-гималайскую и ассамо-бирманскую.

В тибето-гималайскую ветвь включена гималайская группа языков, на которых говорят вдоль южного склона Гималаев от Химачал Прадеша на западе до западной границы Бутана на востоке. Эта группа далее распадается на прономинализированную и непрономинализированную подгруппы. Некоторым из прономинализированных языков присущи черты, роднящие их с австро-азиатскими языками. Но все эти языки представлены в Индии очень небольшим числом говорящих.

Вторая группа тибето-гималайской ветви — это бхотия, или тибетская группа. Эта группа представлена в Индии рядом важных языков. Она включает ладакхи (свыше 52 тыс.), лахули, бхутани, сиккимский бхотия, балти и некоторые другие, более мелкие, объединенные под общим названием «бхотия».

Ассамо-бирманская ветвь тибето-бирманской подсемьи состоит по меньшей мере из трех важных языковых групп: бодо, нага и куки-чин.

Группа бодо включает языки бодо, меч, гаро, трипури, димаса, коч и рабха. Микир, на котором говорят свыше 50 тыс. человек, также считается близким к группе бодо.

Группа нага отличается взаимной непонятностью входящих в нее языков, что объясняется, возможно, определенными культурными особенностями нага в сочетании с соперничеством племен и вождей. Хорошо известные названия языков нага — это ангами, сема, ао, лотха, мао, конъяк и т. д. За последнее время получено много новой информации о языке нага, но эти сведения можно считать лишь предварительными, требующими дополнительных исследований.

Группа куки-чин также состоит из нескольких языков, среди которых выделяется мейтхеи, или манипури — официальный язык Манипура, на котором говорят свыше 600 тыс. человек. Манипури имеет собственный алфавит индийского происхождения, который, как полагают, применяется с XV в., когда часть манипурцев приняла индуизм. К середине XVIII в. правители и высшие классы манипурцев поддали под влияние вишнуитской школы чайтанья, и ныне они исповедуют вишну-

изм и восприняли бенгальский шрифт. Лушай, или мизо,— второй по численности язык этой группы; на нем говорит свыше 200 тыс. человек. Из остального множества языков куки наиболее значительна группа диалектов тхадо, пайте, хмар и халам, на каждом из которых говорят более 10 тыс. человек.

Важная группа языков тибето-бирманской подсемьи занимает северо-восточный пограничный район и может быть названа «группой северо-восточной границы». Она включает мири, абор, дафла, ака, мишми, нокте и др. Группа диалектов абор охватывает более 100 тыс. человек.

Следует заметить, что, несмотря на разветвленность и широкое распространение языков и говоров тибетско-китайской семьи, большинство из них, за исключением мейтхеи, еще остается неизученным. Многие из них, без сомнения, подверглись влиянию со стороны окружающих индоарийских языков — ассамского,ベンгали, непали, хинди или панджаби. Ряд языковых общин до сих пор гордится своей исключительностью и озабочен тем, чтобы сохранить свои особенности.

Индоевропейская семья языков. Обратимся к индоевропейской семье, которая охватывает значительное большинство населения всего мира. В Индии эта большая семья, представленная индийской, или индоарийской, подсемьей, также распространена шире всего. По данным переписи 1961 г., в географических пределах независимой Индии зарегистрировано примерно 322 млн. человек, говорящих на индоарийских языках, что составляет 73,3% всего населения. Из 15 главных языков, включенных в приложение VIII Конституции Индии, 11, в том числе санскрит, относятся к индоарийской подсемье.

Индийская, или индоарийская, подсемья делится на три ветви — иранскую, дардскую и арийскую.

Иранская ветвь представлена языками, имеющими иностранное происхождение, — персидским, пушту и белуджским.

Дардская ветвь представлена кафирской, дардской и кховарской группами языков. На кафирском и кховарских языках в пределах индийских границ не говорят, тогда как дардская группа представлена здесь языками дарди, кохистани, шина и кашмири. Кашмири указан в Конституции Индии. Этот язык, хотя и дардский по происхождению, находился под влиянием санскрита и пракрита. На нем говорит 2 млн. человек. Лингвистическое положение дардской группы языков изучается и анализируется, и многие исследователи предпочитают включать эту группу в состав арийской ветви.

Третья, арийская, ветвь индоарийской подсемьи представлена наибольшим количеством языков. Подробная классификация арийской ветви, которая первоначально была выдвинута А. Ф. Р. Хернле и далее тщательно разработана Дж. А. Гриersonом, продолжает широко применяться в лингвистической практике с соответствующими модификациями, которые необходимы в свете позднейших исследований.

Эти языки группируются следующим образом: 1) северо-западная группа, включающая лахнда, западнопанджабские диалекты и синдхи; 2) южная группа, включающая маратхи и konkani; 3) восточная группа, включающая ассамский,ベンгали, ория и бихарские языковые формы майтхили, магахи и бходжпuri; 4) центральная группа, включающая язык хинди в широком смысле, в том числе авадхи и чхаттисгархи, хинди территории Дели и западной части Уттар Прадеша (известный как хиндустан) с его литературными формами урду и кхари боли.

хинди, бангру, брадж бхаша, канауджи и бундели; панджаби, в том числе догри; гуджарати; раджастханские языковые формы марвари, джайпури, мевари и др.; диалекты бхили и кхандеши; 5) группа пахари, включающая восточный пахари (или непали) в Непале и в Индии, центральный пахари, в том числе диалекты гархвали и кумавни, и западный пахари, в том числе чамеали, мандеали, кулуи, махасу, сирмаури и т. д.

Северо-западная группа в первоначальной схеме Гриссона была ограничена районами Западного Панджаба вдоль долины Инда, включая провинцию Синд в Индии до раздела.

Некоторое количество говорящих на диалектах группы лахнда были зарегистрированы в географических границах Индии во время переписи 1961 г. (9 тыс. человек говорящих на группе диалектов, включая мултани).

Синдхи, который недавно был включен в приложение VIII Конституции Индии как один из ее главных региональных языков, был ранее описан как язык Синда (ныне в Пакистане). Согласно переписи 1961 г., главная концентрация говорящих на синдхи была отмечена в Гуджарате (около 500 тыс.), Махараштре (350 тыс.), Раджастане (250 тыс.) и Мадхья Прадеше (200 тыс.). Общее число говорящих на синдхи в Индии, включая качхи, который считался прежде диалектом синдхи,— 1,3 млн. человек. Язык синдхи сохранил некоторые архаические черты своей пракритской основы в фонетике и морфологии с некоторыми взрывными звуками в качестве его особенности. Письменность синдхи до раздела базировалась большей частью на персидско-арабском шрифте. Рассеяние синдхов как перемещенных лиц почти по всей Индии, по-видимому, является причиной недостаточной литературной деятельности на этом языке. Ныне синдхи пытаются усвоить шрифт нагари.

Южная группа индоарийской ветви почти целиком представлена маратхи и его разновидностями. Это язык с хорошо развитой литературой, существующей с XII в. Маратхи — один из главных языков, перечисленных в Конституции, на нем говорит свыше 33 млн. человек. Он использует шрифт нагари, тот же, что и хинди.

Конкани, язык Гоа и большой части населения в Махараштре, Майсуре и Керале, в районах, расположенных вдоль западного побережья, считается важной диалектной разновидностью маратхи, хотя относительно этого существуют различные мнения, и в последнее время его пытаются обособить как отдельный язык.

Гриссон в своей классификации включил konkani в состав маратхи. Однако, принимая во внимание общее происхождение konkани и маратхи от предшествующего им пракрита и дальнейшее независимое развитие каждого из них, он склонялся к тому, чтобы считать их двумя однопорядковыми формами речи. Последующие исследования, видимо, подтверждают эту точку зрения. Что касается взаимной понятности маратхи и konkани, то она широко отмечена в ареале распространения языка маратхи. Но этого нельзя сказать в отношении говорящего на konkani населения в языковых ареалах малаялам и kannada. Общая численность говорящих на konkani — около 1,4 млн., в том числе на долю Гоа приходится около 550 тыс., Майсуре — 500 тыс., Махараштры — 200 тыс. и Кералы — около 78 тыс.

Для описания восточной группы индоарийской ветви отметим в первую очередь компактную группу трех главных высокоразвитых языков. Это бенгали с числом говорящих 34 млн. человек в Индии (кроме того, 43 млн. говорят на этом языке в Восточном Пакистане),

ория — 16 млн. и ассамский — 7 млн. Эти три языка упомянуты в Конституции и являются официальными языками штатов Западная Бенгалия, Орисса и Ассам соответственно.

Все они имеют общую базу развития — восточный пракрит ариев (магадхи). Бенгали и ассамский языки имеют один и тот же шрифт (за исключением двух особых знаков в ассамском), так как древняяベンガルьская и ассамская литература были тесно связаны. Однако в результате автономного существования Ассама ассамский язык отделился от бенгали. Хотя грамматические особенности обоих языков очень сходны, некоторые особые фонетические свойства ассамского языка делают его часто непонятным на слух для бенгальца.

Бенгали в его стандартной форме — это один из наиболее развитых языков Индии. Известно, что он имеет важные областные диалектные различия, хотя работа по их изучению ведется еще недостаточно. Стандартный литературный язык прозы употребляется по всей бенгальской территории, но многие используют также разговорный язык Калькутты и ее окрестностей. Калькуттская разговорная речь проникла в литературу около ста лет назад. Позднее ею пользовался Рабиндранат Тагор, и тогда она получила большой импульс. Ныне, хотя оба вида литературного бенгали употребляются бок о бок, калькуттская разновидность все более укореняется.

Язык ория, также имеющий собственную литературу, сохранил больше архаических черт из всей восточной группы языков. Согласно Грирсону, в ория нет существенных диалектных различий, но это не нашло подтверждения при дальнейшем изучении, хотя, возможно, мы еще не имеем авторитетного исследования по этому предмету.

Бихари включает три главных диалекта: майтхили (по данным переписи 1961 г., около 5 млн.), магахи (около 3 млн.) и бходжпuri (около 8 млн.). «Бихари» — это название, данное «несуществующему» языку, имеющему ряд грамматических черт, которые свойственны всем трем диалектам района. Интересно заметить, что это название не нравится людям, говорящим на вышеназванных диалектах. Майтхили имеет литературные традиции с XIV в., и поэт Видьяпати (1400 г.) — его гордое наследие. Литературная жизнь майтхили сохранилась до сегодняшнего дня, и майтхильцы пытаются добиться того, чтобы этот язык был упомянут в Конституции. Однако официальный язык штата Бихар — хинди, стандартная форма которого (кхари боли) употребляется в штате повсеместно. Численность бходжпурцев тоже достаточно велика. Литературная деятельность на бходжпuri представлена народными песнями, стихами и циклом пьес, многие из которых распространяются в устной форме. Говорящие на бходжпuri, хотя они очень гордятся своим языком и культурными традициями, в большей степени связаны с хинди.

Обратимся к крупнейшей группе языков арийской ветви — центральной группе, которая территориально охватывает, в частности, обширный ареал распространения восточного и западного хинди, включая диалекты авадхи и чхаттисгархи восточной части Уттар Прадеша и диалекты, на которых говорят в районе Дели и в Западном Уттар Прадеше (Грирсон называл их народным хиндустаном), брадж бхакха, бангру, канавуджи и бундели. На языках этой группы в целом говорит свыше 205 млн. человек. Она включает четыре языка из числа указанных в Конституции: панджаби, гуджарати, хинди и урду. Кроме того, здесь представлены группы диалектов раджастхани, бхили и кхандеши, тоже относящиеся к центральной группе языков.

Панджаби, который более близок к северо-западной группе, вклю-

чен в центральную группу, так как находится под сильным воздействием входящих в нее языков. На панджаби говорит около 11 млн. человек. Амритсарский диалект маджхи признан стандартной разновидностью панджабского языка. Мнение же Грирсона о том, что догри и кангри являются диалектами панджаби, сейчас учеными не разделяется. На догри говорит 900 тыс. человек, и с недавнего времени догри стремятся утвердить его в качестве самостоятельного языка. Панджаби ныне является официальным языком реорганизованного штата Панджаб. Его официальный шрифт — гурмуки.

Гуджарати — официальный язык штата Гуджарат, на котором говорят 20 млн. человек и который имеет развитую литературу. Хотя Грирсон не указывает на диалекты в гуджарати, за исключением различий в речи образованных и необразованных людей, современные исследователи склонны установить три диалекта, преимущественно по географическому признаку: северный, центральный и южный. Гуджарати приобрел некоторые особенности, типичные лишь для него одного. Некоторые его особенности (например, сохранение трех грамматических родов) сближают его с маратхи в противоположность раджастхани, хинди, панджаби и т. д., которые имеют только два рода.

Название «раджастхани» было принято Грирсоном для группы диалектов, на которых говорят главным образом в географических пределах бывшей провинции Раджпутаны. Люди, говорящие на диалектах марвари, мальви, дхундхари, нимади, хараути, банджари и т. д., предпочитают называть своим языком раджастхани. Ареал раджастхани еще точно не установлен и нуждается в более полном изучении. Обнаружено, что западный раджастхани, включая марвари, имеет черты, роднящие его с северо-западной группой языков, особенно синдхи. Представляется, что марвари и гуджарати имеют много общих черт, сохранившихся от их языка-основы. С другой стороны, восточный раджастхани, частично вследствие раннего влияния пракрита саурасени, а частично вследствие близости к ареалу западного хинди, приобрел черты, сближающие его с западным хинди. На диалектах раджастхани говорит около 15 млн. человек. Группа раджастханских полукоевников, говорящая на банджари, широко распространилась во многих районах страны и известна под названием «ламани», «ламбади» и др. в Южной и Центральной Индии. Подобно этому в говорах другой группы кочевников, называемых гуджарами, также прослеживается раджастханский источник. Официальный язык штата Раджастхан — хинди. Однако оживает интерес к возрождению литературы на марвари под названием «раджастхани» (древняя марварская литература называлась «дингал»).

Группа диалектов бхили и кхандеши выделены Грирсоном как самостоятельные языки. После Грирсона дальнейшее изучение этих групп не предпринималось. Считается, что бхили первоначально были народом австро-азиатского происхождения, но затем полностью перешли на индоарийские языки. Грирсон считал бхили чем-то вроде моста между гуджарати и раджастхани, тогда как в кхандеши найдены точки соприкосновения с языком маратхи. По переписи 1961 г., на бхили говорило более 2,5 млн., а на кхандеши — свыше 0,5 млн. человек. Для практических целей, однако, все они употребляют региональные языки штатов, т. е. хинди, гуджарати или маратхи.

Следующий региональный язык центральной группы индоарийской ветви — хинди. Под ареалом хинди понимается часть Северной Индии, где хинди служит официальным языком администрации. Мы должны будем, конечно, для целей данного обзора исключить Бихар, Раджаст-

хан и Химачал Прадеш, в которых распространены языки бихари, раджастхани и пахари. Исторически диалекты восточного хинди — авадхи, чхаттисгари и багхели — развились из пракрита ардха-магадхи в противоположность диалектам западного хинди (брадж бхаша и др.), которые обязаны своим развитием пракриту саурасени. Авадхи имел большие литературные традиции. На брадж бхаша также имела значительная литература. До британского завоевания, в мусульманский период, когда ни один из этих языков не имел особого социального престижа по сравнению с другими, они процветали — в определенной степени при уравновешивающем покровительстве правителей, поддерживавших существование различных региональных культов или литературных традиций. Древний ведический язык употреблялся для традиционных брахманских ритуалов, санскрит — для научных исследований и дискуссий, в то время как персидский был языком администрации и суда. Торговые же общины на делийских базарах развили свое собственное средство языковой связи, использовав основную структуру народных говоров на территории, окружающей Дели, возможно «дахалви», или «хиндави», которые распространились под названием «хиндустани» даже в Декане. Брадж бхакха стал языком поэтов культа Кришны, авадхи стал языком религиозного движения Рам бхакти, а майтхили — для вишнуитской поэзии Видьяпати. Но положение, сложившееся к настоящему времени, таково, что многие виды литературной деятельности этого типа потеряли свое прежнее общественное значение и живут лишь в фольклорных традициях. Хотя письменные диалекты вроде авадхи и брадж бхакха еще привлекают внимание литераторов, современные социально-культурные процессы действуют в пользу регионального стандартного языка, который основан на базе местного диалекта западной части Уттар Прадеша и Дели. Сейчас он стал языком части городского населения и достиг положения регионального языка, его усваивают даже те, кто говорит на значительно отличающихся от него местных диалектах.

Из-за недостатка места здесь нет возможности углубиться в обсуждение эволюции хинди и тех социально-лингвистических процессов, в результате которых он достиг своего современного положения. Полезно, однако, разобраться в различных языковых слоях, характерных для обширного ареала хинди.

На хиндиязычной территории можно наблюдать три языковых слоя. Первый слой мы можем назвать локальным. Его составляют разновидности местных диалектов, которые употребляются на местном, или сельском, уровне, — цепочка взаимно понятных местных говоров, которые тянутся по всему языковому региону. Каждый из них употребляется в ограниченном районе и понятен населению соответствующего района.

Вторым является субрегиональный слой. На этом уровне на цепочку локального слоя накладываются субрегиональные диалекты. Их понимают на какой-то более обширной территории и используют как второй языковой стиль для межгруппового общения. В рамках современного хиндиязычного региона группировками субрегионального слоя, следуя классификации Грирсона, будут западный хинди, восточный хинди, раджастхани, бихари и даже пахари, хотя раджастхани, бихари и пахари лингвистически ближе к соседним региональным языкам. На уровне субрегионального слоя разница между языками возрастает по мере увеличения расстояния вплоть до взаимной непонятности между крайними диалектами региона.

Третий слой может быть назван региональным. Этот слой известен

под названием «хинди», и у него на литературном уровне есть особая разновидность, отличающаяся суффиксами и словарным составом и именуемая «урду». Разговорный стиль на этом уровне без пуризма в отношении персидских или санскритских заимствований часто называют «хиндустани». Разновидности этого слова, в свою очередь, накладываются на локальные и субрегиональные диалекты. Как уже отмечалось, они являются родным языком лишь для меньшинства городских жителей; для большинства населения они служат лишь вторым или третьим языковым стилем.

Развитие современного регионального языка в рассматриваемом ареале началось примерно со второй четверти XIX в. После укрепления британского господства, когда литературный урду заменил персидский в качестве официального языка, урду стали преподавать в школе и его престиж сильно возрос. Вследствие связей урду с исламом индузы не сочли его приемлемым в качестве единственного литературного языка, и начал развиваться прозаический стиль с применением письменности деванагари и заменой персидских заимствований санскритскими.

Со временем этот хинди превратился в символ растущих сил индуистских реформ с центрами в Банарабаде и Аллахабаде, движения Арья Самадж в Панджабе и национального подъема в Бенгалии. В итоге в середине XIX в. новый стандартный хинди заменил субрегиональные диалектные литературы на всей современной хиндиязычной территории. С ростом урбанизации и улучшением путей сообщения проникновение регионального стандарта в среду местных диалектов усилилось.

По данным переписи 1961 г., хинди назвали родным языком 133,5 млн. человек. Эти данные исключают бихари, раджастхани, урду и пахари, которые в противном случае могли бы добавить к этой цифре еще 61 млн.

«Группа пахари» арийской ветви — это подходящее название, принятое в «Лингвистическом обзоре» Грирсона для индоарийских языков, распространенных в Гималайском районе от Бхадраваха на западе до Непала на востоке. Как замечает Грирсон, этот район населен четырьмя волнами иммигрантов: первая была австро-азиатского происхождения, вторая — тибето-бирманского, третья была представлена дардским народом кхаша, четвертая пришла с индоарийских равнин Раджпутаны. Диалекты пахари делятся на три региональные группы: диалекты западного пахари, диалекты центрального пахари (кумаони, гархвали) и диалекты восточного пахари, или непали. По данным 1961 г., на диалектах группы пахари говорит в пределах Индии 4,5 млн. человек. Языком обучения во всех этих территориях служит хинди.

Выше была сделана попытка очертить картину индийских языков. Описание будет, однако, неполным без упоминания об английском языке, который, хотя и считается иностранным для Индии, тесно связан со всем процессом современной культурной эволюции страны. Как язык общеиндийской администрации, образования, научных занятий, а также международных связей, английский язык занимает такое место в индийской культурной среде, которое нельзя недооценивать. Английский язык считают родным 220 тыс. человек, в то же время подсчеты переписи показывают, что им владеет свыше 11 млн. человек.

* * *

После того как выше был обрисован общий фон лингвистического многообразия в Индии, уместно сделать попытку описания деятельности

ученых, а также администраторов и работников просвещения в связи с языковой ситуацией в стране.

В области языковой политики независимой Индии пришлось столкнуться с трудностями двоякого рода. Во-первых, вопрос «языкового выбора»: какой язык (или языки) будет официальным общениндийским языком правительства, администрации, суда и вооруженных сил? Какие языки будут региональными, или официальными, языками штатов? Какие языки (или язык) будут употребляться при обучении на различных уровнях системы образования и т. д.? Во-вторых, приспособление языков для выполнения возложенных на них функций, стандартизация и модернизация языков. Какие стандарты должны быть отобраны или в случае, если их раньше не было, созданы для нужд письменной и разговорной речи? Какие шаги должны быть предприняты, чтобы обеспечить современную терминологию, литературные и научные формы речи в таких языках? Какие меры нужно предпринять, чтобы распространить стандартизованные языки среди огромного большинства населения, которое остается неграмотным и для которого стандартизованные языки являются лишь вспомогательными? Как определить критерии при решении вопроса, какие бесписьменные языки должны получить письменность и использоваться для обучения?

Политика Индии в национально-языковом вопросе исходит из попыток найти удовлетворительные ответы на перечисленные выше вопросы, учитывая необходимость упрочения национального единства, интеграции, обеспечения доступа к современной науке и технике и развития международных связей. Тем не менее опыт прошедших двадцати лет индийской истории, так же как и опыт некоторых других развивающихся государств мира, показывает, что национальная политика в отношении языков определяется не только рациональными соображениями. На деле она находится также под влиянием эмоциональных факторов, таких, как региональное соперничество, племенная или религиозная принадлежность, особые претензии элиты и т. п. Как и другие направления государственной политики, языковая политика также должна осуществляться постепенно, осторожно, с необходимыми уточнениями даже после того, когда кажется, что все уже решено. Иногда однозначное решение по вопросу о языке имеет далеко идущие последствия для страны.

Очевидно, что чем более полной и точной информацией о языках и языковых группах населения мы располагаем, тем более эффективной и плодотворной сможет быть языковая политика. Обоснованно считают, что развивающееся государство не должно откладывать решение назревших языковых проблем просто потому, что еще не получена надежная информация о существующем лингвистическом положении в стране. Видимо, многие решения по вопросам языка не опираются пока на надежный фундамент точной и достоверной информации о языках и говорящих на них народах этой огромной страны. Индийская Конституция полностью признает свободу развития всех языков и диалектов, на которых говорят в пределах индийских границ. Поэтому наличие точной, надежной информации о языках и языковой ситуации в стране должно влиять на выработку политических решений и имеет огромную ценность при планировании и проведении в жизнь этой политики.

Итак, чтобы удовлетворить потребности работников просвещения, плановиков и администраторов, должна быть в наличии детальная информация о языках и языковой ситуации в стране, основанная на систематическом и всестороннем обследовании. Довольно странно, что лишь очень немногие государства мира пытались создать систематиче-

ские обзоры языковых ситуаций. Имеются лишь два обследования в двух различных частях мира, которые были проведены действительно всесторонне. Первым и наиболее выдающимся из них был «Лингвистический обзор Индии» Дж. А. Грирсона, который был выполнен в начале текущего столетия; вторым был недавний (1960 г.) обзор западноафриканских языков Дж. Х. Гринберга. Значительная часть сведений, содержащихся в труде Грирсона, до сих пор представляет собой единственный источник для использования индийскими официальными лицами и работниками просвещения. Однако в связи с тем, что обследование проводилось не на всей территории Индии, а также из-за того, что некоторые методы, принятые Грирсоном, ныне устарели, результаты «Лингвистического обзора Индии» не могут гарантировать разумных решений.

В настоящее время стало очевидным, что задача лингвистов состоит не только в создании чисто языковедческих описаний, но и в том, чтобы проводить изучение и обследование языков с целью сбора и накопления информации для нужд тех, кто помогает правительству в решении проблем управления и обучения.

Каким должен быть размах этих обследований или исследований и какими могут быть их характер и содержание?

1. Принимая во внимание огромные размеры страны и многообразие ее языков, первая задача будет состоять в том, чтобы получить основные сведения о главных языках страны и собрать всю социально-лингвистическую информацию о них. Однако это не значит, что другие, численно менее важные, языки могут остаться в стороне от изучения. Несомненно, что не может быть сделан одинаковый упор на применение всех двухсот различных индийских языков для обучения или для целей администрации. Наличие определенных общепринятых средств обучения, систематическое употребление некоторых определенных языков — это предварительное обязательное условие эффективного управления. Если официальное признание культурного плюрализма как фундаментальной части государственного строительства является общепринятым принципиальным подходом, то другим общепринятым принципом должно также быть признание и сохранение важных языков, дополняемое всеобщим применением одного или нескольких языков для обслуживания официальных нужд и для общения через языковые границы. Поэтому при сборе всех сведений о главных языках страны необходимо не только получить информацию о диалектных различиях в них, но также ясно выявить природу и степень взаимоотношений крупных языков в ситуациях многоязычного характера. Мы должны знать географические границы каждого из языков, а также масштабы их употребления в лингвистически разнородных регионах. Если нам известны диалектные различия в отдельных случаях, мы должны определить общепринятую стандартную форму этих диалектов, которую все говорящие на диалекте считали бы таковой. Возможны еще более сложные ситуации, например на территориях, где несколько диалектов считаются одинаковыми по числу говорящих, без общепризнанной стандартизованной формы.

2. Основные данные о числе говорящих и характере языков должны быть дополнены информацией о действительном употреблении этих языков. Так, нужно установить, в какой мере главный язык употребляется другими народами, а также какие другие языки (или языки) изучают говорящие на главном языке и насколько они ими владеют. Необходимо также получить сведения о социальной и политической роли различных языков в обстановке многоязычия.

3. Это подводит нас к третьему пункту, который касается отношения населения к тому или иному языку. Собрать информацию по этому вопросу, однако, намного труднее, чем получить основные демографические данные о распространении и употреблении языков, так как эти вопросы связаны с такими эмоциональными и политическими явлениями, которые могут даже угрожать успешному выполнению языкового обследования.

4. Обследование может, однако, прямо касаться следующих тем: а) языковое преобладание, б) стандартизация языка, с) язык как средство общения, д) насколько говорящие на данном языке знают другие языки, е) типология языка и т. д. Исследования по этим темам помогут дополнить основные данные о языковых структурах, с тем чтобы информация о действительном употреблении и функциях главных и вспомогательных языков была бы достаточно полной и пригодной для ее использования всеми заинтересованными в этом лицами и организациями.

Такой обзор существенно отличается от традиционного лингвистического обозрения типа, написанного Гриersonом. Для него больше подходит название «социально-лингвистический обзор», так как он по своему содержанию не только охватывает структурные описания языков и диалектов, но также распространяется на изучение употребления и функций языков в конкретных социально-культурных обстоятельствах страны.

Собранные таким образом сведения дадут нам возможность подготовить два языковых обзора Индии. Один из них будет «описательно-классификационным лингвистическим обзором». Он будет содержать информацию о структурных характеристиках языков, их классификации и группировках, образцы грамматических основ, словарного состава, текстов и т. д. Вторым будет «социально-лингвистический обзор». Он будет содержать следующие данные: а) сведения об относительно больших и малых языках в связи с их употреблением и функциями, б) сведения о преобладающем языке и отношениях между языками, с) степень стандартизации и использования различных языков, д) особенности языковых контактов в многоязычных ситуациях, е) степень владения чужим языком и способность к общению при контактах между людьми, говорящими на разных языках, ф) уровень многоязычия в связи с различием пола, возраста, миграцией, родом занятия, образованием и т. д.

Ведомство Главного регистратора и комиссара переписей Индии представляет государству основные сведения о населении страны, его экономической структуре, роде занятий, грамотности, языках, религиях и т. д. Раз в десять лет посредством переписи осуществляется на общегосударственном уровне обследование ряда демографических и культурных аспектов населения. В каждом штате и каждой территории центрального подчинения ныне имеются постоянные учреждения — отделения Центральной организации переписей, которая постоянно следит за новой информацией. В настоящее время в Индии нет ни одного уголка, который не был бы известен и доступен этой огромной организации. Поэтому будет интересно бросить взгляд на традиции и роль индийских переписей в сборе сведений об индийских языках и последующей организации в рамках переписи различных специализированных исследований.

Комитет, который был учрежден в 1878 г., чтобы подготовить предложения для всеобщей переписи населения Индии в 1881 г., надеялся, что информация о родном языке в сочетании с местом рождения может

служить признаком национальности или расы инородцев или людей со смешанной кровью. Он рекомендовал включать в переписной лист две графы для ответа на вопрос о национальности: родной язык и место рождения. Таким образом, вопрос о языке был включен во всеиндийскую перепись как второстепенный, только для того, чтобы использовать его при решении более важного вопроса о миграции и национальности определенной категории граждан.

Авторы отчетов переписи 1881 г. по провинциям, однако, проявили интерес к лингвистическим проблемам, а некоторые из них не пожалели усилий для подробного описания языков и диалектов и их классификации. Особенно выделялись авторы отчетов о Панджабе, Северо-Западных провинциях, Мадрасе и Бенгалии. Авторы оказались хорошо осведомленными в области филологической литературы по вопросу классификации языков и нашли хорошее применение трудам известных ученых-лингвистов: Колдуэлла, Хернле, Бимса и др.

Знаменитая резолюция, принятая конгрессом востоковедов в Вене в 1886 г., содержавшая просьбу к правительству Индии провести систематическое изучение языков страны, очень хорошо известна специалистам. За этой резолюцией стояли ученые Бюлер, Вебер, Хернле и другие, а также известный индийский чиновник Джордж А. Гриerson.

Хотя Венская резолюция была принята с энтузиазмом, на деле ничего не было предпринято вплоть до 1894 г. Между тем подошел срок очередной переписи 1891 г. Официальные лица, связанные с подготовкой и проведением индийской переписи, однако, проявили убежденность в ценности всестороннего лингвистического обследования в том виде, как он был предложен участникам Венского конгресса. Они также сознавали роль переписи в достижении этой цели.

Так, официальная цель сбора сведений об индийских языках, которая была поставлена накануне переписи 1891 г., не ограничивалась установлением национальности отдельных лиц, как это было при переписи 1881 г. Было отмечено, что эти сведения должны помочь будущему филологическому обследованию. Автор отчета о переписи 1891 г. Дж. А. Бейнс с удовлетворением отмечает, что попытка собрать сведения о родном языке и сравнить их с общепринятой научной номенклатурой была успешной, поскольку после анализа переписных данных было получено очень четкое разграничение различных языковых областей страны. Дж. А. Бейнс пришел к выводу, что научный лингвистический обзор «может быть проведен лишь квалифицированным филологом, который точно знает все направления сбора информации, чтобы результаты могли быть сопоставимы для всей Индии. Едва ли необходимо добавить, что он должен иметь также и практические знания о стране и ее обитателях и не должен работать только по книгам. И наконец, исследование такого рода должно быть предпринято, если вообще за него браться, без дальнейшего промедления».

Замечания Бейнса были сделаны в 1893 г., а вопрос о лингвистическом обзоре Индии вступил в стадию практической политики в 1894 г., когда начались дискуссии на правительственном уровне о возможности его осуществления. Рекомендации Бейнса вступили в действие. Руководители переписей, следовательно, внесли немалый вклад в углубление знаний об индийских языках. Дж. П. Мартен, комиссар переписи 1921 г., отмечал, что как в области этнографии, так и в области изучения языков Индии большая первооткрывательская работа была проделана в рамках переписи и была достигнута полная и систематическая обработка полученных данных под наблюдением специалистов, главным образом благодаря вкладу, внесенному руководителями переписи в их

отчетах. Этот вывод может показаться нескромным, но опыт автора данной статьи, который при подготовке языковых таблиц переписи населения 1961 г. опирался на ценные исследования суперинтендантов переписей в штатах, показывает, что Мартен не преувеличивал.

Джордж Грирсон, возглавивший подготовку «Лингвистического обзора», был также одновременно связан с проведением переписи 1901 г., данные которой он анализировал и по которой он написал отчет. Работая над «Лингвистическим обзором Индии», Грирсон постоянно черпал информацию из данных переписей. Как указывал Мартен в отчете о переписи 1921 г., копии докладов суперинтендантов переписи были представлены Грирсону для использования в работе. В первом томе своего «Лингвистического обзора» Грирсон постоянно сравнивает цифры переписи 1921 г. с оценками обзора. Не менее важна и другая сторона картины. Поскольку индийские переписи были заинтересованы в схемах классификации языков, они базировались в 1901 г. и во все последующие годы вплоть до 1931 г. включительно на классификации, предложенной Грирсоном в его «Лингвистическом обзоре» (в переписях 1941 и 1951 гг. языковых отчетов вообще не было).

Этот краткий очерк ставит своей целью продемонстрировать, что индийское ведомство переписей и «Лингвистический обзор Индии» тесно дополняли друг друга. В стране, где население численностью свыше 500 млн. человек охватывает четыре семьи языков со всеми их подсемьями и ветвями, вполне естественно, что результаты переписи должны давать материал для научного обзора, а выводы из такого обзора должны помочь в обработке результатов и в руководстве осуществлением будущих переписей.

В процессе проведения переписи сведения о языках страны собирались путем подсчета ответов всех опрашиваемых на вопрос о родном языке. С этой целью были выпущены специальные инструкции для счетчиков с разъяснением концепции родного языка.

Как уже отмечалось, в переписи 1881 г. данные о родном языке подсчитывались для анализа этнического состава населения. Определение термина «родной язык» для счетчиков в 1881 г. гласило: «язык, обычно употребляемый каждым человеком в родном доме». В 1891 г. также было признано желательным сохранить вопрос о родном языке, и инструкции относительно языка были следующие: «указать здесь язык, на котором обычно говорят в доме родителей, независимо от того, говорят на нем в месте переписи или нет». В 1901 г. название графы о языке в переписном листе было изменено на «язык, который обычно употребляется», и в соответствующей инструкции для руководства счетчика было написано: «указать здесь язык, который каждое лицо считает обычно употребительным».

Эта инструкция, однако, привела к любопытным результатам: многие вместо своего родного языка указали язык, которым они обычно пользуются для связей с окружающей средой. Например, германские миссионеры, работавшие среди мунда, указали в графе о языке язык мундари. Чтобы предотвратить такие несообразности, при переписи 1911 г. инструкции были пересмотрены. Было сформулировано, что учитываться должен тот язык, на котором каждое лицо обычно разговаривает в своем собственном доме. Для младенцев и глухонемых следует учитывать язык матери. Определение родного языка в том виде, как оно было принято в 1911 г., сохранилось более или менее без изменений во всех последующих переписях, включая и перепись 1961 г.

Во всех переписях с 1901 г. был также вопрос о двуязычии. Вопросы 1901, 1911, 1921 гг. были связаны лишь с ответами о знании англий-

ского языка. В 1931 г., однако, была сделана перестройка, и вопрос о втором языке был направлен на выяснение названия того языка, который данное лицо использует постоянно в дополнение к родному. В 1951 гг. вопрос о родном языке был повторен в том же виде, как и в 1931 г., с добавлением, что только индийский язык должен учитываться в качестве вспомогательного и что, если лицо использует более одного вспомогательного языка, должен быть записан лишь тот язык, который данное лицо знает лучше. В переписи 1961 г. в концепцию билингвизма были внесены два важных изменения: во-первых, что неиндийский язык тоже может быть учтен в качестве вспомогательного, а во-вторых, что можно записать два таких языка вместо одного.

В Ведомстве Генерального регистратора Индии был создан Отдел языков со специальной целью организовать сбор данных о языках при переписи 1961 г. и выработать лингвистическую классификацию на рациональной основе, которую до сих пор не было возможности получить из каких-либо других источников. Такая работа на фоне современной действительности после завоевания независимости приобрела чрезвычайно важное значение как для творцов политики страны, чтобы выработать благоразумное законодательное решение организационно-лингвистических проблем, так и для академических и иных организаций.

Генеральным регистратором Индии специальные задачи языкового отдела были сформулированы следующим образом: 1) тщательный анализ данных переписи 1961 г., 2) установление правильной классификации после необходимых исследований на местах, 3) выпуск грамматик больших и важных языков и диалектов и 4) обследование таких специфических территорий, которые представляют большой интерес для классификации с лингвистической точки зрения, а также по другим социально-культурным соображениям.

В функции Отдела языков входят также: а) сбор образцов словарного состава и текстов возможно большего числа языков в ходе полевых исследований на специфических территориях, б) сбор и издание магнитофонных лент, содержащих образцы всех говоров, изучаемых в ходе обследования диалектов, и с) подготовка карт распространения языков и сравнение их с картами «Лингвистического обзора Индии» Грирсона.

Подробный разбор и классификация результатов переписи 1961 г., как и ожидалось, потребовали длительной и упорной работы. Классификация языков должна была быть сделана в широких рамках единственной существовавшей общеиндийской классификации Грирсона, которая была принята за основу. Однако в тех случаях, когда имелась достоверная дополнительная информация и были основания для поправок к схеме Грирсона, были внесены в предварительном порядке изменения (в частности, путем включения некоторых новых языков и исключений некоторых старых названий). Все такие случаи были специально оговорены. Тщательный разбор данных переписи 1961 г. позволил провести классификацию первичного материала, который отражен в следующих данных:

	Количество записанных языковых названий	Общее число говорящих
Общее количество учтенных языковых названий	1652	438 936 918
Количество названий, представленных в классификации Грирсона . .	572	436 224 545
Количество названий, не отраженных в схеме Грирсона и включенных заново в классификацию	400	426 076

	Количество закреплен- ных языковых названий	Общее число говорящих
Количество названий, имеющихся в схеме Грирсона, но классифицированных заново	50	1 908 399
Количество языковых названий, которые не удалось классифицировать	527	62 432
Иностранные языковые названия . .	103	315 466

В ходе обработки результатов переписи выяснился ряд новых нерешенных проблем. Анализ помог также выделить территории, которые требовали дальнейших исследований и проверки с целью выяснения действительной лингвистической картины в них.

Итак, после завершения анализа данных переписи 1961 г. и опубликования ее результатов в хорошо теперь известном издании («Census of India 1961», vol. I, pt 11-C(ii) Language Tables, Delhi 1964)², Отдел языков занялся различными исследовательскими программами. Эти исследования были намечены для выполнения в течение межпереписного периода, с 1965 по 1968 г., чтобы их результаты можно было использовать как определенную базу при разработке итогов переписи 1971 г.

Отдел разрабатывал с 1965 г. следующие исследовательские программы.

I. Полевые исследования западного пахари; гималайских языков; языка konkani в Махараштре, Керале, Майсуре и Гоа; языков куки-чин и манипури в Восточной Индии; контактных территорий племенных и неплеменных языков в Мадхья Прадеше.

II. Изучение индийских языков с древних времен до конца XIX в. (исторический обзор на основе письменных источников).

III. Подготовка грамматик с иллюстративным материалом в виде словарей и текстов для тех крупных языков, которые перечислены в индийской Конституции.

IV. Дополнительные работы, включающие сбор магнитофонных лент с записями образцов языка, подготовку языковых карт на базе современных сведений и их сравнение с картами Грирсона.

Из списка специальных исследований можно видеть, что размах исследований был очень широк, а изучаемые территории, например районы гималайских языков, пахари или языков куки-чин (на границах Манипура и Нагаленда), труднодоступны в географическом плане и даже рискованы для исследователей. Но в связи с наличием большого числа сомнительных случаев классификации и необходимостью некоторых изменений в схеме Грирсона указанным территориям был отдан приоритет при проведении полевых исследований. Мадхья Прадеш был избран для исследований, так как он представляет поле контактов между языками племен и языками крупных индийских народов.

Лингвистическая классификация, данная на материале переписи 1961 г., будучи основанной на более или менее устаревших схемах Джорджа Грирсона, имела предварительный характер, так как было зарегистрировано достаточно большое количество языковых названий, не включенных в списки «Лингвистического обзора Индии». Для них была предложена предварительная, ориентировочная классификация, основанная на беглых исследованиях на местах. Кроме того, было закреплено 527 языковых названий, которые классифицировать не

² Подробный обзор этого издания содержится в статье А. М. Дьякова и И. В. Сахарова, помещенной в настоящем сборнике.

удалось. Далее, в 50 случаях мы разошлись с мнением автора «Лингвистического обзора Индии» и дали этим языковым формам иное место в классификационной схеме. Полевые исследования в различных частях страны, проведенные Отделом языков, помогли в определении некоторых из языков гималайской группы, групп куки или пахари, но многое еще осталось несделанным.

В свете опыта, достигнутого в период после переписи 1961 г., Отдел языков при Ведомстве Генерального регистратора разработал следующую программу языковых исследований в связи с переписью 1971 г.:

- а) насколько будет возможным, классификация языков после переписи 1971 г. не должна быть «пробной», предварительной;
- б) языковые исследования должны быть проведены таким образом, чтобы в языковых таблицах переписи 1971 г. не осталось «неклассифицированных языков»;
- с) исследования в ряде районов [например, там, где распространены языки пахари, гималайские, куки, ламбади (или банджари), гонди и др.] должны быть либо продолжены, либо повторены, чтобы государство могло получить основные сведения о всех этих менее известных языках;
- д) особые усилия должны быть приложены для более полноценного анализа данных о вспомогательных языках;

е) должно быть предпринято исследование языкового положения в отдельных штатах и союзных территориях, чтобы получить основные социально-лингвистические сведения о главных языках различных административно-политических единиц, а также об употреблении и функциях языков в многоязычных районах.

Как уже было сказано ранее, для того чтобы собрать репрезентативные данные о языковой ситуации в Индии, необходимо иметь в виду лингвистическое разнообразие этой страны, а также характер диалектных вариаций внутри самостоятельных языков. Однако чисто демографические сведения о проценте населения, говорящего на том или ином языке, или даже полная количественная характеристика языков не даст полной картины языковой ситуации в стране до тех пор, пока не будет информации о том, где и при каких обстоятельствах употребляется каждый язык и каково отношение населения к различным языкам.

На фоне лингвистического многообразия, существования различных национальных языков и многих многоязычных районов огромное значение для правильного понимания социально-языкового положения в стране приобретает изучение значения и функций «вспомогательного языка», или «второго языка», или «прочих языков» по отношению к родному языку. В этом плане большое значение приобретает собранная переписью информация по вопросу о двуязычии. Как указывалось ранее, хотя вопрос о двуязычии значился в переписи с 1931 г., полученная информация до сих пор не была надлежащим образом интерпретирована. В нынешних условиях, когда в ходе быстрого развития огромной страны с многообразной культурой народы, говорящие на различных языках, расширяют взаимные культурные контакты и необходимость решения языковых проблем как на уровне штатов, так и на уровне всей федерации на двуязычной или многоязычной основе стала общепризнанной, усиленное внимание к переписным данным о двуязычии вполне оправдано.

К сожалению, число вопросов в переписной анкете должно быть ограниченным. С другой стороны, сбор данных для специализированных исследований можно более успешно проводить путем выборочных исследований. Поэтому в дополнение к общей интерпретации данных о

двуязычии, которые будут получены из цензовой анкеты 1971 г., Отдел языков предполагает провести детальные выборочные обследования по этой проблеме. Для этого предлагается обследовать территории контактов между языками племен и крупных народов, индустриальные многоязычные районы и контакты между региональными диалектами и стандартными языками. Несколько возможно, выборочные исследования этих трех типов будут проведены во всех штатах и союзных территориях страны. Ожидается, что эти обзоры многоязычных районов дадут точную информацию об употреблении и функциях главных и других важных языков и диалектов страны.

Выше были сделаны попытки кратко рассмотреть те методы и предложения, с помощью которых Отдел языков Ведомства Генерального регистратора и комиссара переписей населения Индии предполагает взяться за составление двух упомянутых выше языковых обзоров.

Автор хочет закончить свою статью сообщением о трехэтапной программе языковых исследований, разработанных в Отделе языков в связи с переписью 1971 г.

Первый этап охватывает исследования, предшествующие переписи, для подготовки к ее проведению и к анализу данных, которые должны быть получены в 1971 г.

Второй этап включает тщательную обработку, составление таблиц и изучение материалов о родном языке, собранных в итоге переписи; подготовку «Описательно-классификационного лингвистического обзора»; тщательную обработку, составление таблиц и анализ данных 1971 г. по двуязычию и подготовку «Социально-лингвистического обзора».

Третий этап предполагает специальные языковые и территориальные исследования в период между переписями 1971 и 1981 гг., поскольку это будет необходимо для уточнения и дополнения профиля описания и классификации языков, а также исследования вопросов двуязычия в выбранных районах в период между переписями, поскольку это будет необходимо для уточнения и дополнения социально-лингвистического обзора страны.

А. М. Дьяков, И. В. Сахаров

О ХАРАКТЕРЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ ИНДИИ (обзор языкового тома переписи населения 1961 г.)

Национальный вопрос представляет собой одну из самых важных политических и социальных проблем, стоящих перед Индией. Многонациональный состав населения, характер отношений между различными этническими группами, национальные движения отдельных народов оказывают огромное влияние и накладывают глубокий отпечаток на самые различные стороны общественно-политической и хозяйственной жизни этой страны.

За последние годы как в Индии, так и в других странах (в том числе и в СССР) был издан ряд книг и статей, посвященных этой важной и актуальной проблеме. Тем не менее до сих пор национальный вопрос Индии (в частности, такие его аспекты, как этноязыковой состав населения, уточнение того, какие именно этнические и языковые общности сложились или складываются в современной Индии, какова их численность и как они расселены по различным районам страны и т. д.) остается недостаточно изученным в научной литературе. Это можно объяснить, во-первых, чрезвычайной сложностью и многообразием самого объекта исследования (в частности, огромным количеством разнотипных этноязыковых общностей, слабым уровнем развития и неустойчивостью этнического самосознания многих из них и т. д.), во-вторых, недостаточным (до самого недавнего времени) вниманием, которое уделялось изучению этого вопроса, и в-третьих, характером материалов, по которым можно судить о важнейших вопросах, связанных с данной темой (в частности, особенностями соответствующих статистических источников).

Как известно, индийская демографическая и социальная статистика не содержит сведений о национальности. В связи с этим неоценимое значение приобретают публикуемые в Индии материалы, характеризующие языковой состав населения страны. Помимо того, что сведения о языках, на которых говорит население Индии, представляют большой интерес сами по себе, они позволяют нам составить представление и о национальном (этническом) составе ее жителей. Правда, судить по этим материалам о национальном составе населения можно только косвенно, так как языковые и этнические общности далеко не всегда совпадают. Для того чтобы определить национальный состав населения Индии, необходимо помимо учета данных о родном языке привлекать также сведения о происхождении, общественном строе, культуре, этническом самосознании и т. д. Тем не менее именно лингвистические ма-

териалы служат самым важным показателем этнической принадлежности из всех статистических показателей, которыми мы располагаем, и позволяют судить о национальном составе населения лучше, достовернее и точнее, чем любые другие данные. Весьма велико значение, в частности, лингвистических материалов и лингвостатистических исследований населения Индии.

* * *

Данные о языковом составе населения Индии собираются во время переписей населения, и статистические публикации переписей служат, по существу, единственным источником информации в этой области.

Общениндийские переписи населения проводятся с 1881 г. регулярно раз в десять лет, но впервые сводная общениндийская картина распределения жителей Индии по языкам была дана в 1901 г. благодаря трудам группы лингвистов, возглавленной выдающимся знатоком языковой ситуации в этой стране Дж. А. Грирсоном (1851—1941), автором знаменитого «Лингвистического обзора Индии» (*Linguistic Survey of India*), завершенного в 1929 г., — многотомного капитального труда, содержащего описание, исследование и классификацию индийских языков и диалектов. Труды Дж. А. Грирсона (в частности его схема классификации языков Индии) неизменно служили основой для его преемников, руководивших сбором и обработкой лингвистических данных во время последующих переписей населения.

Как правило (исключение составляет лишь перепись 1941 г.), публикации индийских переписей содержат огромный и чрезвычайно интересный материал о языковом составе населения страны, и выход в свет языковых томов каждой переписи — всегда долгожданное событие для индологов.

За последние годы потребность в получении новых данных о языковом составе населения стала ощущаться особенно сильно. После завоевания Индией независимости этноязыковые проблемы оказались в центре общественно-политической жизни страны и приобрели особое значение, актуальность и остроту. Так, под напором массовых национальных движений прежнее административно-территориальное деление страны, доставшееся в наследие от колониального прошлого и не отвечавшее задачам политического и экономического прогресса независимой Индии, было коренным образом реорганизовано по лингвистическому принципу и в какой-то мере приведено в соответствие с расселением крупнейших народов страны.

Между тем после переписи 1931 г., давшей полную и довольно тщательно выполненную, но к настоящему времени устаревшую картину языкового состава населения Индии, полноценных общениндийских лингвистических материалов не публиковалось. Как известно, во время проведения переписи 1941 г. данные о языковой принадлежности жителей страны вообще не собирались. Что касается переписи 1951 г., то принятый в ней метод подачи и группировки статистического материала, относящегося к языкам, страдает рядом существенных недостатков, что снижает ценность опубликованных в этой переписи лингвистических данных (так, данные о различных формах речи — *mother tongues* — не были сгруппированы и обобщены, и все они — как те, название которых совпадало с названием определенного языка, так и те, относящиеся к этому же языку, которые получили особое название, — давались в таблицах рядом «на равных правах», без учета их соподчинения).

С другой стороны, обострение внутриполитической обстановки в некоторых районах страны в тот период на почве межнациональных и религиозных конфликтов имело своим следствием то, что языковые данные, собранные в 1951 г., по некоторым районам (например, в Панджабе) не соответствуют действительному положению вещей и иска- жают реальную языковую ситуацию (в результате, например, данные о хинди, урду, хиндустани и панджаби пришлось приводить в целом, без подразделения их на отдельные языки и формы речи). К тому же в переписи 1951 г. сведения о географическом распространении языков давались в соответствии со старым административно-политическим делением, и после реорганизации штатов на национально-языковой основе принятая в 1951 г. территориальная группировка материала поте- ряла всякий смысл и только затрудняла пользование этими данными. В этих условиях многие индологи разных специальностей — лингвисты, демографы, этнологи, географы, социологи, правоведы, специалисты в области политики, культуры и т. д. — с нетерпением ожидали публикации данных, собранных во время проведения переписи 1961 г.

Вплоть до 1951 г. включительно сбор и обработка данных о языках осуществлялись временными группами работников, распускавшимися по завершении публикации обработанных материалов. Однако затем про- ведение переписей и обработка и публикация собранных данных были возложены на главное демографическое учреждение страны — специаль- ное ведомство, находящееся в ведении министерства внутренних дел центрального правительства и возглавляемое Генеральным регистрато- ром (Registrar General) Индии, который *ex officio* является также и Комиссаром по проведению переписей (Census Commissioner for India). Под руководством Генерального регистратора Индии Ашока Митры¹ (за годы пребывания которого на этом посту ведомство было расшире- но и коренным образом реорганизовано) и сменившего его на этом посту А. Чандрасекхара² и их помощников ведомство превратилось в постоянно действующий, крупнейший и самый важный в стране центр по проведению разнообразных (в том числе научно-исследовательских) работ в области демографии и смежных областях (в том числе географии, этнографии, экономики, картографии и др.). Ведомство Генераль- ного регистратора Индии в настоящее время объединяет большой кол- лектив научных и технических сотрудников как в центре, так и в шта- тах. Силами этого коллектива, в частности, была разработана прог- рамма переписи населения 1961 г., было осуществлено ее проведение, а в настоящее время завершается огромная и многосторонняя работа по обработке собранных данных, подготовке текстовых отчетов и таблиц к их изданию. О масштабах этой работы красноречиво свиде- тельствует, например, тот факт, что в рамках переписи 1961 г. намечено опубликовать свыше тысячи отдельных томов (как общениндийских, так и региональных, посвященных отдельным штатам и союзным терри- ториям), многие из которых насчитывают по несколько сотен страниц. Большинство этих томов уже вышло в свет.

Среди отделов, на которые подразделяется Ведомство Генерального регистратора Индии, имеется и Отдел языков. Задача сотрудников это- го отдела — обработка и сведение в таблицы полученных во время пе-

¹ До того как А. Митра занял пост Генерального регистратора Индии, он был уполномоченным по проведению переписи 1951 г. в штате Западная Бенгалия. В на- стоящее время работает в Плановой комиссии Индии.

² В 1961 г. А. Чандрасекхар был уполномоченным по проведению переписи в штате Андхра Прадеш, а затем занимал пост заместителя Генерального регистратора Индии.

реписи данных о языках, на которых говорят жители Индии. Перед от-делом поставлена задача разработать новейшую научную классифика-цию всех индийских языков и их диалектов с учетом самых последних достиже-ний лингвистики в этой области и дать подробную статистиче-скую информацию о численности говорящих на каждом из них и об их территориальном распространении.

И вот перед нами первый итог работы этого отдела — один из недавно изданных томов, входящих в общеиндийскую серию, специаль-но посвященный языкам³, подготовленный к печати коллективом работ-ников Ведомства Генерального регистратора во главе с руководителем Отдела языков Р. Ч. Нигамом при сотрудничестве с уполномоченными по проведению переписи в отдельных штатах и союзных территориях.

Опубликованные в этом томе данные представляют исключитель-ный интерес, и том этот является чрезвычайно важным источником, залуживающим самого тщательного и всестороннего изучения. Между тем до сих пор (хотя со времени опубликования рассматриваемого то-ма — 1964 г.— прошло уже несколько лет) содержащиеся в нем дан-ные почти не рассматривались в советской индологической литературе и, по существу, до сих пор так и не введены в научный оборот. Это и побудило нас подготовить сжатый, но в то же время достаточно подроб-ный обзор общеиндийского языкового тома и опубликовать эту работу, чтобы сделать сведения о языках, собранные переписью 1961 г., до-стоянием широких кругов советских ученых.

Итак, остановимся на некоторых особенностях самого языкового тома переписи 1961 г.— на специфике материала, который был соб-ран, обработан и опубликован в этой книге, и на особенностях подачи этого материала (на структуре тома, характере отдельных звеньев этой структуры и т. д.).

Это необходимо сделать потому, что восприятие содержащихся в нем статистических данных представляет известные трудности, и мы на-деемся, что наши замечания помогут тем, кто захочет обратиться к первоисточнику.

В рассматриваемом томе (стр. V) содержится обращение его со-ставителей к возможным будущим рецензентам с просьбой поделиться своими критическими замечаниями и высказать свои соображения, кото-рые могли бы помочь в дальнейшей работе над языковыми материала-ми. Поэтому, в целом высоко оценивая книгу, мы ниже основное внима-ние уделим именно спорным вопросам и недостаткам книги. Это пред-ставляется тем более целесообразным, что в 1971 г. в Индии была про-ведена очередная перепись населения, и, возможно, наши замечания и суждения окажутся небезынтересными и полезными для составителей будущего аналогичного языкового тома и смогут быть учтены при подгото-вке его к печати. К тому же этот вопрос представляет интерес не только для индийских переписей, но и для переписей, проводимых в других многонациональных и многоязычных странах, в том числе и в СССР.

* * *

Языковой состав населения Индии отличается исключительной сложностью и пестротой. Этую страну населяет целый ряд крупных, мно-

³ «Census of India 1961», vol. I, India, pt II—C(ii). Language tables. With an in-Introductory note on classification by R. C. Nigam, Linguist, Office of the Registrar Ge-neral, India (Delhi, Manager of Publications, Government of India, 1964). (vi), CCXLIV, 534, p., 9 maps.

гомилионных народов и множество малых народностей, племен и этнических групп. Все эти народы — большие и малые — говорят на разных языках, относящихся не только к разным группам, но даже и к разным языковым семьям.

При этом многие индийские языки бытуют как в форме «нормативного» языка, закрепленного, в частности, в литературе, так и в форме разговорной повседневной речи, иногда весьма заметно отличающейся от литературной. К тому же многие языки страны представлены как своим «стандартным», общепринятым вариантом, так и в виде различных диалектов, говоров и прочих разновидностей повседневной разговорной речи, число носителей которых также может быть очень велико; кроме того на некоторых диалектах в свою очередь может существовать «своя» литература, пресса и т. д. Нередко территориально соседствующие диалекты образуют смешанные, переходные формы, причем переход от одного диалекта к другому происходит иногда весьма постепенно и незаметно. Встречаются языковые разновидности, промежуточные не только между двумя, а то и тремя диалектами одного и того же языка, но и между соседними диалектами разных языков, в том числе даже языков, относящихся к разным языковым семьям. Во многих случаях такие гибридные формы речи можно с равным успехом отнести к разным языкам (равно как и выделить в самостоятельные языки). При этом отдельные диалекты, говоры и иные языковые разновидности внутри одного и того же языка могут иметь свои особые, иногда чисто локальные названия.

Уровень общественного развития различных народов Индии (в частности уровень их этнического самосознания) неодинаков. Некоторые народы, такие, как, например, бенгальцы или тамилы, обладают вполне сформировавшимся и устойчивым сознанием своей этнической принадлежности к языковой общности, гордятся своим языком и ясно понимают, на каком языке они говорят, как этот язык называется (впрочем, даже среди бенгальцев, особенно в некоторых районах на периферии ареала расселения этой нации, имеются группы населения, у которых сознание их принадлежности к бенгальской нации развито слабо или вообще отсутствует, а преобладает сознание принадлежности к той или другой локальной этнической и языковой общности).

Однако в Индии есть весьма многочисленные группы населения и даже целые народы (в том числе и весьма крупные), у которых этноязыковое самосознание развито очень слабо и характеризуется неопределенностью, расплывчатостью и даже неустойчивостью. Наиболее характерны в этом смысле многомиллионные народы, населяющие в основном штаты Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Бихар и Раджастхан и называемые в литературе обычно хиндустанцами, бихарцами и раджастханцами. Жители указанных штатов (особенно неграмотные или полуграмотные крестьяне, составляющие основную массу населения этих районов) имеют весьма смутное представление о языковой принадлежности своей разговорной речи. К этому следует добавить, что в этих районах (как, впрочем, и во многих других) в последние десятилетия ведется и играет большую роль активная пропаганда в пользу определенных языков по политическим, религиозным и иным мотивам.

Все это самым непосредственным образом отражается на данных о языках, собираемых во время переписей. Не имея четкого самосознания своей этнической принадлежности, не различая понятий «язык» и «диалект», не имея представления о принятом в науке названии языка, на котором они говорят, широкие массы населения могут назвать свой язык самым различным образом, иногда даже вне всякой связи с реаль-

но существующими объективными фактами. Так, одни во время опроса указывают вместо языка диалект этого языка или просто локальное название местного говора. Другие (обычно под воздействием пропаганды) вместо языка, на котором они фактически говорят, называют в качестве своего родного совершенно другой, чужой язык (которым они могут даже и не владеть), будучи убеждены, что этот другой язык представляет собой литературную, «культурную» форму того, по их мнению, «некультурного просторечья», которым они повседневно пользуются в обиходе.

Под влиянием пропаганды и общественного мнения, т. е. под влиянием сугубо внелингвистических факторов, бывает даже, что в разные годы при проведении переписи одни и те же лица дают своему родному языку разные названия и даже указывают разные языки. Иногда влияние политических, нередко сугубо конъюнктурных факторов бывает настолько сильным, что собранные переписью данные о языковом составе оказываютсяискаженными, а то и просто не соответствующими действительности.

Так, хиндустанцы в ответ на вопрос о родном языке, как правило, называют хинди, хотя, по широко принятому в науке мнению Дж. А. Грирсона, в зоне их расселения бытуют два самостоятельных языка (западный хинди и восточный хинди), которые в свою очередь распадаются каждый на несколько крупных диалектов. Раджастханцы, напротив, предпочитают давать своему родному языку название одного из раджастханских диалектов (некоторые из этих диалектов, кстати, обладают литературной традицией и могут считаться отдельными языками). Что касается бихарцев, то они вообще во время разных переписей дают различные сведения; в 1951 г. все они причислили себя к говорящим на хинди (хотя это не соответствует действительности), а в 1961 г. часть из них указала хинди, а другая часть — бходжпури, майтхили и магахи, т. е. языки, которые являются родными языками бихарцев на самом деле (Дж. А. Грирсон и Р. Ч. Нигам склонны считать их диалектами одного языка — бихари, однако в 1961 г. последнее название в самом Бихаре не было указано ни одним человеком). Сходные явления, хотя и в меньших масштабах, наблюдаются и в других районах, среди других народов (особенно там, где население смешанное и где широко распространено двуязычие).

Все эти обстоятельства накладывают заметный отпечаток на картину языковой ситуации, фиксируемую переписями населения Индии. Однако прежде чем говорить о том, в каком же виде предстает перед нами эта картина в языковом томе переписи 1961 г., следует сделать одно существенное разъяснение терминологического характера, касающееся содержащегося в книге (и, соответственно, в нашей статье) статистического материала.

Изучая данный том, необходимо помнить о том, что в нем приходится сталкиваться с двумя близкими друг другу, но, тем не менее различными понятиями, разницу между которыми нужно ясно осознать и которые, во избежание возможных недоразумений, необходимо четко разграничить.

Для обозначения понятия «язык» в английском языке существует два разных слова — *language* и *tongue*. В рассматриваемом томе эти два слова используются для терминологического разграничения двух разных понятий.

Слово *language*, по принятой в переписи терминологии, обозначает всякую языковую разновидность, которой (в отличие, например, от диалекта), согласно принятой научной классификации, отведен ста-

тус самостоятельного языка и которая известна под определенным, принятым в науке названием. В нашей статье это понятие повсюду переводится как «язык».

Помимо *language*, в книге фигурирует еще одно понятие, обозначаемое термином *mother tongue*. В ходе переписи 1961 г., как и во время проведения прежних переписей, всем опрашиваемым задавался вопрос: «Ваш родной язык?». При этом каждый был волен (исходя из собственных представлений о своем языке, далеко не всегда совпадающих с научной точкой зрения по этому вопросу) указать в ответ то название своего языка, которое считал более подходящим, и даже вообще называть любой язык, который находил нужным назвать. Счетчики, в соответствии с принятыми в переписях традициями, записывали то название родного языка, которое давалось ему самим опрашиваемым. При обработке собранного переписью лингвистического материала одинаковые ответы суммировались (таким образом, становилось известным общее число лиц, давших своему родному языку то или иное название) и полученные совокупности индивидуальных языковых разновидностей, получивших от самих их носителей одинаковое имя, и были обозначены по принятой в томе терминологии как *mother tongues*.

Буквальный перевод этого термина с английского — «родной язык». Однако чтобы не путать это понятие с понятием «язык» в смысле *language* (т. е. с теми языковыми формами, которым лингвистическая классификация предоставляет статус отдельного языка) в нашей статье термин *mother tongue* переводится на русский язык как «родная речь», а фигурирующие в переписи многочисленные разновидности «родной речи», отличающиеся друг от друга *по названию, полученному в ходе опроса* — как «формы родной речи», или просто «формы речи». Ниже по всей статье мы пользуемся именно этим последним, сокращенным вариантом перевода для обозначения указанного понятия.

Каково же соотношение между *languages* и *mother tongues* — между языками и формами речи? Указанные понятия близки друг к другу, однако далеко не тождественны. Это можно показать на примере языков и форм речи, образующих одноименную пару. Примером может служить форма речи хинди (в 1961 г. так называло свой язык около 123 млн. человек) и язык хинди, в который входят помимо формы речи хинди еще 96 других разноименных форм речи с общим числом назвавших их родным языком свыше 10,4 млн. Таким образом, общее число носителей языка хинди составляет, по данным переписи, более 133 млн. человек.

Как правило, форма речи, имеющая то же название, что и язык, статистически образует основную часть соответствующего языка. В редких случаях объемы обоих названных понятий полностью совпадают. Так, все 512 тыс. носителей языка куи назвали свой язык именно этим именем, и, таким образом, понятия «язык» куи и «форма речи» куи оказались полностью совмещены (т. е. язык куи состоит лишь из одной формы речи). Однако имеется немало и таких примеров, когда форма речи, одиночная со «своим» языком, составляет небольшую, иногда даже незначительную часть этого языка. Ниже это проиллюстрировано на таких красноречивых примерах, как языки бихари, раджастхани, бхили, синдхи.

Таким образом, формы речи, отличающиеся друг от друга по названию (которое им дали сами носители), но отнесенные к одному и тому же языку, и составляют в совокупности этот язык, а каждый язык, в свою очередь, состоит из всех включенных в него разноименных форм речи (в том числе, разумеется, и той формы речи, которая имеет то же название, что и сам язык).

Терминологическое разграничение обоих указанных понятий—language (язык) и mother tongue (форма речи)—последовательно проводится в тексте и в таблицах рассматриваемого нами языкового тома переписи 1961 г. и соответственно в настоящей статье, и во избежание недоразумений это необходимо постоянно иметь в виду.

В связи с вышесказанным необходимо сделать еще одно важное уточнение. Очень часто разные названия, которые дают своему языку его носители, отражают действительно существующую внутреннюю неоднородность данного языка, его фактическую диалектную расчлененность. Так, многие носители хинди, говорящие на диалекте авадхи, назвали свой язык авадхи; наличие формы речи «чхаттисгархи» также служит показателем существования диалекта под этим именем. Точно так же, с другой стороны, нередко одна и та же форма речи «состоит» целиком из совершенно однородного по своим объективным свойствам языкового материала.

Однако обычно между формами речи, как они зафиксированы в переписи, и характером реальной языковой ситуации, которую они отражают, существуют большие или меньшие расхождения. Разноименные формы речи на самом деле могут обозначать совершенно одно и то же лингвистическое явление. Под разными названиями может фигурировать не только один и тот же язык, но даже и один и тот же диалект или субдиалект: так, различные носители упомянутого выше диалекта авадхи дали своему диалекту 15 разных названий помимо авадхи (не считая того, что основная их часть назвала свой язык «хинди»), из которых большая часть представляет собой просто локальные названия одного и того же диалекта или субдиалекта. С другой стороны, под одним и тем же названием в виде единой формы речи могут выступать не только разные диалекты, но даже и разные языки. Мы уже упоминали о том, что подавляющая часть жителей Бихара, указавших, что их родной язык — хинди, на самом деле говорит на бходжпури, магахи и майтхили. Не нашел никакого отражения в переписи и факт существования в зоне распространения хинди двух самостоятельных (по Дж. А. Грирсону) языков — западного хинди и восточного хинди. Большие сомнения вызывает и достоверность собранных переписью данных о некоторых языковых группах в ряде других районов страны. Известно, например, что по разным причинам часть панджабиязычного населения Панджаба в 1961 г. отнесла себя к говорящим на хинди, а некоторые бенгальцы, живущие в Ассаме, указали в качестве своего родного языка ассами вместо бенгали.

Таким образом, отличаясь по своему названию, различные формы речи, с одной стороны, вовсе не обязательно отличаются друг от друга как реальные языковые разновидности, по своим объективным языковым характеристикам, а с другой — одна и та же (одна и та же по своему названию!) форма речи совсем не обязательно представляет собой нечто единое, однородное. Однако установить, исходя только из собранных переписью данных, реальную картину языкового состава в тех случаях, когда сомнения касаются многочисленных групп населения (а в указанных выше примерах речь идет о десятках миллионов человек), практически невозможно — ведь для этого пришлось бы привести параллельно с переписью сплошное полевое обследование языков жителей «сомнительных» районов и объективно определить родной язык каждого жителя этих районов. Поэтому по необходимости перепись 1961 г., как и всегда в таких случаях, как бы принимает «на веру» ответы опрашиваемых и условно исходит из того, что эти ответы отражают действительную языковую принадлежность опрашиваемых и что,

в частности, одинаковые названия обозначают одну и ту же языковую разновидность (кстати, в подавляющем большинстве случаев эти ответы отражают реальную картину довольно правильно).

Проверка действительной принадлежности тех или иных форм речи производилась лишь тогда, когда само название формы речи вызывало сомнение и не давало возможности с уверенностью определить ее принадлежность к какому-либо языку, причем проверка была выборочной и касалась, как правило, весьма немногочисленных групп населения.

Нужно сказать, что данные о формах речи не менее важны для изучающих языковой состав населения Индии, чем данные о языках. Сведения о том, какое число носителей того или иного языка употребило при ответе на вопрос о родном языке принятое название этого языка, а какое число предпочло назвать, скажем, наименование того или иного диалекта этого же языка, каков удельный вес различных форм речи внутри их совокупности, составляющей язык, и как меняется это соотношение в разных районах и от переписи к переписи, дают возможность косвенно судить о характере этноязыковой ситуации в том или ином районе, об уровне национального самосознания различных народов, о направлении этнических процессов. Поэтому составители тома в соответствии с традициями переписей населения Индии поставили перед собой задачу подать языковой статистический материал таким образом, чтобы показать численность и территориальное размещение «носителей» и каждого языка, и каждой формы речи.

* * *

Что же представлял собой конкретный материал, собранный переписью 1961 г.?

Языковое обследование проводилось по всей территории страны (за исключением части штата Джамму и Кашмир, находящейся под контролем Пакистана) — во всех штатах и союзных территориях. Обследованием было охвачено 438 937 тыс. из 439 235 тыс. жителей Индии, т. е. 99,93% населения страны. Единственный охваченный переписью район, где данные о языковом составе населения были собраны не полностью, — это союзная территория Северо-Восточное Пограничное Агентство (сведения о родном языке были собраны здесь лишь о 39 тыс. из 337 тыс. жителей). Таким образом, перепись 1961 г. дает нам весьма полную, почти исчерпывающую картину языкового состава населения страны.

При изучении собранного в ходе переписи лингвистического материала было обнаружено свыше трех тысяч различных названий родного языка, указанных самими опрашиваемыми. Эти данные представляли собой, однако, лишь «сырец», нуждавшееся в дальнейшей довольно сложной, многосторонней и многоступенчатой обработке. Этот первичный материал надлежало, во-первых, подвергнуть предварительному упорядочению и, во-вторых, систематизировать и классифицировать.

Прежде всего, в переписных бланках было обнаружено много языковых названий, которые представляли собой по существу разные варианты одного и того же названия, отличавшиеся друг от друга лишь по написанию. Отступления от стандартного написания происходили обычно оттого, что существуют разные варианты произношения некоторых названий на разных индийских языках и в разных штатах. Кроме того, при транслитерации счетчиками этих названий латинскими буквами количество вариантов (не считая явно ошибочных) еще более возросло. Известны случаи, когда даже в одном и том же штате неко-

торые названия были записаны счетчиками в девяти разных формах. Поэтому надлежало прежде всего свести различные варианты одного и того же названия к единой стандартной форме.

Во-вторых, в Индии имеется ряд языков и диалектов, каждый из которых в разных районах и местностях или просто среди разных групп его носителей известен под разными, но более или менее «равноправными», одинаково принятыми названиями. Так, одни носители языка курукх (на этом языке говорит в основном бихарская народность ораон) называют его «курукх», а другие, в соответствии со своей этнической принадлежностью,— «ораон». Пашто — главный язык Афганистана и некоторых районов Западного Пакистана — известен в Индии не только как «пашто» (а также «пакхто»), но и как «афгани» (по имени страны), «кабули» (по имени столицы Афганистана) и «патхани» (по соответствующему этнониму). Все эти различные варианты названия одной и той же формы речи фигурировали среди языковых названий, зарегистрированных переписью. Поэтому в каждом таком случае все эти варианты были объединены в одно общее, «сводное» название, в котором поставлены рядом все его разновидности, отделенные друг от друга косой чертой (например, курукх/ораон, брадж бхаша/брадж бхакха, лушай/мизо и т. д.).

В-третьих, в ряде случаев оказалось, что, напротив, одно и то же имя в разных местностях дается разным языкам. Так, во многих штатах опрашиваемые называли свой язык «нагари». Однако специально проведенное обследование показало, что в Ассаме, Мадхья Прадеше, Панджабе. Уттар Прадеше, Западной Бенгалии и Трипуре этим названием обозначался хинди, в Андхра Прадеше — каннада, в Керале — малаялам, а в Мадрасе — маратхи (стр. CLXXIV). Точно так же в Бихаре название «нагпури» в одних случаях означало магахи, а в других — маратхи (стр. CCIX). В таких случаях разные языки были обособлены друг от друга с помощью добавления к зарегистрированному названию названия соответствующего языка (например, в случае с нагари были выделены нагари-хинди, нагари-каннада, нагари-малаялам и т. д.).

Свообразием отличались многие названия иностранного происхождения. Так, некоторые опрошенные во время переписи лица называли свой родной язык по имени страны, из которой, очевидно, они происходят (например, 85 человек назвало свой язык югославским, 77 — канадским, 75 — швейцарским, 3 — египетским и т. д.) или даже по названию континента (118 человек назвали свой язык африканским, 45 — американским, 9 — европейским, один — даже евроазиатским), города (11 человек назвали свой язык ханойским) или района (среди прочих был зарегистрирован даже один человек, который ответил, что говорит на сибирском языке).

Вся эта работа по упорядочению была проведена со всеми названиями, относящимися к индийским языкам, и в той мере, в какой это оказалось возможным, также и с названиями иностранными. В итоге три с лишним тысячи «первичных» языковых названий оказались сведенными к 1652 названиям, в том числе к 1549 индийским и 103 иностранным.

Были, разумеется, проделаны и соответствующий пересчет и перегруппировка цифрового материала, относящегося к этим названиям. Число тех, кто в ходе опроса дал своему родному языку одинаковое название, суммировалось. Полный список всех этих 1652 форм речи с указанием числа «носителей» (по штатам) приведен в сводной таблице С — V(E). Как показывают таблица и дополнение к ней, зафиксированные переписью формы речи оказались самой различной «величины».

Подавляющее большинство их представлено очень небольшим числом «носителей». Так, 640 языковых названий (т. е. более одной трети) было указано не более чем десятью человеками (в том числе 248 форм речи насчитывают лишь по одному «носителю»). В то же время ряд названий форм речи был указан несколькими десятками миллионов человек, а «хинди» назвало более 123 млн. человек.

После упорядочения множества языковых названий, зарегистрированных счетчиками во время переписи, перед составителями языкового тома встала новая, гораздо более сложная задача. Необходимо было как-то определить и систематизировать собранный огромный и разнородный материал, подвергнуть его классификации, т. е., исходя из определенной концепции, с одной стороны, установить соотношение между диалектными, локальными и иными формами речи и языками, определить, к какому языку каждая форма речи относится, а с другой — найти место каждого языка в классификационной схеме, распределив их по соответствующим иерархическим ступеням — языковым группам, ветвям, семьям.

В большинстве случаев опрашиваемые называли свой родной язык его «официальным» именем, т. е. указывали то название, под которым их язык известен в науке и значится в схеме языковой классификации. Так, например, выше 99% носителей бенгали, тамил, телугу и ряда других языков дали своему родному языку соответственно название «бенгали», «тамил», «телугу» и т. д. Поскольку почти все языки Индии (в том числе и крупные) большей частью выступают под своим «собственным» именем, в виде одноименных с ними форм речи, определить языковую принадлежность подавляющей части индивидуальных ответов (и тем самым подавляющего большинства населения) не составляло труда.

Что касается определения языковой принадлежности множества форм речи, названия которых не совпадали с названием какого-нибудь языка, то эта задача была достаточно сложной. Зафиксированные переписью названия форм речи были самыми различными. В условиях низкого уровня развития этнического самосознания, с одной стороны, и объективно существующей внутренней диалектной расчлененности многих индийских языков — с другой, многие жители Индии указали вместо названия языка в одних случаях название его диалекта, субдиалекта или местного говора, в других — локальное название данного языка (не связанное с наличием какой-либо особой диалектной разновидности); в некоторых случаях зафиксированные названия отражают даже не языковую, а этническую, социальную или профессиональную принадлежность опрашиваемых.

Изучение собранного переписью материала обнаружило, что один и тот же язык может выступать под многими именами. Так, к языку бхили было отнесено 36 разноименных форм речи, к языку маратхи — 65, к языку хинди — 97!

В некоторых языковых группах удельный вес лиц, давших своему родному языку название, отличающееся от «официального», весьма велик. Из 1,4 млн. носителей синдхи определили свой язык именно как «синдхи» лишь 977 тыс. человек, т. е. немногим более двух третей их общего числа. Из 2,4 млн. говорящих на бхили это название было указано лишь 769 тыс. человек, т. е. менее чем третьей частью, а остальные дали своему языку одно из 35 других имен.

В Отделе языков была сделана попытка определить каждую из 1549 форм речи индийского происхождения (103 формы речи, определенные как относящиеся к иностранным языкам, классификации вообще

не подвергались; они были лишь сгруппированы по континентам). В итоге удалось так или иначе систематизировать и распределить по различным подразделениям языковой классификации (семьям, ветвям, группам, языкам и др.) 1019 форм речи. Из них 991 была «приписана» к одному из определенных языков — всего было определено таким образом 187 языков (см. приложение ко второй нашей статье, помещенной в настоящем сборнике). Соответственно для каждого языка было суммировано число «носителей» всех отнесенных к нему форм речи (в том числе, разумеется, и одноименной с ним); тем самым устанавливалось общее число носителей данного языка.

О 28 других формах речи удалось установить лишь их принадлежность к той или иной языковой группе, но не к определенному языку этой группы; такие формы были объединены в категорию «не определенных» языков (например, не определенные языки мунда, не определенные языки нага и т. д.), из них самую многочисленную по числу носителей группу образуют не определенные языки пахари (1015 тыс. человек).

Таким образом, было классифицировано 1019 из 1549 индийских форм речи, иными словами — менее двух третей их общего количества. Однако следует иметь в виду, что на классифицированных формах речи говорит более 99,9% всего населения страны.

Неклассифицированными остались 530 индийских форм речи, однако в большинстве своем они крайне невелики по числу «носителей» (так, среди них насчитывается 151 форма речи, название каждой из которых было указано лишь одним человеком), и в целом на всех этих 530 формах речи говорит лишь 63 тыс. человек (менее 0,01% населения страны).

На не подвергшихся классификации 103 формах речи иностранного происхождения говорит гораздо большее число людей — 315 тыс.; однако 224 тыс. из них указали своим родным языком английский, а значительная часть остальных также указала один из известных и достаточно хорошо изученных европейских или азиатских языков, место которых в системе лингвистической классификации не вызывает сомнений.

Таким образом, удалось систематизировать и классифицировать практически весь собранный переписью 1961 г. лингвистический материал, за исключением количественно ничтожной его части.

* * *

Последней — но далеко не самой простой — задачей, вставшей перед Р. Ч. Нигамом и его коллегами, было разработать метод и схему подачи обработанного лингвистического материала и представить его в виде статистических таблиц. Как же удалась эта задача?

Обратимся к структуре рассматриваемой книги и дадим ее критический анализ.

Том начинается замечаниями Генерального регистратора Индии Ашока Митры. Эти замечания содержат две статистические таблицы и предваряющий их небольшой комментарий к ним.

В первой из этих таблиц (Statement I, стр. XV—XXVI) показана (по материалам переписей 1911, 1921, 1931, 1951 и 1961 гг.) динамика изменения численности (в абсолютном выражении и в процентах) важнейших языковых групп в каждом штате и каждой союзной территории (учтены те группы, которые в 1951 г. насчитывали не менее 50 тыс. человек в штатах и не менее 10 тыс. в союзных территориях). Во избежание возможной путаницы следует отметить, что эта таблица и поясняю-

щий ее текст — одно из немногих мест в рассматриваемом томе, где не выдержан принцип терминологического разграничения между формами речи и языками: хотя здесь повсюду употребляется слово «язык» (*language*), на самом деле имеются в виду не языки, а формы речи (*mother tongues*).

Далее, во второй таблице (Statement II) на стр. XXVII—CLVIII даны сведения по каждому штату и каждой союзной территории о динамике численности носителей трех самых распространенных (в 1961 г.) в каждой из этих административных единиц языков (*languages*) за 1911—1961 г., причем эти сведения приведены по каждому из дистриктов (округов) соответствующих штата или территории с указанием абсолютной численности носителей, прироста или сокращения за десятилетие (в процентах) и удельного веса рассматриваемой языковой группы во всем населении штата, территории, дистрикта (в процентах).

Далее следует обширное (стр. CLIX—CCXXVI) предисловие к тому (Introductory Note), написанное Р. Ч. Нигамом, руководителем Отдела языков Ведомства Генерального регистратора. Предисловие посвящено в основном подробному изложению принципов разработанной автором классификации языков, принятой в переписи 1961 г. В ее основу положена известная классификация Дж. А. Грисона, в которую, однако, внесены некоторые изменения (уточнения, дополнения, упрощения и т. д.).

Предисловие имеет четыре дополнения (Appendices). Первое из них (стр. CCXVII) содержит перечень всех 103 зафиксированных переписью 1961 г. иностранных форм речи (которые, как уже отмечалось выше, остались неклассифицированными) с указанием числа лиц, назвавших каждую из них родным языком. Во втором дополнении (стр. CCXXVIII—CCXXIX) перечислены все 530 форм речи индийского происхождения, которые не удалось классифицировать. В третьем дополнении (стр. CCXXX—CCXXXIX) дана схема принятой в переписи 1961 г. классификации с указанием всех классифицированных языков и объединенных с ними форм речи, сгруппированных по соответствующим подразделениям схемы; указана численность носителей каждого языка и каждой формы речи. Наконец, четвертое дополнение (стр. CCXXXIX—CCXLII) содержит перечень всех форм речи, в том числе и неклассифицированных, которые определены как формы речи *племен*.

Далее (стр. 1—210) следуют основные официальные языковые таблицы переписи 1961 г. В соответствии с местом в общей структуре переписи эти таблицы обозначены индексом С-В (по всей переписи индекс С обозначает таблицы и соответственно тома, содержанием которых служат социальные и культурные аспекты; индекс В обозначает специально языковую тематику).

Первая из них, табл. С-В(А) (стр. 1—29), содержит информацию о 14 языках, упомянутых в Конституции Индии (приложение VIII), — ассами, бенгали, гуджарати, хинди, каннада, кашмири, малаялам, маратхи, ория, панджаби, санскрит, тамил, телугу и урду. Для каждого из них указано число носителей с разбивкой по половому составу (такая разбивка сделана во всех других основных таблицах тома). Для штатов и территорий сведения даны также раздельно по городскому и сельскому населению. Особенность (и достоинство) этой таблицы в том, что данные приведены не только по Индии в целом и по штатам и территориям (как и во всех других таблицах, штаты расположены по вертикали в соответствии с алфавитным порядком их английских названий, а за ними следуют союзные территории), но и по каждому из дистриктов, на которые штаты и территории подразделяются. В алфавитном

порядке, но по горизонтали расположены в этой таблице и 14 названных языков.

Как это сделано и в аналогичных последующих таблицах о языках (*languages*), таблица С-V(А) имеет дополнение (*Supplement*), посвященное формам речи. В нем на стр. 31—67 для каждого из 14 включенных в таблицу языков указаны все названия объединенных с ним форм речи и число лиц, указавших каждую из них, по штатам и территориям (формы речи в каждом из языков расположены по алфавиту своих названий).

В табл. С-V(В) (стр. 69—76) даны сведения о языках, число носителей которых составляет не менее 500 тыс. человек (за исключением тех из них, которые упомянуты в Конституции и поэтому уже были отражены в предшествующей таблице). Таких языков в 1961 г. было зафиксировано 16: бихари, раджастхани, сантиали, бхили, гонди, синдхи, konkани, курукх (ораон), кумауни, непали, тулу, гархвали, мундари, хо, манипури (майтхей) и куи. В эту же таблицу по формальному признаку (число носителей) попала группа не определенных языков пахари. Начиная с этой таблицы, языки располагаются не по алфавиту, а по убывающей численности их носителей. Кроме того, в этой и в остальных последующих таблицах все данные о числе носителей даются только по штатам и союзным территориям в целом, без разбивки по дистриктам. По аналогии с предшествующей таблицей к таблице С-V(В) дано дополнение (стр. 77—101) со сведениями о соответствующих формах речи.

Таблица С-V(С) (стр. 103—108) и дополнение к ней (стр. 109—117) содержат поданные в том же порядке сведения о языках, число носителей каждого из которых составляет от 100 000 до 499 999 человек, и относящихся к ним формах речи. В эту категорию в 1961 г. попали языки кхандеши, кхаси, бодо/боро, гаро, трипури, савара, мандеали, английский, лушаи/мизо, корку, кхария, кхонд/кондх, микир, бхумидж, коя, мири, хиндустани, сирмаури и парджи (итого 19 языков), а также группа не определенных языков мунда.

В таблице С-V(Д) (стр. 119—123) и дополнении к ней (стр. 125—137) указаны прочие (кроме иностранных) языки (с числом носителей менее 100 тыс. человек), не рассмотренные в предыдущих таблицах (их приведено здесь 56; кроме того, в эту категорию попали группы не определенных языков нага, бхотиа, куки и чин), и относящиеся к ним формы речи.

Итак, таблицы С-V (А, В, С и Д) в совокупности охватывают классифицированные формы речи, сгруппированные в 105 языковых общностей, получивших в соответствии с принятой в переписи 1961 г. классификацией статус «языков» (*languages*), и в 6 групп не определенных, но близкородственных языков. Что касается 530 неклассифицированных индийских, а также 103 иностранных форм речи, то, как указывалось, сведения о них были даны выше во втором и в первом дополнениях к предисловию, написанному Р. Ч. Нигамом.

Кроме того, далее следует таблица С-V(Е) (стр. 139—183), которая представляет собой полный список расположенных в алфавитном порядке всех 1652 названий форм речи, зафиксированных переписью 1961 г., как классифицированных, так и оставшихся неклассифицированными. Против каждой из неклассифицированных (и соответственно не попавших ни в одну из предшествующих таблиц) форм речи здесь же указано число лиц, давших своему родному языку это название (раздельно для мужчин и женщин, с разбивкой по штатам и территориям), а для каждой классифицированной формы речи указано, в дополнении к какой из предшествующих таблиц следует

искать сведения о числе лиц, назвавших свой язык этим именем. Эта таблица служит как бы ключом ко всему тому: с ее помощью можно отыскать сведения о каждой форме речи.

В дополнении к этой таблице (стр. 185—200) все формы речи, каждую из которых называло менее 100 тыс. человек, сгруппированы в 17 количественных категорий по числу носителей — от категорий 99 999—50 000, 49 999—25 000 и т. д. до категории, к которой отнесены названия, каждое из которых было указано в качестве родного языка лишь одним человеком (в последнюю категорию попало 248 названий).

Наконец, последняя таблица основного ряда С-В(Ф) (стр. 201—210) содержит список форм речи, которые были классифицированы в «Обследовании языков Индии» Дж. Грирсона или были предварительно классифицированы или реклассифицированы в 1961 г. как принадлежащие к определенным языкам, которые в свою очередь классифицированы по языковым группам «Обследования языков Индии».

Далее следуют три приложения (Appendices). В приложении I (стр. 211—220) показана схема классификации, разработанной Дж. А. Грирсоном в «Обследовании языков Индии», с указанием всех языков и форм речи и индексов (номеров), под которыми все они числятся в этой схеме. Приложение II (стр. 221—223—367) содержит списки всех форм речи в алфавитном порядке по каждому штату и в каждой союзной территории, причем в разделах, посвященных Северо-Восточному Пограничному Агентству (СВПА) и Нагаленду, помещено несколько карт, показывающих размещение племен и языковых групп (для СВПА — ориентировочно, для Нагаленда — подробно, для каждой деревни в отдельности). Приложение III (стр. 369—371—435) представляет собой перепечатку текста той части отчета переписи 1901 г., которая посвящена языкам и автором которой был Дж. Грирсон.

Том завершает таблица С-VI (стр. 437—517), посвященная билингвализму (двуязычию). Здесь вначале (стр. 438—441) указано, какое число лиц называло в качестве своего второго языка один из 14 языков, упомянутых в Конституции (по штатам и территориям). Затем идет основная часть таблицы (стр. 443—517), где даны сведения о 114 формах речи. Для этой таблицы были отобраны те формы речи, которые, во-первых, были названы по всей Индии не менее чем 10 тыс. человек каждая, и из которых, во-вторых, не менее чем 5 тыс. человек указали также и второй язык. О каждой из этих 114 форм речи сообщается следующее: общее число лиц, назвавших свой родной язык этим именем; число тех из них, кто указал, что владеет еще одним языком; важнейшие вторые языки с указанием числа назвавших их (все эти сведения даны с разбивкой по штатам и территориям).

Наконец, к тому приложен также указатель (стр. 519—534) — алфавитный список названий всех языков и форм речи с указанием страниц тома, на которых они упоминаются, и (если эти формы речи классифицированы) их принадлежности к той или иной языковой семье.

* * *

Такова структура рассматриваемого тома. Что же можно сказать об этой структуре, о наполнении ее отдельных звеньев, о характере расположения и степени подробности содержащихся в книге языковых данных?

Прежде всего обращает на себя внимание то, что при распределении собранного переписью статистического материала по отдельным

таблицам не выдержан единый принцип. В то время как таблицы (В), (С) и (D) отличаются друг от друга по количественному принципу (по числу носителей помещенных в них языков, причем в каждой из них языки располагаются не в порядке алфавита их названий, а по числу лиц, называвших данный язык родным), таблица (А) выделена по принципу особого конституционного статуса представленных в ней языков (которые расположены в ней в алфавитном порядке, т. е. так, как они зафиксированы в Конституции).

Распределять собранный статистический материал между основными таблицами тома то по одному, то по другому критериям представляется нам в принципе нежелательным. В данном конкретном случае выделение отдельной табл. (А) для языков, упомянутых в Конституции, и в то же время дальнейшее членение оставшегося материала между таблицами (В), (С) и (D) по количественному признаку кажется нам, кроме того, неоправданным, нецелесообразным и неудобным при пользовании томом. Такой способ можно было бы принять лишь в том случае, если бы особый конституционный статус был предоставлен наиболее распространенным (по числу носителей) языкам и если бы в табл. (А) соответственно попали бы только самые крупные языки страны. Дело, однако, обстоит иначе. Среди упомянутых 14 языков — крупнейшие и самые распространенные языки страны, и в совокупности, согласно переписи 1961 г., их считают родными более 382 млн. человек, т. е. 87,1% всего населения Индии. Тем не менее в числе языков, названных в Конституции, есть и весьма небольшие по степени распространенности. В результате в табл. (А) оказываются количественно самые «разнокалиберные» языки: с одной стороны, такие, как хинди, телугу, бенгали, тамил, число носителей каждого из которых достигает нескольких десятков миллионов человек, а с другой — кашмири, число носителей которого составляет менее 2 млн., и даже санскрит — фактически мертвый язык, своего рода «латынь Индии», который указали в качестве родного языка лишь 2,5 тыс. человек (санскрит от переписи к переписи называют своим родным языком незначительные по численности группы лиц, причем в разные годы — разные люди, делающие это не потому, что санскрит действительно является их родным языком, а из соображений престижа и т. п.). В табл. (А) включен также урду, хотя сам составитель тома Р. Ч. Нигам считает урду разновидностью хинди и выделяет его в качестве особого языка только потому, что урду упомянут в Конституции.

В то же время, не будучи упомянутыми в Конституции, в табл. (А) не попали такие важные и широко распространенные языковые формы, как, например, бихари и раджастхани (не говоря уже об отдельных разновидностях бихари и раджастхани, таких, как бходжпuri, магахи, майтхили, марвари, мальви, мевари и др., на каждом из которых говорит по несколько миллионов человек и многие из которых можно считать отдельными языками). В свою очередь из-за принятого в томе деления в табл. (В) также оказались самые разные по численности и значению языки: наряду с бихари и раджастхани, которые, согласно переписи 1961 г., являются родными языками соответственно для 16 млн., 8 млн. и 14,9 млн. человек, в эту таблицу попали сравнительно «небольшие» языки, например куи (немногим более 0,5 млн. носителей).

Поэтому, нисколько не подвергая сомнению правомерность самого выделения среди всех языков Индии тех или иных языков и предоставления им особого официального статуса, нельзя не признать, что в языковом томе переписи для читателей было бы удобнее и нагляднее сгруппировать весь статистический материал только по одному, а имен-

но количественному показателю (это гораздо удобнее, чем подразделять его на языки, упомянутые и не упомянутые в Конституции, или, например, как это было сделано в языковом томе переписи 1951 г., располагать языки в соответствии с их местом в системе генетической классификации) и придерживаться этого принципа неукоснительно во всем томе для каждого языка.

В пользу такого решения говорит также и то обстоятельство, что сам список упомянутых в Конституции языков не есть нечто данное раз и навсегда. Так, не прошло и двух лет со дня проведения переписи 1961 г., как в этот список дополнительно был включен язык синди (1,4 млн. носителей). По-видимому, этот список в будущем пополнится рядом других языков. Например, получил официальное признание (впрочем, пока что не отраженное в Конституции) в качестве отдельного языка майтхили (этот язык в 1961 г. указало в качестве родного 5 млн. человек; на самом деле носителей майтхили гораздо больше, однако перепись 1961 г. отказывает майтхили в статусе языка и квалифицирует его как диалект — форму речи — бихари). Не исключено, что указанный список будет даже вообще изъят из текста Конституции.

Что же касается отражения в рассматриваемом томе самого факта существования категории языков, имеющих особый конституционный статус, то было бы вполне достаточно сделать это путем включения в том специального приложения-таблицы, в которой был бы помещен список этих языков с указанием числа носителей каждого из них.

Вообще здесь следует сказать, что, по нашему мнению, и в данном случае (при делении языков по их конституционному статусу), и во всех других случаях, когда составители языкового тома находят нужным давать те или иные группировки языков по различным критериям, самым «лаконичным» и удобным для усвоения материала способом служит составление специальных тематических дополнений. Кстати, в рассматриваемом томе к этому способу прибегают неоднократно. Примером могут служить упомянутые выше четыре дополнения к предисловию Р. Ч. Нигама. Напомним, что в первом из них приведен список иностранных форм речи, во втором — список неклассифицированных индийских форм речи, в третьем произведены группировка языков по степени их родства между собой и их объединение в подразделения различного таксономического ранга (классификация), а в четвертом сгруппированы формы речи, отнесенные к категории языков племен. Точно так же отдельный список можно было бы дать и для языков, упомянутых в Конституции.

В свете сказанного выше вызывает сомнение и целесообразность разделения остальных (не вошедших в табл. А) языков на три категории в зависимости от числа их носителей и группировка статистических материалов, относящихся к каждой из этих категорий, в отдельные таблицы (B), (C) и (D). Во-первых, предложенные «границы» между количественными группами (500 тыс. и 100 тыс. человек) весьма условны и произвольны. Действительно, при принятом в томе делении, с одной стороны, такие «разнокалиберные» языки, как, например, в табл. (B) — бихари (число говорящих, согласно переписи, почти 17 млн. человек) и куи (512 тыс. носителей) или — в табл. (D) — малто и содочи (соответственно 89 тыс. и 8 человек), оказались в одной и той же количественной категории. С другой стороны, такие языки, как, например, куи и кхандеши (число носителей соответственно 512 тыс. и 428 тыс.) или парджи (109 тыс.) и малто (89 тыс.), попали в разные таблицы, хотя по числу говорящих на них они почти не отличаются друг от друга. Нужно сказать, что большая или меньшая условность и произвольность

свойственны не только тому делению языков на категории, которое принято в рассматриваемом томе, но и, неизбежно, любому другому делению, проведенному по количественному признаку. Поэтому если уж делить статистический материал тома по количественному критерию, то для того, чтобы свести эту условность и произвольность к минимуму, лучше разделить его на меньшее число категорий (скажем, на две) и избрать рубеж между ними либо в 1 млн. человек (т. е. все-крупные языки, число носителей которых насчитывает 1 млн. и выше, дать в одну таблицу, а все прочие — в другую), либо, скажем, в 100 тыс. человек. Самое же лучшее, по нашему мнению, было бы вообще не подразделять материал и дать все языки без расчленения их на количественные группы, расположив их в порядке численности говорящих на них, т.е. объединить воедино таблицы (В), (С) и (Д) (это сделать нетрудно, так как в каждой из этих таблиц языки расположены по убывающей численности их носителей и они составляют, таким образом, единое целое) и инкорпорировать в эту сводную таблицу, в соответствующие места, материал, относящийся к языкам из таблицы (А).

Что же касается группировки языков по численности их носителей,— поскольку такая группировка при всей своей условности представляет интерес,— то этой задаче с гораздо большим успехом служила бы специальная дополнительная таблица, где был бы приведен список всех языков с разбивкой на количественные категории с любой необходимой степенью дробности — наподобие имеющегося в рассматриваемом томе приложения к таблице (Е) на стр. 185—200, в котором даны подобные сведения о некоторых формах речи и где выделено 17 групп, вплоть до группы форм речи, названных лишь одним человеком.

Здесь, однако, перед нами встает еще один, связанный с предшествующим, но самостоятельный аспект подачи статистического материала: как расположить относительно друг друга сведения о языках и сведения о формах речи.

Четкое разграничение этих двух различных языковых категорий имеет большое значение. Огромное количество зафиксированных переписью языков и форм речи (причем, как говорилось выше, почти в каждом языке название языка и название одной из относящихся к нему форм речи — как правило, важнейшей — совпадают: например, в рассматриваемом томе встречаются хинди в значении «язык» и хинди в значении «форма речи») в условиях громоздкой и недостаточно четкой структуры приводит к тому, что можно легко перепутать обе эти категории (кстати, как уже отмечалось выше, недоразумение такого рода произошло даже в самом томе переписи). Чтобы свести возможность таких ошибок и недоразумений к минимуму, желательно так построить структуру тома, чтобы языки и формы речи были ясно и наглядно разграничены, отделены друг от друга.

В рассматриваемом томе сведения о формах речи приводятся в виде обширных приложений к каждой из основных таблиц (А), (В), (С) и (Д). Такое расположение трудно назвать идеальным. Дополнения, более обширные, чем сами таблицы, вклиниваются в основной табличный ряд, расчленяют его. Чередование таблиц и дополнений, в каждом из которых сведения даны о нескольких языках или нескольких группах форм речи, нарушает целостность картины, затрудняет восприятие всего материала в целом, усложняет отыскание отдельных языков и относящихся к нему форм речи. На наш взгляд, статистический материал можно было бы сгруппировать более рационально.

Так, например, известные удобства дало бы, очевидно, такое его

расположение, при котором данные о формах речи, относящихся к каждому определенному языку, следовали бы непосредственно за данными, характеризующими этот язык в целом (при расположении всех языков в строго количественном порядке). Таким образом, полная статистическая характеристика каждого языка (и языка в целом, и отдельных форм речи, из которых этот язык состоит) была бы сосредоточена в одном месте.

Впрочем, такому расположению была бы присуща некоторая фрагментарность. Поэтому, пожалуй, предпочтительнее другой вариант, а именно: все цифровые данные о численности и размещении всех языков (в порядке числа говорящих на них) можно было бы свести воедино и поместить в одной таблице, а все аналогичные сведения о формах речи (по относящимся к отдельным языкам, группам, расположенным в том же порядке, что и языки в первой таблице) — в другой.

Нам представляется, что оба предложенных нами варианта, особенно второй, более удобны для пользования языковым томом и облегчили бы восприятие содержащихся в нем статистических материалов.

Кроме того, для более четкого и ясного разграничения цифровых данных, относящихся к языкам и формам речи, было бы желательно, помимо соответствующих указаний и оговорок в тексте, провести по всему тому (как в таблицах, так и в текстовой части) четкое шрифтовое разграничение между обеими названными, а также и любыми другими языковыми категориями. В рассматриваемом томе попытка использовать этот метод сделана, однако осуществлено это непоследовательно и, так сказать, от случая к случаю. Например, в основных таблицах тома (A), (B), (C) и (D) и в дополнениях к ним названия языков набраны строчными буквами, а названия форм речи — прописными; при этом название английского языка в таблице С-V(С) — единственного иностранного языка, попавшего в основные таблицы, дано курсивом, а остальных — прямым шрифтом. В приложении (Appendix) III к предисловию Р. Ч. Нигама (стр. ССXXX—ССXXXVIII) названия языков, и форм речи (а также названия языковых групп и ветвей) напечатаны строчными буквами, а прописными буквами набраны названия языковых семей и подсемей; в то же время названия языков здесь набраны курсивом, а названия форм речи — прямым шрифтом. В таблице (Е), где дан список только форм речи (без языков), а также в приложении к этой таблице прямым шрифтом набраны названия индийских, а курсивом — иностранных форм речи, при этом классифицированные и оставшиеся неклассифицированными формы речи типографски никак не обособлены.

Совершенно иное шрифтовое оформление (в частности, с применением различных диакритических знаков) — в приложениях к тому (Appendices), содержащих материалы «Обследования языков Индии» Дж. А. Грирсона. В помещенной в конце тома таблице С-VI (о двухязычии) названия даже одних и тех же форм речи набраны двумя, а то и тремя разными шрифтами: там, где название формы речи служит заголовком соответствующего раздела таблицы (всего их 114), оно набрано прямыми прописными буквами; если то же самое название оказывается в разделе, где характеризуется число лиц, назвавших его своим вторым языком, то оно набрано строчными буквами, причем если оно относится к Индии в целом, то оно напечатано курсивом, а если кциальному штату — то прямым шрифтом. Наконец, в указателе ко всему тому в целом вообще не делается различий между названиями языков и форм речи и выделены (курсивом) лишь формы

речи иностранного происхождения. В то же время в приложении (Аппендице) I к предисловию Р. Ч. Нигама названия иностранных форм речи (в отличие от того, как это сделано в большинстве других разделов тома) набраны не курсивом, а прямым шрифтом.

Естественно, такая непоследовательность затрудняет усвоение содержащегося в томе материала. Между тем метод шрифтового разграничения весьма полезен, и им следовало бы воспользоваться шире, дав каждой языковой категории свое особое типографское оформление. Так, названия языков можно было бы набрать прописными буквами (или корпусом), а названия форм речи — строчными буквами (или петитом); скажем, названия языков, упомянутых в Конституции, — полужирным шрифтом, а прочих языков — светлым; названия классифицированных форм речи — вразрядку, а названия форм речи, оставшихся неклассифицированными, без разрядки; названия индийских языковых форм — прямым шрифтом, а названия языковых форм иностранного происхождения — курсивом; можно выделить также и названия различных таксономических подразделений языковой классификации (например, названия языковых семей набирать жирным вразрядку, языковых подсемей — полужирным вразрядку и т. д.) и неукоснительно и последовательно придерживаться этого разграничительного оформления по всему тому от первой и до последней страницы — и в текстовой части, и в таблицах, и в указателях.

*

В связи с вопросами, рассмотренными выше, встает еще один, чрезвычайно важный аспект подачи статистического материала, содержащегося в рассматриваемом томе, а именно: характер подачи статистических данных о языках в региональном разрезе, степень их территориальной детализации.

Здесь следует подчеркнуть, что для правильного уяснения особенностей языковой ситуации в Индии ее территориальный аспект не менее существенен, чем аспект количественный, и оба эти аспекта следуют учитывать в неразрывном единстве. Между тем освещение пространственного аспекта в рассматриваемом томе представляется нам неудовлетворительным: в частности, степень учета территориальной детализации приводимого в томе языкового материала явно недостаточна.

В публикациях, освещающих итоги переписи 1961 г., был принят следующий традиционный для индийских переписей принцип. Тома, посвященные Индии в целом и включающие соответственно общениндийские таблицы, содержат территориально более обобщенные и генерализованные статистические данные (по штатам и в некоторых случаях также и по дистриктам). В томах же, посвященных отдельным штатам и территориям, публикуются более детализированные сведения (по дистриктам и в некоторых случаях по еще более мелким административно-территориальным единицам — талукам, тахсилам, полицейским участкам и т. п.).

В рассматриваемом языковом томе, входящем в общениндийскую серию, за основу взяты только главные административно-политические единицы страны: все содержащиеся в нем цифровые данные о числе носителей как различных языков, так и форм речи приведены по штатам и территориям в целом. Исключение сделано лишь для 14 языков (но не для объединенных с ними форм речи), упомянутых в Конституции, — для каждого из них в табл. (А) указано число носителей также

и по всем дистриктам страны. Кроме того, в открывающих языковой том замечаниях А. Митры содержится таблица (Statement II, стр. XXVII—CLVII), в которой для каждого штата и каждой союзной территории указаны три наиболее распространенных в них языка и для каждого из этих языков даны сведения о числе носителей по всем дистриктам соответствующих штата или территории. Задача сообщить сведения по дистриктам о прочих языках возложена в рамках переписи 1961 г. на соответствующие разделы томов, посвященных отдельным штатам и союзным территориям.

В этой связи хотелось бы прежде всего обратить внимание на то, что штаты Индии представляют собой весьма крупные административно-территориальные единицы, которые по площади и населению можно сравнить с крупными европейскими странами. Достаточно напомнить, что население штата Уттар Прадеш насчитывало в 1961 г. почти 74 млн. человек, население Бихара — свыше 46 млн., Махараштры — почти 40 млн., Андхра Прадеша — 36 млн. человек и т. д. Средние данные по языковому составу населения (как и по различным другим показателям социального и экономического характера) по таким обширным и густонаселенным районам в целом, если их не дополнять детализацией по отдельным дистриктам могут дать, как правило, лишь самое общее и приблизительное представление о языковой ситуации и в большинстве случаев не отражают многие важные особенности реальной картины территориального распространения языков и иногда даже создают ложное представление об их размещении.

Установить картину действительного расселения целого ряда языковых групп можно только в том случае, если в нашем распоряжении будут данные не только по штатам в целом, но и по отдельным дистриктам.

Как указывалось выше, мы располагаем такими данными о языках, упомянутых в Конституции (табл. А), причем в эту группу входят почти все наиболее распространенные языки, на которых в общей сложности говорит большинство жителей страны. Кроме того, в табл. (Statement) II, содержащейся в замечаниях А. Митры, подробно освещено территориальное распространение почти всех остальных крупных языков, не вошедших в табл. (А), в том числе таких, как бихари, раджастхани и др.

Таблица, составленная А. Митрой,— чрезвычайно ценное дополнение к табл. (А). Тем не менее и этого нельзя признать достаточным. Ведь для исследователя важно получить точные данные о пространственном распространении не *некоторых* (пусть даже и самых крупных) и даже не *большинства*, а *всех* языков, важно установить точную пространственную картину языкового состава не *части* (пусть даже и большей), а *всего* населения страны, штата, дистрикта. Между тем материалы, содержащиеся в таблице А. Митры, не дают исчерпывающего представления о проблеме. В этой таблице для каждого штата охарактеризованы не все языки, а только три; языки, данные о которых приведены для одного штата, как правило, не представлены в разделах таблицы, посвященных другим штатам. Поэтому сведения о размещении многих крупных языков страны, даже таких крупных, как сантали, бхили, синдхи, конканы, касаются лишь незначительной части их носителей и оказываются недостаточно показательными.

Так, поддистриктное распределение языка сантали, на котором говорит в общей сложности 3,2 млн. человек, зафиксировано в томе лишь для 1,1 млн. человек, живущих в Западной Бенгалии, где этот язык попадает в «большую тройку», а, например, в Бихаре, где на

сантали говорит 1,7 млн. человек, характер их размещения остается неизвестным. Подробности о распространении бхили (общее число назвавших его родным языком в Индии — 2,4 млн. человек) известны только для Раджастхана, где на бхили говорит лишь 832 тыс. человек. О распределении по дистриктам таких крупных языков, как гонди (1,5 млн. человек), курукх/ораон (свыше 1,1 млн.), непали (1,0 млн.), мы не имеем вообще никаких сведений, так как ни в одном из штатов (в том числе и в тех, где носители этих языков весьма многочисленны и составляют значительную часть населения) они не входят в «большую тройку». О более мелких языках, таких, как тулу, гархвали, мундари, хо, куи, кхаси, лушай/мизо, гаро и т. д., и говорить не приходится, хотя детальные сведения о распространении этих и многих других, более мелких языков или групп языков представляют не меньший интерес, чем аналогичные данные о крупных языках.

Необходимость приведения в общеиндийском томе данных по *всем* дистриктам о распространении *всех* языков диктуется не только тем, что они представляют интерес сами по себе, но и тем, что без этих данных сведения даже о тех языках, для которых дана разбивка на дистрикты, во многом теряют свою ценность и как бы «повисают в воздухе». Действительно, даже располагая данными о распределении по дистриктам одних языков, но не имея в своем распоряжении аналогичных данных по другим языкам, исследователь лишен возможности установить пропорции, вычислить удельный вес носителей тех или иных языков во всем населении отдельных дистриктов, определить абсолютное и относительное значение различных языков в разных районах и местностях. Между тем при анализе языковой ситуации в Индии совершенно необходимо данные об абсолютной численности носителей тех или иных языков (как бы эти данные ни были важны сами по себе) дополнить данными об их относительной численности по районам. Дело в том, что в Индии некоторые языковые группы (в том числе довольно многочисленные и распространенные на обширной территории) повсюду в зоне своего распространения (даже в ареалах своей максимальной концентрации) составляют меньшинство населения (иногда даже ничтожное меньшинство, малозаметное среди иноязычного окружения). Другие же языковые группы (в том числе малочисленные и локализованные в пределах небольших районов), напротив, образуют в районах своего расселения (пусть даже и незначительных по площади) большинство или даже подавляющее большинство всех жителей. Рассматриваемый том из-за недостаточной территориальной детализации представленного в нем статистического материала не дает нам возможности установить соотношение между различными языками по дистриктам, хотя это дало бы нам исключительно ценный материал для анализа языковой ситуации в стране, особенно в таких неоднородных в этническом отношении штатах (или их некоторых районов), как Бихар, Ассам, Орисса, Мадхья Pradesh и др.

Так, изучая рассматриваемый том, мы не получаем представления о реальной картине расселения различных языковых групп и регионального количественного соотношения между ними в Южном Бихаре — районе, весьма пестром в этноязыковом отношении. Например, тот факт, что (как можно подсчитать по имеющимся в томе данным) санталиязычное население Бихара насчитывает около 1,7 млн. человек и это составляет 3,5% всех жителей штата, не содержит в себе того весьма существенного уточнения, что большинство говорящих на сантали сосредоточено в одном дистрикте Бихара (Парганы Санталов), где они составляют значительную часть населения.

Если бы в нашем распоряжении были данные о распределении по дистриктам всех языков Ассама, то языковая разнородность этого штата также представилась бы нам в ином свете. Раскрылись бы главные особенности этнолингвистической ситуации, которые обнаруживаются не в языковой пестроте этого штата вообще, а в территориальном выражении этой пестроты. Данные переписи показали бы нам, что, в то время как самый крупный после ассаmцев народ Ассама — бенгальцы, несмотря на свою многочисленность (свыше 2 млн. человек) и заметную долю во всем населении штата (около 18%), ни в одном из дистриктов этого штата (кроме Качара) не составляет большинства населения, небольшие горные народности, такие, как кхаси (363 тыс. человек, 3,0% всего населения Ассама), бодо (345 тыс., 2,9% населения), гаро (301 тыс., 2,5%), лушаи (216 тыс., 1,8%) и др., несмотря на свою малочисленность, будучи расселены чрезвычайно компактно, составляют в пределах своей локализации подавляющую часть жителей.

Неискушенный и поверхностный взгляд может вообще не обратить внимания на тот факт, что небольшую часть населения Западной Бенгалии (лишь 1,5%) составляют говорящие на непали. Между тем этот факт имеет немалое общеиндийское значение в свете того обстоятельства, что непальское меньшинство почти целиком сконцентрировано в дистрикте Дарджилинг, где составляет подавляющую часть населения.

Можно было бы легко умножить подобные примеры, красноречиво свидетельствующие о том, как необходимо давать в общеиндийском языковом томе данные не только по штатам, но и по дистриктам. Остается лишь выразить сожаление о том, что таблица А. Митры ограничена данными по штатам и территориям; если бы в ней указывались не только главные языки каждого штата (по его дистриктам), но и главные языки каждого дистрикта в отдельности, ценность таблицы неизмеримо бы возросла.

Итак, мы можем констатировать: пространственный аспект языкового состава населения, к сожалению, не нашел в рассматриваемом томе должного отражения, что намного снижает его ценность как источника для изучения языковой ситуации в Индии.

Правда, некоторые необходимые подробности публикуются в соответствующих разделах региональных томов. Но каждый региональный том содержит детальную языковую статистику только по одному соответствующему штату (или территории). Поэтому для того, чтобы составить представление о ситуации в Индии в целом, необходимо иметь в распоряжении помимо общеиндийского тома одновременно все 27 региональных томов, содержащих лингвистические сведения. Однако пользоваться одновременно таким большим количеством источников довольно затруднительно, тем более что они перегружены деталями, многие из которых имеют в основном локальное значение, и не заменяют компактной сводной общеиндийской статистики, которую может дать только общеиндийский том. К тому же, с другой стороны, публикация всех имеющих отношение к нашей теме томов переписи растягивается на очень долгий срок. Общеиндийский языковой том переписи 1961 г. был издан в 1964 г., а часть региональных томов, содержащих лингвистические материалы, до сих пор еще не вышла в свет. Кроме того, иметь под рукой одновременно полный комплект всех языковых томов практически очень трудно, а для многих исследователей, изучающих этноязыковую ситуацию в Индии, которые живут в других странах, подчас и просто невозможно. Число библиотек за пределами Индии, располагающих полным комплектом изданий, выпущенных Ведомством Генерального регистратора и посвященных отра-

жению данных переписи 1961 г., очень ограниченно, да и в самой Индии не все даже крупные научные библиотеки имеют это издание. Поэтому тот факт, что детальная информация о территориальном размещении языков и форм речи содержится в региональных томах, не снимает необходимости дать сведения по дистриктам и в общеиндийском языковом томе.

* * *

В связи с этим, учитывая предстоящую публикацию материалов переписи 1971 г. в Индии, нам хотелось бы высказать ряд пожеланий и сделать некоторые предложения.

Дело в том, что из-за специфики материала, с которым приходится иметь дело в языковом томе, сосредоточить весь статистический материал для каждого языка и каждой формы речи по каждому дистрикту в *одном* *тome* — задача трудновыполнимая. Во-первых, языков и форм речи, зафиксированных в 1961 г., очень много: напомним, что в переписи статус «языка» (*language*) получило 187 языков, а общее число форм речи достигает 1652. Во-вторых, одни языки и формы речи насчитывают всего лишь несколько десятков, а то и единицы носителей, а другие — десятки миллионов (причем мелкие численно преобладают). Б-третьих, некоторые языки и формы речи распространены на обширной территории, охватывающей несколько штатов, и даже рассеяны по всей стране и обнаруживаются почти в каждом дистрикте (в одних их сотни тысяч, в других — несколько человек), а другие в основном ограничены сравнительно небольшой территорией (иногда даже двумя-тремя дистриктами). Наконец, в-четвертых, число дистриктов, на которые делится территория Индии, также очень велико — более 300. В этих условиях найти оптимальный способ подачи столь разнородного и «разнокалиберного» (и по количеству, и территориально) материала — нелегкая задача. В частности, совершенно очевидно, что если пойти по пути приведения сведений и о каждом языке, и о каждой форме речи по каждому дистрикту, то это привело бы к непомерному разбуханию общеиндийского тома, притом в значительной степени за счет информации, имеющей второстепенное значение.

Однако опубликовать в общеиндийском томе данные по дистриктам о всех 187 классифицированных языках (а также выборочно о некоторых формах речи) — задача вполне посильная.

Решить ее можно по-разному. Так, очевидно, было бы нецелесообразно группировать статистический материал в таком виде, как это сделано в табл. (А) рассматриваемого тома, т. е. перечислить в сводной общеиндийской таблице по вертикали все дистрикты страны и против каждого из них по горизонтали отметить число зафиксированных в нем носителей каждого из 187 языков (а если те или иные языки в каких-либо дистриктах не представлены, то отмечать факт их отсутствия). Такой метод годится для тех случаев, когда рассматриваемое явление наблюдается повсеместно, в каждом дистрикте или хотя бы в большинстве дистриктов.

Между тем территориальное распространение почти всех языков Индии, в том числе и многих крупных, более или менее ограниченно, и за пределами районов своей концентрации (как правило, ограниченных одним-двумя штатами) они встречаются далеко не во всех дистриктах и представлены незначительным числом носителей. Примером (это хорошо иллюстрируется табл. А) могут служить крупные языки: ассами (в штате Ассам сконцентрировано 99,7% носителей этого языка).

ка, за его пределами проживает лишь 19 тыс. ассамцев из 6,8 млн.), кашмири (в штате Джамму и Кашмир сосредоточено 99,1% кашмирцев, и в других штатах зафиксировано лишь 18 тыс. из 2 млн. говорящих на этом языке), кумауни (99,8% кумаунийязычного населения Индии сконцентрировано в Уттар Прадеше; вне этого штата расселилось лишь 2 тыс. из 1 млн. кумаунцев), куи (все 512 тыс. говорящих на этом языке проживают только в одном штате — Ориссе — и не встречаются за его пределами) и др. Что же касается мелких языков (а их большинство), то, как правило, они локализованы в пределах небольших ареалов и за пределами этих ареалов почти не встречаются. Давать для всех этих языков полный перечень дистриктов значило бы чрезмерно увеличивать объем тома, так как таблица в большинстве своих звеньев состояла бы из незаполненных «пустот».

Очевидно, предпочтительнее применить систему более компактного расположения статистического материала и сгруппировать его не по административно-территориальным единицам (как это сделано в табл. А рассматриваемого тома), а по языкам (как это сделано в таблицах В, С, D и E, правда, только по штатам), т. е. давать сведения отдельно о каждом языке и указывать для каждого из них не все штаты и не все дистрикты, а только те, в которых эти языки представлены (хотя бы одним человеком), а прочие штаты и дистрикты опустить.

Для исследователей представляют большой интерес детальные сведения о территориальном распределении не только языков, но и форм речи. Однако даже беглое ознакомление с характером собранного переписью статистического материала показывает, что фиксировать в общениндийском томе численность носителей каждой из 1652 форм речи в каждом дистрикте Индии нецелесообразно. Это не только сделало бы языковой том крайне громоздким, но и было бы явным излишеством: том оказался бы перегруженным огромной информацией, имеющей второстепенное и чисто локальное значение. Достаточно напомнить, что подавляющее большинство форм речи, зафиксированных переписью 1961 г., было названо в ответ на вопрос о родном языке очень небольшим числом опрашиваемых. Появление большинства этих форм речи среди материалов, собранных переписью, носит, как правило, чисто случайный характер и ни в коей мере не отражает сколько-нибудь существенных особенностей языковой ситуации и характера этнических процессов. Поэтому выяснение того, где именно проживают «носители» таких количественно незначительных форм речи, не представляет для науки практически никакого значения. Разумеется, перепись населения, в основе которой лежит принцип исчерпывающей полноты статистической информации, должна фиксировать все, даже самые мелкие и незначительные детали. Однако главное назначение общениндийского тома — дать общую сводную и достаточно генерализованную картину языкового состава населения страны; задача же показать второстепенные детали, относящиеся к территориальному распространению форм речи, должна быть возложена именно на региональные тома переписи.

Впрочем, в некоторых случаях потребность в показе распределения носителей определенных форм речи по дистриктам даже в общениндийском томе очень велика, а для некоторых форм речи знание их размещения по дистриктам имеет для исследователя даже большее значение, чем знание размещения многих языков, в том числе и языка, в который они объединены. В первую очередь это относится к бходжпури, магахи и майтихили, квалифицируемых в переписи 1961 г. как формы речи и объединяемых в единый язык «бихари», и к формам речи,

которые сгруппированы под общим названием «язык раджаствани» (а также и к целому ряду других, например, к формам речи, включенным в язык «хинди». Это объясняется не только тем, что на этих формах речи говорят многие миллионы людей и что они территориально распространены весьма широко, но и, главное, тем, что отведение им статуса «форм речи», а не самостоятельных «языков», вызывает большие сомнения. У нас есть целый ряд оснований квалифицировать некоторые бихарские и, в меньшей степени, раджастванские формы речи как отдельные «полноправные» языки (об этом см. вторую нашу статью, помещенную в настоящем сборнике). Независимо от того, на какую иерархическую ступень следует поставить эти языковые разновидности, выяснение распределения по дистриктам не столько бихари и раджаствани в целом, сколько объединенных в них форм речи (а также установление их удельного веса во всем населении) очень помогло бы составить правильное представление о языковой ситуации и направлении этнических процессов в Бихаре и Раджастване.

Поэтому нам представляется, что в общеиндийском томе следует поместить выборочно данные о размещении по дистриктам не только всех языков, но и (для некоторых из языков) некоторых форм речи. В качестве критерия отбора можно предложить следующий принцип: отбирать для показа входящих в них форм речи те языки, которые, как показывает перепись, внутренне наиболее неоднородны (скажем, те языки, в которых самая многочисленная форма речи составляет не более 50% или, скажем, 75%), а внутри этих языков отбирать только основные формы речи (например, те, которые были названы не менее чем 10% общего числа носителей данного языка, или те, которые называли не менее чем 100 тыс. или, допустим, 500 тыс. человек). Все эти выборочные сведения можно дать в виде разного рода приложений и дополнительных таблиц к общеиндийскому языковому тому.

Разумеется, принятие и реализация нашего предложения о включении в общеиндийский языковой том данных о распределении всех языков и некоторых форм речи по дистриктам повлечет за собой увеличение объема этого и без того толстого тома. Однако, по нашему мнению, некоторое увеличение объема (а оно будет не очень значительным) компенсируется большим увеличением объема содержащейся в нем информации и, в результате, значительным повышением его ценности как главного источника для изучения этноязыкового состава населения Индии. К тому же из рассматриваемого нами тома переписи 1961 г. можно было бы без особого ущерба для его содержания изъять некоторые приложения (такие, как выдержки из отчета переписи населения 1901 г., занимающие почти 70 страниц текста).

Если же увеличение объема тома повлечет за собой трудности чисто типографско-издательского порядка (невозможность опубликовать весь предлагаемый материал в рамках одной книги по техническим причинам), то этот общеиндийский языковой том можно было бы разделить на две части и издать их порознь.

Нужно сказать, что мысль о целесообразности издания этого объемистого тома в двух отдельных частях напрашивается независимо от вопроса о его общем объеме. Действительно, в первую часть общеиндийского языкового тома можно было бы вслед за общим введением поместить сведения только о языках, данные о которых привести с разбивкой по дистриктам. Здесь же для полноты картины следовало бы дать и материалы (но с разбивкой только по штатам) о неклассифицированных (включая иностранные) формах речи, не вошедших ни в один из 187 классифицированных языков. В первой части можно

было бы также поместить дополнительные таблицы, содержащие разного рода группировки языков по тем или иным признакам (по их месту в системе классификации, по числу носителей и т. д.), указатели и т. п.

Вторую же часть общеиндийского языкового тома имело бы смысл целиком посвятить формам речи, расположив их по группам в том же порядке, в каком расположены в первой части языки, к которым эти группы форм речи отнесены. Статистические данные о формах речи целесообразно сгруппировать по штатам, а о некоторых из них (об этом говорилось выше) желательно дать по дистриктам. Здесь же можно дать в форме дополнительных таблиц различные группировки форм речи, индексы и другие материалы.

Нам представляется, что разделение тома на две названные части с четко разграниченным содержанием, из которых одна органически дополняла бы другую, дало бы возможность более четко, последовательно и логично расположить статистический материал и облегчило бы пользование источником. Была бы исключена возможная путаница между языками и формами речи. Можно было бы одновременно открыть страницы, относящиеся и к какому-либо языку, и к включенными в него формам речи.

Возможен и другой вариант, о чем уже говорилось выше: давать сведения о формах речи, относящихся к какому-либо языку, сразу после таблицы, посвященной этому языку, причем и в этом случае, разумеется, материал о языках дается с разбивкой не только по штатам, но и по дистриктам, а материал о формах речи (за некоторыми исключениями) — только по штатам. Преимуществом этого метода является то, что данные о языке и объединенных в него формах речи расположены рядом. При таком варианте структуры деление тома на две части (если и в этом случае считать его целесообразным) придется произвести по количественному критерию: в первой части привести сведения о более крупных языках, во второй — о менее значительных, а также о формах речи, не включенных ни в один из языков.

Кстати, имело бы смысл выделить в отдельную часть и материал, посвященный двуязычию, учитывая его особую важность и своеобразие.

В ответ на наше предложение включить в состав общеиндийского языкового тома статистические данные с территориальным членением не только по штатам, но и по дистриктам можно возразить, что его реализация неизбежно повлечет за собой значительно большее дублирование информации, содержащейся в общеиндийском томе, и информации, даваемой в региональных томах. Кроме того, если в общеиндийском томе приводить сведения о всех языках по каждому дистрикту, в котором эти языки представлены (независимо от того, говорит ли в данном дистрикте на данном языке один человек или один миллион), то том, сконструированный по нашей схеме, можно будет упрекнуть и в чрезмерной территориальной детализации — чрезмерной для общеиндийского тома, призванного дать более или менее генерализованную и обобщенную картину. Перегрузка деталями, в свою очередь, может затруднить восприятие и усвоение статистического материала.

Нам представляется, что эти возможные упреки недостаточно убедительны. Дублирование между томом, посвященным Индии в целом, и томами, посвященными отдельным районам, в той или иной степени неизбежно, а в рассматриваемом нами случае, в конечном счете, оправдано; избыток информации и ее излишняя детализация предпочтительнее, чем ее нехватка и чрезмерная обобщенность; а статистиче-

ские языковые таблицы, как известно, составляются и публикуются именно для кропотливого научного анализа.

Все же, учитывая, что в аргументах наших возможных оппонентов есть доля истины, мы считаем нужным предложить следующее. Вместо того чтобы давать для каждого языка сведения по каждому дистрикту, в котором зарегистрированы его носители (вплоть до фиксации тех случаев, когда на данном языке в дистрикте говорит лишь один человек), можно было бы ограничиться только основными дистриктами распространения того или иного языка. Так, можно было бы указывать численность носителей того или иного языка только в тех дистриктах, где носители этого языка либо представлены в достаточно большом количестве (скажем, не менее 10 тыс. или даже не менее 1 тыс. человек), либо составляют значительную часть населения данного дистрикта (например, не менее 10%), либо составляют значительную часть общего числа носителей данного языка по всей Индии (допустим, не менее 50% или не менее 30%). Если ни один из названных признаков не подходит, можно было бы указывать для такого языка только тот дистрикт, который по числу носителей этого языка стоит на первом месте в стране. Это позволило бы сократить дублирование общеиндийского и региональных томов, устраниТЬ перегрузку тома деталями, «отсеять» информацию второстепенного значения и при этом сохранить данные, имеющие наибольшую ценность, а также расположить статистический материал еще более «экономно» (и тем самым попутно сократить общий объем тома), облегчив пользование таблицами, и в то же время дать в одном томе достаточно близкую к действительности общеиндийскую картину размещения носителей различных языков.

Такой метод подачи материала позволил бы расположить статистические сведения гораздо более компактно и в то же время дать и достаточно достоверную, и достаточно генерализованную картину расселения различных языковых групп. При этом, правда, теряется исчерпывающая полнота информации. Однако надо признать, что абсолютной необходимости в сохранении в общеиндийском томе исчерпывающей полноты информации нет.

Во-первых, при этом выпадает наименее ценная часть данных, представляющая некоторый интерес лишь для очень узкого круга исследователей. Во-вторых,— и это главное,— в данном случае отказ от полноты информации полностью компенсируется наличием региональных томов, где учитываются все носители (вплоть до одного человека) каждого языка в каждом дистрикте штата или союзной территории.

Завершая на этом наши рассуждения о характере подачи статистического материала в региональном разрезе, нам приходится с сожалением констатировать также еще и тот факт, что в рассматриваемом томе нет ни одной общеиндийской карты. Нет их и по отдельным районам (исключение составляют лишь несколько обзорных карт, посвященных Северо-Восточному Пограничному Агентству и Нагаланду). Отсутствие карт особенно бросается в глаза потому, что почти во всех других томах переписи 1961 г. карт довольно много. Одна из заслуг нынешних руководителей Ведомства Генерального регистратора как раз заключается в том, что ими была поставлена задача перенести на карты как можно больше собранных переписью статистических материалов, и эта задача в целом весьма успешно выполняется. Созданный при ведомстве специальный Отдел картографии и географии, которым руководила известный индийский географ и картограф д-р Ф. Сенгупта (1913—1968), обеспечил подготовку и издание большого числа карт и даже целых атласов, представляющих большой вклад в дело изуче-

ния Индии и выгодно отличающих перепись 1961 г. от всех предшествующих. Тем более достойно сожаления то обстоятельство, что надлежащее картографическое оформление статистических данных отсутствует именно в языковом томе, потому что с помощью серии карт (как общеиндийских, так и по отдельным штатам; как по всему языковому комплексу, так и по отдельным языкам) распространение различных языков в Индии можно было бы показать особенно наглядно. Хочется надеяться, что в аналогичном томе переписи 1971 г. статистический материал будет проиллюстрирован картами достаточно подробно и обстоятельно.

* * *

Подведем некоторые итоги нашего обзора.

Общеиндийский языковой том переписи 1961 г. представляет собой чрезвычайно важный источник сведений о языковом составе населения Индии. Опубликованные в этой книге данные представляют исключительный интерес. Прежде всего, их ценность заключается в том, что они содержат самую последнюю информацию о распределении населения Индии по родному языку и дают нам возможность обновить наши представления об особенностях языковой ситуации в стране, которые до того по необходимости базировались на данных переписей 1951 и 1931 гг. (при этом обнаруживаются некоторые новые важные явления, не зафиксированные прежними переписями, что позволяет сделать ряд новых интересных наблюдений и выводов). Во-вторых, перепись готовилась гораздо более тщательно и была проведена с гораздо большим размахом, чем перепись 1951 г., на более солидной основе, с учетом опыта, накопленного в ходе проведения предшествующих переписей, с учетом новейших научных достижений. Обработка данных о языках была произведена гораздо более тщательно и рационально, чем в 1951 г. В частности, при систематизации и группировке собранных в 1961 г. первичных лингвистических материалов была применена новая, в целом более совершенная (хотя в некоторых своих звеньях и излишне упрощенная) классификация языков. Поэтому собранные в 1961 г. данные о языках отличаются гораздо большей достоверностью, надежностью и точностью. Наконец, в-третьих, в отличие от переписи 1951 г., проводившейся в то время, когда в Индии еще существовало искусственное административно-территориальное деление, оставшееся стране в наследие от колониального периода, данные о языках, собранные переписью 1961 г., сгруппированы в соответствии с новым административно-политическим устройством страны, более или менее соответствующим расселению большинства крупных этноязыковых общностей.

Тем не менее, несмотря на общую высокую оценку, которой заслуживает рассматриваемая книга, она, как это вполне сознают и сами ее составители, не свободна от недостатков. Как показано выше, метод подачи статистического материала в ней далек от совершенства. Структура тома чрезмерно сложна, громоздка, непоследовательна. Для того чтобы научиться ориентироваться в этой структуре, в различного рода предисловиях, таблицах, дополнениях, приложениях (Notes, Statements, Tables, Flyleaves, Supplements, Annexures, Appendices) и т. д. и безошибочно отыскивать необходимые данные, требуется определенный навык. Огромный объем информации, сконцентрированный в томе, при недостаточно четкой структуре книги, приводит к тому, что некоторые более важные, общие, существенные аспекты языковой ситуации в Индии «тонут» в море мелких и менее существенных фактов.

Книге явно нехватает какого-то обобщения, какого-то дополнения, в котором в сжатом и концентрированном виде были бы наглядно представлены основные особенности языкового состава населения страны. Нам представляется, что специалисты, которым приходится обращаться к языковым материалам переписи населения Индии, вправе ожидать от составителей будущих аналогичных томов более четкого, ясного и запоминающегося расположения материала, которое сделало бы этот источник более удобочитаемым и облегчило бы пользование им. Необходимо более тщательно продумать и отражение в томе данных о территориальном распространении языков.

Здесь, однако, следует сказать и несколько слов в оправдание составителей.

Громоздкость и сложность структуры (и связанные с этим трудности восприятия и усвоения содержащихся в книге данных) в значительной степени объясняются исключительной разнородностью, сложностью и обилием собранного переписью материала, с которым пришлось иметь дело составителям книги. Бесчисленное множество форм речи и языков (причем одни из них распространены по всей Индии, а другие встречаются только в отдельных небольших районах), огромная численность населения страны, большое количество административно-территориальных единиц, на которые делится Индия,— все эти объективные условия красноречиво свидетельствуют о том, что составление сводной исчерпывающей картины как по стране в целом, так и по отдельным штатам и территориям представляет задачу огромной сложности и масштаба и что трудности, стоявшие перед Р. Ч. Нигамом и возглавляемым им коллективом, были чрезвычайно велики. Более того, приходится признать, что в этих условиях найти такой вариант структуры языкового тома и такую манеру подачи статистического материала, которые были бы вообще неуязвимы для критики,— задача практически, видимо, невозможная. Очевидно, всякий — даже оптимальный — вариант (в том числе и тот, который предлагаем мы сами) будет иметь, наряду с большими или меньшими достоинствами, свои недостатки.

Во всяком случае, нельзя не подчеркнуть то, что языковой том переписи 1961 г.— результат огромного кропотливого труда, принесшего ценные результаты, и надо отдать должное Р. Ч. Нигаму и его коллегам, силами которых была произведена работа поистине колоссального объема. Поэтому трудно не согласиться с мнением об этом томе, высказанным Ашоком Митрой в его вводных замечаниях (стр. V) в следующих словах: «Действительно, следует в высшей степени гордиться тем, что так много было сделано по столь многим направлениям таким небольшим числом людей в столь короткое время и с такими преданностью и самоотверженностью».

А. М. Дьяков, И. В. Сахаров

ЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ИНДИИ

(краткий региональный обзор по данным переписи 1961 г.)

В помещенной выше статье мы дали подробный анализ языкового тома переписи населения Индии 1961 г. [18], охарактеризовали принципы его составления, структуру и т. п.

В настоящей статье мы обратимся к характеристике языкового состава населения Индии, как такового.

Следует оговорить, что наша задача — привести в самом кратком и обобщенном виде справочный лингвистический материал (по данным указанного выше источника), освещающий некоторые особенности этноязыкового состава населения Индии в целом и ее главных составных частей. В ряде случаев, например в разделах, посвященных Бихару и Раджастхану (т. е. тогда, когда перепись 1961 г. дает нам материал, позволяющий по-новому оценить положение и сделать определенные важные выводы), мы обращаемся, кроме того, и к характеристике некоторых особенностей языковой ситуации и этнических процессов, но это делается лишь попутно и очень кратко. Задача же специально охарактеризовать этноязыковую ситуацию в целом, т. е. поднять и проанализировать весь комплекс вопросов, связанных с национальным составом населения, характером и направлением этнических процессов, с политическими и политико-географическими аспектами проблемы (в частности, с вопросом о дополнительных изменениях административно-территориальной структуры страны, вопросом о национальных меньшинствах, официальном языке и т. п.)¹, в нашей статье ни в коей мере не ставится. В ряде случаев мы отсылаем читателя к имеющейся литературе, дающей общее представление о языковой ситуации и национальном вопросе в отдельных штатах, однако ссылки на литературу не преследуют цель дать сколько-нибудь полную библиографию вопроса.

* * *

Каков же, по данным переписи 1961 г., языковой состав населения Индии и ее важнейших административно-территориальных единиц?

Собранные переписью лингвистические материалы свидетельствуют о том, что в Индии представлены языки, относящиеся к одной из следующих четырех языковых семей: индоевропейской, дравидийской, австриской и тибето-китайской.

---

¹ Эти вопросы нашли свое частичное освещение в других наших работах [см., в частности: 3, 10, 11].

Как показывает таблица 1 и приложение, подавляющая часть населения Индии — 321,7 млн. из 439,2 млн., т. е. 73,3%, — говорит на языках, относящихся к арийской подсемье индоевропейской семьи. Эта подсемья, согласно классификации, принятой Отделом языков Ведомства Генерального регистратора, представлена в Индии тремя своими ветвями — индоарийской (наиболее многочисленной), дардской и иранской (к последней относятся языки, считающиеся, по принятой в переписи классификации, иностранными: пашто, персидский, белуджский и др.). Индоевропейские языки получили преобладающее распространение в северной, большей части Индии, площадь которой составляет примерно $\frac{3}{4}$ всей территории страны.

К числу индоевропейских языков принадлежат многие крупнейшие языки Индии. Особенно велико число носителей языка хинди, самого распространенного языка страны: по данным переписи 1961 г., их насчитывается 133,4 млн., что составляет 30,4% населения страны (впрочем, как будет показано ниже, данные о численности говорящих на хинди характеризуются рядом неточностей и в целом явно завышены). Все остальные языки Индии по числу носителей намного уступают хинди. Тем не менее, среди них есть немало языков, которые тоже относятся к числу крупнейших в мире.

Так, среди других языков индоевропейской семьи выделяются бенгали (число носителей — 33,9 млн. человек), маратхи (33,3 млн.), урду (23,3 млн.), гуджарати (20,3 млн.). Помимо пяти названных крупнейших языков индоевропейской семьи, в Индии, по данным переписи, представлены еще по меньшей мере десять языков, относящихся к той же семье, на каждом из которых говорит не менее 1 млн. человек, и ряд других, более мелких языков. Так, согласно переписи 1961 г., число носителей бихари в Индии составляет 16,8 млн. человек, ория — 15,7 млн., раджастхани — 14,9 млн., панджаби — 11 млн., ассами — 6,8 млн., бхили — 2,4 млн., кашмири — 2 млн., синдхи — 1,4 млн., конканы — 1,4 млн., кумауни и непали — по 1 млн. человек.

Следующей по численности говорящих является дравидийская семья языков. Языки этой семьи, распространенные преимущественно на юге страны (кроме того, существуют отдельные дравидоязычные «вкрапления» и в некоторых районах Центральной Индии), являются родными для 107,4 млн. человек, т. е. для 24,5% населения страны. Некоторые из дравидийских языков также принадлежат к числу крупнейших в мире. Здесь в первую очередь надо назвать телугу (число носителей — 37,7 млн. человек), тамил (30,6 млн.), каннада (17,4 млн.) и малаялам (17 млн.). Заслуживают упоминания также гонди (1,5 млн.), курукх/ораон (1,1 млн.), тулу (935 тыс.).

Численность говорящих на языках, относящихся к двум другим представленным в Индии языковым семьям — австрской и тибето-китайской, — сравнительно невелика, и ареал распространения подавляющего большинства этих языков также весьма ограничен.

На языках, отнесенных к австрской семье (она представлена в Индии австроазиатской подсемьей), говорит 6,2 млн. человек, т. е. 1,4% населения страны (кроме того, небольшое число лиц указало в качестве родных малайские языки, относящиеся к австронезийской подсемье; они включены в категорию иностранных). Почти все языки этой семьи, с общим числом носителей 5,8 млн., принадлежат к ветви (группе) мунда, и только два — кхаси и никобарский — образуют особую ветвь (группу) мон-кхмер. Самым многочисленным языком австроазиатской подсемьи является сантиали: его называло родным 3,2 млн. человек; среди других австро-азиатских языков выделяются

мундари — 737 тыс., хо — 648 тыс., кхаси — 364 тыс. носителей.

Кроме того, около 50 тыс. человек указали своим родным языком кисан — гибридный австро-дравидийский язык.

На многочисленных языках тибето-китайской языковой семьи (она представлена в Индии почти исключительно языками, отнесенными к тибето-бирманской языковой подсемье) говорит лишь 3,2 млн. человек (0,7% всего населения страны). Среди языков, объединенных в эту семью, следует отметить манипури, или мейтхеи, — 636 тыс. носителей, бодо/боро — 362 тыс., гаро — 307 тыс., трипури — 300 тыс., лушаи/мизо — 222 тыс., микир — 155 тыс., а также многочисленные языки или диалекты группы нага, общее число говорящих на которых составляет 478 тыс. человек.

Подавляющее большинство носителей языков австрической и тибето-китайской семей, а также частично говорящие на некоторых дравидийских (например, на курукх/ораон) и индоевропейских (например, на бхили) языках принадлежат к народностям и племенам группы адиваси, заметно отличающимся по уровню и особенностям своего социального, экономического и культурного развития от остального населения Индии [см. 12].

Кроме того, как отмечалось выше, 530 форм речи (о разграничении понятий «язык» и «форма речи» см. вторую нашу статью, помещенную в этом сборнике, стр. 119—121) индийского происхождения, которые были указаны в общей сложности 63 тыс. человек, остались неклассифицированными. Подавляющее большинство этих форм речи было названо небольшим числом лиц, но среди них есть и сравнительно крупные, например джатапу (указана 19,5 тыс. человек, все — в Андхра Прадеше), бакервали (5,9 тыс., все — в Джамму и Кашмире), белдари (2,7 тыс., в основном в Махараштре).

Что касается 315 тыс. человек, которые назвали в качестве родного один из иностранных языков, то подавляющее их большинство (224 тыс.) указали английский (заметим попутно, что в качестве второго языка английский был указан более чем 11 млн. человек). Среди других иностранных языков по численности выделяются арабский (17,8 — здесь и ниже в скобках указано число носителей в тыс.), китайский (14,6), пашто (11,3), португальский (12,3), персидский (8), мальдивский (4,2), бирманский (2,9), французский (2,6), немецкий (2,6), белуджский (2,3), тай (1,4); на следующем, тринадцатом месте стоит русский язык, который указали 1036 человек (из них более половины — в штате Мадхья Прадеш).

Таков в самых общих чертах языковой состав населения Индии в целом по данным переписи 1961 г. Более подробные сведения о числе носителей всех зафиксированных переписью языков в стране в целом можно найти в приложении к статье.

Анализ этого материала обнаруживает ряд важных особенностей языковой ситуации в стране.

Прежде всего мы можем констатировать, что языковой состав населения Индии отличается большой разнородностью и пестротой. В стране бытует множество языков: по классификации, принятой в переписи 1961 г., одних только классифицированных индийских языков (не считая иностранных) здесь насчитывается по крайней мере 187.

Однако за этим обилием языков нетрудно увидеть главное: подавляющее их большинство являются родными для очень небольших по численности групп населения. Ровно половину — 94 из 187 — составляют языки с числом носителей менее 10 тыс. человек каждый (см. приложение к статье), в том числе 51 язык (т. е. почти треть их общего

Таблица 1

Важнейшие языки Индии
 (по классификации, принятой в переписи населения 1961 г.)*

Языковые семьи, ветви, подветви, группы и отдельные языки	Число носителей, тыс. человек	Языковые семьи, ветви, подветви, группы и отдельные языки	Число носителей, тыс. человек
Дравидийская семья	107 411	Группа куки-чин	1 043
Южные дравидийские языки	66 010	мунипури, мейтхеи	636
тамил	30 563	лаша, мизо	222
каннада	17 416	Бирманская группа	10
малаялам	17 016	Индоевропейская семья	321 721
тулу	935	Дардская ветвь	1 965
телугу**	37 668	Дардская группа	1 965
Центральные дравидийские языки	2 495	кашмири	1 956
гонди	1 501	Индоарийская ветвь	319 753
куи	512	Внутренняя и промежуточная подветви	210 511
кхонд, кондх	168	Группа пахари	4 562
коя	141	непали	1 021
пардхи	109	кумауни	1 030
Северные дравидийские языки	1 230	гархвали	810
курукх, ораон	1 142	мандеали	227
Авестрическая семья	6 192	сирмаури	111
Ветвь (группа) мон-кхмер	378	Центральная и промежуточная группы	205 938
кхаси	364	(западный и восточный хинди	133 435
Ветвь (группа) мунда	5 814	урду	23 324
сантили	3 247	хиндустани	123
мундари	737	гуджаарати	20 304
хо	648	раджастхани	14 933
савара	266	панджаби	10 951
корку	220	бхили	2 440
кхария	177	кхандаши	428
бхумидж	142	Внешняя подветвь	109 239
Авестро-дравидийский гибридный язык (кисан)	50	Восточная группа	73 219
Тибето-китайская семья	3 184	бенгали	33 889
Тибето-гималайская ветвь	279	бихари	16 807
Группа бхотиа (тибетская)	207	ория	15 719
Гималайская группа	72	ассами	6 803
Североассамская ветвь (северо-восточная пограничная группа)***	143	Южная группа	34 639
мири	137	маратхи	33 287
Ассамско-бирманская ветвь	2 762	конкани	1 352
Группа бодо	1 228	Северо-западная группа	1 381
бодо, боро	362	синди	1 372
гаро	307	Неклассифицированные формы речи	67
трипури	300	Языки и формы речи иностранного происхождения	315
микир	155	английский язык	224
Группа нага	478		
Группа качин	1		

* В настоящей таблице дан упрощенный вариант классификации (так, не указаны некоторые языковые подразделения, представленные небольшим числом носителей соответствующих языков). В таблице указаны только те языки, число носителей каждого из которых в Индии превышает 100 тыс. человек. Прочие языки указаны в приложении к статье.

** Язык телугу (андхра) рассматривается как промежуточный между южными и центральными дравидийскими языками.

*** Данные о языках этой группы неполны, так как в Северо-Восточном Пограничном Агентстве, где распространены эти языки, перепись 1961 г. охватила лишь незначительную часть населения.

количества) — с числом носителей менее 1 тыс. человек. Перепись 1961 г. зафиксировала даже 24 индийских языка, каждый из которых указали в качестве родного менее 100 человек; среди них кхами, кхаватхланг и вай ала называло родными языками лишь по одному человеку. На указанных 94 языках в совокупности говорит незначительная часть населения страны.

В то же время всего лишь 13 крупнейших языков, каждый из которых является родным не менее чем для 10 млн. человек, а именно: хинди, телугу, бенгали, маратхи, тамил, урду, гуджарати, каннада, малаялам, бихари, ория, раджастанхи и панджаби, насчитывают в совокупности свыше 405 млн. носителей, что составляет 92,3% населения Индии; таким образом, несколько крупнейших по числу носителей языков абсолютно преобладают над всеми остальными, вместе взятыми. Если же к ним добавить прочие крупные языки, каждый из которых был указан в качестве родного не менее чем 1 млн. человек, т. е. асами, сантиали, бхили, кашмири, гонди, синдхи, конкани, курукх/ораон, кумауни и непали, то число носителей всех этих 23 крупнейших языков составит более 427 млн., а их удельный вес во всем населении — 97,3%.

Вместе с тем — и это составляет одну из характерных и, можно сказать, уникальных особенностей Индии, выделяющих ее среди почти всех других многонациональных и многоязычных стран — ни один язык в стране численно не преобладает над всеми другими, вместе взятыми. Самый распространенный язык страны — хинди — был указан в качестве родного 133 млн. человек, что составляет лишь 30,4% всего населения Индии; к тому же, как будет показано ниже, с одной стороны, число носителей языка хинди, зафиксированное переписью 1961 г., явно завышено (так, хинди был назван родным языком некоторыми миллионами жителей Бихара, Уттар Прадеша, Панджаба и, вероятно, Раджастана, которые на самом деле говорят на других языках — бходжпuri, майтхили и др.), а с другой — сам хинди распадается на много диалектов, некоторые из которых имеют тенденцию «отпочковываться» от хинди и развиваться в самостоятельные языки.

Ряд важных особенностей языкового состава населения страны обнаруживается при изучении пространственного размещения отдельных языков и рассмотрении языковой ситуации по районам. В этом отношении ценность переписи 1961 г. по сравнению со всеми предшествующими особенно велика, так как она впервые дает нам возможность рассмотреть географическое распространение языков Индии и положение в отдельных административно-политических единицах в соответствии с новым административно-территориальным делением страны. (Административно-политическая структура Индии на 1961 г. с указанием численности населения важнейших административно-территориальных единиц показана в табл. 2.)

Однако объем статьи не позволяет нам подробно рассмотреть все особенности территориального распределения каждого из многочисленных индийских языков; к тому же, как говорилось выше, содержащиеся в общеиндийском языковом томе переписи 1961 г. данные о размещении языков недостаточно детализированы. Поэтому мы кратко остановимся только на крупнейших языках страны и рассмотрим главным образом лишь один (правда, чрезвычайно важный) аспект вопроса — в какой мере размещение носителей этих языков соответствует существующей территориальной структуре индийской федерации.

Ареалы распространения большинства крупных языков страны представляют собой обычно компактные территории, в пределах кото-

Таблица 2

Численность населения основных административных единиц Индии в 1961 г.*

Административная единица	Численность населения	Административная единица	Численность населения		
1. Северная зона					
Штаты:					
Панджаб ¹	20 306 812	Махараштра	39 553 718		
Раджастан	20 155 602	Гуджарат	20 633 350		
Джамму и Кашмир	3 560 976	Территории:			
Территории:					
Дели	2 658 612	Дадра и Нагар Хавели ⁶ . . .	57 963		
Химачал Прадеш ²	1 351 144	5. Южная зона			
2. Центральная зона					
Штаты:					
Уттар Прадеш	73 746 401	Андрхра Прадеш	35 983 447		
Мадхья Прадеш	32 372 408	Мадрас	33 686 953		
3. Восточная зона					
Штаты:					
Бихар	46 455 610	Майсур	23 586 772		
Западная Бенгалия	34 926 279	Керала	16 903 715		
Орисса	17 548 846	Территории:			
Ассам ³	11 872 772	Пондишери ⁷	369 079		
Территории:		Лаккадивские, Миникой и Аминдивские о-ва	24 108		
Трипурा	1 142 005	6. Территории, не принадлежащие ни к одной из зон			
Манипур	780 037	Гоа, Даман и Диу ⁸	626 978		
Нагаленд ⁴	369 200	Анданамские и Никобарские о-ва	63 548		
Северо-Восточное Пограничное Агентство	336 558	Индия в целом	439 235 082		
Сикким ⁵	162 189				

* «Census of India, 1961. Paper № 1 of 1962. Final Population total», Delhi, 1962, стр. 5—6.

¹ В 1966 г. Панджаб был разделен на два штата: Панджаб и Хариана; часть территории была передана союзной территории Химачал Прадеш.

² В 1970 г. Химачал Прадеш получил статус штата.

³ В 1968 г. из состава Ассама был выделен штат Мегхалая.

⁴ В 1963 г. территория Нагаленд получила статус штата.

⁵ Княжество Сикким — индийский протекторат.

⁶ На территории Дадра и Нагар Хавели перепись населения была проведена в марте 1962 г.

⁷ Территория Пондишери включает в себя разрозненные районы Пондишери, Карайкал, Маэ и Янам (Янаон).

⁸ На территории Гоа, Даман и Диу перепись населения была проведена в декабре 1960 г.

рых носители данного языка составляют подавляющую часть населения. В зонах контакта соседние языки, как правило, территориально взаимопроникают, однако эти ареалы смешения обычно и по площади, и по числу жителей относительно невелики.

Каково же соотношение между территориальным распространением языков страны и ее административно-территориальным делением?

Известно, что колониальная Индия представляла собой пример вопиющего несоответствия административно-политического устройства страны потребностям ее политического, хозяйственного и культурного развития. В частности, с одной стороны, границы провинций и княжеств расчленяли области, населенные одним и тем же народом, с другой — в пределах многих административных единиц были искусственно соединены территории, населенные разными народами.

Еще в колониальное время в Индии, как это наблюдалось и в других странах в период становления капитализма, зародились массовые национальные движения отдельных народов. В условиях Индии эти движения приняли форму борьбы за перестройку административно-территориального деления на национальной (языковой) основе и привели — уже после достижения страной независимости — к созданию в составе единой Индии автономных национальных штатов. Эта перестройка, известная как «реорганизация штатов», осуществлялась в несколько этапов. Ее основными вехами являются: реформа княжеств и другие административно-территориальные преобразования, закрепленные Индийской Конституцией 1950 г. [2]; выделение из состава Мадраса штата Андхра (1953 г.); коренная перестройка административно-политического деления страны в 1956 г. [5; 7; 8; 15; 16]; раздел двуязычного штата Бомбей на одноязычные Гуджарат и Махараштуру (1960 г.); последовавшие уже после того, как была проведена перепись населения 1961 г., создание штата Нагаленд (1963 г.); разделение Панджаба на Панджаб и Хариану (1966 г.); выделение из состава Ассама штата Мегхалая (1968 г.) и предоставление статуса штата Химачал Прадешу (1970 г.).

Политическое и экономическое значение реорганизации штатов Индии по национально-языковому принципу для судьбы страны трудно переоценить, и изучение вопроса о том, в какой же степени новая административно-территориальная структура соответствует расселению главных народов страны, представляет большой интерес.

Обратимся к таблицам 3 и 4. Данные этих таблиц убедительно свидетельствуют о том, что в результате реорганизации штатов почти все самые крупные народы получили свои «собственные» штаты, в пределах которых, во-первых, сосредоточена основная масса лиц соответствующей этноязыковой принадлежности и, во-вторых, лица данной национальности составляют большинство (как правило, подавляющее) населения соответствующих штата или территории. Так, например, 82,1% говорящих на телугу сосредоточено в штате Андхра Прадеш, где они составляют 86,0% всего населения. В Гуджарате проживает 92,0% всех носителей языка гуджарати, составляющих 90,5% всех жителей этого штата. Границы Кералы почти полностью совпадают с ареалом расселения тех жителей Индии, родным языком которых является малаялам: здесь проживает 94,4% всех носителей этого языка, а их доля во всем населении штата — 95,0%. В границах «своего» штата сосредоточена основная часть носителей и ряда других крупных языков —ベンгали, маратхи, тамил и др.

Своебразное положение наблюдается в зоне распространения языков хинди и урду (как указывалось выше, Р. Ч. Нигам считает,

Таблица 3

Распространение языков хинди и урду
(по данным переписи 1961 г.)

Основные районы (штаты или территории) распространения	Численность говорящих (родной язык) в районе, тыс. человек		Доля говорящих на данном языке, %			
			во всем населении данного района		в общем числе говорящих на этом языке во всей Индии	
	хинди	урду	хинди	урду	хинди	урду
Уттар Прадеш	62 974 736	7 391 714	85,4	10,7	47,2	33,8
Мадхья Прадеш	25 271 723	740 185	78,1	2,3	18,9	3,2
Бихар	20 580 643	4 149 245	44,3	8,9	15,4	17,8
Панджаб	11 298 855	255 660	55,6	1,3	8,5	1,1
Раджастан	6 714 857	509 673	33,3	2,5	5,0	2,2
Дели	2 057 241	153 251	77,4	5,7	1,5	0,7
Западная Бенгалия	1 897 825	832 847	5,4	2,4	1,4	3,6
Махараштра	1 230 026	2 725 737	3,1	6,9	0,9	11,7
Ассам	523 791	11 263	4,4	0,1	0,4	—
Орисса	219 525	212 891	1,3	1,2	0,2	0,9
Гуджарат	192 407	594 670	0,9	2,9	0,1	2,6
Андрхра Прадеш	138 968	2 553 753	0,4	7,1	0,1	10,9
Майсур	81 836	2 034 482	0,3	8,5	0,1	8,7
Мадрас	38 989	615 503	0,2	1,8	—	2,6
Джамму и Кашмир	22 328	12 617	0,6	0,4	—	—
Керала	7 327	9 162	—	—	—	—
Вся Индия (включая другие районы)	133 435 360	23 323 518	30,4	5,3	100	100

что урду представляет собой разновидность хинди — хинди в широком смысле слова, включающего в себя диалекты и западного, и восточного хинди, поэтому мы рассматриваем оба эти языка вместе). С своеобразие заключается в том, что на обширной территории преимущественного распространения этого «двуединого» языка существует не один, а несколько штатов, в каждом из которых его носители составляют большинство населения. Как показывает таблица 3, в 1961 г., когда проводилась перепись, этими штатами были Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш и Панджаб, а также (если исходить именно из данных переписи 1961 г., как таковых) Бихар. В 1966 г. штат Панджаб был разделен на Панджаб, где подавляющее большинство населения говорит на панджаби, и Хариану, где почти все население состоит из носителей хинди.

Хотя, как говорилось выше, распространение крупнейших языков Индии ограничено в основном рамками соответствующих одноязычных штатов, часть (иногда весьма значительная) носителей почти всех крупных языков (табл. 3 и 4) даже после реорганизации проживает за пределами «своих» национальных штатов. В особенности это относится к хинди. Как показывает таблица 3, вне хиндиязычных штатов расселена весьма значительная часть носителей этого языка — свыше 10 млн. говорящих на собственно хинди и около 10 млн. определивших свой язык как урду (в форме урду хинди проник даже далеко на юг: в дравидоязычных штатах Андрхра Прадеш и Майсур носители урду составляют соответственно 2,5 и 2 млн. человек, т. е. 7,1 и 8,6% всего населения

Таблица 4

**Распространение прочих крупных (число носителей — не менее 1 млн. человек) языков Индии
(по данным переписи 1961 г.)**

Язык (в скобках численность носителей данного языка в Индии в целом)	Основные районы (штаты или территории) распространения	Численность носителей этого языка в данном районе	Доля носителей данного языка, в %	
			во всем населении данного района	в общем числе носителей данного языка во всей Индии
Телугу (37 668 132)	Андрхра Прадеш	30 934 898	86,0	82,1
	Мадрас	3 363 834	10,0	8,9
	Майсур	2 047 379	8,7	5,4
	Махараштра	640 795	1,6	1,7
Бенгали (33 888 939)	Западная Бенгалия	29 435 928	84,3	86,9
	Ассам	2 089 248	17,6	6,2
	Бихар	1 220 800	2,6	3,6
	Трипурा	744 803	65,2	2,2
Маратхи (33 286 771)	Махараштра	30 278 913	76,6	91,1
	Мадхья Прадеш	1 259 682	3,9	3,8
	Майсур	1 072 419	4,5	3,2
	Мадрас	28 016 147	83,2	91,7
Тамил (30 562 698)	Майсур	859 173	3,6	2,8
	Керала	527 708	3,1	1,7
	Андрхра Прадеш	511 595	1,4	1,7
	Гуджарат	18 672 722	90,5	92,0
Гуджарати (20 304 464)	Махараштра	1 101 600	2,8	5,4
	Майсур	15 371 753	65,2	88,3
	Мадрас	947 828	2,8	5,4
	Махараштра	633 244	1,6	3,6
Малаялам (17 015 782)	Керала	16 065 740	95,0	94,4
	Мадрас	404 346	1,2	2,4
	Бихар	16 442 087	35,4	97,8
	Орисса	14 443 598	82,3	91,9
Раджастхани (14 933 016)	Мадхья Прадеш	389 463	1,2	2,5
	Раджастхан	11 386 005	56,5	76,2
	Мадхья Прадеш	1 611 656	5,0	10,8
	Махараштра	629 455	1,6	4,2
Панджаби (10 950 826)	Андрхра Прадеш	583 894	1,6	3,9
	Панджаб	8 343 264	41,1	76,2
	Джамму и Кашмир	978 393	27,5	8,9
	Уттар Прадеш	418 853	0,6	3,8
Ассами (6 803 465)	Раджастхан	403 975	2,0	3,6
	Ассам	6 784 271	57,1	99,7
	Бихар	1 659 235	3,6	51,1
	Западная Бенгалия	1 140 913	3,3	35,1
Сантали (3 247 058)	Орисса	376 302	2,1	11,6
	Мадхья Прадеш	875 916	2,7	35,9
	Раджастхан	831 869	4,1	34,1
	Махараштра	441 364	1,1	18,1
Бхили (2 439 611)	Гуджарат	276 213	1,3	11,3
	Джамму и Кашмир	1 937 817	54,4	99,1
	Мадхья Прадеш	1 045 986	3,2	69,7
	Махараштра	347 052	0,9	23,1
Кашмири (1 956 115)	Гуджарат	500 222	2,4	36,4
	Махараштра	340 933	0,9	24,9
	Раджастхан	233 321	1,2	17,0
	Гоа, Даман и Диу	556 557	88,8	41,2
Гонди (1 501 431)	Майсур	492 339	2,0	36,4
	Махараштра	214 686	0,5	15,9
	Бихар	549 377	1,2	48,1
	Мадхья Прадеш	276 193	0,9	24,2
Синдхи (1 371 932)	Западная Бенгалия	221 127	0,6	19,3
	Уттар Прадеш	1 028 241	1,4	99,8
	Западная Бенгалия	524 797	1,5	51,4
	Ассам	215 213	1,8	21,1

штатов). Примеры расселения значительной части отдельных крупных народов на территории иноязычных областей можно легко продолжить. Так, вне Андхра Прадеша проживает 6,7 млн. говорящих на телугу. Исключение составляют лишь говорящие на кашмири и на ассами, 99,1 и 99,7% которых соответственно сосредоточены в штате Джамму и Кашмир и в штате Ассам.

С другой стороны, даже в самых однородных в национально-языковом отношении штатах существует заметная инонациональная, иноязычная прослойка. В населении ряда штатов иноязычный компонент весьма велик. Некоторые народы, будучи сосредоточены в основном в пределах одного штата хотя и образуют в «своих» штатах большинство, но большинство незначительное. Так, 88,3% всех носителей языка каннада сосредоточено в Майсуре, однако они составляют менее двух третей (65,2%) всех жителей этого штата. 99,1% всех говорящих на кашмири проживает в Джамму и Кашмире, но их доля во всем населении штата — лишь 54,4%. Как показывает таблица 4, в аналогичном положении в 1961 г. находились также ассамцы и панджабцы, последние составляли в Панджабе даже меньшинство населения (лишь 41,1%). Однако после реорганизации Панджаба (в 1966 г.) и Ассама (в 1968 г.), о чем упоминалось выше, оба названных народа в пределах «своих» национальных штатов тоже составляют подавляющее большинство населения.

Особое место занимает Бихар. Этот штат по языковому составу своего населения тоже весьма неоднороден, однако эта неоднородность заключается не в том, что (как может показаться из таблиц 3 и 4, составленных на основе данных переписи 1961 г.) Бихар населяют и носители бихари, и носители хинди, а в том, что на самом деле подавляющее большинство жителей этого штата составляют носители бходжпури, магахи и майтихи, значительная часть которых, однако, отнесла себя к говорящим на хинди (об этом подробнее см. ниже, в разделе о штате Бихар).

Другой пример несоответствия административно-территориальной структуры этноязыковому составу населения Индии представляют малые народы. Правда, некоторые малые народы имеют свои «собственные» административно-территориальные единицы. Так, в пределах союзных территорий Манипур и Трипурा сосредоточено соответственно большинство манипурцев (мейтхеев) и трипурцев (впрочем, последние в настоящее время не составляют в Трипуре большинства населения). В 1963 г. добились получения для своей этнической территории статуса штата родственные между собой племена группы нага. Однако подавляющее большинство относительно малых народов (кстати, многие из них насчитывают по несколько сотен тысяч человек, а численность некоторых из них, таких, как санталы, бхили, гонды и др., превышает миллион человек) не имеют своих штатов и не получили пока автономии. Например, хотя штат Мегхалая был выделен из состава Ассама по этническому признаку (по признаку его этнической несходности с остальным Ассамом), в этноязыковом отношении он представляет собой внутренне разнородное образование. Территория многих средних и малых народов оказывается расчлененной между различными штатами, в каждом из которых они составляют ничтожное меньшинство населения. Это хорошо видно из табл. 4 на примере носителей языков санталы, бхили, гонди, курукух/ораон и др.

В этих условиях по мере пробуждения и роста этнического самосознания не только среди таких крупных, многомиллионных народов, как бходжпурцы, майтихи и магахи, но и среди санталов, ораонов,

лужеев, кхаси и многих других малых народностей и племен ширится движение за дальнейшее совершенствование административно-территориального деления страны, за предоставление районам преимущественного расселения определенных народов автономии, за создание новых лингвистических штатов.

Надо сказать, что в большинстве случаев создание специальных штатов для малых народов представляется малореальным, так как, с одной стороны, почти все они слишком малочисленны, а с другой,— даже в основных районах своего обитания многие из них не образуют большинства населения. Однако некоторые из них, особенно наибольее многочисленные (например, санталы, бхилы, кумаунцы, непальцы и др.), в пределах территорий своей наибольшей концентрации составляют подавляющую часть жителей. К тому же некоторые из этих народов добиваются для своей этнической территории не статуса штата, а иной формы автономии. Поэтому можно предположить, что на карте Индии в будущем появится еще не одна новая административно-территориальная единица, выделенная по этноязыковому признаку.

Несмотря на названные выше исключения, в целом (в той мере, в какой это касается крупных, многомиллионных народов, образующих в совокупности подавляющую часть населения страны) в результате реорганизации федеративное устройство Индии приведено в большее или меньшее соответствие с языковым (национальным) составом населения страны.

Перестройка территориальной структуры индийской федерации на национально-языковой основе является событием первостепенного политического и экономического значения и накладывает глубочайший отпечаток на самые различные стороны жизни Индии [см. 8; 10]. Поэтому представляется целесообразным обратиться к рассмотрению собранного переписью лингвистического материала по районному принципу и более подробно охарактеризовать картину, существующую в отдельных штатах и союзных территориях.

* * *

Начнем региональный анализ распределения населения Индии по родному языку со штатов и территорий, расположенных в зоне распространения хинди со штата Уттар Прадеш, стоящего по числу жителей (в 1961 г.— 73,7 млн. человек) на первом месте в стране.

Языковой состав населения этого штата характеризуется значительной однородностью (табл. 5). Подавляющее большинство жителей Уттар Прадеша— 62 975 тыс., т. е. 85,4% всего населения,— назвали своим родным языком хинди или один из его диалектов. По данным переписи, в границах этого штата сосредоточено 47,2% всех носителей хинди в Индии. Впрочем, как будет показано ниже, данные о числе носителей хинди в Уттар Прадеше (особенно в его восточных районах) явно преувеличены за счет носителей бходжпuri.

Территория Уттар Прадеша включает в основном ту часть хиндиязычного ареала, где, по данным переписи 1961 г., расположены зоны распространения следующих четырех основных разновидностей или диалектов западного хинди: собственно хинди, или так называемый стандартный хинди (кхариболи), бангару (хариани), брадж бхаша (брадж бхакха) и бундели (бунделькханди), а также— в восточной части штата— зоны распространения авадхи, диалекта восточного хинди.

Характерно, что почти все жители Уттар Прадеша, говорящие на той или иной разновидности или том или ином диалекте хинди, во вре-

Таблица 5

Языки штата Уттар Прадеш*

Хинди	62 974 736	Не определенные языки группы бхотиа	7 955
Урду	7 891 714	Малаялам	7 715
Кумауни	1 028 241	Раджастхани	6 294
Гархвали	796 896	Телугу	4 530
Панджаби	418 853	Не определенные языки группы пахари	2 805
Бихари	121 090	Тибетский	2 096
Бенгали	104 528	Каннада	1 527
Хиндустани	100 552	Арабский	1 972
Непали	79 355	Ория	1 360
Синдхи	57 458	Санскрит	1 332
Джаунсари	53 957	Кашмири	1 316
Английский	23 286		
Маратхи	14 559		
Гуджарати	12 832		
Тамил	12 399		
Тхары	11 176		

* В этой и нижеследующих таблицах указаны только те языки, которые были названы в качестве родного не менее чем тысячью человек.

мя переписи назвали в качестве родного языка не соответствующий диалект, а именно хинди (исключение составляет лишь диалект восточного хинди — авадхи, который был показан родным 528 тыс. жителей штата, что, впрочем, тоже составляет лишь небольшую часть общего числа носителей авадхи). Оценивая этот факт, следует, по-видимому, согласиться с В. А. Чернышевым: носители диалектов западного хинди в подавляющем большинстве утратили сознание самостоятельности своего диалекта и считают, что их родным языком (в частности, единственным литературным языком) является хинди, который они ставят выше локальных разновидностей диалектной речи. В то же время среди носителей диалектов восточного хинди (в частности, авадхи) прослеживается противоположная тенденция — происходит процесс осознания самостоятельности своего диалекта, и его носители стремятся поднять его до уровня самостоятельного языка².

Вторую по численности языковую группу в Уттар Прадеше (судя по данным переписи) образуют говорящие на урду: этот язык назвали родным 7892 тыс. человек (10,7% всех жителей штата). Уттар Прадеш занимает первое место среди других штатов по числу носителей этого языка — 33,8% общего числа в Индии.

За урду следуют родственные хинди языки группы пахари. Их носители сконцентрированы в северо-западной, предгорной и горной части штата, где они составляют большинство населения: кумауни — 1028 тыс., т. е. 1,4% населения Уттар Прадеша, и гархвали — 797 тыс. человек, т. е. 1,1%. 419 тыс. человек назвали себя говорящими на панджаби.

Что касается данных о следующей по численности языковой группе, бихари, — 121 тыс. человек (из них 120 тыс. показали родным языком бходжпuri), то они явно не соответствуют действительности. Крайнюю восточную часть Уттар Прадеша, граничащую с Бихаром, составляют районы, почти целиком населенные носителями западно-бихарского языка бходжпuri (бходжпурцы населяют и соседние районы Бихара). Точную численность говорящих на бходжпuri в Уттар

² За более обстоятельной характеристикой языковой ситуации в хиндиязычном ареале (в частности, в Уттар Прадеше) мы отсылаем читателей к статьям В. А. Чернышева [13, 14].

Прадеше определить трудно, но, во всяком случае, их насчитывается здесь несколько миллионов; что же касается того факта, что почти все они причислили себя к говорящим не на бходжпuri, а на хинди, то это объясняется слабым уровнем их этноязыкового самосознания (которое, впрочем, как показывает ситуация в бходжпурских районах Бихара, постепенно пробуждается — см. ниже) и пропагандой в пользу хинди.

Прочие языковые меньшинства Уттар Прадеша весьма немногочисленны; из них заслуживают упоминания говорящие наベンгали (105 тыс. человек), проживающие главным образом в крупных городах штата.

* * *

Южная часть хиндиязычного ареала входит в состав расположенного к югу от Уттар Прадеша штата Мадхья Прадеш, занимающего географически центральное положение в стране. Численность населения этого штата — 32,4 млн. человек.

Свыше $\frac{3}{4}$ жителей Мадхья Прадеша — 25 272 тыс. (78,1% всего населения) — назвали своим родным языком хинди или один из диалектов последнего. По числу носителей хинди Мадхья Прадеш стоит на втором месте в Индии после Уттар Прадеша: по данным переписи 1961 г., здесь сосредоточено 18,9% всего хиндиязычного населения страны.

Территория Мадхья Прадеша охватывает главным образом зоны распространения двух главных диалектов восточного хинди: багхели, или багхелькханди, который в переписи 1961 г. считается субдиалектом диалекта авадхи (в северной части штата), и чхаттисгархи (на юго-востоке и в центре штата) и одного из главных диалектов западного хинди — бундели, или бунделькханди (в западной части Мадхья Прадеша).

Как и в Уттар Прадеше, подавляющее большинство хиндиязычного населения Мадхья Прадеша во время проведения переписи назвало своим родным языком не местный диалект, а хинди. Все же в зоне распространения чхаттисгархи свыше трети (по оценке В. А. Чернышева) носителей этой формы речи (2937 тыс. человек) определило свой родной язык именно как чхаттисгархи, а не хинди. В зоне распространения багхели (багхелькханди) этот диалект (считывающийся, согласно переписи 1961 г., субдиалектом авадхи) назвали в качестве родного языка 553 тыс. человек (что, по подсчетам В. А. Чернышева, составляет примерно десятую часть общего числа носителей этой формы речи). Это позволяет высказать предположение о том, что среди носителей этих двух форм речи (чхаттисгархи и багхели) пробуждается и растет самосознание своей этноязыковой обособленности и что, возможно, имеет место тенденция к превращению указанных диалектов в самостоятельные языки.

В отличие от Уттар Прадеша, довольно однородного в отношении распределения населения по родному языку, хиндиязычный по преимуществу Мадхья Прадеш в то же время насчитывает в своих границах значительное по численности иноязычное население — в совокупности 7,1 млн. человек (21,9% всех жителей штата). При этом языковой состав этого нехиндиязычного населения Мадхья Прадеша — штата, расположенного в самом центре страны и соприкасающегося с ареалами расселения многих крупных народов страны,— отличается большой пестротой (табл. 6).

Таблица 6

Языки штата Мадхья Прадеш

Хинди	25 271 723	Бенгали	52 813
Раджастхани . . .	1 611 656	Тамил	28 141
Маратхи	1 259 682	Парджи	24 718
Гонди	1 045 986	Малаялам	19 924
Бхили	875 916	Кхариа	17 396
Урду	740 185	Корва	13 422
Ория	389 463	Непали	9 544
Курукх/ораон . .	276 193	Английский	5 979
Синдхи	181 605	Каннада	5 232
Корку	158 718	Кхандеши	3 241
Гуджарати	129 389	Гархвали	2 142
Панджаби	111 955	Конкани	1 460
Бихари	63 609	Хиндустани	1 084
Телугу	58 426	Лахида	1 022

Самым значительным (после говорящих на хинди) языковым меньшинством Мадхья Прадеша являются носители раджастхани. Раджастхани или одну из его разновидностей назвали в качестве своего родного языка 1612 тыс. человек (5,0% всего населения штата и 10,8% всех говорящих на раджастхани жителей Индии), из них мальви — 905 тыс. и нимади (некоторые лингвисты квалифицируют нимади как субдиалект мальви) — 527 тыс. человек. По подсчетам В. А. Чернышева, общая численность говорящих на мальви и нимади составляет в Индии (в основном в Мадхья Прадеше и в Раджастхане) около 5 млн. человек, и, таким образом, многие носители этих двух диалектов называли своим родным языком не свой диалект, а, очевидно, хинди (кстати, некоторые лингвисты считают, что мальви и нимади являются диалектами не раджастхани, а западного хинди).

Среди других языковых меньшинств Мадхья Прадеша выделяются носители языков маратхи — 1260 тыс. (3,9% населения штата), гонди — 1046 тыс. (3,2% всех жителей Мадхья Прадеша; 69,7% общего числа говорящих на гонди в стране), бхили — 876 тыс. (2,7% населения штата; 35,9% всех говорящих на бхили в Индии), урду — 740 тыс. (2,3% всех жителей Мадхья Прадеша), а также ория — 389 тыс. (1,2% населения штата), курукх (ораон) — 276 тыс. (24,2% всех говорящих на курукх жителей Индии), синдхи — 182 тыс. и т. д. Обращает на себя внимание большое число говорящих на языках различных племен и малых народностей — гонди, бхили, курукх (ораон), корку и др.

* * *

На востоке Уттар Прадеш граничит с крупнейшим штатом Восточной Индии — Бихаром, где проживает около 46,5 млн. человек.

Из них 20 581 тыс. (т. е. 44,3% населения) отнесли себя в 1961 г. к говорящим на хинди и 16 442 тыс. (35,4%) назвали своим родным языком один из бихарских языков или диалектов, итого — 37 023 тыс. (79,7% всего населения штата).

Как уже говорилось выше, эти цифры весьма неточно отражают действительную языковую ситуацию, наблюдающуюся в Бихаре, и нуждаются в комментариях.

Хинди, действительно, получил широкое распространение в этом штате; в частности, он является официальным языком Бихара, главным местным литературным языком, основным языком школы и т. д. Однако подавляющее большинство жителей Бихара — особенно в северной,

равнинной, половине этого штата — на самом деле говорит на одном из трех родственных между собой языков (некоторые лингвисты считают их диалектами языка бихари или даже диалектами хинди) — бходжпuri, майтхили или магахи (магадхи). Будучи, как и другие индоарабийские языки, распространенные в Северной Индии, родственными хинди, бихарские языки (диалекты) все же гораздо ближе кベンгали, чем к хинди. Они настолько сходны сベンгали по своему грамматическому строю (и это сходство к тому же дополняется близостью их лексического состава), что Дж. Грирсон считал, что для бходжпuri, майтхили, магахи иベンгали могла бы быть написана общая грамматика. Особенно близок кベンгали язык майтхили, который некоторыеベンгальские лингвисты даже квалифицируют как диалектベンгали. Дж. Грирсон относил бходжпuri, майтхили и магахи (под общим названием бихари) вместе сベンгали, ория и ассами к восточной группе внешней подветви индоарабийских языков, подчеркнув тем самым тот факт, что бихари является по отношению к хинди самостоятельным языком (или самостоятельной группой языков), а не его диалектом (диалектами).

По примерной оценке В. А. Чернышева, основанной на данных переписи 1961 г., численность говорящих в Индии на бходжпuri (они проживают не только в Бихаре, но также и в восточной части Уттар Прадеша) составляет более 28 млн., на майтхили (почти все — в Бихаре) — свыше 17 млн. и на магахи (тоже почти все — в Бихаре) — около 9,5 млн. человек [14, 88].

Однако под влиянием пропаганды, направленной на упрочение положения, занимаемого в Индии языком хинди, и стремившейся укрепить среди жителей Бихара мнение о том, что их родные языки представляют собой не самостоятельные языки или диалекты бихари, а диалекты хинди, — пропаганда, которая велась и ведется в прессе, на радио, в школах и т. п., — в условиях не оформленвшегося еще национального самосознания многие бихарцы восприняли идею принадлежности их разговорных языков к хинди. Эта пропаганда достигла особого размаха и особенно больших успехов в 1930-х и 1940-х годах, в частности в первые годы после завоевания Индией политической независимости.

Пропаганда в пользу хинди обычно особенно активизируется в период подготовки и проведения очередных переписей населения (иногда орудием этой пропаганды служили сами счетчики — сотрудники службы переписи в Бихаре, проводившие опрос населения на местах). В результате в 1951 г. при проведении очередной переписи 31,4 млн. из 38,8 млн. жителей Бихара (т. е. 81,0% всего населения штата) назвало своим родным языком не бихари или один из его диалектов, на которых подавляющее большинство их фактически говорит, а язык хинди; бихари же был назван лишь 112 тыс. человек [20, 41].

Но вот прошло лишь десять лет, и в 1961 г. при проведении следующей переписи значительная часть тех самых людей, которые в 1951 г. утверждали, что они говорят на хинди, а именно 16,4 млн. (!) человек (т. е. 35,4% всего населения Бихара) вместо 112 тыс., назвала своим родным языком один из бихарских языков или их диалектов: бходжпuri — 7843 тыс. человек, майтхили — 4983 тыс., магахи (магадхи) — 2818 тыс. и несколько других, сравнительно малочисленных (табл. 7).

Эти цифры подтверждают факт распространения в Бихаре названных бихарских языков (или диалектов) и, главное, свидетельствуют о том, что среди основных этнических групп Бихара — бходжпурцев, майт-

Таблица 7

Главные разновидности «бихари» в Бихаре

Бходжпuri	7 964 755
Майтхили	4 984 811
Магахи	2 818 602
Садан/садри	532 733
Кхортха/коттха	283 661
Нагпури/вост. магахи . . .	93 391
Бихари в целом (включая другие диалекты)	16 806 772

хильцев и магахов быстро развивается и крепнет осознание отдельности своего языка — процесс, отражающий формирование и рост национального самосознания носителей этих языков. В. А. Чернышев, отмечая родственность бходжпuri, майтхили и магахи друг с другом, вместе с тем подчеркивает различия между ними и считает, что они представляют собой три отдельных, самостоятельных языка, а не диалект «бихари» (он считает даже, что три указанные этнические группы уже можно считать сложившимися нациями). Заметим, что, по контрасту с тем, что мы наблюдали в зоне распространения хинди, особенно его западных диалектов (где подавляющее большинство носителей различных диалектов хинди называло своим родным языком не свой диалект, а хинди), в Бихаре пробуждение этноязыкового самосознания, выразившееся прежде всего в отказе от хинди, приняло форму складывания не некоего общебихарского самосознания (так, по всей Индии «бихари» был назван родным языком лишь 15 тыс. человек, причем в самом Бихаре говорящим на «бихари» не признал себя ни один человек), а самосознания именно бходжпурского, майтхильского, магахского. Поэтому предпринятое в переписи 1961 г. объединение бихарских языков в единый язык под названием «бихари» представляется нам явно искусственным.

Вместе с тем — и это обстоятельство говорит не в пользу утверждения В. А. Чернышева о том, что бходжпурцы, майтхильцы и магахи уже представляют собой сформировавшиеся нации (которые, в качестве таковых, должны были бы обладать, в частности, достаточно развитым национальным самосознанием) — нельзя не указать на то, что осознание отдельности своего языка охватило далеко не всех представителей трех указанных этнических групп. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что даже в 1961 г. 20,6 млн. человек (т. е. 44,3% всех жителей Бихара) назвали своим родным языком хинди. Хотя, несомненно, для некоторой части этих жителей штата «собственно хинди» является действительно родным языком (в нашем распоряжении нет данных, позволивших бы хотя бы приблизительно определить число хиндиязычных бихарцев; однако все же очевидно, что их в Бихаре сравнительно немного), родным языком подавляющего большинства этих 20,6 млн. человек является один из бихарских языков.

Согласно подсчетам, сделанным самим В. А. Чернышевым [13, 85], 8 млн. жителей Индии, назвавших своим родным языком бходжпuri, составляют лишь 27% общего числа носителей этого языка (по оценке В. А. Чернышева, их насчитывается в Индии около 28 млн.); 5 млн. человек, указавших в качестве родного языка майтхили, — это лишь 29% общего числа (17 млн.) майтхильцев Индии; 2,8 млн. человек, показавших своим родным языком магахи, составляют менее 30% всех магахов, живущих в стране. В то же время, с другой стороны, нельзя не подчеркнуть тот факт, что процесс развития и укрепления этноязыкового самосознания (а в том, что этот процесс активно происходит, нет никакого сомнения) идет по пути все большего преобладания со-

знания принадлежности жителей Бихара именно к одной из трех названных этнических групп (бходжпурцам, майтхильцам или магахам), а не вообще к бихарцам.

Итак, данные о числе жителей Бихара, говорящих на бихарских языках, собранные во время переписи 1961 г., хотя и гораздо более точно отражают характер сложившейся в Бихаре языковой ситуации, чем, например, данные переписи 1951 г., все же не вполне соответствуют действительности. Однако объем статьи и поставленные в ней задачи не позволяют нам коснуться этого вопроса более обстоятельно. За более подробными сведениями мы отсылаем читателя к упомянутым статьям В. А. Чернышева и переходим к другим языковым группам Бихара (табл. 8).

Таблица 8

Языки штата Бихар

Хинди	20 580 643	Не определенные языки группы мунда	20 301
Бихари	16 442 087	Гуджарати	20 068
Урду	4 149 245	Тамил	16 177
Сантали	1 659 235	Английский	8 387
Бенгали	1 220 800	Малаялам	7 559
Мундари	574 482	Маратхи	5 074
Курукх/ораон	549 377	Синдхи	4 089
Хо	445 068	Корва	3 768
Ория	302 969	Кода/кора	2 599
Кхариа	96 016	Асури	2 781
Малто	88 632	Персидский	3 075
Панджаби	72 191	Дравидам	1 931
Раджастхани	61 618	Арабский	1 766
Бхумидж	38 457	Бирджиа/бриджиа/ биндххия	1 506
Телугу	37 222	Гархвали	1 057
Непали	29 747		

Следующую по численности после носителей бихарских языков языковую группу в Бихаре образуют лица, назвавшие своим родным языком урду,— 4149 тыс. человек (8,9% всех жителей штата). По сравнению с данными переписи 1951 г. для урду (2,6 млн. человек, т. е. 6,8% населения) это большой прирост как в отношении численности, так и в отношении удельного веса во всем населении штата, и этот сдвиг нельзя объяснить ни естественным приростом, ни иммиграцией урдуязычного населения.

Значительную часть населения Южного (плато Чхота-Нагпур) и Восточного Бихара составляют малые народности и племена (адиваси), говорящие в основном на языках группы мунда (австро-азиатская языковая подсемья) или на дравидийских языках. Это нашло свое отражение в данных о языковом составе населения штата: 1659 тыс. человек (3,5% всего населения Бихара и 51,1% всех сантиалиязычных жителей Индии) назвали своим родным языком сантали; среди других языков группы мунда следует упомянуть мундари—574 тыс. (1,2% населения Бихара) и хо—445 тыс., что составляет соответственно 77,9 и 68,6% общего числа носителей этих языков в Индии. Среди дравидийских языков выделяется курукх, или ораон,—549 тыс. человек (1,1% населения Бихара и 48,1% всех говорящих на этом языке жителей страны). Некоторые из этих народностей и племен образуют в ареалах своего расселения значительную часть жителей. Так, говорящие на сантали составляют подавляющую часть жителей дистрикта Парганы Санталов, говорящие на курукх/ораон—значительную часть населения дистрикта Ранчи, говорящие на хо—значительную часть населения дистрикта Сингхбхум.

Среди других языковых меньшинств Бихара должны быть упомянуты в первую очередь назвавшие своим родным языком бенгали — 1221 тыс. человек, т. е. 2,6% всех жителей штата (в основном — в районах на границе с Западной Бенгалией), а также ория — 303 тыс. человек.

* * *

Продолжим наш региональный анализ характеристикой языкового состава населения остальных штатов и территорий Восточной Индии.

На юге Бихар граничит с Ориссой, население которой насчитывает 17,5 млн. человек. Главным языком этого штата является ория — в качестве родного его назвало 14 444 тыс. человек, т. е. 82,3% всех жителей Ориссы. В Ориссе сосредоточено 91,9% всех проживающих в Индии носителей этого языка.

Как и в соседнем Бихаре, языковые меньшинства составляют значительную часть населения Ориссы (табл. 9): их общая численность — 3105 тыс. человек (17,7% всего населения штата). Меньшинства сосредоточены преимущественно в северных, горных районах Ориссы, граничащих с южными, холмистыми районами Бихара (плато Чхота-Нагпур), где главным образом расселены этнические меньшинства Бихара. Как и в соседнем Чхота-Нагпуре, языковые меньшинства горной и холмистой части северной Ориссы составляют в этих районах значительную часть населения и представлены в основном различными народностями и племенами, говорящими преимущественно на языках австрической (в основном группы мунда) или дравидийской языковых семей. К крупнейшим среди них в Ориссе относятся этнические группы, назвавшие своим родным языком дравидийские языки куи, — 512 тыс. (2,9% всего населения Ориссы; говорящие на этом языке живут только в Ориссе), кхонд (кондх) — 145 тыс. и парджи — 84 тыс. и языки группы мунда: сантали — 376 тыс. (2,1% населения штата), савара — 211 тыс. (1,2%), хо — 203 тыс. (1,2%), мундари — 129 тыс., бхумидж — 96 тыс. и т. д. Как это наблюдается и во многих других районах Индии, среди орисских народностей и племен название языка часто совпадает с этническим названием.

Таблица 9

Языки штата Орисса

Ория	14 443 598	Курукх/ораон . . .	57 340
Куи	512 161	Кхария	56 548
Телугу	393 453	Кисан	49 316
Сантали	376 302	Гадаба	31 791
Хинди	219 525	Коя	31 052
Урду	212 891	Гонди	20 087
Савара	210 981	Джуанг	15 795
Хо	203 052	Конда	10 930
Кхонд/кондх . . .	144 922	Гуджарати	9 436
Мундари	129 110	Панджаби	6 966
Бенгали	125 687	Тамил	6 918
Бхумидж	95 907	Малаялам	4 832
Парджи	83 914	Маратхи	2 970
Не определенные языки группы мунда	83 182	Раджастхани	2 838
		Кода/кора	2 600
		Непали	1 878

Среди прочих языковых меньшинств Ориссы выделяются лица, назвавшие своим родным языком телугу, — 393 тыс. человек (2,3% всего населения штата), хинди — 220 тыс. (1,3%), урду — 213 тыс. (1,2%), бенгали — 126 тыс. человек.

* * *

На востоке с Бихаром граничит штат Западная Бенгалия с населением 34,9 млн. человек.

Самый многочисленный язык этого штата — бенгали: в качестве родного он был указан 29 436 тыс. жителей, что составляет 84,3% всего населения Западной Бенгалии. Значительное число лиц, назвавших бенгали родным языком, проживает за пределами Западной Бенгалии — 4453 тыс., т. е. 13,1% всего бенгалиязычного населения Индии (из них 2089 тыс.— в Ассаме; 1221 тыс.— в Бихаре; 745 тыс.— в Трипуре, причем в Трипуре носители бенгали составляют почти $\frac{2}{3}$ населения— 65,2%).

Языковые меньшинства в Западной Бенгалии насчитывают в совокупности 5490 тыс. человек, т. е. 15,7% всего населения штата (табл. 10).

Т а б л и ц а 10
Языки штата Западная Бенгалия

Бенгали	29 435 928	Китайский	10 384
Хинди	1 897 825	Лепча	8 855
Сантали	1 140 913	Малаялам	8 602
Урду	832 847	Ассами	8 279
Непали	524 797	Тибетский	7 925
Курукх/ораон . . .	221 127	Рабха	6 101
Ория	213 831	Адихаша	4 807
Бихари	148 889	Таманг	3 435
Телугу	80 930	Не определенные языки группы	
Не определенные языки группы		бхотиа	3 208
мунда	63 667	Бхумидж	2 573
Панджаби	57 656	Синдхи	2 198
Английский	39 325	Шерпа	2 159
Тамил	32 663	Гархвали	1 436
Раджастхани	31 772	Арабский	1 278
Мундари	31 486	Савара	1 139
Кода/кора	26 213	Тури	1 093
Гуджарати	25 709	Бхутани	1 089
Бодо/боро	16 021	Дравидам	1 017
Маратхи	13 280		

Согласно данным, зафиксированным переписью 1961 г., первое место по численности занимает группа хинди—1898 тыс. человек (5,4% населения штата). Кроме того, 149 тыс. человек назвали своим родным языком бихарские диалекты (89 тыс.—садан, или садри, и 51 тыс.—кхортха, или кхотта). Таким образом, к этим двум языковым группам (хинди и бихари), вместе взятым, отнесли себя 2047 тыс. жителей Западной Бенгалии.

Однако нет никакого сомнения в том, что эти данные дают искаженное представление о численности говорящих на хинди и бихари. Дело в том, что на самом деле подавляющее большинство из этих 2 млн. человек— это бихарцы; но, как это наблюдается и в самом Бихаре, большинство бихарцев, проживающих в Западной Бенгалии, во время проведения переписи называло своим родным языком не один из бихарских языков, на котором они фактически говорят, а хинди.

Это утверждение косвенно подтверждается сведениями о миграции населения, служащими в данном случае важным показателем, поскольку обе названные языковые группы представлены в Западной Бенгалии почти целиком не местными уроженцами, а выходцами из других районов Индии. По данным переписи 1961 г. [19, 18, 36, 54], в Западной Бен-

Галии число иммигрантов из хиндиязычных районов Индии (т. е. лиц, родившихся в этих районах, но зарегистрированных переписью на территории Западной Бенгалии) составляет лишь немногим более 400 тыс. человек (в том числе из Уттар Прадеша — 347 тыс., из Мадхья Прадеша — 50 тыс., из Дели 9 тыс.), тогда как число переселенцев из Бихара намного выше — 1351 тыс. (итого — около 1,8 млн. человек, что примерно соответствует совокупной численности жителей Западной Бенгалии, говорящих на хинди и бихари). Бихар, населенный преимущественно бихарцами, естественно, «поставляет» в Западную Бенгалию главным образом говорящих на бихари, тогда как из районов распространения хинди сюда переселяются говорящие как на хинди, так и на бихари: значительную часть переселенцев из Уттар Прадеша составляют жители восточных, примыкающих к Бихару дистриктов этого штата, где родной язык подавляющей части населения — не хинди, а бихари (бходжпuri). Поэтому бихарцев в Западной Бенгалии гораздо больше, чем хиндустанцев.

Таким образом, содержащиеся в переписи 1961 г. данные о численности говорящих на бихари и хинди находятся в полном противоречии с собранными той же переписью объективными данными о региональном составе мигрантов, и объяснить это противоречие можно, лишь признав, что основная масса иммигрантов-бихарцев назвала в качестве своего родного языка хинди вместо бихари.

Численность остальных языковых меньшинств Западной Бенгалии зафиксирована переписью 1961 г. более или менее точно. Среди них выделяются носители языков сантали — 1141 тыс. человек (3,3% всего населения штата и 35,1% всего санталиязычного населения страны), урду — 833 тыс. (2,4%), непали — 525 тыс., т. е. 1,5% населения штата и 51,4% всех говорящих на непали жителей Индии (непальцы в основном сконцентрированы в северобенгальском горном дистрикте Дарджилинг, где они составляют большинство населения), курукх (ораон) — 221 тыс., ория — 214 тыс. и т. д. Среди прочих мелких языковых групп можно отметить многочисленные по сравнению с другими штатами группы населения, назвавшие своим родным языком английский (39 тыс.) и китайский (10 тыс. человек, в основном в Калькутте и дистрикте Дарджилинг)³.

* * *

На крайнем северо-востоке Индии расположено три штата: Ассам, Мегхалая и Нагаленд.

В 1961 г., когда проводилась перепись населения, Нагаленд еще имел статус территории центрального подчинения (статус штата этот район получил в 1963 г.), но был в тех же границах, что и в настоящее время. Штата Мегхалая в 1961 г. еще не существовало (он был образован в 1968 г.); районы, вошедшие в 1968 г. в этот штат, составляли тогда часть штата Ассам. В Ассаме в его нынешних границах подавляющее большинство населения составляют ассы, а главным национальным меньшинством являются бенгальцы. В состав горного штата Мегхалая вошли районы, населенные главным образом такими народностями, как кхаси и гаро. Однако точными данными о распределении по родному языку населения нынешнего «уменьшенного» Ассама и шта-

³ Подробнее об особенностях языкового (этнического) состава населения Западной Бенгалии, и в частности о размещении языковых меньшинств по территории штата, см. ст. [9].

та Мегхалая порознь мы не располагаем, и это вынуждает нас характеризовать языковой состав обоих этих штатов, вместе взятых (т. е. штата Ассам в границах, которые существовали в момент проведения переписи).

В 1961 г. Ассам (его население насчитывало тогда 11,9 млн. человек) по языковому составу своих жителей был одним из самых своеобразных и разнородных штатов Индии (табл. 11).

Таблица 11

Языки штата Ассам в границах 1961 г.

Ассами	6 784 271	Гонди	11 454
Бенгали	2 089 248	Урду	11 263
Хинди	523 791	Лалунг	10 576
Кхаси	363 092	Хмар	10 153
Бодо/боро	344 848	Раджастхани	9 726
Гаро	301 108	Лакхер	9 531
Лушаи/мизо	215 884	Деори	9 092
Непали	215 213	Коч	7 853
Микир	154 339	Пави	6 866
Ория	146 022	Маратхи	5 497
Мири	136 322	Кхария	5 397
Манипури/мейтхей	104 222	Не определенные языки группы кукки	5 044
Не определенные языки группы мунда	89 913	Бхумидж	4 970
Сантали	68 756	Савара	4 832
Рабха	38 330	Тамил	4 501
Курукх/ораон . . .	32 725	Рангкхол	4 095
Димаса	32 278	Малаялам	2 204
Бихари	27 129	Английский	2 088
Телугу	19 786	Тхадо	1 769
Трипури	15 714	Паните	1 564
Не определенные языки группы нага	12 392	Кисан	1 061
Танджаби	11 779	Дафла	1 026
		Тай/сиамский	1 265

На самом многочисленном языке штата — ассами — говорило лишь 6784 тыс. человек, что составляло 57,1% населения. За пределами Ассама язык ассами практически не встречается.

Общая численность языковых меньшинств штата составила в 1961 г. 5089 тыс. человек, т. е. 42,9% всего населения Ассама. Из них самую многочисленную группу образуют лица, называвшие своим родным языком бенгали,—2089 тыс. человек (17,6% населения штата). За бенгали следует хинди —524 тыс. (4,4%), хотя и в этом случае, вероятно, часть лиц, называвших своим родным языком хинди, на самом деле говорит на одном из бихарских языков (число тех, кто назвал родным языком тот или иной бихарский язык или диалект, составляет в Ассаме 27 тыс.).

Далее следуют языки горных народностей и племен Ассама⁴. Самым многочисленным является язык кхаси, принадлежащий к языковой группе мон-кхмер австро-азиатской подсемьи языков,—363 тыс. человек (3,0% всего населения Ассама); среди других языков той же языковой семьи (но относящихся к группе мунда) можно назвать сантали (69 тыс. человек). Выделяется также ряд языков ассоамско-бирманской ветви, относящейся к тибето-бирманской подсемье тибето-китайской языковой семьи: бодо, или боро,—345 тыс. (2,9% населения Ассама), гаро—301 тыс. (2,5%), лушаи, или мизо,—216 тыс. (1,8%), микир—154 тыс., мири—136 тыс., манипури, или мейтхей,—104 тыс., а также некоторые языки индоевропейской семьи, например непали,—215 тыс. (1,8% всего

⁴ Краткую характеристику носителей этих языков содержит ст. [6].

населения Ассама и 21,1 % общего числа непальцев в Индии) и ория — 146 тыс. человек (1,2 % населения штата).

* * *

Подавляющее большинство из 369 тыс. жителей Нагаленда (93 %) говорит на многочисленных языках и диалектах группы нага (их названия в основном совпадают с этническими названиями отдельных племен и племенных групп нага). Среди них выделяются языки коньяк — 57 тыс. носителей, ао — 56 тыс., сема — 47 тыс., ангами — 42 тыс. и ряд других (табл. 12)⁵. Языки группы нага представлены также в соседних районах Манипура и Ассама.

Таблица 12

Языки штата Нагаленд

Коньяк	57 071	Чанг-нага	11 328
Ао	55 922	Непали	10 400
Сема	47 439	Кхежа	8 799
Ангами	42 105	Ренгма	5 790
Лотха	26 565	Хинди	4 486
Не определенные языки группы нага	20 030	Бенгали	3 820
Почури	18 496	Ассами	3 566
Пхом	13 390	Не определенные языки группы куки	3 029
Йимчунгре	12 673	Ванчо	2 702
Кхиемнуингам	12 435	Чиру	1 175

Среди других языковых групп можно упомянуть немногочисленную прослойку лиц, называвших своим родным языком непали (10 тыс.), хинди (4,9 тыс.), бенгали (3,8 тыс.) и ассами (3,6 тыс.).

* * *

К Восточной Индии относятся также территории центрального подчинения — Трипурा (1142 тыс. жителей), Манипур (780 тыс.) и Северо-Восточное Пограничное Агентство (337 тыс.); с нейю граничат также протектораты Индии — княжества Сикким (162 тыс.) и Бхутан.

В самой крупной союзной территории Восточной Индии — Трипуре — подавляющее большинство населения составляют говорящие на бенгали — 745 тыс. человек (65,2 % всех жителей территории). На долю следующей по численности за бенгальцами коренной народности Трипуры — типпера, говорящей на языке трипuri, приходится лишь 284 тыс. человек (т. е. 24,9 % всего населения этой союзной территории). Прочие языковые меньшинства Трипуры, как показывает таблица 13, весьма немногочисленны.

Таблица 13

Языки союзной территории Трипуры

Бенгали	744 803	Не определенные языки группы мунда	2 965
Трипuri	283 891	Лушаи/мизо	2 941
Манипuri	27 953	Курукх/ораон	1 811
Хинди	18 607	Телугу	1 713
Халам	16 423	Непали	1 696
Ория	11 583	Сантали	1 634
Араканский	10 304		
Гаро	5 458		
Не определенные языки группы куки	3 008		

⁵ О носителях этих языков см. ст. С. А. Маретиной в настоящем сборнике и статью Л. И. Юревич [17].

В другой восточноиндийской союзной территории — Манипуре — 503 тыс. человек (64,5% всех ее жителей) назвали своим родным языком манипури, или меитхей, — язык коренной народности. Здесь сосредоточено 79,1% всех носителей этого языка (еще 104 тыс. меитхейцев, т. е. 16,4% их общего числа, проживает в Ассаме и 28 тыс. — в Трипуре).

Языковые меньшинства составляют здесь значительную часть населения. Большинство их (табл. 14) относится либо к группе нага (среди них выделяются языки тангкхул — 44 тыс., кабуи — 29 тыс., мао — 29 тыс. и т. д.), либо к группе куки-чин, к которой принадлежит и сам манипури (среди них выделяются тхадо — 30 тыс., пайте — 17 тыс., хмар — 15 тыс. и др.). Небольшая прослойка жителей Манипуре говорит на непали (13,6 тыс.) и бенгали (10 тыс.).

Таблица 14

Языки союзной территории Манипур

Манипури	502 838	Симте	9 583
Тангкхул	43 943	Ваипхей	8 215
Тхадо	30 205	Маринг	7 745
Кабуи	29 219	Анал	5 515
Мао	28 810	Ком	5 477
Не определенные языки группы куки-чин	17 792	Марам	4 928
Пайте	17 029	Гангте	4 866
Хмар	15 365	Лушан/мизо	2 746
Непали	13 571	Хинди	2 379
Бенгали	10 011	Чиру	2 340
Кача нага	9 734	Ламганг	1 866
		АО	1 377
		Чоте	1 035

В союзной территории Северо-Восточное Пограничное Агентство данные о родном языке были собраны лишь о 39 тыс. из 337 тыс. жителей этой территории. Эти данные, естественно, никак нельзя считать показательными для всей рассматриваемой союзной территории, и мы не будем на них останавливаться. Отметим лишь, что среди упомянутых 39 тыс. человек были представлены языки абор (ади), дафла, мири, мишми и др., относящиеся к языкам главных коренных племен этой территории, а также языки непали, хинди, ассами, бенгали и т. д.

Что касается индийских протекторатов Сикким и Бхутан, то, по соглашению с правителями Сиккима, переписи населения Индии (в том числе и перепись 1961 г.) охватывают и территорию этого княжества; в Бхутане же перепись не проводилась, и особенности распределения по родному языку населения Бхутана нами не рассматриваются.

Языковой (и этнический) состав населения Сиккима характеризуется большой разнородностью (табл. 15). Самую многочисленную языковую группу образуют непалиязычные жители княжества — 74 тыс. (45,8% всего населения). За ними следуют этнические группы (всего около 60 тыс. человек), назвавшие родным один из языков или диалектов тибетской группы (в основном сиккимский бхотиа — 37 тыс.). Третий основной языковой и этнический компонент образуют коренные народности Сиккима, говорящие на языках гималайской группы: лепча — 15 тыс., лимбу — 5 тыс. и др. (всего — около 25 тыс. человек).

Таблица 15

Языки протектората Сикким

Непали	74 359	Тибетский	6 690
Сиккимский бхотиа	36 577	Лимбу	4 955
Лепча	14 847	Шерпа	3 997
Не определенные языки группы бхотиа	10 762	Рай	2 965
		Хинди	2 153
		Таманг	1 423

* * *

Завершив нашу краткую характеристику языкового состава населения расположенных к востоку от Уттар Прадеша штатов и территории Восточной Индии, перенесемся мысленно в противоположный конец страны, к западным границам Уттар Прадеша, и рассмотрим языковую ситуацию в Северо-Западной Индии.

К западу и северо-западу от Уттар Прадеша расположены штаты Хариана, Панджаб и Химачал Прадеш и союзные территории Дели и Чандигарх.

Однако в 1961 г., когда проводилась перепись населения, данные которой анализируются в настоящей статье, политико-административная карта этой части Индии выглядела иначе. Штата Хариана и союзной территории Чандигарх как отдельных административно-территориальных единиц еще не существовало, а территория Химачал Прадеша была намного меньше нынешней; вся территория Панджаба и Харианы, значительная часть Химачал Прадеша и Чандигарх входили в состав единого штата Панджаб, население которого насчитывало в 1961 г. 20,3 млн. человек.

В 1966 г. Панджаб был разделен по лингвистическому принципу на два штата: один из них, с преобладанием панджабиязычного населения, сохранил прежнее название Панджаб, иногда его называют также Панджаби Суба (численность населения, по официальным данным, основанным на переписи 1961 г.— 11 136 тыс. человек); другой, с хиндиязычным большинством, получил название Хариана (число жителей—7591 тыс.). Кроме того, столица прежнего Панджаба — г. Чандигарх с окрестностями — была выделена в качестве территории центрального подчинения (численность населения—120 тыс.). Наконец, часть территории прежнего Панджаба (дистрикт Кангра с числом жителей 1063 тыс.) была передана союзной территории Химачал Прадеш, численность населения которой возросла до 2812 тыс.

К сожалению, мы не располагаем достаточно подробными и точными данными о языковом составе населения указанных штатов и территорий в их новых границах, и это лишает нас возможности охарактеризовать языковую ситуацию в каждой из этих новых административно-территориальных единиц. Поэтому ниже будет рассмотрен языковой состав населения прежнего Панджаба (в тех границах, которые этот штат имел в 1961 г., в момент проведения переписи).

В 1961 г. более половины населения этого штата — 11 299 тыс. человек, т. е. 55,6%, составляли лица, которые отнесли себя к говорящим на хинди. Второй по значению языковой группой было панджабиязычное население—8343 тыс. человек, т. е. 41,1% всех жителей Панджаба.

Следует заметить, что, вероятно, эти данные не совсем точно отражают действительное соотношение между обеими названными языковыми группами. Дело в том, что на определение жителями Панджаба своего родного языка некоторое воздействие оказал религиозный фактор, тесно переплетенный здесь с этноязыковым. Почти все жители Панджаба, говорящие на хинди, исповедуют индуизм. Среди же говорящих на панджаби большинство составляют приверженцы сикхизма; в то же время среди панджабцев довольно много также и индусов. После достижения Индией независимости в Панджабе неоднократно ставился вопрос о разделении штата по лингвистическому принципу на хиндиязычный и панджабиязычный штаты. Однако многие индузы (особенно индузы-панджабцы) выступали против выделения особого штата в составе территорий с панджабиязычным большинством, так

как в таком штате неизбежно численно преобладали бы сикхи (индусы-панджабцы опасались, что в новом штате сикхи станут подвергать индусов различного рода дискриминации). Поскольку быть или не быть разделению Панджаба, а если быть, то как именно будут распределены территории, зависело от численности и территориального размещения двух основных языковых групп штата, многие панджабцы-индусы стали отказываться от своего родного языка (и даже от шрифта гурмукхи). Во время переписи 1961 г. (а данные о численности и размещении языковых групп собираются в Индии именно переписями населения), проводившейся в условиях обострения религиозно-общинных трений в Панджабе, часть индусов, говорящих на панджаби, назвала своим родным языком не панджаби, а хинди. Таким образом, подлинная картина расселения основных языковых групп Панджаба в переписи 1961 г. несколько искажена. Впрочем, о степени этого искажения судить сейчас трудно; можно надеяться, что перепись 1971 г. (которая была проведена в обстановке, когда разделение Панджаба стало уже свершившимся фактом) даст нам цифры, более точно отражающие особенности языковой ситуации в рассматриваемой части Индии.

Что касается других (помимо хинди и панджаби) языков Панджаба (табл. 16), то говорящие на всех этих языках, вместе взятых, насчитывали лишь 665 тыс. человек (3,4% всего населения штата). Примерно половина их назвала своим родным один из языков или диалектов группы пахари. Заметную прослойку населения — 256 тыс. человек (1,3% всех жителей штата) — составляют также говорящие на урду.

Таблица 16
Языки штата Панджаб в границах 1961 г.

Хинди	11 298 855	Не определенные языки группы бхотиа	6 685
Панджаби	8 343 264	Малаяlam	6 390
Урду	255 660	Маратхи	4 853
Не определенные языки группы пахари	248 176	Бенгали	4 811
Кулуи	49 441	Тибетский	3 338
Раджаствани . . .	21 162	Телугу	2 410
Непали	13 356	Гуджарати	1 863
Лахули	11 412	Лахнда	1 801
Кашмири	8 124	Английский	1 432
Сираджи/внутренний сираджи . .	6 859	Синдхи	1 311
Тамил	6 789	Гархвали	1 279
		Ассами	1 196
		Бхили	1 113

* * *

Значительное число носителей хинди проживает на территории крупнейшего штата Северо-Западной Индии — Раджаствана, который насчитывает 20,2 млн. жителей.

Более половины населения этого штата — 11 380 тыс. человек (56,5% всех жителей) — назвали своим родным один из языков (или диалектов), объединенных в переписи 1961 г. под общим названием «раджаствани». Однако собственно «раджаствани» был назван лишь 713 тыс. человек (т. е. 6,3% всех лиц, зафиксированных переписью как говорящих на раджаствани), подавляющее же большинство говорящих на этом языке назвало своим родным языком не раджаствани, а один из раджастванских диалектов (табл. 17), из которых крупнейшими являются марвари — 5782 тыс. (50,8% общего числа жителей Раджаствана,

говорящих на раджастхани, и 28,7% всех жителей штата), меварі — 1819 тыс. (9,0% всего населения штата) и дхундхари — 1592 тыс. (7,9% населения Раджастана).

Т а б л и ц а 17

Главные разновидности «раджастхани»
в Раджастане

Марвари	5 781 846
Меварі	1 819 034
Дхундхари	1 591 825
Хараути	561 006
Багри	309 267
Мальви	236 668
<u>Собственно раджастхани . . . . .</u>	<u>713 357</u>
 <u>Раджастхани в целом</u> (включая диалекты)	<u>11 386 005</u>

Значительное число носителей раджастхани — 3553 тыс. человек (т. е. 23,8% всего раджастханиязычного населения страны) — проживает также за пределами Раджастана, главным образом в штатах Мадхья Прадеш — 1612 тыс. (в этом штате говорящие на раджастхани составляют 5,0% всего населения), Махараштра — 629 тыс. и Андхра Прадеш — 584 тыс. Интересно, что и за пределами Раджастана говорящие на этом языке не называют свой язык раджастхани, а употребляют название местной формы речи. Так, в Мадхья Прадеше из 1612 тыс. человек раджастханиязычного населения 905 тыс. отнесли себя к говорящим на мальви и 527 тыс. — на нимади; в Махараштре из 629 тыс. раджастханцев 242 тыс. называли банджари, 235 тыс. — марвари и 116 тыс. — ламани (ламбади); в Андхра Прадеше из 584 тыс. раджастханцев 559 тыс. указали на ламани (ламбади); в Майсуре из 306 тыс. раджастханцев 288 тыс. называли банджари; и в Джамму и Кашмире из 209 тыс. говорящих на раджастхани все 209 тыс. определили свой язык как годжри.

Эти данные свидетельствуют о том, что среди носителей раджастхани осознание отдельности, самостоятельности своих форм речи преобладает над представлением об их принадлежности к некоему общему языку (т. е. раджастхани) в качестве диалектов последнего (заметим, что подобная картина была зафиксирована и переписью 1951 г., что свидетельствует об устойчивости этой ситуации). По-видимому, это отражает тот факт, что среди населения, говорящего на раджастхани, сознание общераджастанской этнолингвистической общности развито довольно слабо и, возможно, этнические процессы здесь пойдут не по пути формирования единой нации раджастханцев, а по пути складывания нескольких отдельных сравнительно небольших наций.

В этом отношении картина, наблюдающаяся в ареале распространения языковых форм раджастхани, напоминает охарактеризованную выше ситуацию, сложившуюся в зоне распространения разновидностей бихари, и противоположна положению, зафиксированному в ареале распространения хинди.

По числу носителей за раджастхани следует язык хинди — 6715 тыс. человек (33,3% всего населения Раджастана). Интересно, что подавляющая часть хиндиязычного населения этого штата — 5989 тыс. человек (т. е. 89,2%) — назвала свой родной язык не хинди, а кхариболи. Однако не исключено, что значительная часть населения, назвавшего в качестве родного языка хинди, на самом деле говорит на раджастхани.

Таблица 18

Языки штата Раджастхан

Раджастхани	11 386 005	Бенгали	8 807
Хинди	6 714 857	Тамил	3 443
Бхили	831 869	Малаялам	2 213
Урду	509 673	Непали	1 820
Панджаби	403 975	Английский	1 289
Синдхи	233 321	Канджари	1 109
Гуджарати	41 833	Ория	1 408
Маратхи	9 183	Телугу	1 181

На остальные языки Раджастхана (табл. 18) приходится в совокупности 2061 тыс. человек (10,2% всего населения штата). Среди них самые многочисленные: бхили—832 тыс. (4,1% всех жителей Раджастхана и 34,1% общего числа носителей этого языка в стране), урду—510 тыс. (2,5% населения штата), панджаби—404 тыс. (2,0%) и синдхи—233 тыс. (1,2% населения Раджастхана и 17,0% всех говорящих на синдхи жителей Индии).

* * *

Носители хинди численно преобладают и в союзной территории Дели, ядро которой образует столица Индии—Дели. Подавляющее большинство из 2,7 млн. жителей этой территории—2057 тыс. человек (77,3% всего населения)—назвало родным языком хинди. Среди других языковых групп самые многочисленные—говорящие на панджаби (317 тыс.—12,0% всего населения) и на урду (153 тыс.—5,7%). Представлены также лица, говорящие почти на всех основных языках страны, но численность их незначительна (табл. 19).

Таблица 19

Языки союзной территории Дели

Хинди	2 057 241	Телугу	5 230
Панджаби	317 333	Английский	4 138
Урду	153 251	Непали	3 587
Бенгали	28 136	Кашмири	3 043
Синдхи	27 200	Раджастхани	2 492
Тамил	22 963	Каннада	2 001
Малаялам	9 495	Конкани	1 405
Маратхи	7 578	Гархвали	1 390
Гуджарати	6 626	Дравидам	1 246

* * *

Наконец, говорящие на хинди составляют также значительную часть населения расположенной на севере Индии союзной территории (ныне штата) Химачал Прадеш (число жителей—2,8 млн.), особенно после того, как в 1966 г. (как побочный продукт реорганизации штата Панджаб) к ней были присоединены некоторые районы Панджаба, населенные преимущественно носителями хинди. Поскольку, как уже говорилось выше, точными данными о языковом составе Химачал Прадеша в его нынешних границах мы не располагаем, ниже дается характеристика положения в этой административно-территориальной единице в тех ее границах, которые она имела в 1961 г., когда численность населения в ней составляла 1,4 млн. человек (табл. 20).

В 1961 г. подавляющее большинство жителей рассматриваемой союзной территории говорило на различных языках или диалектах

Таблица 20

Языки союзной территории Химачал Прадеш

Не определенные языки группы пахари	519 782	Махасу пахари	25 668
Мандеали	226 408	Непали	10 811
Хинди	143 570	Урду	6 271
Сирмаури	111 338	Тибетский	6 173
Панджаби	85 396	Раджаствхани	5 875
Бхармаури/гадди	54 291	Хандури	5 337
Чамеали	46 104	Сукети	5 069
Чурахи	43 748	Багхати	4 033
Канаури	28 284	Кашмири	3 502
		Лахули Чамбы	3 021
		Гархвали	2 110

группы пахари, из которых большая часть (с совокупным числом носителей 520 тыс., что составляет 38,5% всего населения территории) не определена. Из определенных языков пахари выделяются мандеали — 226 тыс. (16,7% населения), сирмаури — 111 тыс. (8,2%), бхармаури (гадди) — 54 тыс. Заметную прослойку составляют также говорящие на хинди — 144 тыс. (10,7% населения Химачал Прадеша) и панджаби — 85 тыс. (6,3%).

* * *

На крайнем севере Индии расположен штат Джамму и Кашмир, число жителей в котором (имеется в виду та его часть, которая находится под контролем Индии и где соответственно была проведена перепись 1961 г.) составляет 3,6 млн. человек.

Свыше половины населения приходится на кашмирцев: кашмири в качестве родного языка указало 1938 тыс. человек (54,4% всего населения штата). За пределами штата язык кашмири почти не встречается.

Следующую по численности языковую группу образует панджабийскоязычное население — 978 тыс. (27,4% жителей штата), из которых подавляющее большинство — 869 тыс. человек — дали своему родному языку название «догри».

Среди других языков Джамму и Кашмира (табл. 21) выделяются различные языки и диалекты группы пахари (почти 300 тыс. человек), тибетские языки и диалекты (среди них следует упомянуть ладакхи — 53 тыс. и балти — 33 тыс.), раджаствхани (209 тыс., причем все говорящие в этом штате на раджаствхани определили свой язык как годжи). Обращает на себя внимание малочисленность говорящих на хинди (22 тыс.) и на урду (лишь 13 тыс. человек, несмотря на то что подавляющее большинство населения штата исповедует ислам).

Таблица 21

Языки штата Джамму и Кашмир

Кашмири	1 937 817	Урду	12 617
Панджаби	978 393	Дарди	6 998
Не определенные языки группы пахари	243 707	Падари	6 305
Раджаствхани	209 357	Бакервали	5 941
Ладакхи	52 714	Тибетский	2 076
Балти	33 459	Лахнда	2 000
Бхадравахи	33 318	Бхармаури/гадди	1 832
Хинди	22 328	Афгани/пашто	2 244
		Шина	1 558
		Сароди	1 354

* * *

Завершив характеристику языкового состава населения северо-западных районов страны, обратимся к Западной Индии⁶.

По данным переписи 1961 г., в штате Гуджарат проживает 20,6 млн. человек. Национальный состав населения штата отличается однородностью: гуджарати указало в качестве родного языка 18 673 тыс. человек, т. е. 90,5% населения штата. При этом в границах Гуджарата сосредоточено 92,0% всех лиц, говорящих на гуджарати; в других районах страны проживает 1631 тыс. гуджаратцев (в основном в Махараштре — 1102 тыс.).

На следующем по численности языке — урду — говорит лишь 595 тыс. человек (2,9% населения штата); кроме того, 192 тыс. человек назвали своим родным языком хинди или один из его диалектов (табл. 22).

Т а б л и ц а 22

Языки штата Гуджарат

Гуджарати	18 672 722	Тамил	13 264
Урду	594 670	Телугу	10 602
Синдхи	500 222	Малаялам	7 785
Бхили	276 213	Каннада	5 222
Маратхи	208 192	Бенгали	3 393
Хинди	192 407	Непали	2 682
Кхандеши	65 589	Английский	2 043
Раджастхани	57 158	Хиндустани	1 101
Панджаби	14 791		

Обращает на себя внимание многочисленная группа носителей языка синдхи — 500 тыс. человек (2,4% населения Гуджарата). По числу лиц, назвавших синдхи родным языком, Гуджарат стоит на первом месте среди других штатов страны: здесь сосредоточено 36,4% общего числа говорящих на синдхи жителей Индии (основная масса носителей синдхи проживает в Западном Пакистане).

Среди других языковых меньшинств следует отметить говорящих на бхили (276 тыс., т. е. 1,3% всего населения Гуджарата и 11,3% общего числа всех носителей этого языка в Индии), маратхи (208 тыс., т. е. 1,0% населения штата), кхандеши (66 тыс.), раджастхани (57 тыс., из них 45 тыс.— марвари).

* * *

Языковой состав другого западноиндийского штата — Махараштры — характеризуется гораздо большей разнородностью (табл. 23). Из 39,6 млн. жителей Махараштры главный национальный язык штата — маратхи — назвало в качестве родного 30 279 тыс. человек, т. е. лишь 76,6% всего населения штата.

Довольно много носителей этого языка (3008 тыс. человек, или 9,0% их общего числа) проживает вне Махараштры, главным образом в прилегающих к ней районах соседних штатов Мадхья Pradesh (1260 тыс.) и Майсур (1072 тыс.).

Среди языковых меньшинств, общая численность которых достигает 9275 тыс. человек (23,4% населения штата), выделяются прежде всего

⁶ Интересный материал, освещающий некоторые особенности языковой ситуации в штатах Махараштра и Гуджарат, содержится в книге В. И. Казакова [5].

говорящие на языках тех национальных районов, с которыми Махараштра имеет общие границы, а именно: урду — 2726 тыс. (6,9% населения штата), хинди — 1230 тыс. (3,1%), гуджарати — 1102 (2,8%), телугу — 641 тыс. (1,6%), каннада — 633 тыс. (1,6%) человек.

Таблица 23

Языки штата Махараштра

Маратхи	30 278 913	Английский	60 423
Урду	2 725 737	Колами	38 822
Хинди	1 230 026	Бенгали	29 114
Гуджарати	1 101 600	Непали	12 512
Телугу	640 795	Тулу	11 259
Каннада	633 244	Ория	3 624
Раджастхани	629 455	Кевати	3 468
Бхили	441 364	Афгани/пашто	3 162
Кхандеши	359 289	Белдари	2 478
Гонди	347 052	Португальский	2 108
Синдхи	340 933	Китайский	2 032
Конкани	214 686	Арабский	1 918
Тамил	167 694	Лахнда	1 707
Панджаби	104 224	Гархвали	1 407
Малаялам	90 460	Тиргули	1 000
Корку	60 657		

Велико также число лиц, называвших в качестве родного следующие языки или объединенные с ними диалекты: раджастхани — 629 тыс. (в том числе банджара — 242 тыс., марвари — 235 тыс. и ламани-ламбади — 116 тыс.), бхили — 441 тыс. (что составляет 18,1% общего числа говорящих на этом языке в Индии), кхандеши — 359 тыс. (83,9% всех говорящих на кхандеши), гонди — 347 тыс. (23,1% общего числа жителей Индии, говорящих на этом языке), синдхи — 341 тыс. (24,9% всего синдхиязычного населения страны), конкани — 215 тыс., тамил — 168 тыс. и панджаби — 104 тыс. человек.

Народности, говорящие на бхили, гонди и кхандеши, сосредоточены главным образом в районах, граничных со штатами Мадхья Прадеш и Гуджарат, а говорящие на конкани — в районах, граничащих с Гоа и Майсуром.

Среди других языков Махараштры можно отметить английский — его указали в качестве родного 60 тыс. человек, что составляет 26,3% (первое место в стране) всех жителей Индии, считающих английский своим родным языком.

* * *

В Западной Индии расположены также две территории центрального подчинения.

Территория Гоа, Даман и Диу, образованная из бывших португальских владений, насчитывает 627 тыс. жителей. Эта административно-политическая единица состоит из трех удаленных друг от друга районов. Самый крупный из них (число жителей — 590 тыс. человек) — район Гоа, расположенный на Малабарском побережье, между западноиндийским штатом Махараштра и южноиндийским штатом Майсур. Два других района — Даман и Диу — расположены на побережье Гуджарата и по численности населения (соответственно 22 тыс. и 14 тыс. человек) намного уступают Гоа.

Подавляющее большинство населения этой союзной территории говорит на конкани: в качестве родного этот язык (некоторые лингвисты

считают конкани диалектом языка маратхи) назвало 557 тыс. человек (88,8% всего населения территории в целом и 41,2% всех индийцев, считающих конкани своим родным языком); почти все они проживают в Гоа. Следующую языковую группу (главным образом в районах Даман и Диу, где они составляют большинство населения) образуют говорящие на гуджарати—35 тыс. человек (5,6%). Прочие языки представлены лишь небольшими по численности группами (табл. 24).

Т а б л и ц а 24
Языки территории Гоа, Даман и Диу
(в скобках указана общая численность населения)

Родной язык	Территория в целом (626 667)	В том числе		
		Гоа (589 997)	Даман (22 390)	Диу (14 280)
Конкани*	556 557	—	—	—
Гуджарати	34 888	1 345	19 798	13 745
Маратхи	11 883	11 630	242	11
Урду	9 521	9 414	14	93
Португальский*	9 161	—	—	—
Хинди	1 663	1 647	3	13

* Том не содержит данных о региональном распределении этих языков.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на длительность португальского господства и активные попытки насаждить здесь язык и культуру метрополии и вопреки утверждениям колонизаторов о том, что жители Гоа и других португальских владений составляют часть португальской нации, португальский язык назвали своим родным лишь 9 тыс. человек (1,4% всего населения территории).

Близ побережья Аравийского моря, между территориями штатов Гуджарат и Махараштра, расположено еще одно бывшее португальское владение — небольшая территория центрального подчинения Нагар Хавели (число жителей — 58 тыс.). Географическое положение Нагар Хавели на стыке ареалов расселения маратхов и гуджаратцев, в том районе, где, кроме того, значительную часть населения составляют также бхили, определило особенности языкового состава населения этой территории: 34 тыс. (58,9%) назвали своим родным языком маратхи, 12 тыс. (19,9%) — бхили и 11 тыс. (19,5%) — гуджарати.

* * *

Нам осталось охарактеризовать особенности распределения по родному языку населения Южной Индии, подавляющая часть которого говорит на дравидийских языках⁷.

Численность населения крупнейшего южноиндийского штата — Андхра Прадеша — составляет 35,9 млн. человек. 30 935 тыс. человек, т. е. 86,0% жителей этого штата, назвали своим родным языком телугу.

Большое число носителей телугу (6734 тыс. человек, или 14,0% их общей численности) проживает также за пределами Андхра Прадеша,

⁷ Некоторые этноязыковые проблемы Южной Индии освещены в книге В. И. Казакова [5].

в основном в соседних штатах Мадрас (3364 тыс.), где они составляют 8,9% всего населения, Майсур (2047 тыс.) и Махараштра (641 тыс.).

Языковые меньшинства Андхра Прадеша насчитывают 5048 тыс. человек (14,0% всего населения штата), из них более половины (2554 тыс., т. е. 7,1% населения штата) приходится на урду; кроме того, 139 тыс. человек назвало своим родным языком хинди (табл. 25).

Таблица 25

Языки штата Андхра Прадеш

Телугу	30 934 898	Малаялам	23 350
Урду	2 553 753	Кхонд/кондх	22 730
Раджастхани	583 894	Джатапу	19 467
Тамил	511 595	Английский	13 607
Каннада	382 142	Колами	12 174
Маратхи	286 737	Панджаби	10 868
Ория	201 621	Гадаба	8 402
Хинди	138 968	Синдхи	5 984
Коя	108 658	Бенгали	3 346
Гонди	75 964	Непали	1 725
Савара	47 949	Конкани	1 568
Гуджарати	24 743	Бхили	1 184

Из других языковых групп выделяются говорящие на раджастхани — 584 тыс. человек, т. е. 1,6% населения штата (почти все — 559 тыс. — назвали своим родным языком один из диалектов раджастхани: ламани, или ламбади), тамил — 511 тыс. (1,4% населения Андхра Прадеша), каннада — 382 тыс. (1,1%), маратхи — 287 тыс., ория — 202 тыс. и коя — 109 тыс. человек.

* * *

Следующий по численности населения (33,7 млн. человек) южно-индийский штат — Мадрас. Главный национальный язык этого штата — тамил — назвало в качестве родного 28 016 тыс. человек, что составляет 83,2% всего населения Мадраса⁸. В этом штате сосредоточено подавляющее большинство тамилов Индии — 91,7%. Число лиц, считающих тамил своим родным языком и проживающих за пределами Мадраса, составляет в Индии 2547 тыс. человек (главным образом в Майсуре — 859 тыс., Керале — 528 тыс. и Андхра Прадеше — 511 тыс.). Кроме того, большое число тамилов проживает в других странах, в основном на Цейлоне, а также в Бирме, Малайзии, Сингапуре и др.

Таблица 26

Языки штата Мадрас

Тамил	28 016 147	Английский	34 446
Телугу	3 363 834	Синдхи	7 511
Каннада	947 828	Раджастхани	7 188
Урду	615 503	Тулу	4 686
Малаялам	404 346	Конкани	4 656
Гуджарати	173 702	Панджаби	3 507
Маратхи	52 363	Бенгали	2 498
Хинди	38 989	Непали	1 348

Среди языковых меньшинств — их общая численность составляет 5681 тыс. человек (16,8% населения Мадраса) — самое многочисленное образуют лица, назвавшие родным языком телугу: в 1961 г. их насчитывалось 3364 тыс. человек (10,0% всего населения штата), главным

⁸ Языковая ситуация в Мадрасе подробно охарактеризована в статье М. С. Андронова [1].

образом в северных районах Мадраса. Среди других зарегистрированных переписью языков (табл. 26) следует назвать каннада — 948 тыс. (2,8% населения Мадраса), урду — 616 тыс. (1,8%), малаялам — 404 тыс. (1,2%), гуджарати — 174 тыс. (среди них 155 тыс. человек назвали родным языком саураштра). Заметим также, что число говорящих на хинди в Мадрасе весьма незначительно — лишь 39 тыс., а число лиц, назвавших в качестве родного языка английский, сравнительно велико — 34 тыс. человек.

* * *

Большой пестротой характеризуется языковой состав населения Майсура (общее число жителей — 23,6 млн. человек). Главный национальный язык штата — каннада — был указан здесь в качестве родного лишь 15 372 тыс. человек, т. е. лишь 65,2% всего населения Майсура⁹. В то же время значительная часть носителей каннада — 2044 тыс. человек (11,7% их общей численности) — проживает в других штатах Индии, главным образом в Мадрасе (948 тыс.) и Махарашtre (633 тыс.).

Языковой состав меньшинств Майсура (их общая численность составляет 8215 тыс. человек, т. е. 34,8% всего населения штата) весьма разнороден (табл. 27). На первом месте среди зафиксированных переписью языков после каннада стоит телугу — 2047 тыс. (8,7% населения штата), далее следуют урду — 2034 тыс. (8,5%), маратхи — 1072 тыс. (4,5%), тамил — 859 тыс. (3,6%), тулу — 851 тыс. (3,6% населения штата; 91,1% всех тuluязычных жителей страны), конкани — 492 тыс. (2,1% населения Майсура; 36,4% всех говорящих на конкани в Индии), малаялам — 306 тыс. (1,3% населения Майсура), раджастанхи — 305 тыс. (1,3% населения штата; из них 288 тыс. назвали в качестве своего родного языка банджара). Прочие языковые группы гораздо менее многочисленные. Среди них можно упомянуть хинди — 82 тыс. (кроме того, 12 тыс. человек говорят на хиндустани) и курги, или кодагу, — 78 тыс. (98,8% всех носителей этого языка).

Таблица 27

Языки штата Майсур

Каннада	15 371 753	Курги/кодагу	78 202
Телугу	2 047 379	Гуджарати	29 296
Урду	2 034 482	Английский	18 297
Маратхи	1 072 419	Хиндустани	12 330
Тамил	859 173	Синдхи	7 426
Тулу	850 611	Арабский	6 663
Конкани	492 339	Панджаби	5 390
Малаялам	305 512	Бенгали	2 583
Раджастанхи	305 245	Тибетский	1 217
Хинди	81 836	Ория	1 172

* * *

По контрасту с разноязычным Майсуром соседний с ним южноиндийский штат Керала (общая численность населения — 16,9 млн. человек) — самый монолитный по языковому составу штата страны: малаялам в качестве родного языка был зафиксирован у 16 066 тыс. жителей штата (95,0% всего населения!). При этом в Керале сосредоточено 94,4% всех носителей этого языка; за пределами этого штата прожи-

⁹ Некоторые данные о языковой ситуации в Майсуре помимо указанной выше книги В. И. Казакова [5] содержит также статья того же автора [4].

вало лишь 950 тыс. говорящих на малаялам (в основном в соседних районах Мадраса — 404 тыс. человек).

Среди языковых меньшинств (табл. 28) единственную довольно многочисленную группу образуют говорящие на тамил: их насчитывается 528 тыс. человек (3,1% населения Кералы). Численность говорящих на других языках невелика: конкани — 78 тыс., тulu — 68 тыс., kannada — 62 тыс., телугу — 45 тыс., маратхи — 19 тыс. и т. д. Хинди называло своим родным языком всего лишь 7 тыс. человек.

Таблица 28

Языки штата Керала

Малаялам	16 065 740	Хинди	7327
Тамил	527 708	Английский	7138
Конкани	77 594	Гуджарати	6989
Тulu	68 190	Синдхи	1532
Kannada	62 187	Арабский	1328
Телугу	44 838	Панджаби	1157
Маратхи	18 570	Хиндустани	1112
Урду	9 162		

* * *

Приведем сведения о языковом составе населения расположенных в Южной Индии территорий центрального подчинения.

Самой крупной среди них является Пондишери (общее число жителей — 369 тыс. человек). Эта союзная территория была образована из четырех удаленных друг от друга районов, составлявших в прошлом колониальные владения Франции. Самый крупный из этих районов, и по территории, и по численности населения намного превосходящий три других, — это собственно Пондишери, расположенный на Коромандельском берегу. Неподалеку от Пондишери, также в зоне распространения языка тамил, находится район Карайкал (Карикал). Далее к северу, на побережье штата Андхра Прадеш, находится район Янам (Янаон). Наконец, на Малабарском берегу (Керала), на побережье Аравийского моря, расположен район Маэ.

Как следовало ожидать, исходя из особенностей географического положения четырех указанных районов в Пондишери и Карайкале подавляющее большинство населения — соответственно 243 тыс. (94,1% населения района) и 82 тыс. (98,2%) — считает своим родным языком тамил; в Янаме почти все население — 7 тыс. (95,3%) — говорит на телугу, а в Маэ почти все жители — 19 тыс. (99,5%) — назвали своим родным языком малаялам (табл. 29). Заметим, что во всей союзной территории Пондишери в 1961 г. французский язык считали родным лишь 958 человек.

Таблица 29

Языки территории Пондишери
(в скобках указана общая численность населения)

Родной язык	Территория в целом (369 079)	В том числе			
		Пондишери (258 561)	Карайкал (84 001)	Янам (7 032)	Маэ (19 485)
Тамил	325 862	243 307	82 467	26	62
Малаялам	20 692	1 077	228	7	19 380
Телугу	16 243	8 692	7 839	6 702	5
Урду	2 594	2 198	1 84	281	1

Что касается другой южноиндийской союзной территории — Лаккадивских и Аминдивских островов и о. Миникой, находящихся в Аравийском море у берегов Кералы, то из 24 тыс. жителей этой территории примерно 20 тыс. человек (83,1%) называли своим родным языком малаялам и около 4 тыс. (16,5%) — малдивский.

Наконец, в юго-восточной части Бенгальского залива, вдали от берегов Индии, близ побережья Бирмы, расположена еще одна небольшая островная территория центрального подчинения — Андаманские и Никобарские острова с числом жителей 64 тыс.

Языковой состав населения этой территории (табл. 30) отличается значительной пестротой, разнородностью и своеобразием. Самую большую по численности группу (в основном на Никобарских островах) образуют говорящие на никобарском языке (этот язык, как и язык кхаси, принадлежит, согласно принятой в переписи 1961 г. классификации, к группе мон-кхмер австро-азиатской языковой подсемьи) — их насчитывается 13,9 тыс. (21,9% всего населения территории). Почти столько же и говорящих наベンгали — 13,9 тыс. (21,8%). Заметную часть населения составляют говорящие на хиндустани — свыше 4 тыс. (7,0%), хинди — более 3,5 тыс. (5,6%) и урду — 1,9 тыс. (3,0%). Представлены также и южноиндийские языки: малаялам — 6,7 тыс. (10,5% всего населения), тамил — 5,8 тыс. (9,1% населения), телугу — 3,8 тыс. (5,9%).

Таблица 30
Языки Андаманских и Никобарских островов

Никобарский	13 932	Хинди	3 573
Бенгали	13 853	Курукх/ораон . . .	2 214
Малаялам	6 673	Урду	1 897
Тамил	5 769	Бирманский	1 714
Хиндустани	4 473	Бихари	1 664
Телугу	3 758		

Таблица 30 показывает, что, несмотря на удаленность рассматриваемой островной союзной территории от остальной Индии и на малочисленность ее населения, здесь (судя по данным о распределении населения по родному языку) представлена почти вся страна и бытуют языки, относящиеся и к индоевропейской (бенгали, хинди и др.), и к дравидийской (как южные — малаялам, тамил, телугу, так и северные — курукх), и к австриской (никобарский и др.), и к тибето-китайской (бирманский язык, в присутствии носителей которого отражается факт близости Андаманских и Никобарских островов к Бирме) языковым семьям.

* * *

Завершая на этом нашу статью, мы хотели бы вновь отметить, что в ней ставилась задача дать лишь общую картину распределения по родному языку населения Индии в целом и ее основных административно-территориальных подразделений. Ряд важных вопросов, касающихся языкового состава населения страны и особенностей этнолингвистической ситуации в Индии в целом и в ее отдельных районах, остались, естественно, вне поля зрения. Между тем многие из них весьма интересны и заслуживают специального изучения. Можно было бы назвать, например, такие вопросы, которые могут быть освещены по статистическим материалам, собранным переписью 1961 г., как подробный порайонный анализ языкового состава населения по всем низовым административным единицам, что дало бы нам более полное представ-

ление о территориальном размещении отдельных этнолингвистических групп (при этом было бы весьма желательно перенести полученные сведения на карту); анализ динамики численности отдельных языковых групп путем сравнения данных различных переписей; специальное рассмотрение языковой ситуации в районах расселения этнических меньшинств, не получивших административно-политической автономии в рамках федеративной структуры Индии, или в районах, являющихся предметом территориальных споров между различными штатами страны; изучение соотношения между языками и диалектами по отдельным языкам и районам страны (например, в зоне распространения хинди и его диалектов); анализ данных о распределении различных языковых групп (особенно меньшинств) между городом и деревней; изучение содержащихся в переписи данных о двуязычии¹⁰ и т. д.

Однако все эти вопросы невозможно поднять и осветить в рамках одной статьи. К тому же материалы, которыми мы пользовались, не содержат достаточно подробной порайонной информации о большинстве языков и, очевидно, для более полного и всестороннего изучения этноязыковой проблематики в целом необходимо привлечь данные не только из общеиндийского языкового тома, послужившего нам единственным источником лингвостатистических сведений, но и из соответствующих разделов региональных томов переписи, посвященных отдельным штатам и территориим (не все еще из этих томов, содержащих более подробную статистическую информацию, вышли в свет или, во всяком случае, имеются в наших библиотеках).

Все эти аспекты рассматриваемой темы еще ждут своих исследователей, и хочется надеяться, что советские ученые внесут свой вклад в их изучение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ ИНДИИ, ПРИНЯТАЯ В ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1961 г.

	Число носителей
Австро-азиатская семья	6 192 495
Австро-азиатская подсемья	6 192 495
<i>Ветвь (группа) мон-кхмер</i>	377 993
кхаси	364 063
никобарский	13 936
<i>Ветвь (группа) мунда</i>	5 814 496
кхервари	647
сантали	3 247 058
мундари	737 037
бхумидж	142 003
бирхор	590
кода, кора	31 724
ха	648 359
тури	1 562
асури	4 540
агарва	98
бирджиа, бриджиа, бинджхиа	2 395
корва	17 720
корку	220 242
кхарва	177 159

¹⁰ Интересный анализ данных переписи 1961 г. о двуязычии проделан Т. Т. Л. Дэвидсоном [21].

	Число носителей
джуанъ	15 795
савара	265 721
гадаба	40 193
Не определенные формы речи группы мунда	261 653
Тибето-китайская семья	3 183 801
Сиамо-китайская подсемья	296
Группа тай	296
кхамти, кхамти	296
Тибето-бирманская подсемья	3 183 505
Тибето-гималайская ветвь	279 277
Группа бхотиа (тибетская)	207 353
тибетский	34 730
балти	33 571
ладакхи	52 913
лахули	11 412
спити	33
джад	306
шерпа	6 173
сиккимский бхотиа	36 760
бхутани	1 538
кагате	44
Не определенные формы речи группы бхотиа	29 873
Гималайская группа	71 924
лахули Чамбы	3 021
канаши	563
канаври	28 630
джангали	111
дхимал	11
лимбу	5 418
кхамбу	25
раи	3 313
гурунг	82
таманг	4 939
сунвар	297
мангари	1 136
невари	284
лепча	23 706
ками	5
тото	383
Северо-ассамская ветвь	
(северо-восточная пограничная группа)	142 640
ака, хруссо	81
дафла	1 380
абор, ади	3 912
мири	136 598
мишими	669
Ассамско-бирманская ветвь	2 761 588
Группа бодо	1 228 421
бодо, боро	361 801
лалунг	10 576
димаса	32 708
гаро	307 040
коч	8 225
рабха	44 432
трипуря	299 643
деори	9 103
микир	154 893
Группа на га	478 439
анами	42 770
сема	47 464
ренгма	5 935
кхежса	8 828

Число
носителей

<i>ao</i>	57 745
<i>лотха</i>	26 611
<i>табленг</i>	14
<i>чанг-нага</i>	11 329
<i>кача нага</i>	9 734
<i>земи нага</i>	490
<i>кабуи</i>	30 089
<i>кхонрао</i>	406
<i>мао</i>	28 873
<i>марам</i>	4 928
<i>тангкхул</i>	44 020
<i>маринг</i>	7 745
<i>конъяк</i>	57 119
<i>почури</i>	18 500
<i>пхом</i>	13 390
<i>йимчунгре</i>	12 673
<i>кхиемнунгам</i>	12 435
<i>нокте</i>	66
<i>ванчо</i>	2 713
<i>макваре</i>	769
<i>тангса</i>	460
Не определенные формы речи	
группы нага	33 333
Группа качин	825
<i>каври</i>	6
<i>синг pho</i>	819
Группа кукай-чин	1 043 414
<i>манипури, меитхеи</i>	636 430
<i>тхадо</i>	31 974
<i>ралте</i>	170
<i>паите</i>	18 612
<i>тлангтланг</i>	3
<i>пави</i>	6 866
<i>лакхер</i>	9 581
<i>лушаи, мизо</i>	222 202
<i>рангхол</i>	4 651
<i>халам</i>	17 243
<i>лангронг</i>	175
<i>аимол</i>	108
<i>чиру</i>	3 590
<i>ком</i>	5 478
<i>хмар</i>	25 530
<i>ламганг</i>	1 866
<i>чоте</i>	1 035
<i>пурум</i>	82
<i>анал</i>	5 522
<i>гангте</i>	4 887
<i>ваипхеи</i>	8 657
<i>кхами</i>	1
<i>кхаватхланг</i>	1
<i>симте</i>	9 583
Не определенные формы речи	
куки	28 943
Не определенные формы речи	
чин	274
Бирманская группа	10 489
<i>мру</i>	48
<i>араканский</i>	10 441
Дравидийская семья	107 410 820
<i>дравидам</i>	6 188
Южные дравидийские	
языки	
(группа дравида)	66 010 316
<i>тамил</i>	30 562 706
<i>малаялам</i>	17 015 782
<i>каннада</i>	17 415 827

	Число носителей
<i>курги, кодагу</i>	79 172
<i>тулу</i>	935 108
<i>тода</i>	765
<i>кота</i>	956
Язык андхра	37 668 132
<i>телугу</i>	37 668 132
Центральные дравидийские языки	2 495 150
<i>куи</i>	512 161
<i>колами</i>	51 055
<i>гонди</i>	1 501 431
<i>парджи</i>	109 401
<i>коя</i>	140 777
<i>кхонд, кондх</i>	168 027
<i>конда</i>	12 298
Северные дравидийские языки	1 230 480
<i>курукх, ораон</i>	1 141 804
<i>малто</i>	88 676
Полудравидийские гибридные языки	554
<i>бхария</i>	249
<i>ладхади</i>	305
Индоевропейская семья	321 720 700
Арийская подсемья	321 720 700
Дардская ветвь (писача)	1 964 908
<i>Кафирская группа</i>	1
<i>ваи ала</i>	1
<i>Кховарская группа</i>	3
<i>кховар</i>	3
Дардская группа	1 964 904
<i>дарди</i>	6 998
<i>шина</i>	1 558
<i>кашмири</i>	1 956 115
<i>кохистани</i>	223
Индоарийская ветвь	319 753 131
Внешняя подветвь	109 238 616
Северо-западная группа	1 380 908
<i>лахнда</i>	8 976
<i>синдхи</i>	1 371 932
Южная группа	34 639 134
<i>маратхи</i>	33 286 771
<i>конкани</i>	1 352 363
Восточная группа	73 218 574
<i>ория</i>	15 719 398
<i>бихари</i>	16 806 772
<i>бенгали</i>	33 888 939
<i>ассами</i>	6 803 465
Промежуточная и внутренняя подветвь	210 511 047
Промежуточная и центральная группы	205 938 121
<i>хинди</i>	133 435 360
<i>хиндустани</i>	123 200
<i>урду</i>	23 323 518
<i>панджаби</i>	10 950 826
<i>гуджарати</i>	20 304 464
<i>бхили</i>	2 439 611
<i>кхандеши</i>	428 126
<i>раджастхани</i>	14 933 016
Группа пахари	4 561 750
Восточный пахари	1 021 102
<i>непали</i>	1 021 102
Центральный пахари	1 840 221
<i>кумауни</i>	1 030 254
<i>гархвали</i>	809 967
Западный пахари	659 556

Число
носителей

<i>джаунсари</i>	54 153
<i>сирмаури</i>	111 391
<i>багхати</i>	4 034
<i>киунтхали</i>	137
<i>хандури</i>	5 337
<i>сираджи</i>	401
<i>сорачоли</i>	2
<i>башахри</i>	524
<i>сираджи, внутренний сираджи</i>	6 859
<i>содочи</i>	8
<i>кулүү</i>	49 859
<i>манди</i>	9
<i>мандеали</i>	227 352
<i>сүкети</i>	5 074
<i>чамеали</i>	46 126
<i>бхармаури, гадди</i>	56 278
<i>чурахи</i>	43 748
<i>пангвали</i>	8 195
<i>бхадравахи</i>	33 533
<i>бхалеси</i>	175
<i>падари</i>	6 361
Не определенные формы речи группы пахари	1 015 203
Формы речи, соотносимые более чем с одним языком:	40 312
В группе пахари:	
<i>махасу пахари</i>	25 668
В промежуточной и внутренней подветвях:	
<i>тхару</i>	11 176
В индоарийской ветви:	
<i>кевати</i>	3 468
Древние индоарийские языки	2 661
<i>ардхамагадхи</i>	19
<i>пали</i>	93
<i>пракрит</i>	5
<i>санскрит</i>	2 544
Формы речи, соотносимые более чем с одной семьей:	
<i>кисан (австродравидийский гибрид)</i>	50 378
Формы речи, которые не удалось классифицировать ¹¹	63 258
<i>джатапу</i>	19 467
<i>бакервали</i>	5 941
<i>адибхаша</i>	4 807
<i>белдари</i>	2 702
<i>канджари</i>	1 810
<i>сохали</i>	1 576
<i>сароди</i>	1 354
<i>радж</i>	1 342
<i>субба</i>	1 257
<i>тиргули</i>	1 000
Иностранные формы речи (не классифицировались) ¹²	315 466
<i>английский</i>	223 781
<i>арабский</i>	17 840
<i>китайский</i>	14 607
<i>португальский</i>	12 317
<i>афгани, пашто, патхани</i>	11 269
<i>персидский</i>	8 007
<i>мальдивский</i>	4 163

¹¹ Из 530 неклассифицированных форм речи мы указываем здесь те, которые в 1961 г. были названы 1000 человек и более.

¹² Из 103 иностранных форм речи мы указываем здесь те, которые в 1961 г. были названы 1000 человек и более.

Число
носителей

бирманский	2 871
французский	2 593
немецкий	2 568
балочи, балучи	2 321
сиамский, таи	1 389
русский	1 030

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Андронов М. С., О языковой ситуации в Тамилнаде.—«Народы Азии и Африки», 1967, № 4.
- Девяткина Т. Ф., Ликвидация княжеств в современной Индии, М., 1961.
- Дьяков А. М., Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963.
- Казаков В. И., Борьба народа каннада за создание национального штата.—сб. «Экономика и история Индии и Пакистана», М., 1966.
- Казаков В. И., Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии, М., 1967.
- Маретина С. А., Малые народы Ассама (этнический состав), — сб.: «Индия — страна и народ» («Страны и народы Востока», вып. V), М., 1967.
- Петров В. В., О современных изменениях политико-административных границ в Республике Индии,— «Ученые записки кафедр географии и экономики стран Востока» (Институт международных отношений), вып. 3, М., 1960.
- Сахаров И. В., Новое административное деление Индии,— сб. «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959.
- Сахаров И. В., О специфике национального состава населения Западной Бенгалии,— сб. «Индия — страна и народ» («Страны и народы Востока», вып. V), М., 1967.
- Сахаров И. В., Национальный состав населения и федеративное устройство как факторы формирования экономических районов Индии,— сб. «Экономическое районирование развивающихся стран» («Вопросы географии», сб. 76), М., 1968.
- Сахаров И. В., Основные особенности этнолингвогеографии Индии (Доклад на I Всесоюзной конференции индологов. Москва, декабрь 1970 г.), Л., 1970.
- Сахаров И. В., Явление территориальной непрерывности (гибридности) как проблема этнической географии (на примере Индии). Доклад на симпозиуме «Проблемы географии населения и поселений», 5—10 октября 1971 г. (Варна, Болгария), 1971.
- Супрунович Б. П., Проблема малых народностей и племен (адиваси) в Индии,— сб. «Индия — страна и народ» («Страны и народы Востока», вып. V), М., 1967.
- Чернышев В. А., К вопросу о специфике языковой ситуации в областях распространения хинди,— «Народы Азии и Африки», 1962, № 2.
- Чернышев В. А., К вопросу о формировании национальных языков в Бихаре,— в кн.: «Языковая ситуация в странах Азии и Африки», М., 1967.
- Чернышев В. А., Диалекты и литературный хинди, М., 1969.
- Шапошникова Л. В., Борьба народов Индии за национальное самоопределение и реорганизацию штатов (1950—1956),— сб. «Индия и Афганистан», М., 1958.
- Юревич Л. И., Борьба народов Индии за реорганизацию штатов на национальной основе (1947—1956),— «Ученые записки кафедры истории стран Востока» (Институт международных отношений), вып. I («Вопросы истории стран Востока»), М., 1958.
- Юревич Л. И., Нагаленд (к истории создания нового штата Индии), сб. «Экономика и история Индии и Пакистана», М., 1966.
- «Census of India 1961», vol. I. India, pt II-C (ii). Language Tables. With an Introductory Note on Classification by R. C. Nigam, Delhi, 1964.
- «Census of India 1961», vol. XVI. West Bengal and Sikkim, pt-C(ii). Migration Tables. Delhi, 1966.
- «Census of India 1951». Paper № 1. Languages 1951 Census, New Delhi, 1954.
- Davidson T. T. L., Indian Bilingualism and the Evidence of the Census of 1961. — «Lingua», 1969, vol. 22, № 2, 3.

Б. К. Рой Бёрман¹

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ «ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПЛЕМЕН» ИНДИИ

Жители Индии, относящиеся к категории так называемых «зарегистрированных племен» (*«scheduled tribes»*) или «адиваси» (что в переводе с хинди значит «первопоселенцы»), сконцентрированы главным образом в двух районах страны.

Во-первых, это северо-восточная часть Индии, включающая Северную Бенгалию, значительную часть штата Ассам и союзных территорий Манипур и Трипура, а также целиком небольшие штаты Мегхалая и Нагаленд и союзную территорию Северо-Восточное Пограничное Агентство. Здесь следует отметить, что Нагаленд населен практически только племенами нага. С 1 января 1964 г. нага, проживающие на территории Нагаленда, исключены из списка «зарегистрированных племен». Однако в настоящей статье они по традиции рассматриваются вместе с другими племенами и народностями этой группы.

Второй район, в котором численность адиваси весьма значительна,— это центральный пояс Индии, протянувшийся от Гуджарата и Махарашты на западе до Южного Бихара и Ориссы на востоке (включая также часть территории Западной Бенгалии и Андхра Прадеша). В этой области «зарегистрированные племена» расселены не так компактно, как в северо-восточном районе, но и здесь, как будет показано ниже, имеется несколько ареалов значительной их концентрации.

Адиваси проживают и в других частях Индии, но там они рассеяны среди других, гораздо более многочисленных народов. Исключение составляют лишь Лаккадивские, Маникойские и Аминдивские острова, где все аборигены отнесены к категории «зарегистрированных племен».

О численности адиваси и их доле во всем населении по штатам и союзовым территориям дает представление таблица 1. Из таблицы видно, что «зарегистрированные племена» ни в одном штате не составляют даже одной четверти населения. Правда, в некоторых союзных территориях они составляют подавляющее большинство жителей, но

---

¹ Бикрам Кешари Рой Бёрман — крупный индийский ученый, этнограф и социолог, известный специалист по так называемым «зарегистрированным племенам» Индии. Родился в 1925 г. в дистрикте Силхет (ныне — Восточный Пакистан). Окончил Калькуттский университет по специальности «социальная антропология». Участник нескольких экспедиций в районы расселения малых народов, автор ряда книг и многочисленных статей. В настоящее время занимает пост заместителя Генерального регистратора Индии (главы службы переписи населения), ведая организацией научных исследований в рамках переписи. В соответствии с программой научного и культурного обмена между Индией и СССР в 1970 г. Б. К. Рой Бёрман совершил четырехмесячную поездку по Советскому Союзу.

общая численность населения этих территорий невелика. Поэтому данные по крупным административно-политическим единицам создают впечатление, что, за исключением нескольких небольших союзных территорий, доля аdivаси в общей численности населения повсюду в Индии незначительна.

Таблица 1

**Численность «зарегистрированных племен» («адиваси»)
и их доля во всем населении, 1961 г.**

Штаты и союзные территории	Общая численность населения	Численность аdivаси	Доля аdivаси во всем населении, %
Андрхра Прадеш	35 983 447	1 324 368	3,7
Ассам*	11 872 772	2 068 364	17,4
Бихар	46 455 610	4 204 770	9,1
Гуджарат	20 633 350	2 754 446	13,4
Джамму и Кашмир	3 560 976	—	—
Керала	16 903 715	207 996	1,2
Мадхья Прадеш	32 372 408	6 678 410	20,6
Тамилнад (Мадрас)	33 686 953	252 646	0,8
Махараштра	39 553 718	2 397 159	6,1
Майсур	23 586 772	192 096	0,8
Орисса	17 548 846	4 223 757	24,1
Панджаб**	20 306 812	14 132	0,1
Раджастан	20 155 602	2 309 447	11,2
Уттар Прадеш	73 746 401	—	—
Западная Бенгалия	34 926 279	2 058 081	5,9
Нагаленд	369 200	343 697	93,1
Андаманские и Никобарские о-ва	63 548	14 122	22,2
Дадра и Нагар Хавели	57 963	51 259	88,4
Дели	2 658 612	—	—
Гоа, Даман и Диу	626 667	—	—
Химачал Прадеш**	1 351 144	108 194	8,0
Лаккадивские, Миникой и Аминдинские о-ва	24 108	23 391	97,0
Манипур	780 037	249 049	31,9
Северо-Восточное Пограничное Агентство	336 558	298 167	88,6
Пондишери	369 079	—	—
Трипурा	1 142 005	360 070	31,5
Индия в целом	439 072 582	30 130 184	6,7

* Включая штат Мегхалая, созданный в 1968 г.

** Данные о Панджабе и Химачал Прадеше — до их реорганизации в 1966 г. и создания нового штата — Харианы.

Это, однако, лишь одна сторона картины. У нее есть и другая сторона.

Если рассматривать демографическую ситуацию не по таким крупным территориальным единицам, как штаты, а на уровне талуков или других эквивалентных им низовых единиц административного деления Индии (табл. 2), то окажется, что на значительной части территории страны «зарегистрированные племена» составляют абсолютное большинство населения.

Таблица 2 показывает, что в стране насчитывается 287 низовых административных единиц (талуков и других однопорядковых терри-

Таблица 2

Распределение «зарегистрированных племен» («адиваси») по талукам (или эквивалентным им административно-территориальным единицам), в которых они составляют большинство населения, 1961 г.

Штаты и союзные территории	Число талуков, где адиваси составляют не менее 50% всех жителей	Численность адиваси в этих талуках	Доля адиваси, проживающих в этих талуках, в общей численности адиваси в данном штате или территории, %
Андрхра Прадеш	6	320 664	24,21
Ассам	18	1 097 707	53,16
Бихар	67	2 505 136	59,58
Гуджарат	28	1 875 273	68,08
Мадхья Прадеш	38	3 906 285	58,49
Тамилнад (Мадрас)	1	13 914	5,52
Махараштра	14	798 204	33,30
Орисса	64	2 567 357	60,78
Панджаб	2	14 132	100,00
Западная Бенгалия	2	63 124	3,07
Анданманские и Никобарские о-ва	2 (острова)	14 103	99,87
Химачал Прадеш	5 (таксилов)	60 113	55,56
Лаккадивские, Миникой и Аминидивские о-ва .	10 (островов)	23 391	100,00
Манипур	5 (субдистриктов)	232 753	93,46
Нагаленд	9 (субдистриктов)	343 697	100,00
Трипурा	16	199 032	55,28
Индия в целом	287	14 034 885	46,58

ториальных подразделений), в которых «зарегистрированные племена» составляют более половины всех жителей, и что в этих районах проживает почти половина всех адиваси Индии (свыше 14 млн. человек, или 46,6% всех адиваси страны). Во всех штатах, кроме Андрхра Прадеса, Мадраса, Махарашты и Западной Бенгалии, и во всех союзных территориях, где представлена эта категория населения, большинство адиваси населяет районы, где они составляют свыше половины жителей.

Отмеченная особенность размещения «зарегистрированных племен» оказывает большое влияние на культурную ориентацию этих этнических групп и играет важную роль при выработке стратегий их социального и экономического развития.

Но, прежде чем коснуться этого вопроса, остановимся на еще одной особенности размещения адиваси.

В Индии широко распространено представление, согласно которому племена, обитающие в северных и северо-восточных пограничных районах страны, живут в условиях изоляции от остального населения. Между тем это не совсем так.

Несомненно, до недавнего времени контакты этих племен с остальным населением Индии были слабыми, но и тогда эти племена не были полностью изолированы от своих соседей. Многие племена поддерживали торговые сношения с жителями равнин, и очень часто возникали и развивались разного рода политические связи.

При этом пограничные племена иногда играли специфическую роль, значение которой пока недостаточно изучено. Они поддерживали кон-

такт не только со своими соседями в Индии, но и с населением по ту сторону границы и в определенных условиях играли роль народов-посредников (*bridge communities*), служили своего рода «мостом», через который осуществлялись торговые и иные связи между крупными народами, политически доминировавшими по ту или другую сторону границы.

Выступая в качестве посредников, эти племена иногда превращались в специфический социальный и культурный механизм, регулировавший отношения между народами-соседями.

Это можно проиллюстрировать примером небольшого племени *тото*, проживающего на границе между Северной Бенгалией и Бутаном.

Тото насчитывают всего около 300 человек и живут практически только в одной деревне — Тотопара. До 1868 г. Тотопара служила предметом спора между Бутаном, населенным *бхотиа*, и Куч-Бихаром, королевством *коччхов*, и несколько раз переходила из рук в руки, а в 1868 г. эта деревня, находившаяся тогда под управлением Бутана, была присоединена к британским владениям в Индии. Под властью бхотиа тото занимались доставкой риса и соли с рынков на равнине в Бутан; на обратном пути они обычно привозили апельсины и различные лесные продукты из Бутана, которые шли на продажу жителям равнин. Таким образом, тото выполняли важную посредническую миссию по поддержанию торговых связей в этом районе.

Племя распадалось на две группы — северную и южную. Члены южной группы обычно направлялись на рынки на равнину, закупали там товары под руководством чиновника-бхотиа и доставляли их в Тотопару. Тото, принадлежавшие к северной группе, принимали эти товары и доставляли их в Бутан.

С таким подразделением племени на две группы были связаны определенные правила и обычаи. Так, в то время как с бхотиа и дая, жившими к северу от Тотопары, могли свободно общаться все тото, на общение членов северной группы племени с меч, коччха и другими этническими группами на юге были наложены определенные ограничения; в то же время от членов южной группы соблюдения этих ограничений не требовалось. Благодаря такого рода дуальной организации общества и ритуальной дихотомизации одна группа тото могла частично отождествлять себя с южными народами, тогда как другая группа считалась более близкой народам севера. В то же время ряд других особенностей общественного устройства тото в целом предотвращал полную идентификацию отдельных групп этого племени с соответствующими контактными группами: имелся ряд обрядов, общих для всего племени, и участие в них каждого тото при недопущении посторонних было обязательно. Таким образом, две различные части племени тото поддерживали тесные связи с разными народами, но единство племени при этом сохранялось.

Благодаря этим, кратко описанным здесь особенностям общественной структуры и обычаям тото это племя было великолепно приспособлено для выполнения роли народа — посредника между двумя враждующими группами — бхотиа, с одной стороны, и коччхами — с другой.

В пограничных районах на северо-востоке имеется несколько других этнических групп, которые, как и тото, играли роль «моста». Например, в Северо-Восточном Пограничном Агентстве *мишии*, видимо, тоже служили своего рода связующим звеном, с помощью которого поддерживались торговые и политические контакты между племенами на севере (такими, как абор), с одной стороны, и на юге и востоке —

с другой. Мишми имели сходное с тобо общественное устройство. Они тоже делились на две группы, из которых одна частично ассоциировалась с одними соседними народами, а вторая — с другими, что давало возможность членам племени в целом выступать в роли торговых посредников между его соседями даже во время конфликтов между этими народами.

Народы, играющие роль посредников, вовсе не обязательно имеют повсюду одни и те же социальные и культурные институты. В зависимости от исторических, экологических и прочих факторов эти институты могут принимать различные формы, и определение сферы их деятельности представляется задачей, плодотворной для исследования.

Следует иметь в виду, что народы-посредники, в частности, дают пример особой модели развития культуры. Поддержание их культурной и социальной самостоятельности отвечает интересам соседствующих, политически господствующих и временами враждующих между собой групп, связующим звеном между которыми служат народы-посредники; ведь в случае поглощения последних одним из доминирующих народов они оказались бы неспособны исполнять свою посредническую роль. Следовательно, устойчивость их культуры объясняется не одной лишь их эмоциональной привязанностью к своей культуре; политические и экономические интересы преобладающих контактных народов также являются важным фактором, в немалой степени способствующим живучести культуры народа-посредника.

Мы полагаем, что более глубокое понимание общественного устройства пограничных племен станет возможным при рассмотрении их социального положения применительно к модели изолированных племен или, наоборот, к модели племен аккультируемых.

Иногда этническая группа, находящаяся между двумя другими народами, может также функционировать как «народ-буфер» (*buffer community*).

По всей видимости, в Восточной Индии *куки* играли роль такого буфера между *мизо* и *нага*. Среди *куки* имеются периферийные группы, которые иногда ставят себя в один ряд с *нага*, в то время как другие периферийные группы *куки* примыкают к *мизо*; в то же время существуют группы *куки*, которые составляют основное ядро этого племени и с которыми его периферийные группы (с какими бы другими народами они себя ни связывали) всегда признают свою идентичность. Видимо, такого рода частичная идентификация одной периферийной группы *куки* с *нага*, а другой — с *мизо* и в то же время отмежевание основной массы *куки* от обоих племен помогли *куки* в целом эффективно играть роль народа — буфера между *нага* и *мизо*.

В отношении народов-буферов классическая модель аккультурации тоже не представляется убедительной. В этом случае опять-таки в интересах обоих народов, поддерживающих контакты с разделяющим их народом-буфером, — способствовать сохранению этого последнего в качестве особой этнической общности.

Указанные модели народов-посредников и народов-буферов в прошлом сложились у многих народов, районы обитания которых в настоящее время не являются пограничными.

В добротанский период, когда Индия была разделена на большое число отдельных политических единиц, пограничных районов в стране было значительно больше; например, в первой половине XIX в. многие районы Бихара, населенные племенами, рассматривались как пограничные. В этих условиях многие племена, вероятно, выступали в роли

посредников или буферов. Было бы интересно изучить, какова связь между размещением нынешних «сгустков» адиваси и политическими границами различных княжеств в разные периоды. Весьма вероятно, что многие племена смогли сохранить свою собственную культуру не потому, что находились в изоляции, а потому, что им приходилось поддерживать особого рода контакты и играть особую роль.

Теперь, не пытаясь глубоко рассмотреть этот вопрос в исторической перспективе, можно сделать некоторые выводы из нынешнего характера размещения «зарегистрированных племен» в контексте современной социальной динамики.

Тот факт, что около половины адиваси Индии живет в районах, где они составляют большинство населения, не может не повлиять на их отношение к жизни. До тех пор пока уровень образования среди адиваси не станет достаточно высоким, их социальный горизонт будет ограничен местным уровнем; на этом локальном уровне они, видимо, не чувствуют себя потерянными в людском потоке. Иными словами, мнение тех, кто подходит к оценке положения на уровне штата или Индии в целом,— мнение, согласно которому в ближайшем будущем племена неизбежно утратят свои отличительные черты по той причине, что они рассеяны среди других народов, не всегда основывается на реалистической оценке положения. Напротив, в условиях характерной для современной Индии демократизации национальной жизни на всех уровнях районы концентрации адиваси скорее выступают в роли центров возрождения социально-культурных и политических устремлений племен.

Если в том или ином районе какое-либо племя традиционно функционирует в качестве посредника или буфера, то здесь может иметь место более сложный процесс развития.

Далее, в наш век быстрого развития коммуникаций социальный и культурный прогресс племен в районах их концентрации может, вероятно, служить образцом и для адиваси, живущих за пределами этих районов. Поэтому те, кто изучает динамику развития племен Индии, должны учитывать большое значение, которое имеет факт наличия в стране районов, где племена составляют большинство жителей.

Кроме того, существование районов концентрации племен имеет особое значение для развития стратегии борьбы за благосостояние страны. В рамках демократической централизации ответственность за развитие этих районов будет все в большей степени брать на себя элита адиваси. Таким образом, ей придется играть две роли: во-первых, роль лидеров адиваси, которые на уровне штата и страны в целом составляют меньшинство населения, и, во-вторых, роль лидеров большинства населения данной местности, которые должны вести за собой остальных, для того чтобы программа развития районов расселения племен беспрепятственно выполнялась. Не всегда легко сочетать эти две роли. В некоторых случаях лидеры племен могут столкнуться с проблемой выбора между двумя конфликтными ролями. Чтобы найти решение в подобных ситуациях, лидеры адиваси и все те, кто верит в регулируемый социальный прогресс, должны будут создать новые социальные и культурные «механизмы» общественного устройства.

М. К. Кудрявцев

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКАХ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ У «ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПЛЕМЕН» ИНДИИ¹

Термином «зарегистрированные племена» (*scheduled tribes*) в Индии официально обозначают многочисленную группу преимущественно малых народов, выделенных Конституцией в особую социально-правовую категорию граждан республики. Большинство в этой категории населения составляют отставшие в экономическом и культурном развитии племена («адиваси», как их называют в Индии), которым Конституция предоставляет особые условия для ликвидации этой отсталости.

Население Республики Индии, по данным переписи 1961 г., составляло около 440 млн. человек и говорило не менее чем на 500 различных языках и диалектах. Только 14 из этих языков официально были признаны Конституцией в качестве региональных языков штатов, языков школьного обучения, литературы и прессы. Однако на них говорило не менее 90% населения страны.

Основная же масса языков Индии приходится как раз на оставшуюся десятую часть населения и главным образом на «зарегистрированные племена». Их насчитывается около трехсот, общей численностью не менее 30 млн. человек. Среди них есть и совсем мелкие этнические группы, всего в несколько сот человек, и крупные, насчитывающие несколько миллионов (например, бхилы — 2,5 млн., санталы — более 3 млн.). Большинство их говорит на своих языках. Эта масса не оговоренных в Конституции языков распадается на несколько языковых семей: индоевропейскую, тибето-китайскую, дравидийскую, мунда и мон-кхмерскую. По количеству языков самая крупная из них — тибето-китайская семья (в Индии — более 200 языков).

Индоевропейская и тибето-китайская семьи представлены в Индии отдельными ветвями, или группами, семья мон-кхмер — языком кхаси, тогда как дравидийская и мунда целиком локализуются в Индии². Индоевропейские языки распространены преимущественно в Северной Индии, дравидийские — в Южной Индии, языки мунда — в восточной части Центрально-индийского нагорья, а тибето-китайские — в гималайских и пограничных с Бирмой районах. Однако в силу исторических причин многие языки «откалывались» от своих лингвистических

¹ В 1964 и 1966 гг. автору довелось побывать в Индии, наблюдать некоторые народы из группы «зарегистрированных племен», посетить местные школы и сделать выводы, побудившие его написать эти заметки.

² Официально в Индии группу мунда и группу мон-кхмер считают ветвями австрорецесской семьи языков.

монолитов, оказывались изолированными и развивались иногда в совершенно чужом языковом окружении. Так, язык ораонов — курукх, принадлежащий к дравидийской семье, уже много столетий существует в окружении языков мунда; носители языка корку из семьи мунда оказались за сотни миль на западе, среди чуждых им языков; носители языка кхаси из семьи мон-кхмер локализуются особняком, среди индоевропейских и тибето-бирманских языков. Большинство языков распадается на диалекты. Таким образом, лингвистическая карта Индии представляет собой необыкновенно пеструю мозаику.

Казалось бы, уже один этот факт языкового многообразия является убедительным доказательством сложности этнического и национального состава населения. Однако официально все граждане Республики Индии считаются одной нацией, и автономия отдельных штатов считается только региональной, а языки — местными. Национальная культура с ее многовековыми традициями и национальное самосознание ее носителей также рассматриваются как явления региональные.

Вместе с тем сотни народов, разных по происхождению, языкам, культуре и общественному развитию, были объединены в группу «зарегистрированных племен» и до сих пор официально рассматриваются как нечто единообразное в социальном отношении, отличное от основной массы населения. Формальным признаком для зачисления народов в эту группу было то обстоятельство, что большинство их не исповедовало индуизм и другие официальные религии (ислам, буддизм, христианство), не признавало кастовых различий и стояло на относительно низкой ступени социально-экономического и культурного развития. В колониальной Индии эти народы обычно называли отсталыми или примитивными. В независимой Индии отказались от этих дискриминирующих определений. Вот почему после специальной регистрации этих народов все они получили общее официальное наименование «зарегистрированные племена».

Едва ли это название можно считать удачным. Оно не одиозно, однако никак не объясняет и не характеризует явление, к которому относится. Фактически племенами может считаться только небольшая часть народов этой группы, так как большинство их уже давно миновало соответствующую стадию развития и утратило племенную организацию. Термин «племя» не уместен иногда и потому, что некоторые из «зарегистрированных племен» насчитывают сотни тысяч, иногда — миллионы человек, а это никак не укладывается в представление о племени.

Выделение рассматриваемых этнических групп в особую категорию продиктовано добрыми намерениями властей и общества оградить их от притеснений со стороны социальных верхов соседних, более развитых народов, приостановить начавшийся в колониальный период процесс обнищания и деградации некоторых племен, ликвидировать их вековую отсталость и помочь в деле экономического и культурного прогресса. Вместе с «зарегистрированными кастами» эти племена составили как бы подопечную категорию населения.

К делу экономического и культурного развития «зарегистрированных племен» привлечены многие правительственные и общественные организации. Центральное и местные правительства выделяют для этой цели значительные специальные ассигнования. Много добровольцев, особенно из молодежи, посвящают себя практической деятельности среди «зарегистрированных племен». В результате соединенных усилий правительства, ученых и практических работников в деле культурного прогресса этой части населения имеются несомненные до-

стижения. Так, все больше лесных охотников переходит к оседлости и земледелию. Народы, живущие в районах развивающейся промышленности, включаются в промышленное производство и городскую жизнь. Растет грамотность. Школы появились даже в небольших деревнях на территории племен. В университетах Калькутты, Ранчи, Нагпур и Гаухати, например, заметно увеличилось число студентов из санталов, ораонов, мунда, гондов и др. Все это объективные показатели общего развития.

Однако темпы этого развития не удовлетворяют ни передовую индийскую общественность, ни практических работников на местах. В дискуссиях с индийскими коллегами и нам приходилось высказывать свои суждения о причинах этой неудовлетворенности.

Дело в том, что не только практическим работникам, но и ученым изучающим историю и культуру этих народов, приходится преодолевать массу трудностей, вытекающих из общих методологических установок, на основе которых ведется вся эта работа. Так, они вынуждены подходить с одними и теми же мерками, пользоваться одними и теми же средствами и методами при работе среди народов, стоящих на разных уровнях общественного развития, и только потому, что все эти народы попали в разряд «зарегистрированных». А «зарегистрированные племена» обычно рассматриваются как пассивный объект просветительской и часто просто благотворительной деятельности. Предполагается, что роль просветителей и опекунов должны играть более культурные соседи «зарегистрированных племен».

Другое затруднение состоит в том, что общая установка на культурное развитие племен заключается в стремлении ассимилировать их в кратчайшие сроки высокоразвитым народом, в то время как сами «племена» часто обнаруживают упорные тенденции сохранить свои языки, а также этническую или национальную специфику своей культуры.

Так как основой культурного прогресса в современных условиях является грамотность и образование, то и для «зарегистрированных племен» первостепенное значение приобретают проблема родного языка, его роль в процессе школьного обучения и на путях дальнейшего культурного развития. Крупнейшие народы Индии, такие, как бенгальцы, маратхи, тамилы, малаяли и др., обучаются в школах на своих языках, читают на них книги и газеты, слушают радиопередачи. На этих языках появляется все больше общественно-политической и научной литературы. На них преподаются многие предметы в высшей школе.

Иное положение с языками «зарегистрированных племен». Большинство их бесписьменны. Как правило, эти народы приобщаются к культуре, начиная со школьного обучения, на чужом языке. Чаще всего это язык соседнего, высокоразвитого народа или народа, на территории которого расселены большие или малые группы из состава «племен». Многие «зарегистрированные племена» или значительные группы отдельных племен давно уже двуязычны. Но вторым языком овладевают обычно в зрелом возрасте и далеко не все. И двуязычие еще не стало правилом, а только развивающейся тенденцией. Вторым языком чаще всего оказывается язык непосредственного этнического окружения. В лучшем случае именно этот второй язык является языком школьного обучения. А бывает и так, что в школе обучение идет на каком-то третьем языке.

Складывается парадоксальное положение: Конституция Республики Индии, признав и перечислив языки крупнейших народов страны,

положив лингвистический принцип в основу административного деления, сами эти народы не называет и право их на национальную автономию не оговаривает. В то же время сотни народов, и прежде всего «зарегистрированные племена», языки которых не получили официального признания, подверглись специальной регистрации и поименно известны. Более того, этнические особенности их быта, культуры и социальной организации официально признаются и специально изучаются, хотя и не имеют перспектив дальнейшего развития на базе родных языков.

Судьбы отдельных языков «зарегистрированных племен» складываются в зависимости от конкретных условий. А условия эти настолько разные, что средние показатели часто не объясняют, а только скрывают сущность происходящих процессов. Так, обильная достоверным материалом статья А. Б. Боса «Проблемы развития образования у „зарегистрированных племен“» [1], основанная на средних показателях по штатам, не отвечает на такие, например, вопросы: чем объяснить высокие достижения школьного образования у племен в одних штатах и почти полный застой в других? Почему в Ассаме, например, из числа поступивших в первый класс учеников половина заканчивает среднюю школу, тогда как в других штатах это число во много раз меньше? Какие племена и почему особенно преуспевают в образовании? Чтобы ответить на эти вопросы, следует анализировать не средние показатели по штатам, а конкретные материалы по племенам.

Небольшое племя бирхоров (590 человек — по переписи 1961 г.), живущее на плато Чхота-Нагпур недалеко от городка Бишанпур, ведет бродячий образ жизни, занимается примитивной лесной охотой с луком и стрелами и собирательством дикорастущих растений. Живут они изолированно, почти не общаясь с соседями. Говорят бирхоры на своем языке, принадлежащем к семье мунда, и других языков не знают. Основная масса бирхоров так и остается вне влияния каких-либо культурно-просветительских организаций. Но в 1956 г. 15 семей (более 70 человек) бирхоров были приведены к оседлости и поселены вблизи Бишанпура. Правительство построило для них деревню, выделило им землю, обеспечило скотом и сельскохозяйственными орудиями. Колония сохранила оседлость, хотя традиционные занятия бирхоров еще не вытеснены земледелием, а пример их не соблазнил ни одну семью лесных охотников присоединиться к своим оседлым соплеменникам. Тем не менее опыт приведения к оседлости этой группы бирхоров, как и аналогичный опыт с другими племенами (например, с колониями лодха близ Миднапура в Западной Бенгалии), в общем может быть признан удачным.

Дети оседлых бирхоров начали посещать школу в соседней деревне, где и составили отдельную группу под руководством одного учителя, знающего их язык. Но, прежде чем приступить к школьной программе, им предстояло освоить язык хинди, на котором ведется обучение. Однако население окрестных деревень говорит не на хинди, а преимущественно на языках группы мунда.

Пример бирхоров показывает, что по мере перехода к оседлости культурное развитие такого племени неизбежно сопряжено с постепенным переходом на другой язык и полной ассимиляцией, а точнее — поглощением другим народом или народами.

Там же, на Чхота-Нагпуре, живет другое, более крупное племя из группы мунда — асуры. Их насчитывается около 5 тыс. человек. Асуры — оседлые земледельцы, сохранившие заметные пережитки рода-племенных отношений. Деревни их расположены довольно компактно

в районе к западу от города Натархат, вдалеке от промышленных центров и в стороне от проезжих дорог. Ближайшее этническое окружение асуротов составляют разрозненные группы собственно мунда и ораонов, живущих отдельными деревнями и только изредка вперемешку с асурами.

Конечно, язык асуротов не имеет перспектив стать письменным и литературным, и потому естественно, что преподавание в данном случае ведется на чужом для асуротов языке. Весь вопрос в том, насколько знание этого языка и обучение на нем способно поднять общий культурный уровень народа и в каком соотношении эти зачатки образования находятся с традиционной культурой асуротов.

Так как асуры живут в официально хиндиязычном штате Бихар, то обучение их ведется на литературном хинди. В большинстве случаев образование ограничивается начальной школой, но часть детей обучается в миссионерской семилетней школе. В начальной школе обычно несколько десятков учеников, и живут они в интернатах при школе. Все учителя пришли и являются выходцами из областей, население которых говорит на хинди (хиндустан). Перед ними стоит трудная задача — обучить грамоте и дать зачатки школьного образования детям, которые за пределами школы, в повседневной жизни, пользуются другим языком и практически не могут вне школы с пользой применить язык, которому обучались, и знания, которые приобрели. Ни возраст, ни объем полученных знаний не дают большинству окончивших такие школы права занять какие-либо должности на государственной или частной службе. На месте нет подходящих условий для совершенствования этих знаний. Несколько большие возможности в этом отношении у окончивших семилетние школы. Но, для того чтобы их реализовать, асуры в большинстве случаев должны покинуть свою деревню и искать применение своим знаниям на стороне. Из этого очевидно следует, что у асуротов родной язык не получает стимулов к дальнейшему развитию, что практические результаты школьного образования на хинди для дела культурного прогресса народа пока невелики и что асуров ждет примерно та же судьба, что и бирхоров.

Иначе складываются языковые взаимоотношения, когда язык этнического окружения данного народа становится вторым его языком. В таких условиях оказались, например, мунда, живущие в округе Ранчи в Бихаре и составляющие значительный процент населения этого округа.

Общая численность мунда превышает 700 тыс. человек³. Совершенно очевидно, что это уже не племя, а народность, и отнюдь не «малая». Правда, у некоторых групп мунда сохранились заметные пережитки рода-племенных отношений, но все мунда издавна ведут оседлый образ жизни и занимаются служебным земледелием.

Язык мундари считают основным в языковой семье мунда, по нему она и получила свое название. На этом языке говорит население сотен деревень. Фактически мундари остается бесписьменным, хотя в свое время христианскими миссионерами была сделана попытка ввести латинскую письменность для языков этой группы. Однако, по существу, дальше переводов Библии на эти языки и записей некоторых произведений фольклора дело не пошло. Между тем мунда имеют свои прочные традиции не только в устном народном творчестве, но также в материальной культуре, в изобразительном и прикладном искусстве, в обычаях, обрядах и т. д.

³ Вместе с так называемыми неклассифицированными мунда, говорящими на разных диалектах, она достигает 4 млн. человек [2, CCXLI].

В тех же районах Чхота-Нагпуре живут группы других племен и народов, говорящих на своих языках. Очень часто эти народы знают мундари, но для большинства вторым языком и средством межплеменного общения является чхаттисгархи — местный диалект языка хинди. На нем же говорит разнотипная масса промышленных и коммунальных рабочих в городах этой части страны.

Как и в случае с асурами, преподавание в школах мунда ведется на литературном хинди, т. е. на чужом языке, и в большинстве случаев учителями — выходцами из других народов. Но все же количество учителей-мунда непрерывно растет. Более успешному, чем у асур, усвоению хинди и основ школьных знаний способствует непосредственное соседство мунда с населением, разговорным языком которого является диалект чхаттисгархи. В деревнях со смешанным населением взрослые и дети имеют постоянную практику разговора на этом диалекте и потому в школах легче усваивают хинди. Там же, где нет этой хиндиязычной среды, общекультурный эффект школьного обучения значительно ниже. Но в отличие от асур грамотные мунда имеют большие возможности приложения своих знаний на стороне, т. е. вне собственной этнической общности. Наличие на территории расселения мунда нескольких городов и промышленных центров расширяет эти возможности. Все большее число мунда занимается профессиями, требующими грамотности. Появляется и своя интеллигенция. В университете г. Ранчи, например, обучается большая группа студентов мунда.

Еще более сложным оказалось положение санталов — самого крупного из «зарегистрированных племен» (более 3 млн. человек). Санталы издавна живут в нескольких районах Бихара и Западной Бенгалии. Так, в окрестностях города Гириди в Бихаре сантальские деревни расположены вперемежку с деревнями преобладающего здесь несантального населения, говорящего преимущественно на хинди. Здесь санталы занимаются земледелием, участвуют в рыночном обмене, активно общаясь с другими группами населения, работают на предприятиях угольной промышленности и в дорожном строительстве. Хинди стал вторым языком для значительной части взрослого сантального населения. И в этих условиях практика школьного образования санталов на хинди едва ли имеет альтернативу.

В некоторых других местах, особенно в Западной Бенгалии, санталы расселены компактно сотнями тысяч человек и составляют основную массу населения целых районов. Но и в этом случае в Западной Бенгалии они обучаются даже в начальных школах на бенгальском языке. Изучение сантального языка и учебники на нем (с латинской графикой) можно встретить только в сантальских районах преимущественно в миссионерских школах да изредка в государственных школах по частной инициативе учителей. Однако в этих школах нет никакой программы изучения сантального языка и нигде по нему не проводятся экзамены.

В последние годы все большее число санталов кончает среднюю школу и получает даже возможность продолжать образование в университете, но в большинстве случаев путь до университета для сантала все еще значительно сложнее и дольше, чем, например, для его сверстника-бенгальца.

Развитие школьного образования даже в существующих ныне формах свидетельствует о более интенсивном общественном и культурном росте определенной части прежде отсталых народов. Однако практическая деятельность лиц, получивших образование, чаще всего протекает вне родных деревень, и результаты ее не оказывают непосредст-

венного влияния на основную массу соплеменников. Сам культурный рост этой части народа происходит на базе чужого языка, в отрыве от собственных культурных традиций и, естественно, не способствует их сохранению и развитию. Язык мундари, или сантали, при этом не участвует в деле культурного прогресса народа, не обогащается новой лексикой и, по существу, не развивается. Его изучают не сами мунда или санталы, а пришлые учителя и всякого рода практические работники да учёные-лингвисты в целях сравнительного языкознания.

По существу, с мунда и частью санталов происходит процесс даже не столько ассимиляции, сколько интеграции, причем на весьма неопределенной национальной основе, так как хинди не является национальным языком, языком какого-то определенного народа. Процесс этот противоречивый и небесконфликтный: часть интеллигенции мунда вместе с общественными деятелями санталов, хо и других народов этой группы участвует в движении за предоставление культурной автономии этим народам и за обучение в начальной школе на родных языках.

Еще сложнее проблема языка у гондов, широко расселившихся отдельными группами по Центральноиндийскому нагорью. Общая численность гондов не менее 1,5 млн. человек. Значительная и компактная часть их живет вокруг Чхиндвары в штате Мадхья Прадеш и в прилегающих районах Махараштры. Это Гондвана — исторический и традиционный центр гондской культуры. Другие группы гондов территориально разобщены и стоят на разных уровнях общественного развития. Так, если в Гондване еще в период средневековья у гондов появились раннегосударственные образования, то гонды Бастара, например, до сих пор составляют племенные объединения. Диапазон социально-экономических и культурных различий у гондов значительно шире, чем у ранее упомянутых народов.

Язык гонди относится к дравидийской семье. Но гонды издавна жили в окружении народов, говорящих на других, в частности индоевропейских языках, и постоянно испытывали на себе влияние языков и культуры этих народов. Поэтому процент двуязычия у гондов выше, чем у других упомянутых народов.

Гонды в районе Чхиндвары говорят на своем языке. Но молодое поколение пользуется в качестве второго языка, особенно в сношениях с органами государственной администрации и в качестве средства межплеменного общения с живущими здесь же группами негондского населения, языком бунделкханди, считающимся одним из диалектов хинди. Но как и диалект чхаттисгархи, бунделкханди значительно отличается от литературного хинди. Тем не менее элементарное знание этого диалекта облегчает детям гондов школьное обучение, которое и здесь ведется на хинди.

Что же касается гондов, живущих в соседних районах штата Махараштра, то у них позиции родного языка подорваны системой школьного образования на чужом языке, в данном случае на маратхи. Это образование идет успешнее там, где маратхи был для гондов вторым языком.

Гондские племена, населяющие округ Бастар, представляют собой наиболее отсталую часть гондов, но именно они сохраняют в относительной неприкосновенности традиционные черты гондской культуры. Говорят они на местных диалектах языка гонди. Ближайшими их соседями являются, с одной стороны, телугу, с другой — ория. Однако административно Бастар входит в штат Мадхья Прадеш, а потому и здесь языком школьного обучения стал хинди. Но из-за отсутствия определенного этнического окружения и прочных контактов с соседними вы-

сокоразвитыми народами эффект школьного обучения этой группы гондов пока ничтожен.

Таким образом, судьба гондов сложнее, чем судьба некоторых других народов. Несмотря на существование специальных общественных организаций, стремящихся сохранять, возрождать и развивать некоторые традиционные черты гондской культуры⁴, нет никаких признаков этнической или национальной консолидации этого народа. Наоборот, здесь развивается процесс дезинтеграции, начавшийся в позднем средневековье и стимулированный английской колониальной политикой. В результате официальной политики индийского правительства в национальном вопросе часть гондов в Махарашtre со временем, может быть, станет маратхами. Но какую национальную культуру они приобретут, перестав быть гондами в штате Мадхья Прадеш, не ясно.

Из сказанного видно, что официальная установка в отношении «зарегистрированных племен» практически сводится к направленной ассимиляции. В иных случаях это значит слияние, а точнее, растворение «зарегистрированных племен» в культуре какого-либо соседнего крупного народа. Но некоторые из приведенных нами примеров показывают проявлявшуюся местами тенденцию заменять язык и культуру определенного племени или народа совершенно неопределенной в национальном отношении, якобы общеиндийской культурой посредством обучения «зарегистрированных племен» Центральной или Восточной Индии на языке хинди.

Однако есть исключения из этого общего правила разрешения языковой и национальной проблемы для «зарегистрированных племен». Примером такого исключения являются кхаси, населяющие горные районы на юге Ассама.

Официально кхаси продолжают рассматриваться как одно из «зарегистрированных племен» и на основании пережитков материнско-правовых отношений, сохранившихся в их социальной организации до недавнего времени, относились к разряду отсталых племен. Однако пример кхаси наглядно показывает методологическую и практическую условность самого принципа выделения в составе населения Индии категории «зарегистрированных племен».

По переписи населения Индии 1961 г., на языке кхаси говорило 364 063 человека [2, ССХ]. Самы кхаси утверждают, что в действительности их насчитывается около полумиллиона человек. Следовательно, трудно предположить, чтобы это было одно племя, тем более что племенная организация в данном случае не сохранилась. Кхаси действительно весьма своеобразны, и не только по социальной организации; своеобразны также их материальная и духовная культура. Однако по характеру занятий и по уровню хозяйственного развития они мало чем отличаются от живущих с ними по соседству ассамцев или бенгальцев.

Особое положение кхаси среди «зарегистрированных племен» Индии определяется и тем, что Конституция предоставила им вместе с некоторыми другими народами Ассама определенную автономию в области языка и внутреннего самоуправления. Эта автономия позволила «племенам» Ассама занять первое место по уровню грамотности и образования среди всех «зарегистрированных племен» Индии.

Язык кхаси занимает особое положение — он единственный представитель мон-кхмерской языковой семьи в Индии. Все кхаси говорят

⁴ Например, в местечке Тамиа, близ Чхинвары, работает так называемый Гондванский центр со специальным учебным заведением типа техникума. Окончившие его должны стать активными пропагандистами родной культуры.

на своем языке и пользуются им во всех сферах общественной жизни. Письменность кхаси разработана на основе латинского алфавита христианскими миссионерами и едва насчитывает сто лет существования. Но за это время кхаси записали свой фольклор, т. е. зафиксировали свои культурные традиции и сделали их достоянием народа. На языке кхаси созданы учебники, в том числе и учебники грамматики, словари и ведется обучение не только в начальной, но теперь уже и средней школе. Возникла и развивается художественная литература, появились свои писатели, другие деятели культуры и даже ученые в разных областях науки, т. е. сложилась своя интеллигенция. На языке кхаси выходят и некоторые периодические издания. Местное делопроизводство ведется на родном языке. Для грамотных кхаси и даже для интеллигенции нет необходимости искать приложения своим силам и знаниям на стороне. Приобретенные ими знания и культурные навыки служат непосредственно культурному прогрессу своего народа.

Опыт кхаси показывает, что, если в области высшего образования, дальнейшего развития культуры и науки на смену родному языку придет какой-то другой, более развитый в литературном отношении, это нисколько не умалит значение родного языка как основного средства культурного развития народа и национальной консолидации его.

Уже раньше было ясно, что место кхаси не среди «зарегистрированных племен», а в одном ряду с наиболее развитыми народами Индии. Однако только совсем недавно, а именно в 1968 г., это было признано формально решением о создании на базе районов, населенных народами кхаси и гаро, особого штата Мегхалая, где язык кхаси будет основным средством общения и школьного образования.

Кроме кхаси в Ассаме на родном языке обучаются в школе лушаи, и за последние десятилетия по уровню культурного развития они заметно обогнали многих своих соседей. Может быть, примеры кхаси и лушаи убедили индийских лингвистов в необходимости создать специальные начальные пособия обучения грамоте на родных языках некоторых племен Северо-Восточного Пограничного Агентства (NEFA)⁵. Составлялись эти материалы на основе письменности деванагари. Кое-где поним уже началось обучение в начальной школе. Но это была почти частная инициатива, не получившая официальной санкции правительства. Поэтому языком начального образования у народов NEFA считается асса姆ский [4].

Более удачный пример кхаси показывает, что грамотность и образование на родном языке в сочетании с некоторыми правами на культурную автономию создают перспективы общего культурного развития народа. Такого рода меры вызывают чувство уважения к собственным культурным традициям, порождают сознание уверенности в будущем; возникает готовность трудиться и бороться за это будущее. Наоборот, перспектива забыть свой язык и традиции предков, быть ассилированным другим народом, раствориться, сойти с исторической сцены едва ли способна вдохновить даже самое малое из «зарегистрированных племен».

В подтверждение сказанному уместно привести мнение на этот счет Джавахарлала Неру. Он говорил: «Меня тревожит, когда я вижу — не только в этой стране, но также и в других великих странах,— как жаждут люди переделать других по своему образу и подобию и навязать им свой образ жизни... В действительности в мире было бы больше

⁵ Неофициальные попытки создать школьные учебники на языках племен предпринимались и в других районах, например в штате Мадхья Прадеш.

мира, если бы люди отказались от навязывания своего образа жизни другим людям и странам. Я совсем не уверен в том, какой образ жизни лучше — свойственный племенам или наш собственный» [3, 1].

Волновала Неру и проблема родных языков. «Языковая проблема,— говорил он,— почти всегда необычайно важна с психологической точки зрения... Мне абсолютно ясно, что правительство должно поощрять языки племен. И нельзя ограничиться простым их признанием. Им должна быть оказана всевозможная поддержка и созданы условия, в которых они могут процветать. Это должно быть им гарантировано» [3, 202].

Однако мы видим, что в деле поощрения языков племен и создания условий для их процветания сделаны только первые неуверенные шаги. Так, на 1961 г. в штатах Орисса, Майсур, Мадхья Прадеш грамотность среди «зарегистрированных племен» была в 3 раза ниже средней по соответствующему штату, в Западной Бенгалии и Махарашtre — в 4 раза, в Андхре — даже в 5 раз [1, 27]. Администрация и общественность Индии обеспокоены создавшимся положением и понимают, что исправить его могли бы только начальные школы на родных языках [4].

Но речь идет не только о повышении грамотности. Выбор языка школьного обучения для отдельных «зарегистрированных племен» имеет непосредственное отношение к общим темпам их культурного развития. В этом отношении показателен опыт кхаси. Вероятно, этот опыт с некоторыми корректировками мог бы быть распространен на такие народы, как мунда, санталы, гонды. Что касается небольших племен (например, асуротов и бирхоров), то для них, на наш взгляд, благоприятной политики в области образования было бы обучение на языке непосредственного этнического окружения, в данном случае, возможно, на языке мунда.

Таким образом, само объединение в одну социальную категорию столь разных народов и племен и стремление выработать по отношению к ним единый подход, какие-то общие принципы социального развития становится не средством, а организационной помехой этому развитию. Нам кажется, что наибольших успехов в деле прогресса так называемых зарегистрированных племен можно добиться только при дифференцированном подходе к каждому из них.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Bose A. B., Problems of Educational Development of Scheduled Tribes, — «Man in India», vol. 50, № 1.
2. «Census of India, 1961», vol. I. India, pt 2-C(2), Language Tables.
3. Elwin V., A Philosophy for NEFA, Shillong, 1960.
4. Roy Burman B. K., Languages of the Tribal Communities of India and Their Use in Primary Education. Seminar on Language and Society in India. Indian Institute of Advanced Study, Simla, October, 1967.

С. А. Маретина

НАСЕЛЕНИЕ НАГАЛЕНДА
(этнический состав)

Нагаленд — шестнадцатый штат Индии, созданный в 1960 г. Созданию штата предшествовала длительная борьба восточноассамских нaga за свое самоопределение и создание собственной государственности. В новообразованный штат вошли горы Нага — горный район на крайнем востоке Ассама, пограничный с Бирмой. Эта область простирается вдоль южного берега Брахмапутры от северо-восточной границы Индии до гор Микир на западе и Манипура на юге; на востоке горы продолжаются в Бирме, где проживает около 20 тыс. нaga, родственных ассаcским. Самая высокая часть гор Нага — хребет Паткой на крайнем северо-востоке (до 2 тыс. м), западная гряда ниже, высота ее не превышает 1,5 тыс. м. Горы Нага представляют собой сплошное скопление параллельных хребтов, разделенных глубокими ущельями; лишь изредка можно встретить пологие склоны (например, в районе Кохимы). Горы труднопроходимы, в глубинных районах основным средством сообщения являются лесные тропы. Большая часть склонов покрыта тропическими муссонными лесами, которые выше сменяются сосновыми. Леса богаты дичью. Большая часть нaga селится высоко в горах.

В административном отношении Нагаленд включает три округа (дистрикта): Кохима на юге, центральный район — Мококчунг и самый восточный дистрикт — Туенсанг, населенный наиболее независимыми и наименее изученными племенами нaga. Основное население Нагаленда составляют нaga (свыше 300 тыс. человек); кроме нaga в штате проживает около 2,5 тыс. горных куки, селения которых разбросаны по склонам южных гор и не образуют компактной локальной территории. В Димапуре — небольшом городке на западе Нагаленда — население смешанное, достигающее в общей сложности 9 тыс. человек. Общее население штата составляет около 360 тыс. человек [5, 2]¹. В Нагаленд вошли почти все племена нaga, кроме манипурских.

Языки нaga составляют особую группу среди тибетско-бирманских языков, характеризующуюся рядом специфических особенностей (сильно развитая тональность, неразличимость гласных, наличие классификационных терминов и т. д. [5, 13]). В связи с особенностями географического положения и истории нaga языки отдельных деревень настолько разошлись, что часто оказываются совершенно непонятными для других нaga. Принято говорить, что «у нaga сколько деревень — столько языков».

---

¹ Перепись 1961 г. дает цифры лишь для отдельных племен нaga.

Языковая раздробленность является одним из факторов, затрудняющих сплочение различных групп нага в единую народность. Антропологически нага — южные монголоиды, близкие по типу таким народностям внутренних горных районов Юго-Восточной Азии, как даяки о-ва Калимантан, и фугао Филиппин и некоторые другие [2, 9—10].

Основными занятиями нага являются земледелие (подсечно-огневое и террасное) и охота. На своих полях, спускающихся вниз по склонам, нага выращивают рис, просяные культуры, кукурузу, гречиху, а также табак, сахарный тростник и некоторые другие технические культуры. Изоляция, характерная для жизненного уклада горных районов, обусловила специфику общественной организации нага. Его характеризует сохранение многих пережиточных форм и институтов отцовского рода, таких, как тотемистические родовые группы, мужские дома, анимистические верования. Для всех племен нага характерна традиционная воинственность: еще несколько десятилетий назад нага были известны как охотники за головами; теперь этот обычай отошел в прошлое.

Этническое прошлое нага связано с древними популяциями, сложившимися еще во II тысячелетии до н. э. на территории Западного и Южного Китая. Нага входили в состав того потока тибето-бирманцев, который в середине I тысячелетия до н. э. постепенно распространился по территории, соответствующей современным Бирме и Ассаму; последующие переселенцы (ахомы и др.) оттеснили предков нага в горы Восточного Ассама, в результате чего на много веков прервались их регулярные контакты с окружающими народами. В нашей статье [3] уже шла речь о ранних миграциях тибетско-бирманских народов, в том числе и нага. Конкретные же пути миграций отдельных племен нага на территорию Ассама могут быть определены лишь приблизительно. Так, на основе анализа их фольклора и явлений культуры выясняется, что ангами нага пришли в Ассам с юга, так же как сема; сангтам и тангкуль нага, лхота — частично с севера, частично с юга, кальо-кенгью — с севера, конъяк — с северо-востока, северо-запада и юга и т. д. [8, 10; 11, XVIII—XX]. К XIII в., времени появления в Ассаме ахомов, исторические хроники которых являются первым подлинным историческим свидетельством по рассматриваемому району, основные группы нага уже занимали горы Восточного Ассама; однако местные миграции и переселения отдельных групп и племен нага в пределах Ассама и пограничных районах Бирмы продолжались и в последующие века. Так, можно отметить постепенное распространение на север основных групп нага — раньше лхота нага жили южнее, в стране ангами, откуда они продвинулись на север, оттеснив ао нага, которые в свою очередь занимали современную область лхота [5, 365]. Перемещения нага продолжались до последних лет.

Нага изучены лучше других народов Восточной Индии. С начала 20-х годов нашего века вышла серия монографий по основным народам этой группы, написанных высококвалифицированными специалистами-этнографами Дж. Хаттоном, Х. Фюрером-Хаймендорфом и др. [8; 9; 11; 12; 13; 6]. К сожалению, сегодня эти работы в чем-то устарели: за несколько десятилетий в горах Нага произошло много существенных перемен.

После образования Индийской республики общее внимание привлекли политические события в стране нага, освещаемые в периодике, главным образом в газетах. Обобщающей работой по истории создания штата нага является «Нагаленд» В. Элвина [5]. Следует отметить неравномерную изученность группы нага: так, о восточных нага, а также о ряде мелких племен этой группы имеются лишь самые общие сведения.

В данной статье принят следующий порядок описания народов на-га: начиная с южных районов Нагаленда (от границ Манипура), далее на север, затем — к восточным и северо-восточным нага (племена, живущие к востоку от р. Дикху).

На крайнем юге Нагаленда живут небольшие племена (они не вошли в состав Нагаленда), близкие манипурским нага, о которых речь шла выше [см. 3, 342]. Это так называемые качча нага. Этническое содержание этого названия не вполне ясно. Так, в переписи 1961 г. под названием «качча» понимают небольшую подгруппу манипурских нага², а такой авторитетный ученый, как Дж. Хаттон, включает в состав качча нага не только ряд народностей манипурских нага (кабуи, лиенгма и др.), но и отдельные племена, соседствующие с ангами в Южном Нагаленде и встречающиеся даже в горах Северного Качара [8, 352]. Изучены качча нага крайне слабо. По-видимому, по основным этнографическим характеристикам качча приближаются к другим манипурским нага и сохраняют многие черты первобытнообщинного строя.

Крупнейшей народностью Южного Нагаленда являются ангами нага (43 тыс. человек)³. Само название их (точнее, само название некоторой части ангами) — «тенгима» [8, 14], название же «ангами» представляет собой искаженное «гнамеи» — слово, которым обозначают эту группу манипурцы. Ангами подразделяются на ряд крупных локальных подгрупп: это (с запада на восток) чакрома, тенгима, чакрима, кезами, меми. Эти группы отличаются друг от друга не только отдельными лексическими и орфоэпическими нормами, но и рядом особенностей культуры и социальной организации. Такая сложность этнографической характеристики даже в пределах одного народа характерна не только для ангами, но и для большинства других нага. Ангами — наиболее сплоченная народность. По-видимому, дальнейшая консолидация нага будет происходить вокруг ангами, которые всегда были во главе нага в годы борьбы за самоопределение народности в целом. Пока можно говорить лишь о политическом единении нага, этнические различия еще слишком сильны. Политическим центром ангами является Кохима.

Ангами уже в прошлом веке были знакомы с террасным земледелием, которое развито у них в большей степени, чем у других нага. Наряду со злаками (в том числе суходольный и поливной рис, просо и др.) ангами сажают различные овощи, культивируют хлопчатник. Как и большинство нага, ангами строят деревни высоко в горах; ниже по склонам спускаются террасы рисовых полей. В деревнях ангами и сейчас сохранились еще следы укреплений, оставшихся от недавнего прошлого, когда война была постоянным состоянием [5, 7]. Дома — наземные (т. е. без свай или высокого фундамента) деревянные постройки под низкой двускатной крышей. Фасады некоторых домов богато орнаментированы. Одной из древнейших черт традиционной материальной культуры нага считается встречающаяся у ангами кузница со своеобразным устройством поршневых мехов; кузница точно того же типа имеется и у даяков о-ва Калимантан [13, 144—175]. Одежда у ангами преобладает несшитая поясная, к которой женщины добавляют иногда безрукавки и кофты. Излюбленный орнаментальный мотив ангами — кайма из перемежающихся полос (например, черная ткань с красными и желтыми полосами, у женщин белая или синяя ткань с черным орнаментом). Особенно пущен церемониальный наряд ангами: высокая диадема из перьев птицы-носорога, украшения, яркие плетеные браслеты и поножи, четы-

² Перепись 1961 г. дает для качча цифру 10 тыс. человек.

³ Все цифровые данные приводятся по переписи 1961 г.

рехугольные кожаные щиты с изображением человеческих голов. В основных чертах этот костюм повторяется у всех нага.

У ангами в большей степени, чем у других нага, получила развитие частная собственность на землю. Сравнительно далеко зашло расслоение сельской общины, основной экономической ячейкой стала малая семья. Вместе с тем у ангами сохраняются многие черты отцовского рода. Очень сильны традиции демократического колlettivизма, которые способствуют сохранению единства общины. Пережиточные патрилинейные родовые группы у ангами складываются в стройную систему — *кельху* — *тхинопутса* (соответствующие фратрии — роду — подроду [8, 113—116]), которая имеет аналогии у других нага. Влияние родовых групп проявляется сильнее всего в брачных отношениях и в семье.

Родовые группы иногда занимают в поселениях отдельные кварталы: нередок антагонизм между ними. Еще недавно у ангами имелись рабы, которыми становились военнопленные [8, 154]. Ангами, как и все нага, патрилинейны, брак у них патрилокальный. Своих духов ангами обозначают словом *терхома*. Наследственный жрец — *кемово* — пользуется едва ли не большим авторитетом, чем вождь. Своей письменности у ангами, как и у других нага, не было, но фольклор очень богат и своеобразен.

Ближайшими соседями ангами с севера являются ренгма нага (около 6 тыс. человек); самоназвание их «инзон». Ренгма нага можно встретить и в других областях Ассама; так, часть их еще в середине прошлого века мигрировала через Даинг в горы Микир, другая часть продвинулась на восток и расселилась среди восточных сангтам нага. Вердимо, в прошлом ренгма занимали обширную территорию, расположенную несколько восточнее области их современного расселения. Ренгма очень близки к ангами — и по способу земледелия (у восточных ренгма — тоже террасы), и по материальной культуре, и по основным чертам социальной организации.

К северо-востоку от ангами и непосредственно к востоку от ренгма находится территория сема нага (около 48 тыс. человек). Самоназвание сема — «сими». Язык сема очень близок к ангами; по антропологическим признакам сема всегда можно отличить от ангами (более резкие черты). Земледелие у сема исключительно подсечно-огневое. Ремесла развиты в меньшей степени, чем у большинства нага. Однако наибольшие отличия сема от других народов этой группы лежат в области социальной организации. У сема имеются сильные наследственные вожди, которые считаются владельцами всей общинной земли [8, 358]. Общинники находятся от них в состоянии экономической зависимости. Еще перед второй мировой войной в некоторых районах у сема практиковалась колонизация новой земли, владельцем которой и главой основанной деревни становился сын какого-либо старого вождя, причем сын-наследник [7, 22]. Эти переселения прекратились с сокращением количества свободных земель в горах Нага.

Вождя сема нельзя считать феодалом: он оставил себе лишь часть земли, а остальное распределял между односельчанами, которые возделывали эту землю для себя. Отношения носили патриархальный характер. Теперь у сема идут общие для всех нага процессы сосредоточения земли в руках складывающейся экономической верхушки. Из родовых пережитков у сема имеются экзогамные группы и остатки родовой земли. Семья малая, нередки случаи полигамии.

Дальше к северу от ренгма и к северо-западу от сема живет другая крупная народность нага — лхота (26,5 тыс.); самоназвание — «кионг», происхождение названия «лхота» неизвестно. Иногда лхота подразде-

ляют на северных (к северу от Даянга) — лийе и южных — ндренг [11, 3], но различия между этими двумя группами незначительны. По своей материальной культуре и хозяйству лхота нага близки сема и ренгма. Дома лхота, рассчитанные на одну малую семью, строятся прямо на земле; среди них выделяются просторные дома холостяков — морунги — институт, получивший у лхота значительно большее развитие, чем у ангами и сема. По своей общественной структуре лхота очень близки к ангами. Для лхота характерны демократичность общинного управления и большая, чем у ангами, роль общины в вопросах землевладения. Схема родовых подразделений при отличии терминов у них полностью совпадает [11, 86; 8, 366].

Непосредственно к северу от лхота живет четвертая крупная народность нага — ао нага (самоназвание — «аор»); их насчитывается 57,5 тыс. человек. У ао отчетливей, чем у других нага, дают себя знать следы дуальной организации в виде двух половин — монгсен и чонгли [13, 50]. Отличия между половинами наиболее ярко проявляются в языке — диалекты этих подгрупп взаимно мало понятны; обычай же очень близки. Необходимо отметить, что ао вместе с восточными народами нага имеют ряд черт, которые отличают их от западных нага, описанных выше. Одним из таких обычаем, неизвестных западным группам, является татуировка. У ао татуируются только женщины [13, 20]. Свои дома ао нага обычно строят на приподнятой платформе, хотя встречаются и наземные хижины. Земледелие до последнего времени было подсечно-огневым, ремесла не отличаются от тех, которые развиты у других нага. Своеобразна внутренняя организация общины ао. У них в наибольшей степени проявляется коллективизм в управлении. Все члены общины делятся на ряд возрастных классов, каждый со своими правами и обязанностями. Лица, участвующие в управлении, составляют «класс вождей» (ао называют их *tatara*), срок пребывания в котором колеблется в разных деревнях от 3 лет до пожизненного [4, 30]. С развитием общины почетная должность *tatara* превращается в доходную должность, которую члены данного возрастного класса не хотят покидать. Эзогамные роды ао носят название «кидонг». Как и у других нага, у ао был значительно развит институт рабства, однако роль рабов в экономике общины была незначительной. О далеко зашедшем экономическом расслоении общины говорят факты закабаления рядовых общинников общинной знатью [13, 54]. Фольклор ао сближает их скорее с восточными, чем с западными нага. Ао можно рассматривать как переходную группу между западными и восточными нага (условная граница — по рекам Дикух и верховьям Ти-хо). Восточная и северо-восточная области гор Нага населены несколькими характерными мелкими народностями и племенами нага. Встречающиеся у них специфические обычай и явления материальной культуры, такие, как обычай татуирования, использование самострела и некоторые другие факты, позволяют говорить об особых путях миграций восточных нага, в известной мере отличных от западных групп.

Самой южной группой восточных нага являются сангтам (около 16 тыс. человек, самоназвание — «пирр, исачапуре»). Сангтам не образуют сплошного локального поселения. В результате местных миграций они оказались разделенными на две группы движением сема на восток и соседних ячуми на запад. Племя сангтам мало изучено, некоторые его подгруппы имеют общие с ао черты, те же, которые живут в непосредственной близости от сема, напоминают эту народность.

Территорию между сема нага на юго-западе и сангтам на севере и юге занимают ячуми, или ямчунгр (последнее наименование служит

им самоназванием); их насчитывается свыше 12 тыс. человек. Об этом племени почти ничего не известно.

Несколько севернее сангтам и ячуми, к востоку от ао, располагаются поселения чанг нага (свыше 11 тыс. человек). Точное самоназвание их неизвестно; другие племена называют их «мочуми, мочунгр, мозунг» [8, 377]. Язык чанг относят к той же группе, что и язык восточных коньяк нага [10]. Чанг известны своей воинственностью; они широко пользуются самострелом с отравленными стрелами [8, 378]. Среди соседей чанг известны как искусные ремесленники. Дом у чанг строится таким образом, что часть его (с очагом) находится на земле, а часть внутренних помещений возводится на приподнятой платформе (мачане). Как и у сема, у чанг имеется институт наследственных деревенских вождей, хотя вожди чанг менее могущественны, так как не обладают земельной монополией. Эзогамные роды у чанг сохранились, но нет явных признаков дуальной организации. Фольклор чанг ближе всего к народному творчеству ао нага.

Очень близко к чанг племя пхом нага (свыше 13 тыс. человек), живущие непосредственно к северу от них. Все племя состоит из четырех деревень; других сведений о нем у нас почти нет.

Обширную горную область, простирающуюся на восток от места расселения сангтам, чанг и ячуми нага, занимают так называемые кальо-кенгью нага. Самоназвание их неизвестно, из других названий этой группы можно отметить *тукхеми*; эти же племена встречаются и на территории Бирмы, где их называют *para* [8, 383]. О кальо-кенгью известно очень мало⁴, неизвестны даже точный этнический состав этой группы и ее численность. На межплеменном рынке в горах Нага высоко котируются их изделия из металла и кости. Социальная организация характеризуется многими пережитками отцовского рода. Каждый род занимает особую часть деревни, которые обычно тщательно укреплены. Морунг у кальо-кенгью остается хранителем воинских традиций. В этнографической литературе кальо-кенгью вместе с соседними коньяк и некоторыми другими мелкими племенами нага были известны под собирательным названием «голые нага» [6]. (Такое название, что свидетельствует о почти полном, видимо, отсутствии одежды у них еще в недавнем прошлом, дано не случайно.)

Весь север и северо-восток Нагаленда занимает одна из самых крупных групп нага — коньяк (свыше 57 тыс. человек). Среди окружающих племен они известны под названием *тапронгуми* (так их называют сема), *мирир* (ао) [8, 383]. Своей прародиной все коньяк нага считают одну деревню — Чангнюю, куда они в знак уважения ежегодно посыпают небольшие подарки [8, 383]. Коньяк еще недавно входили в категорию «голых племен», о которых речь шла выше, однако теперь одежда вошла в обиход почти у всех. Поля у коньяк подсечно-огневые; основная культура в отличие не только от других нага, но и от всех малых народов Ассама — таро. Дома, как и у чанг, возводятся частично на земле, частично на мачане. У коньяк больше, чем у каких-либо других нага, развит институт дома холостяков. Морунгов (так называют все нага дом холостяков) в деревне иногда несколько, они выделяются своей величиной и богатым орнаментом. Обычай татуировки известен не всем коньяк и служит основанием для выделения двух групп в пределах племени: тхенду татуируют лицо, тхенкох — нет.

Свообразна социальная организация коньяк. Все деревенские вожди принадлежат к одному определенному роду — роду анг (анг —

⁴ Отдельные сведения по этим народам дает книга Фюрера-Хаймендорфа [6].

вождь). Одним из подразделений этого рода является «род великого анга», т. е. та группа, в пределах которой должность вождя наследственна. Коньк считают личность своего вождя священной и очень заботятся о чистоте его крови. Поэтому в «роде великого анга» сохраняется строгая эндогамия [6, 111]. У коньк вождь обычно не является собственником земли. Семья малая; жена приходит к мужу только после рождения первого ребенка. Любопытно, что, хотя коньк и ангами нaga во всех отношениях весьма далеки друг от друга, в ряде мало-существенных обычаях у них наблюдаются удивительные совпадения (только эти два народа носят тростниковые наколенники, делают горны из рога буйвола, изготавливают своеобразные дождевики из пальмовых листьев [8, 386]), которые, по-видимому, означают, что некогда эти народы имели контакты и заимствовали друг у друга некоторые культурные элементы.

* * *

Таким образом, в группу нaga входят около полутора десятков племен и народностей с очень яркой и самобытной культурой и сложной и своеобразной общественной организацией, требующей специального описания, которое в данном случае не является нашей задачей. В последние годы в горы Нагаленда начинают все больше проникать влияния с ассамской равнины, которые ускоряют процессы разложения общины в племенах. Вместе с тем у всех нaga, особенно у восточных, и сейчас оторванных от более развитых народов, сохраняется своя этническая специфика, которая всегда позволяет выделить их среди многомиллионных народов Индии.

Последние десятилетия характеризуются растущей политической активностью нaga. Несмотря на то что народы этой группы разбросаны на большой территории и разъединены не только труднодоступными горами, но и многими различиями в обычаях, в культуре, в традициях, тем не менее уже с начала XX в. среди нaga растет стремление к объединению и образованию независимого национального государства нaga. Националистические тенденции среди нaga особенно усилились во времена борьбы за независимость Индии (после окончания второй мировой войны) и в последующие за провозглашением республики годы. Видную роль в этой борьбе играл созданный в 1945 г. Национальный совет нaga, который одной из своих главных задач считал борьбу за автономию нaga. Но уже в ближайшие годы начались разногласия по поводу того, как следует понимать эту автономию. С 1950 г. среди нaga восточных районов стало шире развиваться сепаратистское движение за полное отделение от Индии и создание самостоятельного государства вместе с бирманскими нaga. Экстремисты перешли к открытому террору в тех деревнях, население которых не поддерживало их; в течение ряда лет положение в горах Нага было в высшей степени напряженным [1, 75—76]. Борьба закончилась 1 августа 1960 г. образованием нового, шестнадцатого, штата — Нагаленд. Официальное провозглашение штата состоялось в декабре 1963 г.

Штат Нагаленд требует особого подхода ввиду специфики его этнического состава: основное население составляют народы, у которых еще сильны пережитки первобытнообщинного строя, народы, уровень развития хозяйства у которых не дает пока возможности для экономической самостоятельности и хозяйственной рентабельности штата и требует помощи из центра. Особые трудности представляют дистрикт Туенсанг, населенный отсталыми, малоизученными племенами. Но,

несмотря на всю сложность положения молодого штата, нага уже сумели достичь значительных успехов, особенно в культурном и политическом отношениях. Заметный прогресс наблюдается в области просвещения. В начале 60-х годов в горах Нага имелось уже свыше 400 начальных школ, около 50 средних, 7 высших [5, 94]. Преподавание в местных школах ведется на родных языках; вместе с тем растет интерес к общеиндийскому хинди. Юношам и девушкам нага в высших учебных заведениях Индии предоставлены многочисленные стипендии. Значительно расширилась сеть лечебных учреждений, среди которых особое внимание уделяется центрам по борьбе с малярией — бичом лесных племен. Прокладываются новые дороги, улучшаются и расширяются старые, что постепенно уничтожает вековую изоляцию гор Нага. Стремясь приобщить нага к достижениям всеиндийской культуры, индийское правительство вместе с тем заботится о сохранении замечательной культуры нага, поддерживает традиционные домашние промыслы. Самые первые шаги нага начинают делать по пути технического развития (промышленность в горах Нага пока отсутствует); электрифицируются первые населенные пункты (Кохима и соседние деревни), предполагается организовать в Кохиме политехнический институт на базе существующей технической школы. Развитие политических, юридических и других институтов в штате способствует дальнейшему росту национального самосознания нага, сознания единства интересов всех нага, политической консолидации многочисленных народов этой группы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяков А. М., Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963.
2. Маретина С. А., К вопросу об общности происхождения нага (Ассам) и даяков острова Калимантан (Борнео), — «Тезисы Конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», ЛГУ, 1964.
3. Маретина С. А., Малые народы Ассама, — «Страны и народы Востока», вып. V, М., 1967.
4. «Census of India», 1961, vol. I, pt II-C, стр. CCXXXI—CCXXXII.
5. Elwin V., Nagaland, Shillong, 1961.
6. Füger—Haimendorf Ch. von, The Naked Nagas, London, 1939.
7. Füger—Haimendorf Ch. von, Staat und Gesellschaft bei den Naga,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1932, H. 1/3.
8. Hutton J. H., The Angami Nagas, London, 1939.
9. Hutton J. H., The Sema Nagas, London, 1921.
10. Grierson G. A., Linguistic Survey of India, Calcutta, 1904, vol. III, pt II.
11. Mills J. P., The Lhota Nagas, London, 1922.
12. Mills J. P., The Rengma Nagas, London, 1937.
13. Smith W. C., The Ao Naga Tribe of Assam, London, 1925.

Б. П. Супрунович

ИНДИЙСКИЕ ТАМИЛЫ НА ЦЕЙЛОНЕ (проблема и ее решение)

Среди многонационального населения Цейлона выделяется группа индийских тамилов, численность которой, по переписи 1953 г., составила 975 тыс. человек, или 12% населения. Численность индийских тамилов в настоящее время составляет примерно 1,2—1,3 млн. человек¹. Индийские тамилы — это эмигранты из Индии, прибывшие в конце XIX и в XX в.

Индийские тамилы в своем большинстве не считаются гражданами Цейлона и, следовательно, не имеют политического равноправия с другими национальными группами острова. Большинство индийцев работает на чайных плантациях, создавая значительную часть национального дохода, в частности большую часть экспортной продукции Цейлона. Классовое угнетение и эксплуатация индийских тамилов со стороны владельцев плантаций на Цейлоне усугублялись их политическим бесправием и неопределенностью правового статуса.

Другая группа тамилов — цейлонские тамилы — насчитывала, по переписи 1953 г., 885 тыс. человек (11% населения). Тамилы этой группы являются потомками индийских завоевателей, которые неоднократно вторгались на Цейлон в древности и в средние века (последний раз в первой половине XIII в.). Они заселяют Северную и частично Восточную провинции и географически отделены от индийских тамилов.

Цейлонские тамилы почти не отличаются от индийских по языку и культурно-бытовым особенностям, но они полноправные граждане Цейлона. Кроме того, между двумя группами тамилов на Цейлоне существуют весьма существенные различия в социально-экономическом плане. В положении цейлонских тамилов также имеется ряд сложных проблем, но в отличие от положения индийских тамилов это чисто внутренние, национальные проблемы.

Третья группа населения Цейлона, связанная по своему происхождению с Индией, — это индийские мавры, мусульмане индийского происхождения, которые занимаются главным образом торговлей. В 1953 г. индийских мавров насчитывалось всего 47 тыс. (0,6% на-

¹ Численность населения Цейлона, по переписи 1963 г.—10 625 тыс. человек, а по оценке на 1969 г.—12 200 тыс. Естественный прирост среди индийских тамилов близок к среднему показателю по Цейлону в целом, а в 1946—1953 гг. даже превышал его. Поэтому удельный вес этой национальной группы в населении за последние годы не мог существенно измениться. Национальный состав населения Цейлона подробно рассматривается в монографии В. И. Кочнева [3] и томе «Народы Южной Азии» [6, 817—878].

селения), в том числе 21 тыс. из них проживала в Коломбо. Положение этой национальной группы не составляет никакой проблемы, так как она малочисленна и занимает прочное место в экономике острова. Кроме того, из-за своей религиозной принадлежности мавры тяготеют к Пакистану².

Перепись 1953 г. зарегистрировала на Цейлоне 1020 тыс. лиц, не имеющих цейлонского подданства (non-nationals) из них 1004 тыс. индийцев и 1,5 тыс. пакистанцев. В эту цифру входят почти все индийские тамилы и индийские мавры. Кроме того, она включает также несколько тысяч так называемых индийских резидентов, т. е. временно, с паспортами и визами проживающих индийских граждан, преимущественно коммерсантов. Правовое и экономическое положение этой группы индийцев также не представляет никакой проблемы.

В значительной части индийской и зарубежной литературы, посвященной положению индийцев за пределами Индии, вопросу об индийцах на Цейлоне принадлежит особое место³. Понятна заинтересованность индийской и цейлонской общественности в решении этой острой проблемы. Как индийская, так и цейлонская печать в 1964 г. широко комментировала подготовку, ход и результаты индийско-цейлонских переговоров о судьбе индийских тамилов на Цейлоне.

История индийских переселенцев на Цейлоне в XIX—XX столетиях теснейшим образом связана с развитием капиталистических отношений на острове, с формированием однобокой, колониальной структуры его экономики, специализирующейся на производстве плантационных культур, в первую очередь чая.

Кандийское царство, последнее из независимых цейлонских государств, которое веками выдерживало написк португальцев и голландцев, было окончательно разгромлено англичанами в 1815 г. С этого времени британские колонизаторы господствовали на всей территории острова безраздельно. Они завершили разрушение традиционной экономики цейлонцев, которое было начато еще в XVI в. португальцами и продолжено затем голландцами⁴. Политика англичан на Цейлоне способствовала вовлечению экономики всего острова в систему мирового капиталистического хозяйства, причем место корицы, которая была главным предметом вывоза в период португальского и голландского господства, заняли плантационные культуры — кофе, а затем чай и каучук.

² Другая группа мавров — цейлонские мавры (464 тыс. человек, или 5,7% населения в 1953 г.), полноправные граждане Цейлона, по материальной и духовной культуре близки к сингалам и тамилам. Обычно подчеркивается, что деление мавров на индийских и цейлонских условно. Известно, что среди индийских мавров преобладают тамилы и малайялы. Однако составители тома «Численность и расселение народов мира» [9, 202] почему-то целиком отнесли индийских мавров к панджабцам.

³ Мадрасский юрист П. Р. Рао в своей монографии [27] подробно описывает историю индийско-цейлонских отношений, и в частности проблему индийских иммигрантов. Сотрудник Делийского университета Джогиндер Байнс анализирует проблему с точки зрения международного права [12]. Этому вопросу посвящен раздел в монографии преподавателя Цейлонского университета Саркара [28]. Эта проблема затрагивается в книгах и статьях индийских, цейлонских и других авторов. Плантационное хозяйство Цейлона, в том числе формирование и современное положение плантационного пролетариата, рассматривается в специальной монографии Ю. Н. Маслова [4].

⁴ Вторжение португальцев на Цейлон произошло в 1505 г. Португальское господство было уничтожено голландской Ост-Индской компанией после войны 1638—1658 гг. Голландцы были изгнаны англичанами в 1795—1796 гг., и с 1802 г. Цейлон официально стал колонией британской короны [7, 279—290; 8, 69—83].

Создание плантационного хозяйства на Цейлоне, в частности на Центральном нагорье, стимулировалось новым земельным законодательством, вводившим частную собственность на землю. Все леса, пустоши и другие необрабатываемые земли были объявлены государственной собственностью и распродавались английским плантаторам. Начало бурного роста плантационного хозяйства относится к 20—30-м годам XIX в.

Первая группа индийских рабочих — 150 человек — была ввезена на цейлонские плантации не ранее 1828 г. губернатором Э. Барнсом и плантатором Дж. Бэрдом [17, 4]. Однако массовая иммиграция индийцев началась в 1837 или 1839 г., причем уже в 1839—1841 гг. на остров было ввезено 2400 индийцев [27, 33, 42; 28, 175].

Иммиграция индийских рабочих на Цейлоне была не изолированным явлением, а составной частью миграций азиатской рабочей силы в слабонаселенные, по преимуществу тропические страны Юго-Восточной Азии, Океании и Африки, причем индийцы переселялись почти исключительно в страны Британской империи. В этот период отмена рабства в английских и французских колониях при растущем спросе на колониальные товары вызвала потребность в дешевой рабочей силе. Условия, сложившиеся в Индии к тому времени, когда капитализм и британская бюрократическая система уже оказали свое пагубное влияние на традиционный уклад индийской экономики, привели к возникновению дешевой рабочей силы в Индии, хотя свободный рынок труда в тот период еще не существовал.

Массовая эмиграция индийцев «за море» началась в 1834 г., когда первые тысячи индийских кули — тамилов, бенгальцев и адиваси — были вывезены через порты Калькутту, Kochin и Пондишери на сахарные плантации островов Маврикий и Реюньон [24, 42]. Эмиграция индийцев продолжалась в течение столетия, переживая неоднократно периоды спада и подъема в связи с положением на рынке колониальных товаров; эмиграция прекратилась в период великого кризиса 30-х годов (в это время в ряде стран было введено иммиграционное законодательство против индийцев) и совершенно отсутствовала накануне войны. По оценке К. Дэвиса, с 1834 по 1937 г. за пределы Индии (в границах до раздела страны) выехало 30,2 млн. человек, а вернулось за это время около 24 млн. [16, 99]. Чистая эмиграция составила, таким образом, 6,2 млн. человек.

Эмиграция индийцев, главным образом тамилов, на Цейлон прошла те же этапы, что и индийская эмиграция в целом. Первоначально, в условиях отсутствия свободного рынка труда, набор кули для заморских плантаций шел по системе кабального долгосрочного найма на основе закона 1834 г. (*indenture system*). Самостоятельные вербовщики или агенты плантационных компаний обманом, обещаниями или угрозами заставляли безграмотных молодых батраков подписывать контракт на 3—5 лет; выполнение контракта гарантировалось уголовным наказанием. Отработав свой срок, рабочий мог вернуться на родину, мог наняться на новый срок, имел также, чисто теоретически, возможность получить участок земли и стать фермером. Эта система была промежуточной между рабством и свободным трудом; к рабству положение кули было ближе по условиям жизни и работы. Власть хозяев плантаций и надсмотрщиков над кули была безгранична. Эта система просуществовала официально до 1908—1910 гг. На смену ей пришла система кангани, или краткосрочного контрактования. Кангани — это агенты плантаторов, часто бывшие рабочие, действующие в родном округе, родной деревне. Они вербовали рабочих, выдавая им аванс.

Рабочий считался свободным, отработав 30 дней в счет аванса, но оставался по-прежнему в бригаде своего кангани, который становился надсмотрщиком, бригадиром и артельщиком, а часто и ростовщиком. По определению Рао, «кангани — это торговцы людьми, получающие прибыль от сбора и транспортировки человеческого материала» [27, 43]. Специальный комитет, надзирающий за эмиграцией, был учрежден в 1907 г., а в 1922 г. англо-индийское правительство ввело положение о свободном контракте и покровительстве эмигрантам.

Цейлон стал страной с наибольшей по численности индийской эмиграцией. Из всех заморских стран иммиграции Цейлон был наиболее привлекателен для индийцев, особенно тамилов. Он расположен недалеко от Индии, по соседству с одним из главных районов индийской эмиграции — Тамилнадом. Издревле сложились тесные связи между Цейлоном и Южной Индией, а тамилы Индии и Цейлона представляют собой, по сути дела, один народ. Тамилы Мадрасской провинции, главным образом из округов Мадураи, Тиручирапали, Тханджавар, Салем, Коимбатур, Тиранелвели и Раманатхапурам [27, 42] составили практически весь контингент индийских кули на Цейлоне. Заметим, что этот же район дал наибольшее число эмигрантов в другие страны индийской иммиграции (Малайю, Сингапур, Южную Африку, острова Фиджи, Маврикий и др.).

В Мадрасской провинции официально были утверждены портами эмиграции Мадрас, Негапаттам (Нагапаттинам), Тутикорин (Туттукуди) и Дханушкоди, последний расположен всего в 40 км от Цейлона. Эмигранты перевозились на Цейлон на небольших туземных суденышках, не приспособленных к перевозке пассажиров, либо прибывали по железной дороге и паромной переправе через Палкский пролив. Главная масса индийцев прибывала через порты Маннар и Коломбо и оттуда по специально проложенным железнодорожным дорогам отправлялась в плантационный район Центрального нагорья [28, 177].

В период распространения на острове кофейных насаждений, т. е. в 30—70-е годы XIX в., первоначально имела место краткосрочная, сезонная миграция индийцев [28, 178]. Кроме того, прокладка дорог в плантационных районах тоже велась силами индийских рабочих, завербованных в полувоенную организацию Pioneer force [27, 142]. Развитие плантаций потребовало постоянного наличия большого числа рабочих. К тому же в отличие от кофе чайный куст культивировался почти исключительно на плантациях. Поэтому, когда выращивание кофе сменилось производством чая, приток индийских кули значительно усилился, причем почти все приезжали с семьями⁵ и большей частью на длительный срок. Однако и в период развития чайных плантаций, в конце XIX — начале XX в., 60—70% иммигрантов по истечении срока контракта возвращались на родину⁶.

Таблица 1 содержит сведения о чистой иммиграции на Цейлон с 70-х годов XIX в. Подавляющее большинство мигрантов (98—99%) — индийцы.

Из таблицы видно, что в период между переписями 1871 и 1946 гг. чистая иммиграция индийцев на Цейлон превысила 1 млн. человек. Общий же объем миграций можно оценить в 3—3,5 млн. человек (с учетом того, что до 2/3 иммигрантов возвращалось на родину). Основная масса иммигрантов на Цейлон прибыла в период 1891—

⁵ На чайных плантациях Цейлона (как и Индии) и в настоящее время занятое большое число женщин и детей. Например, по данным 1961 г., из 397 тыс. рабочих чайных плантаций было 180 тыс. женщин и 35 тыс. детей и подростков [10, 740].

⁶ Данные специальной комиссии 1908 г. [28, 45].

1911 гг., во время быстрого развития чайных плантаций. В XX в. иммиграция показывает тенденцию к уменьшению, за исключением периода 1921—1931 гг., когда расширялось производство чая и все законодательные ограничения на эмиграцию индийских кули были отменены. Цейлон был в этом отношении приравнен к части Индии [27, 45].

Т а б л и ц а 1
Чистая иммиграция на Цейлон*

Десятилетия	Численность иммигрантов, тыс. человек
1871 — 1881	240
1881 — 1891	104
1891 — 1901	225
1901 — 1911	184
1911 — 1921	73
1921 — 1931	151
1931 — 1946	70
Всего . . .	1047

* [15а, 1961].

Резкое снижение масштабов иммиграции в 1911—1921 гг. связано с первой мировой войной, а с 1931 г. оказывается влияние мирового экономического кризиса. В годы кризиса, как и в период второй мировой войны, баланс миграций часто был отрицательным.

В результате кризиса 30-х годов как индийские, так и цейлонские колониальные власти приняли меры, ограничивающие вербовку тамилов-кули. Правда, в 1937 г. цейлонские плантаторы требовали ввоза из Индии 35 тыс. рабочих, но им в этом было отказано [27, 24]. С 1939 г. официально вербовка индийских плантационных рабочих была запрещена. Впрочем, к этому времени уже сложился постоянный контингент плантационных рабочих; на плантациях начали работать и сингалы.

Начиная с 30-х годов мигранты направляются преимущественно в несельскохозяйственные сферы деятельности. Например, из 181 тыс. индийских иммигрантов, прибывших в 1933—1935 гг. (включая сезонных рабочих), только 6 тыс. направились на плантации (2,8%), 54 тыс. (24,2%) были заняты неквалифицированным трудом в промышленности, а 121 тыс. (53,3%) — в транспорте и торговле [28, 179].

Последний период роста населения острова за счет иммиграции индийцев относится к 1945—1949 гг., когда ежегодно прибывало свыше 250 тыс. человек, а чистая иммиграция составляла 47 тыс. человек в год [29, 169].

Начиная с 1950 г. баланс миграций для Цейлона постоянно отрицательный. Данные табл. 2 показывают, что число иммигрантов постоянно сокращается и реэмиграция индийских тамилов фактически уже началась: за 10 лет чистая эмиграция (главным образом в Индию) превысила 170 тыс. человек⁷.

Миграции индийцев на чайные плантации Цейлона в сравнительно короткий срок создали на острове значительное постоянное индийское

⁷ Репатриируется и часть уроженцев Цейлона. Так, по переписи 1961 г., только в штате Мадрас оказалось 23 тыс. человек, родившихся на Цейлоне [14, table D-II].

Таблица 2

**Иммиграция и эмиграция на Цейлоне
в 1950 — 1960 гг.,
тыс. человек***

Год	Иммиграция	Эмиграция	Баланс миграции
1950	114	134	— 20
1951	134	148	— 14
1952	140	156	— 16
1953	116	129	— 13
1954	100	108	— 8
1955	67	90	— 23
1956	70	88	— 18
1957	63	75	— 12
1958	56	71	— 15
1959	66	74	— 8
1960	68	74	— 6
1961	58	68	— 10
1962	53	63	— 10
Всего	1105	1278	— 178

* [15а, 1963].

население. За 40 лет, которые прошли между началом ввоза индийских кули и первой переписью населения, число индийских уроженцев достигло почти 200 тыс. человек (табл. 3). К 1901 г. число уроженцев Индии увеличилось более чем вдвое и составило 12,2% населения Цейлона. В этот период число уроженцев Индии и их удельный вес в населении острова соответствуют числу и удельному весу индийских тамилов. Численность индийских уроженцев, как явствует из таблицы, продолжает расти до 1911 г. (470 тыс.). Но их удельный вес в населении острова в XX в. постоянно сокращается, в то время как доля индийских тамилов в 1911—1921 и 1946—1953 гг. увеличивается. Это значит, что индийские тамилы в большинстве своем — уроженцы Цейлона или живут здесь очень давно. Так, по переписи 1946 г., почти 75% уроженцев Индии прожили на острове свыше 10 лет и более 50% индийских тамилов родились на Цейлоне. По данным переписи 1953 г., только 38% индийских тамилов родились в Индии.

Таблица 3

**Численность уроженцев Индии на Цейлоне
и индийских тамилов***

Год	Уроженцы Индии		Индийские тамилы	
	тыс. человек	процент к населению	тыс. человек	процент к населению
1871	194	8,1	...	...
1881	277	...	...	...
1891	265	8,8	...	...
1901	437	12,2	...	...
1911	470	11,5	531	12,9
1921	461	10,2	603	13,4
1946	366	5,5	780	11,7
1953	365	4,6	975	12,0

* Составлена по данным: [14, 1911, т. I, 98; 13, 1946, т. I, ч. I, 219; 13, 1953, т. II, ч. I, 219 — 220].

По данным переписи 1953 г., число уроженцев Индии не увеличилось, а удельный вес их в населении острова снизился до 4,6%. Этот процесс, несомненно, будет продолжаться и впредь.

Таким образом, в настоящее время проблема индийских тамилов не является проблемой иммигрантов. Подавляющее их большинство родилось на Цейлоне и считает его своей родиной, хотя и не утратило полностью связь с Индией.

Расселение индийских тамилов на Цейлоне тесно связано с размещением плантаций чая и в меньшей степени каучуконоса гевеи (табл. 4). Большинство индийских тамилов (свыше 70%) сосредоточено на Центральном нагорье, где находится основной район чайных плантаций. В провинциях Центральная и Ува, где под чаем занято 349 тыс. акров (свыше 75% всех чайных плантаций острова), индийские тамилы составляют более трети населения, а в округе Нувара-Элия — около 60%. В округе Ратнапуре высокий удельный вес индийских тамилов связан с главным массивом плантаций гевеи.

Таблица 4

Расселение индийских тамилов и размещение чайных и каучуковых плантаций по провинциям и округам Цейлона

Провинции и округа	Численность индийских тамилов в 1953 г., тыс. человек	Доля в населении, %	Площадь, занятая под плантациями на 31.XII.1951, тыс. акров		Удельный вес плантаций в посевных площадях, %
			чая	каучука	
1. Западная	105	4,7	7,8	85,9	31
Коломбо	72	4,2	0,6	23,2	
Калутара	34	6,6	7,2	62,7	
2. Центральная	490	35,6	264,0	38,5	66
Канди	256	30,5	145,1	18,2	
Матале	41	20,2	18,0	20,2	
Нувара-Элия	193	59,2	100,9	0,1	
3. Ува					
Бадулла	166	35,6	84,5	14,5	64
4. Сабарагамува	145	16,3	72,6	139,5	61
Ратнапура	87	20,7	51,7	57,1	
Кегалла	58	12,4	20,9	82,4	
5. Южная	22	4,9	26,4	45,9	25
Галле	11	2,1	14,1	34,2	
Матара	11	2,8	12,3	11,6	
Хамбантота			—	0,1	
6. Северная	18	3,2	—	—	—
Джафна	8	1,6	—	—	
Маннар	8	18,3	—	—	
Вавуния	2	6,7	—	—	
7. Северо-Западная	17	2,0	0,8	12,8	4
Курунегала	10	1,6	0,8	12,8	
Путталам	1	1,8	—	—	
Чилой	6	3,6	—	—	
8. Северо-Центральная					
Анурадхапура	3	1,5	—	—	
9. Восточная	5	1,4	—	—	
Баттикалоа	2	0,7	—	—	
Тринкомали	3	4,1	—	—	
Весь Цейлон	975	12,0	456,1	337,4	33,4

Составлена по: [13; 1953, т. I; 15, 1952, ч. I, табл. 1; ч. II, табл. 1; 2,25].

За пределами плантационных районов наибольшее число индийских тамилов поселилось в столичной Западной провинции. Однако за пре-

делами Центрального нагорья немногочисленные группы индийцев связанны уже не с плантациями, а другими видами занятий. Вне плантационного района удельный вес индийских тамилов сравнительно высок лишь в округе Маннар Северной провинции. В этом округе, как уже упоминалось, находится один из основных портов иммиграции.

Развитие плантационного хозяйства коренным образом изменило как экономическую географию Цейлона в целом, так и географию населения Центрального нагорья. К началу XIX в. коренное население этого района — кандийские сингалы, будучи рисоводами, освоили главным образом только засушливую часть нагорья. Их посевы риса на террасированных склонах идут преимущественно до высоты 900 м [7, 169, 285—286].

Плотность населения, вообще невысокая в центральных районах острова, на уровне выше 900 м была ничтожной, снижаясь до 4—10 человек на 1 кв. км к югу от Канди и даже ниже 4 человек к югу и западу от Нувара-Элия (1824 г.). Через 100 лет плотность населения в западных районах нагорья выросла до 100—400 человек на 1 кв. км [7, 184—187]. Здесь, в округах Канди и Нувара-Элия, сосредоточено выше половины насаждений чая, причем на склонах холмов на высоте 600—1200 м собирают 65% чайного листа [2, 28; 51, 52—53]. Если в нижней части нагорья преобладают в населении кандийцы и рисовые поля соседствуют с плантациями, то выше 900 м индийские тамилы, которые живут в плантационных поселках, составляют большинство населения [7, 168].

Таким образом, в районах чайных плантаций индийские тамилы были фактически поселенцами-первооткрывателями. В меньшей степени это относится к каучуковому району Ратнапура.

По социальному составу группа индийских тамилов довольно однородна и резко отличается от других национальных групп Цейлона. Подавляющее большинство индийских тамилов на Цейлоне связано с плантациями и составляет основу класса сельскохозяйственных рабочих. Только 7,6% индийских тамилов живет в городах (1953). По данным переписи 1953 г., из всего населения, связанного с плантациями (1009 тыс. человек), индийские тамилы составляли 809 тыс. (80%) [13, табл. 27]. По оценке 1961 г., индийское население на плантациях достигало 932 тыс. человек, в том числе непосредственно занятых на плантациях — 434 тыс. человек (74,4% плантационных рабочих)⁸. Рамачандра Рао считает, что примерно 200 тыс. индийцев не связано с плантациями [27, 33]. Эта цифра завышена, так как, по переписи 1953 г., в неплантационных районах живет всего 140 тыс. индийских тамилов. Это докеры и рабочие на фабриках, рикши, слуги, ремесленники (портные, цирюльники, сапожники, по-видимому из соответствующих каст), а также мелкие фермеры (овощеводы и молочники) и т. д.⁹.

Значительная часть индийцев, включая индийских мавров, индийских тамилов и индийских резидентов, занята в торговле и предпринимательской деятельности. Индийские капиталовложения оцениваются Рао в 200 млн. рупий, индийцам принадлежат 30 тыс. акров плантаций и 50 тыс. акров насаждений кокосовой пальмы. Но индийская буржуазия на Цейлоне многонациональна. Только часть ее составляют тамилы (главным образом каста наттукоттай четтиар), остальные —

⁸ Из этого числа 397 тыс. работают на чайных плантациях (92% занятых в выращивании чая), 40 тыс.— на каучуковых плантациях (18% занятых) и 2 тыс.— на прочих [29, 173].

⁹ Кроме тамилов среди этой группы индийцев имеется некоторое количество малайяли.

мемоны и парсы из Гуджарата, синххи и патханы [27, 33; 18, 21—22]. Индийское население, не связанное с плантациями, как правило, прибыло позже, чем основная масса индийских тамилов.

Индийские тамилы внесли огромный вклад в экономику Цейлона. Их трудом была создана главная экспортная отрасль хозяйства, определяющая специализацию Цейлона в международном капиталистическом разделении труда. Продукция чайных и каучуковых плантаций дает в 60-е годы около 80% экспортной выручки Цейлона [8, 217]. Составляя 12% населения, индийские тамилы производят около четверти национального продукта Цейлона¹⁰. Однако это самая обездоленная часть населения острова, наиболее жестоко эксплуатируемая (главным образом английским капиталом). Средняя поденная заработка плата на чайных плантациях составляет 2,4 рупии для мужчин, 1,9 рупии для женщин и 1,6 рупии для детей и подростков. Это в 1,5—2 раза ниже, чем заработка плата неквалифицированных рабочих в промышленности и на транспорте, намного ниже заработной платы на плантациях гевеи, где работают главным образом сингалы [29, 285]. Даже повышение заработной платы, связанное с девальвацией цейлонской рупии, не коснулось плантационных рабочих [25, 9.VIII.1970].

Грамотность среди индийских тамилов самая низкая по сравнению с другими группами населения. И в довершение всего эта группа населения в большинстве своем лишена гражданских прав.

* * *

Острота национального вопроса на современном Цейлоне осложняет положение индийских тамилов. С другой стороны, неопределенное и бесправное положение этой группы населения усиливает национальный антагонизм.

Сингалы и тамилы живут рядом уже сотни лет. Тем не менее исследователи Цейлона единодушно отмечают отсутствие национальной вражды и религиозной нетерпимости в докапиталистический период развития Цейлона, в частности отсутствие сингало-тамильского конфликта, несмотря на различия в языке и религии. Авторитетный цейлонский историк Г. Мендис убедительно доказывает, что национальный антагонизм на Цейлоне возник лишь после английского завоевания, в результате перестройки экономики Цейлона на капиталистический лад [21, 4, 11, 15]. К тому же выводу приходит и английский географ Б. Фармер, который в специальной книге прослеживает исторические и географические аспекты проблемы [17].

Изменения в экономической структуре острова вызвали к жизни новый средний класс — буржуазию, буржуазную интеллигенцию и государственных служащих из числа сингалов, получивших английское образование. С развитием этого класса и зарождается сингальский национализм, направленный прежде всего против цейлонских тамилов, у которых тоже выделился средний класс, аналогичный сингальскому, а также против индийской буржуазии. Неравномерность развития капитализма в различных районах обусловила и неравномерное экономическое и культурное развитие отдельных национальных и религиозных групп. Значительные привилегии получили христиане, особенно группа бургевор-горожан. Наиболее отстали так называемые горные или канкийские сингалы, которые дольше всех сопротивлялись англий-

¹⁰ В 1961 г. доля производства чая и каучука в совокупном национальном продукте составляла 23,5% [29, 285].

ским завоевателям и были лишены значительной части своих земель в результате развития плантационного хозяйства.

Не следует забывать также и о традиционной британской империалистической политике, которая способствует возникновению национальных и религиозных конфликтов, а затем использует их для упрочения власти колонизаторов.

Известно, что ввоз индийских кули на плантации Центрального нагорья был связан с тем, что в этом районе товарно-денежные отношения не были развиты и местное население, привязанное к своему мелкому земледельческому хозяйству, не хотело идти на плантационную каторгу. Существовала также версия, что кандийские сингалы вообще не способны к тяжелому, упорному, регулярному труду.

Однако объяснения эти односторонни. Н. Саркар прямо указывает: «Неправда, что сингальские рабочие были заменены потому, что они менее производительны, чем индийские иммигранты, или менее приспособлены к тяжелой работе» [28, 172]. Индийцы были доставлены на Цейлон не только потому, что их рабочая сила стоила дешевле, но и потому, что ими было легче управлять. Их можно было противопоставить только что покоренным кандийцам, чьи пастбищные и лесные угодья были экспроприированы¹¹. Конфликт между кандийскими сингалами и индийскими тамилами — составная часть сингало-тамильского конфликта на Цейлоне — возник не по экономическим, а по политическим причинам. Кандийских сингалов никогда не привлекала работа на плантациях, и индийцы не были их конкурентами в экономическом плане. Но они перенесли свою враждебность к англичанам на тамильских кули, «потому что индийские рабочие ассоциировались с английскими плантаторами, которые захватили их земли» [28, 184].

Сингало-тамильский конфликт обострился в результате экономического кризиса 30-х годов, а после провозглашения независимости — в связи с вопросом о государственном языке. После провозглашения сингальского языка единственным государственным языком Цейлона (1956 г.)¹² имели место национальные беспорядки во многих районах со смешанным населением, причем к вопросу о языке прибавился конфликт из-за земли между цейлонскими тамилами и переселенцами-сингалами, например, в районе Гал-Оя (Восточная провинция).

Способствуя переселению индийской рабочей силы в заморские плантационные районы Британской империи, английские колониальные власти декларировали равенство в правах (вернее было бы сказать — равенство в бесправии) иммигрантов и коренного населения. Это положение было подтверждено для Цейлона в 1921 г. Однако уже в 1927 г., под давлением нового сингальского среднего класса, который в этот период приобрел большое влияние, были приняты дискриминационные меры против индийцев.

Так называемая конституция Дономора устанавливала пятилетний срок пребывания на острове для получения избирательных прав. В 1939 г. под флагом «цейлонизации» из государственных учреждений были изгнаны 2157 человек из числа 6624 индийцев, занятых в этой

¹¹ Это обстоятельство, несомненно, имело значение и при ввозе индийцев в другие страны.

¹² Не рассматривая подробно проблему государственного языка, отметим, что провозглашение сингальского языка государственным взамен английского, несомненно, было прогрессивным актом и было направлено прежде всего против прозападной элиты, тесно связанной с колонизаторами. Позже правительство пошло на большие уступки тамилам, и 8 января 1966 г. парламент одобрил декрет о применении языка тамилов в качестве официального в Северной и Восточной провинциях и о переводе на этот язык всех государственных актов [26, 164—166].

сфере. Политические дискриминационные меры после кризиса 30-х годов сочетались с ограничением иммиграции, а также с рядом ограничений в экономической деятельности иммигрантов (участие в рыболовстве, транспортных предприятиях, землевладении и т. д.) [27, 54—56]. Как уже указывалось, в ответ на это англо-индийское правительство запретило эмиграцию неквалифицированной рабочей силы на Цейлон. Переговоры о судьбе индийцев на Цейлоне, которые велись в 1940 и 1941 гг., ни к чему не привели [12, 89].

После провозглашения независимости индийские тамилы на Цейлоне оказались в положении иностранцев и лиц без гражданства. Два законодательных акта определяют гражданство независимого Цейлона [27, 70]: Закон о цейлонском гражданстве от 1948 г. [Ceylon Citizenship Act of 1948] и Закон о гражданстве индийских и пакистанских резидентов [Indian and Pakistani (residents) Citizenship Act of 1949]. По первому закону автоматически считались гражданами Цейлона лица, у которых два или три предка (т. е. дед и прадед) по отцовской линии родились на Цейлоне. Индийские тамилы под эту категорию практически не подпадали. Что касается второго закона, то он ограничивал приобретение цейлонского гражданства рядом условий. Гражданство могли получить после подачи соответствующих заявлений женатые люди, которые прибыли не позднее 1 января 1939 г., причем семьи должны были жить на Цейлоне; холостяки, прибывшие не позднее 1 января 1936 года; прочие резиденты, если они имеют обеспеченные средства к жизни. Закон предусматривал, что лица индийского происхождения могут быть объявлены нежелательными иммигрантами.

С 5 августа 1949 г., когда закон вступил в силу, до 5 августа 1951 г. поступило 237 тыс. заявлений от глав семей о приобретении цейлонского гражданства. Но процедура рассмотрения этих заявлений оказалась столь длительной, сложной и запутанной, что к 1953 г. были удовлетворены лишь 7,7 тыс. заявлений, и цейлонское гражданство получили лишь 26,4 тыс. человек [23, II].

Индийские тамилы не могли автоматически стать гражданами Индии. Для этого, согласно ст. 8 Конституции Индии, требовалось подать заявление в дипломатическое представительство Индии на Цейлоне. Очень немногие лица индийского происхождения приобрели индийское гражданство таким путем [23, II].

Став независимыми государствами, Индия и Цейлон постоянно предпринимали усилия с целью урегулировать проблемы индийцев на Цейлоне. Уже в 1947 г. произошли переговоры между Дж. Неру и тогдашним премьер-министром Цейлона Д. Сенанаяке. Переговоры возобновились в июне 1953 г. Предложения Сенанаяке сводились к следующему: 400 тыс. индийцев получат гражданство по закону 1946 г., 250 тыс. будут иметь право на постоянное проживание и их будущее будет решено через 10 лет, остальные 300 тыс. должны быть депатриированы в Индию в обязательном порядке. Кодикара отмечает, что Неру склонялся к этой схеме, но был категорически против насилиственной депатриации, опасаясь precedента [12, 20].

Переговоры на высшем уровне возобновились в январе 1954 г., на этот раз между Неру и Дж. Коталавала. Соглашение предусматривало прекращение незаконной иммиграции и усиленную борьбу с ней¹³. Индийцы на Цейлоне должны были пройти регистрацию. Те, кто не прошел регистрацию, объявлялись нелегальными иммигрантами и вы-

¹³ Соглашение о пресечении нелегальной иммиграции предусматривало патрулирование Палкского пролива и побережий с обеих сторон.

дворялись из страны. Лица, не получившие цейлонского гражданства, должны были стать подданными Индии. Это соглашение не решило проблемы в целом, но должно было установить правовой статус лиц индийского происхождения на Цейлоне. Однако соглашение Неру — Коталавала не было выполнено. К 1962 г. цейлонское гражданство (на основе закона 1949 г.) получили всего 134 тыс. человек [23, II]. В качестве индийских граждан было зарегистрировано примерно 100 тыс. человек, но главным образом в городах [130, 19.IX.1964]. Таким образом, основная масса индийских тамилов оказалась в положении лиц, не имеющих гражданства. Свыше 200 тыс. человек числятся нелегальными иммигрантами, и к сентябрю 1961 г. 46 тыс. лиц индийского происхождения были высланы из страны без объяснения а 47 тыс. — как лишенные средств к существованию [22, 15].

Новый этап в решении проблемы наступил в 1964 г. После визита министра иностранных дел Индии на Цейлон и других дипломатических акций в октябре 1964 г. в Дели состоялась встреча между главами правительств обеих стран. Результатом этих переговоров было соглашение о лицах индийского происхождения на Цейлоне, подписанное 30 октября 1964 г.

Основное содержание этого соглашения следующее. Из 975 тыс. индийцев на Цейлоне (эта цифра не включает «нелегальных иммигрантов» и лиц, имеющих индийские паспорта) 300 тыс. должны стать цейлонскими гражданами, 525 тыс. — индийскими, судьба остальных 150 тыс. будет решена позднее. 525 тыс. лиц, получающих индийское гражданство, подлежат репатриации в течение 15 лет, в этот же срок будет происходить получение цейлонского гражданства для 300 тыс. человек. Цейлон обязался обеспечить для лиц индийского происхождения нормальные условия жизни и гарантировать им те рабочие места, которые они занимают в настоящее время [19, 1964, № 20, 589—592].

Соглашение Шастри — Бандаранайке встретило одобрение в демократических кругах индийской и цейлонской общественности, в то же время реакционные, шовинистические организации, особенно тамильские, отнеслись к нему отрицательно.

«Индо-цейлонское соглашение, — писала цейлонская коммунистическая газета „Трибюн“, — вносит радикальные изменения в политическое положение». Газета подчеркивает, что это соглашение будет способствовать сплочению всех национальных групп Цейлона и ослабит влияние на сингальские массы реакционных шовинистических партий. В то же время коммунистическая пресса решительно выступала против какой-либо дискриминации в отношении новых цейлонских граждан [30, 21.XI.1964].

В специальной резолюции Национального совета компартии Индии, принятой в Тривандрэме 8 ноября 1964 г., соглашение приветствуется как фактор, который устраняет препятствия на пути цейлонско-индийской дружбы. Резолюция предлагает немедленно разработать план для эффективного расселения репатриантов, позаботиться о том, чтобы они были хорошо приняты на родине и могли бы применить свои способности и труд для службы стране [25, 15.XI.1964].

Высоко оценивая политическое значение соглашения Шастри — Бандаранайке, не следует закрывать глаза на слабые его стороны, которые были видны уже в момент его заключения. Следует помнить, учитывая опыт прошлого, и о тех политических и экономических трудностях, которые стоят на пути его проведения в жизнь.

Прежде всего соглашение декларировало лишь основные принципы решения проблемы. Не был решен вопрос о 150 тыс. индийских тами-

лов; к тому же на переговорах речь шла о 975 тыс., в то время как на Цейлоне уже в момент переговоров насчитывалось свыше 1100 индийцев, не говоря о естественном приросте.

Поскольку горожане из числа индийских тамилов в большинстве своем уже получили цейлонское подданство, репатриации подлежат почти исключительно плантационные рабочие. Встает вопрос, возможно ли в этих условиях обеспечить потребности плантаций в рабочей силе. Правда, условия на Центральном нагорье изменились коренным образом. Господство товарно-денежных отношений, обезземеливание канадийских сингалов заставляют их идти на плантации. С 1921 по 1961 г. количество цейлонских граждан, работающих на плантациях, выросло с 63 тыс. до 150 тыс., в то время как количество индийских тамилов на плантациях за этот период снизилось с 494 тыс. до 434 тыс. Но и сейчас цейлонские граждане составляют всего 25,6% плантационных рабочих, причем заняты они преимущественно на производстве каучука, вблизи от своих деревень [15, ч. IV, 14; 29, 173]¹⁴.

С другой стороны, расселение репатриантов в Индии представит достаточно сложную проблему, хотя ежегодно должны будут прибывать не более 30—40 тыс. репатриантов с Цейлона. Естественно, что тамилы будут расселяться прежде всего в штате Тамилнад (бывший Мадрас). Между тем в условиях аграрного перенаселения очень трудно найти для репатриантов свободные земли, а южноиндийские плантации не смогут принять большого количества новых рабочих. Тамилнад был и остается одним из важнейших районов с оттоком населения. Так, за десятилетие (1951—1961) чистая эмиграция из этого штата только в другие штаты Индии составила 508 тыс. человек [14а, 651].

Нельзя не учитывать и тот факт, что Цейлон — не единственная страна, из которой прибывают репатрианты в Индию.

Трудности экономического порядка обнаружились уже в момент подписания соглашения. Но на пути его выполнения встали и трудности политического характера. Уже в декабре 1964 г. Индия заявила Цейлону протест по поводу ущемления прав новых цейлонских граждан, которых включили в особые избирательные списки, что противоречило духу соглашения Шастри — Бандаранайке [19, 1965, № 23, 679].

Поражение правительства Сиримаво Бандаранайке на парламентских выборах в марте 1965 г. поставило под удар выполнение соглашения. Дело в том, что все тамильские организации, включая и новых индийских граждан, поддержали Объединенную народную партию Дадли Сенанаяке, и одной из причин этой поддержки было соглашение о судьбе индийских тамилов.

При обсуждении программы нового правительства в парламенте (апрель 1965 г.) оппозиция потребовала, чтобы были возобновлены переговоры с Индией с целью устранения трудностей, возникших в осуществлении соглашения Шастри — Бандаранайке, и чтобы были даны «безусловные гарантии» выполнения этого соглашения. Было прямо сказано, что «имеет место попытка саботировать это соглашение, чтобы удовлетворить требования определенных кругов» [30, 24.IV.1965]. Прошло, однако, еще длительное время, прежде чем правительство Сенанаяке официально подтвердило свое намерение выполнять договор о судьбе индийцев на Цейлоне.

Парламент Цейлона в феврале 1969 г. утвердил специальные правила, регулирующие осуществление индо-цийлонского соглашения. Была

¹⁴ В 1961 г. цейлонские граждане составляли 72% занятых на каучуковых плантациях и всего 8% — на чайных [29, 173].

создана особая должность комиссара, который наблюдает за ходом предоставления индийским тамилам цейлонского или индийского гражданства и ведет специальные списки (регистры) граждан, получивших цейлонское гражданство, и лиц, подлежащих депатриации [11, 1968, № 16, 8267]. По этому вопросу поддерживались контакты между индийским и цейлонским правительствами, собирался смешанный цейлонско-индийский комитет по осуществлению договора и т. д.

Но в целом претворение в жизнь положений договора Шастри — Бандаранайке шло очень вяло. Помимо экономических препятствий, о которых говорилось выше, существуют разногласия между Индией и Цейлоном в толковании договора, например: должно ли поддерживаться обязательное соотношение 7 : 4 между количеством депатриантов в Индию и числом индийских тамилов, получающих цейлонское гражданство, должна ли депатриация лиц, получивших индийское гражданство, быть предварительным условием для предоставления цейлонского гражданства соответствующему числу индийских тамилов.

До сих пор депатрировано в Индию и получало цейлонское гражданство небольшое число индийских тамилов, хотя даже официальные данные об этом противоречивы. Так, цейлонское министерство иностранных дел и обороны объявило, что до 31 мая 1970 г. только 12 798 человек, подлежащих депатриации, уехали в Индию, а цейлонское гражданство получили 7316 человек (с семьями). По данным же индийского дипломатического представительства в Коломбо, число депатриантов в Индию составило к маю 1970 г. около 16 тыс. человек и еще 72 тыс. зарегистрированы как индийские граждане [23, IV].

Победа Объединенного левого фронта и создание правительства Сиримаво Бандаранайке должны активизировать осуществление соглашения Шастри — Бандаранайке. Правительство Цейлона подтвердило свою приверженность «духу и букве» соглашения и немедленно установило контакт по этому поводу с индийским правительством. В то же время программа левого правительства предусматривает меры по улучшению жизни плантационных рабочих (восстановление рисового пайка, включение школ для детей индийских тамилов в общую государственную систему бесплатного обучения, отмена ограничений профсоюзной деятельности [25, 9.VIII.1970]. Правительство Цейлона вовсе не желает, чтобы массовая и быстрая депатриация индийских рабочих вызвала дезорганизацию плантационного хозяйства. С другой стороны, Индия пока не готова к массовому приему депатриантов.

Тем не менее соглашение Шастри — Бандаранайке вступило в силу, и значение его велико. Прежде всего, сделан шаг по пути урегулирования одного из важных международных споров и устранения единственного препятствия в развитии дружественных отношений между Индией и Цейлоном. Во-вторых, статус миллиона лиц индийского происхождения, живущих на Цейлоне, будет поставлен на твердую правовую основу. В-третьих, успешное выполнение соглашения Шастри — Бандаранайке имело бы положительное значение и для будущего индийских общин, которые имеются во многих странах Африки, Америки, Азии и Океании.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бонифатьева Л. И., Ершов Ю. А., Цейлон. Географические очерки, М., 1962.
2. Ершов Ю. А., Цейлон. Экономика и внешняя торговля, М., 1957.

3. Кочнев В. И., Население Цейлона. Историко-этнографический очерк, М., 1965.
4. Маслов Ю. Н., Плантационное хозяйство Цейлона, М., 1968.
5. Молчанов Г., Цейлон, М., 1964.
6. «Народы Южной Азии», М., 1963.
7. Сильва С. Ф. д.е., География Цейлона, М., 1955.
8. «Современный Цейлон. Справочник», М., 1967.
9. «Численность и расселение народов мира», М., 1962.
10. Agnihotri V., Workers of Indian Origin Abroad,— «Indian Labour Journal», 1962, vol. 3, № 9.
11. «Asian Recorder», New Delhi.
12. Bains J. S., India's International Desputes. A Legal Study, London — Delhi, 1962.
13. «Census of Ceylon 1953», vol. I, Colombo, 1957.
14. «Census of India 1961», vol. IX, pt.II-C(II)-i, Madras, 1964.
- 14a. «Census of India 1961», vol. IX, pt I-C, Madras, 1964.
15. «Ceylon Census of Agriculture 1952», Colombo.
- 15a. «Ceylon Yearbook», Colombo.
16. Davis K., Population of India and Pakistan, Princeton, 1951.
17. Farmer B. H., Ceylon. A Divided Nation, London, 1963.
18. Hulugalle H. A., Ceylon, Colombo, 1954.
19. «Indian Information», New Delhi.
20. Kodikara S. U., Persons of Indian Origin in Ceylon,— «Foreign Affaires Reports», 1964, vol. 13, № 2.
21. Mendis G. S., Ceylon To-day and Yesterday, Colombo, 1957.
22. Mookherji S. B., The Exodus of the Overseas Indians,— «Eastern World», 1964, vol. 18, № 11.
23. Mukherji S., Indo-Ceylon Relations. «Stateless» in Ceylon (I—IV),— «New Age», 23.VIII, 30.VIII, 6.IX, 13.IX, 1970.
24. Mukherji R., Migrant Asia, Roma, 1936.
25. «New Age», New Delhi.
26. «Parliamentary Journal of the Parliaments of the Commonwealth», 1966, № 2.
27. Rao P. R. R., India and Ceylon. A study, Bombay, 1954.
28. Sarkar N. K., The Demography of Ceylon, Colombo, 1962.
29. «Statistical Abstract of Ceylon 1962», Colombo, 1962.
30. «Tribune», Colombo.

И. М. Оранский

К ЭТНОГРАФИИ ИНДОЯЗЫЧНОЙ ГРУППЫ ПАРЬЯ
(Гиссарская долина)

В предварительных сообщениях об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте группы парья и в публикации фольклорных текстов на этом диалекте [19, 144 и сл.; 13] уже приводились некоторые сведения общего характера об этой небольшой этнографической группе. В настоящее время представляется возможным пополнить эти сведения новыми материалами, собранными во время поездки (1964 г.) в районы расселения этой группы.

В пределах Средней Азии сёмы группы парья встречаются на всем протяжении Гиссарской долины, а также в районах по верхнему течению Сурхан-Дарьи — от пригородов Душанбе на северо-востоке и до района Сары-Асия — Денау (Узбекская ССР) на юго-западе. Большая часть парья сосредоточена в пределах нынешнего Гиссарского района (включая бывший Шахринауский) Таджикской ССР. Далее к юго-западу количество парья постепенно уменьшается и за пределами района Сары-Асия — Денау они встречаются, по-видимому, лишь отдельными семьями. Парья живут небольшими группами (обычно от 3—4 до 15—20 семейств, связанных друг с другом более или менее близким родством и свойством), разбросанными по всей этой обширной территории и малозаметными среди окружающего таджикского и узбекского населения. Районов с компактным населением парья на указанной территории не имеется. В таджикских и узбекских кишлаках семьи парья селятся, как правило, рядом, образуя иногда более или менее обособленные кварталы, как, например, кишлачок Афгоно, примыкающий к селению Лангари Боло (кишлачный совет Ханака Гиссарского района), и др. По моим подсчетам и по расспросным сведениям, в пределах указанной территории имеется до 200—250 хозяйств парья, и, таким образом, численность этой группы в Средней Азии составляет примерно 1000 человек. В настоящее время большинство представителей этой группы вместе с основным населением указанных районов работает в хлопководческих колхозах. Насколько я могу судить, по своим обычаям, одежде, пище, типу жилища, бытовому укладу, религиозным верованиям (мусульмане суннитского толка) парья не отличаются сколько-нибудь заметно от окружающего населения. Дети обучаются в таджикских и узбекских школах.

Группа парья полностью двуязычна (родной индоарийский диалект и таджикский язык в одной из диалектных его разновидностей). В семье, в домашнем обиходе, в кругу соплеменников основным средством общения служит родной диалект. Несмотря на малочисленность

группы парья, полное ее двуязычие и таджикско-узбекское окружение, в семье этот диалект очень устойчив. Прожив некоторое время в различных семьях этой группы, могу утверждать, что самые младшие, едва начавшие говорить дети объясняются исключительно на родном диалекте и лишь впоследствии овладевают таджикским или узбекским языком (иногда и тем и другим одновременно). Даже в смешанных семьях (муж — парья, жена — таджичка) дети благодаря тесному общению с родственниками отца владеют, как правило, диалектом группы парья. Встречаются семьи, в которых таджички (в одном случае узбечка), оказавшись замужем за представителями этой группы, начинают спустя некоторое время разговаривать на диалекте парья.

За пределами семьи и тесного круга соплеменников языком повседневного обихода служит таджикский, которым свободно владеют все члены группы парья, включая женщин. Многие мужчины (особенно в районах и колхозах с преобладающим узбекским населением) говорят также по-узбекски. Учащаяся молодежь объясняется более или менее свободно и по-русски.

Письменности на родном диалекте, разумеется, не существует, и представления парья о своем прошлом не простираются далее памяти об одном-двух поколениях, предшествующих старшему из ныне живущих. Согласно этим представлениям, основным занятием группы парья в прошлом было земледелие (*kištukóг*), в частности табаководство (*tamoto-kukogí*) и огородничество. Из зерновых культур сеяли пшеницу (*gap-dúm*), рис (*šálí*), на бахчах и огородах выращивали лук (*riyóz*), баклажаны (*bengá*). Скот держали, однако скотоводство не являлось для них, видимо, ведущей отраслью хозяйства. Ремесленным производством парья никогда не занимались.

В Среднюю Азию парья переселились из Афганистана. О времени их переселения трудно сказать что-либо определенное. По-видимому, отдельные подразделения, а может быть, и отдельные семьи этой группы приходили сюда неодновременно. В отношении некоторых семейств можно с уверенностью утверждать, что уже деды нынешнего среднего и даже старшего поколения жили на территории Средней Азии; другие семьи пришли, вероятно, позже. Нередко семьи меняли свое местожительство, переезжая с места на место как в пределах Средней Азии, так и в Афганистане.

Своей родиной парья считают местность Лагман (*Laγmon*)¹, расположенную между Кабулом и Джелалабадом². По словам стариков парья, в Лагмане живут многие семьи их соплеменников, в частности семьи подразделения калу³; там же, в Лагмане, отчасти также в районах Кабула, Ханабада, Таликана обитают или обитали и другие подразделения этой группы.

¹ По административному делению Афганистана на конец 1952 г. долина Лагман входила в Лагманский округ, составляющий западную часть Восточной (Джелалабадской) провинции. Центром этого округа является селение Тиргери (у различных авторов и по различным картам также Тигри, Тигир, Тагир и т. д.), расположенное при слиянии рек Алингар и Алишенг. См. карту административного деления Афганистана, помещенную в ежегоднике «Кабул» за 1952/1953 г. и воспроизведенную М. Г. Пикиулиным [20 (вклейка между стр. 66 и 68)], [20, 65, табл. 2] и [21, стр. 110]. Обычно под Лагманом понимают область, расположенную в среднем и нижнем течении Алишанга и Алингара, однако в источниках и в записках различных путешественников под этим термином понимается нередко и часть долины Кабула, начиная от «устыя Лагманской долины» и до самого Джелалабада, включая его округ, а также соседние долины. См. также: [10, 70, 103—105].

² Впрочем, отдельные представители этой группы утверждали, что их отцы были выходцами из районов Балха и Таликана.

³ О подразделениях группы парья см. ниже, стр. 228.

Представители старшего, отчасти также среднего поколения, знают (в основном понаслышке) и о других городах и населенных пунктах Афганистана (Джелалабад, Таликан, Ханабад, Балх, Мазари-Шариф, Андхой, Гульбахар, Булягайн)⁴, о реках Кабул, Гурбанд, Хажданахар⁵, Гильменд⁶, об афганских (паштунских) племенах гильзай (*haljai*), сафи, дуррани (*durranai*).

Еще более смутными и отдаленными являются индийские реминисценции: сохранились в памяти названия Пешавер, Мультан, в какой-то мере осознается (хотя и далеко не всеми), что их предки были как-то связаны с Индией и что с Индией связан их родной диалект.

Наиболее существенным фактом является здесь твердое представление парья о том, что их отцы и деды считали себя мюридами шейха Шамси Табризи (Хазрати Шамс)⁷, имя и легендарные деяния которого связываются с территорией Индии. Там же находится, по словам моих дикторов, его могила. С Индией и с шейхом Шамси Табризи связывают нашу группу и другие выходцы из Афганистана, в частности представители группы кавол (шех-момади)⁸. Восьмидесятилетний Бозор-бой, выходец из Рустака (Северный Афганистан), отмечал, что представители нашей группы иногда называли себя по имени своего пира — Табризи⁹. Широко известна в этой среде легенда о том, как по просьбе Шамси Табризи солнце спустилось с неба, чтобы изжарить ему мяса. В таджикском тексте этой легенды, записанном в одном из селений группы кавол (шех-момади)¹⁰, по отношению к группе парья дважды употреблен термин «хиндустанцы» (*hindustoniyo*). Не может быть никакого сомнения в том, что этот текст представляет один из вариантов легенды о шейхе Шамси Табризи, деятельность которого связывается в литературе с Мультаном¹¹.

Приходилось слышать и о другом — уже не столь легендарном — пире, который жил где-то в окрестностях Регара, видимо еще на памяти нынешнего поколения, и которому парья приносили свою лепту¹². Рассказывают легенду о том, как, будучи еще ребенком, этот пир просил отца взять его с собой на козлодранье (*buzkaši*), но отец не взял его. Тогда он оседлал дувал и поскакал на нем вслед за отцом.

⁴ В 1926 г. М. С. Андреевым был записан в сел. Булягайн и еще в нескольких селениях к востоку от Гульбахара диалект «особой филологической группы», образцы которого покойный ученый собирался впоследствии опубликовать: [2, 3 прим.]. Однако записи эти опубликованы не были, и, по сообщению вдовы покойного — А. К. Писарчик, обнаружить их в архиве М. С. Андреева не удалось. Вероятнее всего, М. С. Андреев встретился с распространенными в этом районе говорами пашаи. См. теперь: [40, 1, 6, 16 и др.].

⁵ *haždanahāq* букв. «18 каналов». По словам моих дикторов, находится где-то в районе Балха.

⁶ Гильменд (*Hilband*) упоминается в одной из песен.

⁷ *Sahi-xel iʁiq-i Šams-i Tabrizi* — «Шахи-хель — род Шамси Табризи» (полевые записи 1961 г., Гиссарский район). О термине «шахи-хель» см. ниже, стр. 228.

⁸ По словам шех-момади, *šaix-i Tabriz pír-i čangaro* — «Шейх Табризи — пир чангаров (парья)» (полевые записи 1961 г., Гиссарский район). Пир (тадж.) — духовный глава, духовный наставник. О термине «чангар» см. ниже, стр. 231. О группе кавол (шех-момади) см.: [17, 62 и сл. 16, 127 и сл.].

⁹ Полевые записи 1961 г., Гиссарский район.

¹⁰ Текст и перевод этой легенды см. [15].

¹¹ См. [42, I, 546]. Там же дальнейшие указания на литературу.

Как сообщает В. А. Иванов, хранители гробницы Шамси Табризи в Мультане отождествляют его с духовным наставником Джалал-ад-Дина Руми. См. [36, 29 и сл.]. Там же (вкл. к стр. 49) фотография самой гробницы. Как явствует из списка работ В. А. Иванова, им посвящена этому мультанскому шейху специальная статья (автору осталась недоступной).

¹² Остается неясным, являлся ли регарский пир муршидом (духовным руководителем, наставником) только для парья или же и для других групп населения.

Как уже отмечалось, верующие парья исповедуют мусульманство суннитского толка. Большой известностью пользуется среди них г. Мазари-Шариф (Северный Афганистан), где находится гробница святого (*avliyo*), являвшаяся в прошлом местом их паломничества¹³. Гробницу эту часто называют *mazor-i saxi*, т. е. «щедрая, благодетельная, целиительная гробница», так как поклонение ей способствует, по словам стариков парья, исцелению от различных болезней. Целебными свойствами обладает, по мнению верующих, также находящаяся около могилы земля, которую паломники, возвращаясь домой, брали с собой для своих близких. Мазари-Шариф часто упоминается также в фольклоре¹⁴.

Сказочный фольклор и анекдоты на диалекте парья представляют в основном сюжеты, известные по сказочному репертуару других народов Средней Азии¹⁵, и извлечь из этого фольклора какие-либо существенные сведения о прошлом группы парья пока не удается. Отметим лишь, что в сказках упоминаются Индия (*Hundustán*) и индузы (*hindú*), отражаются какие-то воспоминания об обычаях индусов и об индо-мусульманских отношениях¹⁶. Привлекают к себе внимание сказка на сюжет «Царь Салтан» [13, текст № 1], а также сказка о «Падишаhe Санавбаре и его неверной жене Гуль» [13, тексты, № III и XV], известная по письменным версиям на персидском, а также хиндустане и других индийских языках. Основное сюжетное ядро и основные действующие лица сказки «Патыхан и Қарамай» [13, текст № XVIII] известны по соответствующей афганской сказке, переведенной на русский язык под названием «Фатех-хан Барецай»¹⁷. Эта сказка интересна, между прочим, своими вставными бейтами, исполняемыми рассказчиком под особую протяжную мелодию не на диалекте парья, а на афганском (пашто) языке. Сохранение этих бейтов указывает на то, что основной текст сказки является переложением с афганского (пашто) языка на язык парья — переложением, при котором стихотворные вставки¹⁸ сохранились на языке оригинала. Для других сказок, опубликованных в указанном сборнике фольклорных текстов (№ II, V, XIII), достаточно близких сюжетных вариантов обнаружить пока не удалось.

Стихов или песен на диалекте парья мне никогда не приходилось слышать, и по словам моих дикторов, песенного фольклора на родном диалекте у них вообще не существует. Как уже говорилось выше, даже вставные бейты, интерполируемые в сказку на языке парья, исполняются не на языке сказки, а на пашто. На пашто исполняются также лирические газели (*țazal*) и песни (*git*). Однако языка пашто представители группы парья не знают, и содержание этих заученных некогда наизусть бейтов и песен известно даже исполнителям лишь в самых об-

¹³ О Мазари-Шарифе как о религиозном центре Афганистана и месте паломничества сообщают многочисленные ученые и путешественники, писавшие об Афганистане. Из последних работ на русском языке см., например: [20, 231]. См. также новый путеводитель [10, 121—122]. Там же (в конце книги) фотография гробницы.

¹⁴ В одной из песен рассказывается о девушке, собирающейся на поклонение (*ziyarat*) в Мазари-Шариф с мольбой о том, чтобы ее выдали замуж за возлюбленного. Очень интересна песня о паломничестве в Мазари-Шариф и производящихся там обильных пожертвованиях скота на угощение народу (*xudoyi*). Записать ее, к сожалению, не удалось.

¹⁵ См., например: [13, тексты № IV, VIII, IX, XIV, XVI и др.]. То же относится и к анекдотам из широко распространенного цикла об Афанди (№ X—XII).

¹⁶ Ср., например, описание пира в одной из сказок [13, № XVIII].

¹⁷ См. [3, 93 и сл.], тот же перевод в [25, 88 и сл.].

¹⁸ Такие вставные бейты, в которых герои афганских сказок изливают друг другу свои чувства, называются по-афгански *pāga* букв. ‘крик, возглас, вопль’ (из араб.-перс. **عَزْلَهُ*). Диктор, от которого была записана наша сказка, называл их *fajga* (тадж. лит. *fagyod* ‘крик, вопль’).

щих чертах. Лирические газели и песни исполняются обычно под аккомпанемент двуструнного щипкового инструмента (*dum(b) gá*, тадж. лит. *dumburá*), на особые мелодии (*tašx*), не встречающиеся у местных жителей¹⁹.

Группа парья состоит из нескольких подразделений (*qom, iguγ*), из которых в пределах обследованной территории встречаются следующие: калу (*kalú, kalō*), джитан (*jjítan, jítiyán*), джуни (*júní*), магара (*magará*), бисиян (*bisyáñ, bisyóñ*), мусалли (*muslí, musallí*). Называлось также подразделение шую (*šuyá*), однако ни с кем из представителей этого подразделения встретиться не удалось, и, по словам моих информаторов, после 30-х годов нашего века семейство шую на территории Средней Азии вообще не осталось. Ядро этой группы составляют первые четыре из названных подразделений, объединяемые термином «шахи-хель» (*šaʃ-xel, šahi-xel*): то сор bob šahi-xel — *kalu, júní, jítan, magara* — «Мы шахи-хель — в четырех коленах (ветвях): калу, джуни, джитан, магара»²⁰. Наиболее многочисленным из этих подразделений является подразделение калу, встречающееся по всей Гиссарской долине. Реже встречаются семьи подразделений джуни, джитан и магара.

Несколько особняком стоит подразделение бисиян, представители которого селятся обычно вместе с группой кавол (шех-момади)²¹. Бисиян считают, что их предки пришли в Среднюю Азию из Лагмана и Таликана (*Tolakón*). Представители подразделения калу отмечали, что подразделение бисиян говорит на языке парья «не чисто». Действительно, оба представителя подразделения бисиян, с которыми приходилось работать, производили впечатление людей, нетвердо владеющих этим диалектом. Остается, однако, неясным, является ли это обстоятельство результатом постепенной утраты диалекта парья подразделением бисиян или же результатом того, что этот диалект не является для них родным и усвоен от других подразделений.

Одного из двух лиц, относимых другими парья к мусалли, приходилось встречать в пос. Ханака Гиссарского района²², однако оба они являются метисами (*dıragá*)²³ и о своем подразделении не могли сказать ничего вразумительного. Представления самих парья об этом подразделении, как и о подразделении шую, сбивчивы и противоречивы. Некоторые информаторы утверждали, например, что мусалли и шую вообще не входят в группу парья и что представители этих подразделений научились якобы языку парья от подразделений, входящих в группу шахи-хель²⁴. Приходилось слышать также о том, что группа шую — выходцы из Мультана и что они говорили на особом наречии, отличном от диалекта парья²⁵.

¹⁹ Сотрудники Института языка и литературы АН Таджикской ССР, хорошо знакомые с таджикским и узбекским музыкальным фольклором, прослушав магнитофонные записи этих песен, утверждали, что подобных мелодий они никогда не слышали.

²⁰ Полевые записи 1961 и 1964 гг. (Гиссарский и Регарский районы Таджикской ССР).

²¹ Так, например, в пос. Новабад (местное название Кара-Боло) Ленинского р-на семьи подразделения бисиян живут в самом тесном соседстве с группой кавол. Имеются указания на то, что представители подразделения бисиян (или, во всяком случае, некоторые из них) владеют секретным языком (арго) группы кавол (полевые записи 1961 г., Гиссарский и б. Шахринауский районы Таджикской ССР).

²² Отдельные семьи этого подразделения имеются также в Регарском районе Таджикской ССР и Денауском районе Узбекской ССР (расспросные сведения).

²³ Один из них, по имени Нур-Али, утверждал, что отец его происходит из Ханабада (Северный Афганистан), мать — из Кангурта (б. Кулябская область Таджикской ССР). После смерти отца его мать вышла вторым браком за представителя группы парья, в семье которого Нур-Али и научился еще ребенком языку.

²⁴ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский район).

²⁵ В качестве примера указывалось, что шую говорили *asi* 'иди сюда', *Jasi* 'иди

Различия между отдельными подразделениями группы парья в настоящее время постепенно стираются, однако еще сравнительно недавно вопрос о принадлежности к тому или иному подразделению играл, по-видимому, немалую роль. Еще и сегодня сохраняются представления — впрочем, довольно сбивчивые — о более высоком происхождении одних подразделений и более низком — других. Так, например, при браке юноши из подразделений калу или джуни предпочтительным считается выбор невесты из этих же подразделений и, напротив, брак с девушками из подразделений магара или мусалли считается для калу или джуни как бы неравным. Тем не менее смешанные браки внутри различных подразделений группы парья — явление нередкое. Хотя некоторые информаторы и утверждали, что калу женятся только на девушках из подразделений калу или джуни, мне достоверно известны случаи женитьбы калу на девушках из подразделения мусалли. Известны также случаи, когда девушки из подразделения калу выдавались замуж в подразделение джуни, а из подразделения джуни — в подразделение калу. Подразделение бисиян в брачные отношения с калу (и, по-видимому, вообще с группой шахи-хель), как кажется, не вступает.

Что касается браков с представителями других народов и этнографических групп, то парья часто женятся на таджичках, в единичных случаях также на узбечках и девушках других национальностей, однако дочерей выдают замуж, как правило, только за представителей своей группы²⁶, что мотивируют «благородством» своего происхождения (*istixān-i mā safed* букв. «кость наша чистая, белая»)²⁷. С так называемыми среднеазиатскими цыганами (*jugí*) и среднеазиатскими евреями (*juhúd, jovút*) парья в брачные отношения никогда не вступают.

Дети от смешанных браков называются таджикским термином *durrágá*. В случае смерти старшего брата младший может жениться на его вдове, но в случае смерти младшего брата старший на вдове младшего жениться не может²⁸.

В качестве самоназвания представители изучаемой группы употребляют термин «парья»²⁹. Производным от него обозначается также родной для этой группы индоарийский диалект: *beṭa, tu urusí gal na-kag, tu paryasazí gal kat* — «Сынок, ты по-русски не говори, говори на языке парья».

туда, уходи' (в диалекте парья соотв. *aṛja, Ja*). В диалекте кабули (и почти повсеместно в Афганистане) слово «шуга» (*šuyá*) обозначает шиит (араб.-перс. شیعی). См., например: [29, 15]. Не связано ли с этим словом и название указанного подразделения? Ср. указание на то, что потомки шейха Шамси Табризи в Мультане были мусульманами шиитского толка [42, I, 546].

²⁶ Исключение в этом отношении составляет как будто только группа «кавол» (шех-момади) — выходцы из Афганистана. Известно также несколько случаев, когда члены нашей группы выдавали своих дочерей за паштунов (*kandahorí*).

²⁷ Обычай выдавать дочерей замуж только за представителей своей группы известен и среди некоторых других групп населения Средней Азии (ходжи, сеиды) и Афганистана, относящих себя по тем или иным причинам к «высшему сословию». См., например: [2, 13]. По любезному сообщению Н. А. Кислякова, такая тенденция вообще характерна для небольших этнографических групп Средней Азии.

²⁸ Ср. аналогичные представления у таджиков, во всяком случае в некоторых районах Средней Азии [27, 173].

²⁹ О термине «парья» как о названии низших каст Индии см. [34, 678].

Одним из наиболее характерных признаков диалекта парья (объединяющим его с диалектами Панджаба) является соответствие начального р- начальному bh- в хиндуистии. В связи с этим фонетическим перебоем привлекают внимание названия земельческих джатских кланов *Bháṛ, Bháṛah* в Мультане, *Bháṛuāg* в Амритсаре, название группы *Bháṛí*, разбросанной по Панджабу и Северо-Западной Пограничной Пропинции, исповедующей мусульманство и включающей в себя представителей различных этнических групп и каст [42, II, 84—86, 90].

В качестве самоназваний могут употребляться также термин «шахи-хель» (толкуемый иногда как однозначный термину «парья»)³⁰, названия перечисленных выше подразделений и нисба лагмани (*laγ̩məni*).

Юноша из группы парья

Местное население всех этих терминов не знает и обычно называет представителей группы парья недифференцированным термином «афгоно» — «афганцы»³¹, иногда также *aγ̩onó-yi siyogú* (*siyopúst*) — «темно-лицые (темнокожие) афганцы»³², *aγ̩onó-yi nosfuruš* (*nosprikuš*) — «афганцы — продавцы наса»³³. Парья и сами употребляют по отношению к себе термин «афгоно» в смысле «выходец из Афганистана», но, разумеется, отчетливо отделяют себя от паштоязычных афганцев (*rætán*, *raťán*, *aγ̩ono-yi tozá*, *kandahorí*) и также отчетливо осознают различие между языком пашто (*paxtó*, *rəxto*, *raťaní*)³⁴ и своим индоарийским диалектом³⁵.

³⁰ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский район).

³¹ Как уже приходилось отмечать (11, 243 и сл.), термин «афгон» (*aγ̩on*, мн. ч. *aγ̩ono*) употребляется местным населением по отношению ко всем выходцам из Афганистана и ни в какой мере не может характеризовать этническую или языковую принадлежность тех или иных групп, обозначаемых этим термином. Такое недифференцированное употребление термина «афганец» перешло, к сожалению, и в литературу и в статистические материалы.

³² Местное население считает отличительным признаком описываемой группы темный цвет кожи.

³³ Нас (тадж. *nos*) — местная разновидность жевательного табака. Изготавливается из мелко истолченного табака, смешиваемого с золой, известью и пропитывающего растительным маслом. Изготовлением и продажей наса действительно занимаются многие парья, и местное население склонно рассматривать это занятие как специфическое их ремесло.

³⁴ Произношение *paxtó*, *rəxto* может свидетельствовать о том, что этот термин воспринят группой парья в области распространения восточноафганских диалектов, т. е. на территории б. Северо-Западной Пограничной Провинции Индии или в смежных районах Восточного Афганистана (Джелалабадская провинция и сопредельные области вплоть до Кабула). Для Западного и Южного Афганистана характерно произношение *rašto*. О знакомстве группы парья с восточноафганскими племенами может свидетельствовать и термин *raťap*, употребляемый обычно для обозначения афганцев б. Северо-Западной Пограничной Провинции Индии и смежных с ней районов.

³⁵ Последний по указанной выше причине также называется иногда «афганским» (*lásf-i aγ̩oni*, *zabón-i aγ̩oni*).

Из других терминов, применяемых по отношению к группе парья, наиболее интересным представляется термин «чангар», повсеместно употребляемый шех-момади³⁶, представителями групп согутарош³⁷, джуги³⁸, а также отдельными выходцами из Афганистана³⁹ и Пешавера⁴⁰. Сами парья осознают слово «чангар» как термин, употребляемый шех-момади для обозначения группы парья, и склонны считать, что термины «чангар» и «парья» равнозначны⁴¹. По словам одного из дикторов (Гиссарский район), «мы сами называем себя парья (raguá), шех-момади называют нас чангар (čāngār), а наш язык чангарӣ (čāngārī)».

Термин «чангар» может указывать на связь изучаемой группы с панджабским племенем (или кастой), зафиксированной под этим названием в литературе. По сведениям Г. В. Лейтнера [38]⁴², одно из основных поселений чангаров находится в Лахоре, где они живут в хижинах компактной группой. Перечисляются также следующие районы, указанные самими чангарами как места их расселения: Лудхиана, Амритсар, Фирозпур, Джалаандар, Пешавер и «перегон за Пешавером» («a stage beyond Peshawar»). В Дели и Равальпинди чангары, по их словам, не встречаются, а о Синде они никогда не слыхали. Чангары Лахора утверждали, что они пришли сюда из Дарапа (Дагар, район Сиалкота⁴³) и что их предки — выходцы из Кашмира и патанских гор. Термин «чангар» применяется по отношению к этой группе иноплеменниками и означает, по мнению Лейтнера, «просеивающий (зерно)» (от хинд. čānpā — «просеивать»), ибо члены этой группы занимаются просеиванием пшеницы⁴⁴. Существенно отметить, что среди 11 подразделений («castes», «sub-divisions») группы чангар, зафиксированных Лейтнером, пять совпадают по названиям с подразделениями группы парья: Kále, Māghare, Jiteyán, Basián Jenu (в группе парья соответственно kalú, magará, Jitiyáñ, bisyáñ, juñí). Г. В. Лейтнер подчеркивает, что описанные им чангары не занимаются кузнецким ремеслом, гаданием, воровством, не являются профессиональными музыкантами и что нет никаких оснований связывать их с бродячими племенами Индии⁴⁵.

³⁶ Полевые записи 1957 г. (Куляб), 1961 и 1964 гг. (Гиссарский р-н).

³⁷ Полевые записи 1959 г. (пос. Ханака Гиссарского района). О группе согутарош см.: [16, 128].

³⁸ Полевые записи 1959 г. (Гиссарский и б. Кокташский районы Таджикской ССР). О гиссарских джууги см.: [18, 62 и сл.]

³⁹ Полевые записи 1958 г. (пос. Ханака Гиссарского р-на) и 1961 г. (кишлак Туда Гиссарского р-на).

⁴⁰ Полевые записи 1959 г. (Горная Ханака, Гиссарский р-н).

⁴¹ Полевые записи 1956, 1961, 1964 гг. (Гиссарский район), 1958 г. (Регарский район).

⁴² Другая работа этого же автора [37] остается для меня недоступной.

⁴³ Группа батраков или поденщиков (labourers) под названием «чангар» (Changār) (6000 человек) действительно засвидетельствована среди других низших (menial) каст в районе Сиалкота [35, 326—330].

⁴⁴ О чангарах, отличающихся темным цветом кожи и занимающихся в Лагмане просеиванием зерна, говорил В. В. Кушеву во время его пребывания в Афганистане также один афганец из Тигри (любезно сообщено В. В. Кушевым).

⁴⁵ Не исключено, однако, что в Индии имелись (имеются, возможно, и по сей день) другие, в том числе и бродячие, племена, по отношению к которым иноплеменниками также употреблялся термин «чангар». Так, например, упоминаемое Трумптом (E. Trumpp) чангары, бродящие вдоль рек Панджаба, занимающиеся рыболовством и говорящие на синди, не имеют, по-видимому, ничего общего с чангарами, описанными Лейтнером, и не признаются последними соплеменниками. Н. А. Дворянков, собравший по моей просьбе во время своего пребывания в Афганистане сведения об употреблении некоторых этнических терминов, сообщает (письмо из Кабула от 28.I.1963), что в районах Джалалабада и Лагмана встречается этнографическая группа, называемая паштунаами čāngār или čāngārī (мн. ч. čāngāruṇ) и отличающаяся смуглым цветом кожи и бродячим образом жизни. Свой язык паштуны называют īpkō или hindukō (т. е. тем же термином, которым в Афганистане обозначается язык джатов, гуджаров, иногда также хиндустана).

Другим фактом, свидетельствующим о связи изучаемой группы с чангарами Панджаба, является упоминавшееся уже (см. выше, стр. 226) представление парья о том, что их предки были мюридами шейха Шамси Табризи. С другой стороны, имеются указания на то, что чангры Панджаба были, по их словам, обращены в мусульманство Шамсом Табризи из Мультана. «Словарь племен и каст Панджаба и Северо-Западной Пограничной Провинции» сообщает: «*Chaṇgaṛ*, fem. -ī, -iānī, -nī (*Chhaṇgaṛ* in *Multānī*) — парии («outcasts»), вероятно, местного происхождения. Многочисленны в Гуджарате (*Gujarāt*), Амритсаре, Лахоре, Фирозпуре и Фаридкоте, но особенно в Сиялкоте. Они говорят, что их предки пришли из гор Джамму (*Jammu hills*). Первоначально были бродячим племенем, которое блуждает в поисках работы, но в окрестностях больших городов они оседают колониями. Они исполняют любую работу, однако обычно используются в сельском хозяйстве, особенно как жнецы. Женщины нанимаются обычно для очистки зерна... Все они мусульмане... и, по их словам, были обращены Шамсом Табризи из Мультана... Они чрезвычайно трудолюбивы и совершенно непричастны к преступлениям. Имеют собственный диалект...» [42, II, 153]. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется, по существу, никаких сведений о диалекте панджабских чангров, которые позволили бы сопоставить его с диалектом среднеазиатских парья⁴⁶. Тем не менее приведенные выше соображения дают, по-видимому, известные основания для предположения о том, что обнаруженная в Средней Азии группа парья является одним из ответвлений группы чангров, зафиксированной индийскими переписями конца прошлого и начала нынешнего века в различных районах Северо-Западной Индии.

Некоторые из терминов, обозначающих отдельные подразделения группы парья, нередко встречаются в перечнях наименований племен и каст Индии. Так, например, земледельческий «джатский клан» (a *Jāṭ clan*) *Kallū* отмечен переписями конца прошлого века в Амритсаре, Монтгомери и Шахпуре. Такой же клан под названием *Kalo* отмечен в Амритсаре и Мультане, под названием *Kals* — в Шахпуре и Монтгомери. При этом указывается, что кланы *Kallū* и *Kals* в Монтгомери были мусульманскими [42, II, 441]⁴⁷. Один из лучших в прошлом веке знатоков этнографии Афганистана, Белью, неоднократно упоминает родовые группы (*sections*) под названием *Kalu* в составе различных племен и племенных объединений Афганистана [31, 16—17, 24—25, 45, 79, 92, 114—116, 117—119 и др.]⁴⁸. Генетически термин *kalu* восходит, по-видимому, к др.-инд. *kāla-* ‘черный’⁴⁹.

В связи с названиями подразделений группы парья джуни, магара, джитан упомянем, что земледельческий «джатский мусульманский клан» *Junhī* отмечен в Монтгомери [42, II, 416] и такие же кланы *Mahárá*, *Máhara* и *Jhoṭan* — в Мультане [42, III, 46; II, 387, 416]⁵⁰.

⁴⁶ Лексические материалы и фразы на диалекте чангари (*Changari*, *Tshangari*), приведенные в указанной работе Лейтнера, представляются собранием слов и фраз на одном из искусственных языков (арго) Индии и не могут служить этой цели. См. [13, 182 и сл.].

⁴⁷ Там же упоминается еще несколько племен и кланов (*Kálṛū* в Мультане и др.), названия которых включают в себя элемент *kal'* и могут быть вариантами того же этнического термина.

⁴⁸ Вопрос о том, имеют ли эти группы какое-либо прямое отношение к подразделению *kalu* в Гиссарской долине, остается пока открытым.

⁴⁹ Ср. *kalo* ‘черный, темный’ в диалекте парья. Ср. также в диалектах европейских цыган, где слово *kalo* имеет два значения: 1) черный, 2) цыган. См. [44].

⁵⁰ По распросным сведениям В. В. Кушева, собранным им по моей просьбе в Афганистане, джитан — это племя в Индии, имеющее якобы особую одежду и особый язык; представители этого племени нанимаются обычно в качестве чернорабочих (грузчиков на железной дороге и т. п.).

Употребление терминов «шахи-хель» и «мусалли» достаточно сбивчиво и неопределенно: в различных районах и различными группами населения эти термины употреблялись, по-видимому, по отношению к различным этническим группам. «Словарь племен и каст Панджаба и Северо-Западной Пограничной Провинции» сообщает: «Мусалли — мусульманин-чухра (the Muhammadan Chuhra) Западного Панджаба. Этот термин употребляется обычно к западу от Лахора как синоним к кутани, однако термин мусалли употребляется главным образом на северо-западе, а кутани — на юго-западе. Поскольку, однако, новообращенный чухра продолжает есть падаль и вывозить нечистоты, его называют чухра, и только когда он оставляет эти привычки, его начинают называть мусалли. В пограничных городах мусалли вывозит нечистоты, а на Пешаверской границе служит часто могильщиком или уборщиком и называется также шахи-хель (Shahikhel)» [42, III, 138]. И в другом месте: «Sháhikhel — уборщик („a sweeper“) или могильщик (называемый также musalli) в Пешавере. В Chah Hazára и вдоль берегов Инда — это цыган („a Gypsy“), который живет изготавлением циновок и корзинок из камыша и других плетеных изделий (wicker-work) [42, III, 399]⁵¹.

Большинство парья склонны отделять мусалли от своей группы и во всяком случае от подгруппы шахи-хель (см. выше). По их представлениям, как и по представлениям кавол (шех-момади) и других выходцев из Афганистана, мусалли считаются в Афганистане родом низкого происхождения (*igūt-aš past*), стоящим ниже чангаров (=парья). Другой информатор (потомок выходцев из Пешавера), напротив, настаивал на том, что «мусалли» — это общий термин, покрывающий все подразделения группы парья и равнозначный терминам «чашгарак» и «чангар»⁵².

По его мнению, мусалли — это не кто иные, как «индийские джуги», которых в Индии называют «чури» (*čurí*)⁵³ и которые выполняют там самую грязную работу по очистке улиц и вывозу нечистот. С принятием ислама значительная часть мусалли получила возможность изменить род занятий, наследственный для индийской неприкасаемой касты чухра, и перейти, в частности, к земледелию (обычно в качестве наемных работников).

О социальном положении и роде занятий этой группы в области распространения афганских племен можно судить по следующим стихам известного афганского поэта и племенного вождя Хушхальхана Хаттака (XVII в.):

mā Xušhāl vāj, mā Xāták vāj, mā Xāni vāj,
čač pə lās vāj, masallí vāj, xo dzvāni vāj —
«Пусть бы не был я Хушхалем, пусть бы не был я Хаттаком,

⁵¹ Следует, разумеется, иметь при этом в виду всю условность и неопределенность термина Gypsy, применяемого западными авторами для обозначения самых различных кочевых и бродячих племен Индии и сопредельных стран; см., например: [39, 1 и сл.].

⁵² Полевые записи 1958 г. (Горная Ханака). По расспросным сведениям, собранным в Афганистане Н. А. Дворянковым и В. В. Кушевым, термин «мусалли» отождествляется в Джелалабаде с термином «чангар», в других районах Афганистана — с термином «чашгарак», в долине Кунара их называют «шахель» (шахи-хель?); согласно информации, полученной Н. А. Дворянковым, эта группа говорит по-персидски (Джалалабад) или по-персидски и пашто и никакого особого языка не имеет.

⁵³ Ср. хинд. čīhṛā (چوہر) — каста метельщиков в Панджабе и Северо-Западной Индии [4, 837]. В диалекте кабули термин *musali* действительно засвидетельствован со значением «уборщик мусора, подметальщик, дворник». [9, 864].

пусть бы не был я ханом, пусть бы в руках у меня был
чач⁵⁴, пусть бы был я мусалли, была бы только молодость»⁵⁵.

Упоминания о джатской касте мусалли, живущей в Западном Панджабе и говорящей на одном из южных диалектов группы лахнда, встречаются в литературе. По данным индийской переписи 1931 г., более 30% мусалли были заняты в сельском хозяйстве [7, 231].

Также сбивчиво и противоречиво употребление термина «чачгарак» (*čačgarak*, *čašgarak*), применяемого иногда по отношению к группе парья. В представлении коренного местного населения этот термин связывается с небольшими пришлыми этнографическими группами. Представители группы шех-момади применяют термин «чачгарак» по отношению к парья⁵⁶, в то время как последние применяют этот же термин по отношению к шех-момади, указывая при этом, что чачгарак — «слово обидное» (*ta'na*)⁵⁷. Сам термин «чачгарак» происходит, по-видимому, от слова «чач» — орудие для провеивания зерна (см. выше, прим.) — и обозначает в Афганистане наемных сельскохозяйственных рабочих⁵⁸ или, может быть, скорее изготовителей «чача»⁵⁹.

В арго гиссарских джуги по отношению к членам группы парья применяются термины *kaltuk* и *lum*. Первый из них восходит, вероятно, так же как и название подразделения *kalo* (см. выше), к др.-инд. *kāla-* 'черный, темный' (-tuk — характерный для арготической речи джуги деформирующий суффикс). Интереснее второй термин, восходящий к др.-инд. *dōmba* 'человек из низшей касты профессиональных певцов, из музыкантов' [43]⁶⁰.

Парья — не единственная индоязычная этнографическая группа, переселившаяся в Среднюю Азию через территорию Афганистана. Естественное географические условия и историко-культурная общность между областями право- и левобережья Амударьи издревле способствовали интенсивному торговому и культурному обмену между этими областями, облегчали миграции тех или иных групп населения. В ходе таких миграций попадали через левобережье Амударьи в Среднюю Азию и различные небольшие этнографические группы, гонимые из соседних стран нуждой, притеснениями или какими-либо иными обстоятельствами. Одна из таких групп, известная под названием «балюдж» и говорившая на одном из индоарийских наречий, была отмечена в 70-е годы прошлого века в Фергане и Ташкенте русским естествоиспытателем А. И. Вилькинсом [5, 436—461]. По сведениям А. И. Вилькинса, эмиграция небольших групп «балюджей»⁶¹ из бассейна Инда и Белуджистана

⁵⁴ Чач — плетеная из камыша циновка, с помощью которой провеивают зерно (полевые записи 1961 г., Гиссарский р-н). Ср. в диалекте кабули *čač* (چاچ) 'лоток для очистки зерна при обмолоте' [9, 262]; в шахристанском диалекте таджикского языка *čob* — решето с круглыми отверстиями для провеивания зерна [22, 217].

⁵⁵ Любезно сообщено Н. А. Дворянковым (письмо из Кабула от 28.1.1963).

⁵⁶ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский и Ленинский р-ны). Любопытно, что термин «чачгарак» был употреблен также представителем подразделения бисиян по отношению к подразделению калу, в то время как он сам и его соседи — шех-момади — считают, что подразделение бисиян к группе чачгарак не относится.

⁵⁷ Полевые записи 1956 и 1961 гг. (Гиссарский р-н).

⁵⁸ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский р-н).

⁵⁹ По распросным сведениям Н. А. Дворянкова, в Афганистане этот термин понимается именно так. При этом чачгараков называют также «мусалли». Ср. упоминание о «чачех» как об атрибуте мусалли в приведенных выше стихах Хушхала.

⁶⁰ К этой же основе восходит гот 'муж, мужчина' в диалекте европейских цыган. С начальным *l-* это слово заасвидетельствовано, как кажется, только в диалекте армянских цыган (боша) — *lom*.

⁶¹ По словам самих «балюджей», индийцы называли их «панирадж» [5, 440]. Нет ли здесь опечатки (панирадж вместо * пакирадж)? По сообщению одного из моих самаркандских корреспондентов, Х. Х. Назарова, природного самаркандского люли, ин-

в Среднюю Азию продолжалась еще в 70-е годы прошлого века и путь их неизбежно пролегал через территорию Афганистана.

А. И. Вилькинс приводит в указанной статье весьма интересные сведения по этнографии и антропологии этой группы, а также небольшой список слов под заглавием «Образцы слов Белуджи (племени Джат?)», которым и ограничиваются наши материалы по языку «балюджей». Априори можно было ожидать, что обе эти иноязычные группы Средней Азии и соответственно их языки окажутся близкородственными. Однако такое предположение не подтвердилось ни в этнографическом, ни в лингвистическом плане. В отличие от «балюджей» и большинства других небольших этнографических групп (шех-момади, чисто-ни, джуги)⁶², переселявшихся в Среднюю Азию из Афганистана (или через территорию Афганистана), парья — исконные земледельцы.

Что касается языка, то при всей ограниченности материала по наречию «балюджей» сопоставление его с материалами по диалекту парья — второго по времени введения в научный обиход индийского диалекта из Средней Азии — позволило вскрыть довольно существенные лексические и историко-фонетические дифференции между двумя этими индоарийскими диалектами [12, 3—16].

Возможно, что выходцами из Индии были в конечном счете и некоторые другие небольшие этнографические группы, переселение которых из Афганистана в Гиссарскую долину и прилегающие районы отмечалось путешественниками и исследователями с последней трети XIX в. Одним из первых свидетельств подобного рода для Гиссарской долины следует, по-видимому, считать свидетельство Г. Бонвало, который во время своего путешествия по Средней Азии (80-е годы XIX в.) отметил наличие в Гиссаре небольшого (примерно 100 человек) поселения выходцев из Афганистана, которых местное население называло «кабули» или «мультони». По словам Г. Бонвало, они пришли в эти места лет за двадцать пять до него (т. е. примерно в середине XIX в.) и в течение некоторого времени вели бродячий образ жизни, подобно цыганам, но потом осели в Гиссаре, прорыли ирригационный канал и занялись посевами риса и дынь. Гиссарские «кабули» возводили глиnobитные постройки, но жили также и в шалаشاх из камыша. По внешности они напоминали афганцев, но местное население считало их цыганами (Gipsies) [32, 222—224].

Для несколько более позднего времени упоминания о наличии в Гиссарской долине и прилегающих районах небольших пришлых из Афганистана этнографических групп встречаются у С. Д. Масловского и М. С. Андреева. В своем докладе «Горные таджики (остатки первобытного населения Туркестана)» С. Д. Масловский на основе наблюдений, сделанных во время поездки по Восточной Бухаре, сообщил о кочующем племени «длинноголовых авганских люли» с негроидными признаками [24, 113]. В статье того же автора находим упоминание о «бродячем племени авганских цыган-люли», которых он наблюдал в Гиссарском бекстве и для которых характерны «кофейно-коричневая кожа, шапка курчавых жестких волос, низкий лоб, короткий, очень широкий нос, приплюснутый, с мясистыми ноздрями, толстые вывороченные гу-

тересующегося этнографией своей группы, в Самаркандской области, Бухаре и Шахрисябзе и по сей день встречается до 150 семейств «индийских цыган» — покароч/покороч (письмо от 25.III.1965). Как сообщает Х. Х. Назаров, говор этой группы, занимавшейся в прошлом главным образом ювелирным ремеслом, заметно отличается от говора «местных цыган». Если предположение об опечатке подтвердится, то «паннраджи» Вилькинса — прямые предки современных покароч (передование i/a в предударном слоге и j/c в исходе слова легко объяснимо).

⁶² Об этих группах см.: [16, 127—129].

бы, оттопыренные уши», долихоцефалия [8, 31—32]. Во время этнографической экспедиции 1921 г. в Самаркандскую область М. С. Андрееву также приходилось слышать об «аугонах-люли», показывающих дрессированных обезьян и медведей и говорящих «между собою каким-то особым языком, непонятным для посторонних». Однако этой экспедиции «не удалось,— по словам М. С. Андреева,— встретить никого из этого племени и выяснить, говорят ли они наречием языка пушту (афганского языка) или одним из цыганских наречий» [1, 126]⁶³.

К сожалению, полное отсутствие данных о языке этих групп не позволяет сделать каких-либо заключений об отношении их к группе парья.

Также скучны и отрывочны сведения об индийских языках и индоязычных группах на территории Афганистана. Наиболее полно описаны пашай [40] и некоторые другие дардские языки [сводку см. 28], однако эти языки и диалекты относятся к совершенно иной ветви индоарийских языков, чем диалект парья. Уже в первых работах, посвященных изучаемой группе (1956 г.), был сделан вывод о принадлежности диалекта парья к наречиям центральной (по классификации Грирсона) группы индоарийских языков⁶⁴. Новые данные, полученные в ходе обработки текстов и составления словаря, позволяют углубить этот вывод и уточнить вопрос о специфических чертах изучаемого диалекта и о месте, занимаемом им в кругу родственных ему индоарийских языков и диалектов. Многочисленные, перекрещающиеся в разных направлениях изоглоссы связывают диалект парья с различными наречиями центральной и северо-западной части Индийского субконтинента. Сближаясь по тем или иным своим признакам — фонетическим и грамматическим — с соответствующими признаками диалектов западного хинди, панджаби, лахнда, раджастани, гуджарати и других близко им родственных языков⁶⁵, диалект парья не совпадает в то же время ни с одним из них по комплексу этих признаков. Это дает основание видеть в говоре парья особый, относительно самостоятельный диалект центральной группы индоарийских языков⁶⁶, обладающий некоторыми своеобразными чертами, не представленными в данном комплексе другими индоарийскими диалектами⁶⁷.

Какие из индоязычных групп и индийских диалектов, зафиксированных на территории Афганистана, могли бы быть хотя бы гипотетически сближены с изучаемой группой и ее диалектом? Пашай и другие дардские языки относятся, как уже говорилось, к совершенно иной группе индоарийских языков. На территории Афганистана нередко упо-

⁶³ Термины «афганские люли» («ауганы-люли»), «индийские люли» («индустани-люли») прилагались местным населением и к «балоджам» А. И. Вилькинса (см. выше), среди занятых которых также отмечалась дрессировка обезьян и медведей [5, 440 и сл.]. По распросным сведениям Н. А. Дворянкова, вождением обезьян занимаются в районе Джелалабада и Лагмана чангары (письмо от 28.I.1963), однако, как там же отмечает Н. А. Дворянков, термин «чангар» может употребляться в этих местах расширительно для обозначения различных неафганских племен.

⁶⁴ При этом следует, разумеется, иметь в виду относительность классификации Грирсона, как, впрочем, и всех последующих [6, 20 и сл.].

⁶⁵ Об отсутствии четких лингвистических границ между диалектами этих языков см.: [6, 22—23, 52, 54, 59 и др.].

⁶⁶ Ср. слова Г. Моргенштерне (в письме к автору от 8.IV.1964): «It is really most surprising, and of great interest, to find a comparatively recent offshoot of Indo-Aryan languages in the Hissar valley, and it would be very valuable to investigate if any traces of related dialects could be found among the Jats of Afghanistan, and other groups of similar type».

⁶⁷ Попытка дать сводку специфических черт говора парья, характеризующих его сравнительно с ближайше родственными ему индоарийскими языками и диалектами, сделана недавно автором этих строк [14, 21 и сл.].

минаются выходцы из Индии, говорящие на панджаби, лахнда, синдхи, однако обычно речь идет в этих случаях (как и в литературе о дореволюционной Средней Азии) об индийцах — торговцах и ростовщиках, живущих в городских центрах. Население, говорящее (наряду с персидским) на «[Х]индустани», издавна отмечается при описаниях восточной части Джелалабадской долины [см., например: 23, 628, прим. 49], язык лахнда в Кохдамане (к северо-западу от Кабула) отмечен Г. Моргенстерьерне [41, 5] и некоторыми другими авторами [30, 56]⁶⁸. Об индийцах Восточного Афганистана, известных под названием «хинджи» (Hindki), занимающихся земледелием и принадлежащих «по расе» к джатам (Djat), сообщает «Энциклопедия ислама» [33, 155]. В этой связи обращают на себя внимание слова Г. Моргенстерьерне: «Говорят, что дома и джаты также имеют собственные языки» (*«Also the Doms and Jatts are said to possess languages of their own»*) [41, 6, прим.]. Последняя обзорная работа по Афганистану отмечает панджабский язык в районах Газны, Гардеза, Кохдамана и Джелалабада [26, 70].

Как уже говорилось выше, наиболее правдоподобным представляется предположение о связи группы парья в Гиссарской долине с чангарами Панджаба, описанными Лейтнером. Однако окончательное решение вопроса о том, с какой или какими индоязычными группами неизвестно либо по получении достоверных материалов по языкам и этнографии индоязычных групп Северо-Западной Индии и Афганистана.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С., Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандской области в 1921 г.— «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», XVII, Ташкент, 1924.
2. Андреев М. С., По этнографии Афганистана, Долина Панджшир, Ташкент, 1927.
3. «Афганские сказки», пер. с афган.; М., 1955.
4. Бескровный В. М., Краснодембский В. Е., Урду-русский словарь, М., 1951.
5. Вилькинс А. И., Среднеазиатская богема,— «Антropологическая выставка 1879 г.», т. III, ч. I, вып. 4, М., 1882; «Известия имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при имп. Московском университете», т. XXXV, ч. I, вып. 4.
6. Зограф Г. А., Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала, М., 1960.
7. Кудрявцев М. К., Мусульманские касты,— «Касты в Индии», М., 1965.
8. Масловский С. Д., Гальча (первобытое население Туркестана),— «Русский антропологический журнал», 1901, № 2.
9. Миллер Б. В., Персидско-русский словарь, М., 1950.
10. Мухаммед Али, Афганистан, Новый путеводитель, М., 1957.
11. «Народы Азии и Африки», 1962, № 4.
12. Оранский И. М., Два индоарийских диалекта из Средней Азии,— «Индийская и иранская филология», М., 1964.
13. Оранский И. М., Индийский диалект группы парья (Гиссарская долина),— «Материалы и исследования», вып. I, тексты (фольклор), М., 1963 (XXVI Международный конгресс востоковедов. Материалы делегации СССР).
14. Оранский И. М., Индоиранские диалекты Гиссарской долины (Индийский диалект парья, говоры и арго таджикоязычных этнографических групп). Материалы и исследования. Автореф. докт. дисс., Л., 1967.
15. Оранский И. М., Легенда о шейхе Шамси Табризи,— «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», М., 1967.
16. Оранский И. М., Научная командировка в долины Гиссара и Сурхан-Дарьи,— «Советская этнография», 1966, № 4.
17. Оранский И. М., Новые сведения о секретных языках Средней Азии [I]. Эт-

⁶⁸ При этом отмечается, что индоязычное население района Кохдамана является земледельческим (в отличие от городов Восточного Афганистана, где это главным образом торговцы, торговцы лечебными травами и банкиры).

- нографическая группа «кавол» в Кулябе и ее арго,— КСИНА, XL, Языкоzнание, М., 1961.
18. Оранский И. М., Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии [II]. Материалы для изучения арго этнографической группы джуги (Гиссарская долина),— «Иранская филология. Труды научной конференции по иранской филологии (24—27 января 1962 г.)», ЛГУ, 1964.
19. Оранский И. М., Предварительное сообщение об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте,— «Советское востоковедение», 1956, № 4.
20. Пикулин М. Г., Афганистан, Ташкент, 1956.
21. Поляк А. А., Физическая география Афганистана, М., 1953.
22. Расторгуева В. С., Очерки по таджикской диалектологии, вып. 5, М., 1963.
23. Риттер К., Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам... В. В. Григорьев, СПб., 1867.
24. «Русский антропологический журнал», 1900, № 4.
25. «Сказки и стихи Афганистана», пер. с афган., М., 1958.
26. «Современный Афганистан», Справочник, М., 1960.
27. Сухарева О. А., Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии,— «Советская этнография», сб. статей, III, М.—Л., 1940.
28. Эдельман Д., Дардские языки, М., 1965.
29. A b d - u l - G h a f û r F a g h â d i , Le persan parlé en Afganistan, Paris, 1955.
30. «Afghanistan», ed. by Donald N. Wilber, 1956.
31. Bellew H. W., An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, London, 1891.
32. Bonvalot G., Through the Heart of Asia, vol. I, London, 1889.
33. The Encyclopaedia of Islam..., vol. I, Leyden — London, 1913.
34. Hobson-Jobson, A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms... by col. Henry Yule and A. C. Burnell, London, 1903.
35. The Imperial Gazetteer of India», vol. XXII, Oxford, 1908.
36. Ivanow N., The Sect of Imam Shah in Gujrat,— «Journal of the Bombay Branch, Royal Asiatic Society», N. S., 1936, vol. 12.
37. Leitner G. W., Appendix to Changars and Linguistic fragments, Lahore, 1882.
38. Leitner G. W., A Sketch of the Changars and of Their Dialect, Lahore, 1880.
39. LSI, XI, Calcutta, 1922.
40. Morgenstierne G., Indo-Iranian Frontier Languages, vol. III, The Pashai Language. 1. Grammar, Oslo, 1967; 2. Texts Oslo, 1944; 3. Vocabulary, Oslo, 1956.
41. Morgenstierne G., Report of a Linguistic Mission to Afghanistan, Oslo, 1926.
42. Rose H. A., Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North-West Frontier Province Based on the Census Report for the Punjab, 1883, ...and the Census Report for the Punjab, 1982, Lahore, vol. I, 1919, vol. II, 1911, vol. III, 1914.
43. Turner R. L., A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages, London, 1966.
44. Wolf S. A., Grosses Wörterbuch der Zigeunersprache (romani tšiw), Mannheim, 1960.

Г. Л. Дмитриев

ИЗ ИСТОРИИ ИНДИЙСКИХ КОЛОНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (вторая половина XIX — начало XX в.)

Первые сведения о крупных поселениях индийцев в Средней Азии, имеющиеся в местных источниках, относятся к XVII в. Они содержатся в известном историческом труде Мухаммеда Юсуфа Мунши «Муким — ханская история» [12, 84—85].

Захват европейскими колонизаторами ведущих позиций в морской торговле Индии обусловил усиленное развитие индийской караванной торговли. Это обстоятельство, видимо, и явилось основной причиной возникновения крупных колоний индийских купцов и ростовщиков в странах Среднего Востока вообще и в Средней Азии в частности.

Особенности развития капитализма в Индии в условиях британского колониального господства, стеснявшего предпринимательскую деятельность зарождавшейся национальной буржуазии [14, 41, 55, 364, 374], способствовали в XIX — начале XX в. эмиграции представителей индийских торгово-ростовщических слоев в сопредельные страны. Это обстоятельство в свою очередь создавало предпосылки для сохранения индийских поселений в соседних с Индией государствах.

Индийские колонии просуществовали в Средней Азии вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Потомки выходцев из Индии были зарегистрированы в качестве постоянных жителей среднеазиатских республик Всесоюзной переписью населения 1926 г. [6, 9].

Во второй половине XIX — начале XX в., по приблизительным подсчетам современников, в Средней Азии проживало 6—8 тыс. индийцев [9, 333; 16, 60; 10, 181]¹.

Район, откуда они прибыли в Среднюю Азию, легко установить по архивным и некоторым опубликованным источникам. Это прежде всего провинция Синд (г. Шикарпур и его окрестности), район Пешавара и Панджаб (города Лахор, Мультан, Харипур, Лудхиана и Амритсар). Среди индийцев были уроженцы Кашмира, а также Дели, Аллахабада, Бомбея и др. [13, 3; 27, 19; 3. ф. И-1, оп. 32, д. 280; 5, 24.XI.1854, № 20].

Перечисление районов Индостана, откуда происходили проживавшие в Средней Азии индийцы, позволяет считать, что их основная часть по локальной принадлежности относится к Западной и Северо-Западной Индии, т. е. к районам, входящим ныне в состав как Пакистана, так и Индийской Республики.

¹ Данные официальной статистики об их численности значительно занижены, так как русские колониальные власти не регистрировали проживавших в Средней Азии индийских мусульман.

Индийские выходцы чаще всего оседали в Бухарском ханстве, в его столице и провинциях. Они проживали в Бухаре, Гиждуване, Вангизи, Вабкенте, Карши, Гузаре, Яккабаге, Чиракчи, Керки, Байсуне, Китабе, Кермине, Хатырчи, Нурата, Зияуддине, Шахрисябзе, Каракуле, а также в некоторых других вилайетах и туманах [3, ф. И-126, оп. 1, дд. 1132, 1133, 1134].

В Туркестанском крае индийцы селились в городах и кишлаках Ферганской, Самаркандской и в меньшей части Сырдарьинской областей. Индийцы проживали также в Семиреченской и Закаспийской областях [17]. В Хивинском ханстве индийских поселений, видимо, не было. Однако индийские купцы выезжали в Хиву по торговым делам на короткие (2—3 месяца) сроки.

Пребывание индийцев в Средней Азии, как правило, было времененным. Максимальный срок проживания индийца в Туркестане и Бухаре — 10—15 лет, после чего большинство возвращалось на родину. В связи с этим специфической особенностью индийских поселений являлось постоянное обновление их состава, происходившее буквально ежегодно из-за отъезда одних индийцев на родину, приезда других и т. д. В подавляющем большинстве случаев семьи индийцев оставались в Индии. Лишь иногда в Среднюю Азию прибывали жены и дочери индийцев [15, приложение 3].

Среди индийцев в Средней Азии были как последователи индуизма, так и мусульмане. Довольно значительную прослойку составляли сикхи. Кроме этого имелось еще незначительное число гебров².

Многие из индийских выходцев принадлежали к синдской торговой касте бхатия. Наряду с ними в Средней Азии проживали члены марварийской торгово-ростовщической касты бания. Нередко здесь селились и представители других индийских торговых каст — синдской касты лохана, панджабской касты кхатри, смежной с ней мусульманской торговой касты Западной Индии ходжа, смешанной индомусульманской торговой касты Западной Индии бохра и т. д. [3, ф. И-1, оп. 31, д. 677, лл. 9—10, 16; оп. 32, д. 280, л. 473].

Для индийских выходцев в Средней Азии было характерно стремление к совместным поселениям. В этих целях ими использовались такие традиционные для среднеазиатской экономической жизни центры, какими являлись караван-сараи. В местах наиболее крупных поселений индийцы, как правило, занимали несколько караван-сараев (Ташкент, Бухара, Самарканд) [3, ф. И-126, оп. 1, д. 1133; 8а, 23; 26, 184]. Иногда жилища индийцев были расположены в одном районе города, близко друг от друга и образовывали так называемые «индийские ряды» (Старый Маргелан, 80-е годы XIX в.) и «индусские кварталы» (Сардобинское аксакальство г. Неманганы, начало XX в.) [3, ф. И-19, оп. 1, д. 10758, л. 53; д. 28889, л. 17].

Существование в Средней Азии именно компактных индийских поселений — явление далеко не случайное. Феодальный произвол, имевший место в среднеазиатских ханствах до присоединения к России, побуждал индийцев к коллективной самозащите, которая, естественно,

² Поскольку ни русская, ни бухарская статистика (в том виде, в каком она вообще существовала) не учитывала особо индийцев-мусульман, то установить количественное соотношение между различными религиозными прослойками индийских выходцев не представляется возможным. На основании же косвенных данных, содержащихся в архивных документах, можно предполагать, что индуисты и сикхи преобладали среди индийцев, живших в Туркестане, а индийские мусульмане более часто селились в Бухаре. Впрочем, в начале 80-х годов XIX в. в столице ханства, по подсчетам английского агента Гуляб-хана, среди индийцев было 200 мусульман и 400 индусов [5, 1882, № 587 Sec].

могла быть более эффективной, чем действия одного человека. С другой стороны, многие из них были купцами и ростовщиками, наживавшимися за счет коренного населения. Следовательно, их отделяли от местных трудящихся не столько национально-религиозные отличия, сколько классовые противоречия. Создавая это, индийцы стремились сохранить совместные поселения, чтобы сообща защищаться и защищать свои классовые интересы.

Из своей среды индийцы выдвигали особых старшин, которые по среднеазиатской традиции назывались аксакалами. Индийские аксакалы имелись во всех местностях, где проживало более или менее значительное число уроженцев Индии. Суммируя сведения архивных источников о действиях индийских старшин, можно прийти к следующему выводу. Аксакал в случае необходимости вступал в контакты с представителями бухарских и русских колониальных властей от имени всех индийцев данной местности. Он мог или возбуждать различные ходатайства, или выполнять среди своих соотечественников поручения властей, вытекавшие из существовавшего правопорядка [3, ф. И-1, оп. 31, д. 848, л. 13; ф. И-126, оп. 1, д. 96].

Следовательно, основной функцией индийских аксакалов были официальные отношения с бухарскими и русскими властями и защита интересов всех индийцев в целом. Естественно, отправление этих функций не могло осуществляться индийскими аксакалами исключительно по собственной инициативе: они неизбежно должны были опираться на доверие по крайней мере большинства или зажиточной части своих земляков. Дело обстояло именно так, поскольку индийские аксакалы не назначались бухарскими или русскими властями, а избирались самими индийцами. Факты совместных поселений индийских выходцев в Средней Азии и наличие у них выборных старшин свидетельствуют о существовании среди индийцев прочных общественных связей, несколько выходивших за пределы чисто бытового общения. Наличие таких связей подтверждается практикой взаимоотношений бухарской и русской администрации с выходцами из Индии.

Например, бухарские, а вслед за ними и русские колониальные власти при утверждении в правах наследников умерших в Средней Азии индийцев требовали, чтобы подлинность завещаний была засвидетельствована всеми индийцами, жившими в данной местности [3, ф. И-1, оп. 29, д. 238, л. 2].

Туркестанская администрация помимо этого требовала свидетельства всех индийцев определенной местности о «благонадежности» их соотечественников, намеревавшихся совершив поездку по Туркестанскому краю [3, ф. И-36, оп. 1, д. 1477, лл. 1, 3, 5, 9 и т. д.]. В отдельных случаях русские власти признавали за индийцами определенную автономию в решении некоторых гражданских дел, допуская организацию третейских судов [3, ф. И-1, оп. 22, д. 204]. Иногда уроженцам Индии предоставлялось право брать на поруки своих земляков, совершивших незначительные преступления [3, ф. И-36, оп. 1, д. 621, лл. 209, 283].

По всей вероятности, случаи, когда власти имели дело со всеми индийскими выходцами, проживавшими в определенной местности, были настолько часты, что возникла необходимость в выработке устойчивого термина для их обозначения. В документах канцелярии кушбеги эмира бухарского для этих целей употреблялся термин *جماعه هندوان*, т. е. («община индусов») [3, ф. И-126, оп. 1, д. 93]. Нечто подобное имело место и в русской официальной переписке с той лишь разницей, что туркестанская администрация не успела выработать единой терминологии для обозначения этого понятия. В связи с этим

руssкие чиновники пользовались терминами «индийское общество», «община земляков», «колония» [3, ф. И-1, оп. 29, д. 238, л. 2; ф. И-17, оп. 1, д. 1663, л. 1; ф. И-36, оп. 1, д. 1287, л. 18].

Это, естественно, не означает, что индийцы имели в Средней Азии какую-то оформленвшуюся организацию типа общины. Каждый из них добывал средства существования своими силами. Между ними сохранялись религиозно-кастовые различия. В таких условиях было практически невозможным возникновение как бытовых, так и религиозных общин, охватывающих всех индийцев в данной местности. В Средней Азии могли возникнуть и действительно возникали лишь объединения, не обладавшие широкими полномочиями по отношению к каждому отдельно взятому члену. Все это дает основания квалифицировать индийские колонии в Средней Азии как своеобразные землячества.

По социальному составу индийские землячества не были однородны. Преобладающее положение в них занимали торговцы и ростовщики. Вместе с ними в индийских поселениях проживали также слуги и нищие. Из 136 индийцев, зарегистрированных в 1875 г. в Ташкенте, 36 человек были слугами у своих соотечественников и, кроме того, имелось еще пятеро нищих [3, ф. И-17, оп. 1, д. 385, л. 6—9]. Аналогичная картина наблюдалась и в других индийских колониях в Средней Азии.

Социальные различия прослеживаются и на примере кастового состава немусульманской части индийских землячеств. Наряду с членами упоминавшихся выше торгово-ростовщических каст здесь проживали лица, принадлежавшие к касте кули [3, ф. И-1, оп. 31, д. 677, л. 7, 9—10]. Тот факт, что отдельные индийцы занимались в Средней Азии хлебопашеством, свидетельствует о наличии среди них представителей индийского крестьянства [3, ф. И-5, оп. 1, д. 2655, л. 13]. Содержащиеся в архивных документах упоминания об индийских ювелирах, переплетчиках, ткачах, пекарях, лепешечниках говорят о проживании в Средней Азии выходцев из среды индийского ремесленничества [3, ф. И-36, оп. 1, д. 3326, л. 10]. Наконец, особого упоминания заслуживают данные о приезде в Туркестан в начале XX в. индийцев-чернорабочих, что свидетельствует о присутствии пролетарского элемента в индийских колониях [3, ф. И-1, оп. 32, д. 213, л. 126].

Индийские купцы на протяжении всего описываемого периода поставляли в Среднюю Азию товары традиционного индийского экспорта (чай, индиго, кисея и т. д.). Оптовый ввоз этих продуктов в Бухару находился в руках индомусульманского купечества, их розничную реализацию в Туркестане осуществляла немусульманская часть индийских землячеств. Таможенные нормы, введенные после присоединения Туркестанского края к России, временно сократили экспортные операции индийских купцов в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях (70—80-е годы XIX в.). Однако индийцы проявляли постоянную заинтересованность в развитии индо-среднеазиатской торговли и совместно с бухарским купечеством не раз выступали инициаторами ее расширения [3, ф. И-1, оп. 34, д. 524, л. 8]. Не дожидаясь ответных шагов царских властей в этом направлении, индийские купцы, так же как персидские и бухарские, добивались расширения ввоза индийских товаров в Среднюю Азию. В конце 80-х годов XIX в. индийские купцы отказались от транспортировки своих товаров через Афганистан и начали ввозить их более дешевым и безопасным путем — через Персию. После открытия Закаспийской железной дороги по их инициативе был поднят вопрос об открытии наиболее дешевого транзитного пути Бомбей — Батум — Кавказ — Красноводск [3, ф. И-1, оп. 34, д. 714, л. 1—2].

Официальное разрешение на провоз индийских товаров этим путем было получено в 1894 г.

С открытием морского транзита индийские купцы частично восстановили свои позиции на рынках Туркестана. Особо широкое распространение получила торговля чаем. В 1881 и 1892 гг. среди занятий живших в Ташкенте индийцев в документах ни разу не упоминается чаеторговля, а в 1896 г. шесть торговцев-индийцев уже занимались этим видом коммерции [3, ф. И-36, оп. 1, д. 1962, л. 7; д. 3326, л. 10; д. 3691, л. 24]. В 70—80-х годах XIX в. индийские чаепродавцы действовали только в пределах Бухарского ханства (8—10 пешаварских купцов-оптовиков). После открытия морского транзита их число увеличилось до 70 (начало XX в.) [3, ф. И-46, оп. 1, д. 361, л. 2, 13]. Сохраняя почти монопольное положение на бухарском чайном рынке, индийцы постепенно проникли и на рынки Туркестанского края. В г. Самарканде, ставшем с начала XX в. крупнейшим центром чайной торговли в Средней Азии, индийские купцы открывают свои чаеразвесочные предприятия. Из десяти подобных заведений, существовавших там в 1907—1910 гг., три принадлежали индийцам [3, ф. И-46, оп. 1, д. 269, лл. 77—78].

В конце XIX — начале XX в. индийские купцы активизировали свои операции по сбыту индиго и кисеи в Туркестане, Бухаре и Хиве. В этот же период они экспорттировали из Средней Азии в Афghanistan, Кашгар, а иногда и в Индию крупные партии шелка-сырца, русской фарфоровой посуды и мануфактурных изделий [20].

Активное участие принимали индийские выходцы в торговых оборотах между Туркестанским краем и среднеазиатскими ханствами. Особенно крупные операции они вели в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. с Кокандским ханством. Из Коканда в Ташкент привозили хлопок и ткани кустарного производства, кашгарские шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные материи, ковры, халаты, краски и т. д. В Коканд вывозили русское железо, медь, сталь, котлы, ситец, сахар и др. [3, ф. И-471, оп. 1, д. 10, л. 10, 33, 44 и др.].

На базарах Туркестанского края индийцы вплоть до 1917 г. торговали среднеазиатскими изделиями кустарного производства и русскими промышленными товарами, иногда «в развоз по кишлакам» [3, ф. И-1, оп. 32, д. 267, л. 441]. Значительное место в их деятельности в конце XIX — начале XX в. занимала скупка сельскохозяйственного сырья — зернового хлеба, хлопка, шерсти, каракуля и т. д. [3, ф. И-2, оп. 2, д. 586, л. 1, 2, 7, 10, 13].

После присоединения Средней Азии к России индийские купцы включились в торговлю с внутренними областями страны. С течением времени они установили прочные деловые связи с центральными русскими фирмами, регулярно получали от них товары, участвовали в Нижегородских ярмарках [3, ф. И-185, оп. 1, д. 132, л. 100; ф. И-1, оп. 32, д. 247, л. 114].

Заметную прослойку среди выходцев из Индии составляли ростовщики, явившиеся, как правило, индуистами и сикхами по вероисповеданию. Ростовщичество получило среди них особое распространение в 70-х годах XIX в. Уже в 1871 г. туркестанская колониальная администрация предприняла первую попытку ограничить ростовщические операции индийцев: военный губернатор Зеравшанского округа предписал преследовать индийцев-ростовщиков на основании уголовного законодательства [3, ф. И-1, оп. 20, д. 3677, л. 3]. Однако вплоть до 1877 г. эффективных мер принято не было. Лишь 27 октября 1877 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман издал циркуляр «О парализо-

вании эксплуатации туземного населения индийскими выходцами», который запрещал индийцам-ростовщикам приобретать земельную собственность в сельских местностях [3, оп. 27, д. 517, л. 5]. Введение этой нормы на практике послужило толчком к постепенному сокращению числа ростовщиков среди индийских выходцев и переходу их к более активному ведению внешних и внутренних торговых операций в Туркестане. Высокий удельный вес среди прочих занятий индийцев ростовщичество вплоть до начала XX в. сохранило лишь в Бухарском ханстве.

Некоторые выходцы из Индии занимались капиталистическим предпринимательством. Так, в 1887 г. Бай Балагулов получил свидетельство на право «золотых и горных поисков» [3, ф. И-1, оп. 16, д. 208, л. 16]. Отдельные же индийцы еще в 70-х годах XIX в. поставляли сырье на русские заводы: Параман Лагуринов — кишмиш на винокуренные предприятия [3, ф. И-36, оп. 1, д. 1027, л. 245], упомянутый выше Бай Балагулов — виноград [3, ф. И-504, оп. 1, д. 3109, л. 1]. Принадлежавшие индийским купцам чаеразвесочные предприятия в Самарканде также являлись предприятиями капиталистического типа. В 1906 г. на предприятиях пешаварца Фазлиахмедова было занято 30 постоянных наемных рабочих [3, ф. И-46, оп. 1, д. 136, лл. 213—214]. В 1909 г. на предприятиях его соотечественников Шамсутдинова и Илляхи Бахша насчитывалось соответственно 23 и 10 наемных рабочих [3, ф. И-46, оп. 1, д. 269, лл. 178—179].

В 1896 г. индиец Бай Балагулов в компании с А. Я. Епифановым построил хлопкоочистительный завод в кишлаке Машад Наманганско-го уезда [3, ф. И-504, оп. 1, д. 783, л. 75]. Хлопкоочистительный завод в Андижане построил в 1907 г. и другой выходец из Индии — пешаварец Акуб-Шейх Нурханов [3, ф. И-19, оп. 1, д. 26793, л. 2].

Уроженцы Индии, прежде всего, естественно, немусульмане, своим внешним видом резко отличались от коренного населения Средней Азии. Наряду с антропологическими особенностями специфичной была одежда индийцев. Их верхняя одежда обычно состояла из черной квадратной шапки, короткого и узкого темного халата с мелким рисунком, подпоясанного веревкой, узких шаровар и низкой кожаной обуви [22, 126].

Своеобразной была и прическа, которую носили индийцы. Вместо бритья всей головы, как это принято у мусульман, они брили волосы только на лбу. На темени же волосы обычно заплетались в косичку или ниспадали прядями почти до плеч [11, 293].

В рассмотренных нами источниках нет упоминаний о том, что в описываемый период индийцы возводили в Средней Азии какие-либо постройки. Более того, даже так называемые индийские караван-сарай обычно именуются в русских официальных документах объектами «туземной каркасной постройки» [3, ф. И-18, оп. 1, д. 13168, л. 5]. Следовательно, с внешней стороны жилища индийских выходцев ничем не отличались от жилья местного коренного населения.

Немецкий путешественник М. Альбрехт, побывавший внутри индийского караван-сарай в Бухаре в 90-х годах XIX в., сообщает, что внутренняя сторона окружавших его стен была побелена и на этот фон красной краской были нанесены «причудливые» рисунки. По его же сообщению, стены жилых помещений этого караван-сарайа также были украшены многочисленными пестрыми узорами [22, 123].

Таким образом, можно предполагать, что во внутреннем убранстве своего жилья индийцы старались сохранять национальный колорит.

Индийские выходцы в Средней Азии были лишены возможности строить храмы и другие религиозные сооружения вследствие прямого-

запрета мусульманских властей. В связи с этим они были вынуждены использовать в религиозных целях помещения внутри своих караван-сараев. В литературе сохранились описания этих молелен, находившихся в индийских караван-сараях Ташкента, Коканда и Бухары. Судя по этим описаниям, во всех молельнях имелись небольшие алтари, на которых было выставлено множество фигурок, изваянных из камня. В Коканде в молитвенном помещении помимо идолов была еще и картина, изображавшая Вишну, которая хранилась в особом шкафу [26, 184; 24, 100; 25, 358].

Английский путешественник Г. Лэнсдэль, посетивший Туркестан и Бухару в 80-х годах XIX в., сообщает, что видел большое количество книг в индийских молельнях в городах Бухаре и Коканде. В Бухаре они помещались в шкафу непосредственно в молельне, а в Коканде для них была выделена смежная с ней комната. Особо ценная книга (вероятно, сборник религиозных гимнов) хранилась в молитвенном помещении Коканда рядом с алтарем под покрывалом с подвесками [24, 100].

Сведения о наличии книг в молельнях наводят на мысль о том, что выходцы из Индии, исповедовавшие одну и ту же религию, имели в Средней Азии нечто вроде общественных религиозных библиотек. Еще более укрепляет в этом мнении тот факт, что ведомость о сборе джизии по г. Бухаре от 12 мухаррама 1307 г. (1889 г.) упоминает трех индийских священнослужителей, ведавших библиотекой в караван-сарае в «Карши» *کتابخانه پیرزادہ نفر* [3, ф. И-126, оп. 1, д. 93].

В индийских молитвенных помещениях имелись также иконы. Одна из них, неизвестно каким путем попавшая в Туркестан из Бенареса, находилась в Ташкенте. Судя по описанию одного из корреспондентов ташкентской газеты «Просвещение», это была очень древняя икона, изображавшая богиню Кали. Она была «писанна на доске в 1 аршин вышины и $\frac{3}{4}$ аршина ширины, укреплена на толстой жести и закована в крепкую деревянную раму» с тяжелой цепью, которой икона, очевидно, прикреплялась к стене, и с лицевой стороны для сохранности защищена толстым стеклом [18].

При молитвенных помещениях выходцев из Индии имелись специальные священнослужители, именовавшиеся в русских и бухарских документах «пирзада». При приезде в Туркестанский край индийские священнослужители, спрашивая у властей разрешение на проживание, обычно заявляли, что прибыли сюда «для исполнения обязанностей духовного лица (жреца) при богослужении, т. е. для чтения молитв по утрам... индуисам» [3, ф. И-1, оп. 32, д. 286, л. 330].

Некоторый контраст с этим представляет заявление приехавшего в 1907 г. в Наманган индийца Тульсамаля Сабраджа. Он сообщил русским властям, что прибыл «с целью служить при молельном доме индусов суфием» [3, ф. И-1, оп. 32, д. 248, л. 179]. Если авторы документа правильно употребили мусульманский термин по отношению к индуисту, то речь здесь идет о церковном служке, обычно исполнявшем обязанности муэдзина и следившем за чистотой в молитвенном помещении.

Из изложенного следует, что обязанности лиц, обозначавшихся одним и тем же термином «пирзада», могли быть совершенно различными в религиозной жизни индийцев.

Пристального внимания заслуживают также следующие сведения об индийских пирзада, содержащиеся в архивных документах.

Если большинство индийцев имело на родине семьи, то их священнослужители обычно бывали холостяками и даже подчеркивали, что

«не женаты потому, что исправляют должность попа» [3, ф. И-510, оп. 1, д. 25, л. 15].

Далее, пирзада живших в 80-х годах XIX в. в Старом Маргелане выходцев из Индии, по свидетельству одного из источников, «был человек бедный и жил исключительно подаянием, даваемым ему прочими индийцами» [3, ф. И-23, оп. 1, д. 239, лл. 6—7]. Аналогично охарактеризован соотечественниками и пирзада ташкентских индийцев Миссар Аманомаль, который был «их священный человек, состоял у них в мечети священником и жил на общественные пожертвования» [1, ф. Главный архив, П-7, оп. 43, 1882, д. 5, л. 330].

Наконец, весьма интересно заявление индийца Баба Начальдасова о том, что «он хочет... жить в Ферганской области как духовное лицо своих соотечественников взамен отъезжающего Ибкумала Хирама» [3, ф. И-1, оп. 32, д. 261, л. 26].

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что индийские пирзада отличались от своих соплеменников по семейному положению, зачастую состояли на иждивении своих прихожан и имели какую-то преемственную связь между собой. Все это дает довольно веское основание для вывода о наличии среди индийцев в Средней Азии представителей профессионального индийского духовенства.

Индийские выходцы, проживавшие в Туркестане и Бухаре, придерживались характерной для адептов индуизма замкнутости в быту. Очевидцы отмечали: «Обедают они (индийцы.— Г. Д.) каждый из особой чашки и особой ложкой, которую не дают никому в руки даже из родных. Посуда, к которой прикоснулся иноверец, считается у них нечистой, так же как и огонь, если кто-нибудь неиндиец возьмет из него хотя бы один уголь» [21].

Внутри индийских караван-сараев были расположены лавки, из которых индийцы и получали «все необходимое»¹ эж хиорс то. Это привело к появлению внутри индийских поселений своеобразного обслуживающего персонала. Бухарские ведомости о сборе джизиы упоминают среди индийцев пекарей (نانپز), поваров (ش), кондитеров (حلواگر) и даже парикмахеров (سرتاش) [11, 293; 3, ф. И-126, оп. 1, д. 93].

Несмотря на такую замкнутость, отдельные стороны быта индийских выходцев все же оставили некоторый след в среднеазиатских источниках. Это связано с тем обстоятельством, что индийцы находились в повседневных контактах и поддерживали постоянные связи с представителями различных слоев населения Средней Азии.

Сохранилось множество свидетельств о ритуальных омовениях, которые индийцы совершали ежедневно по утрам в любое время года. Местами омовений обычно служили арыки, протекавшие по дворам индийских караван-сараев. В случае их отсутствия купание заменялось простым обливанием водой с головы до ног. Иногда имелись специальные сооружения в виде купален, предназначенные только для совершения омовений. Такая купальня находилась, например, в 80-х годах XIX в. в г. Андижане в караван-сарае индийца Суфи Рамсу [3, ф. И-511, оп. 1, д. 65, л. 1].

Для индийцев, проживавших в Средней Азии, был характерен традиционный в индуизме взгляд на корову как на священное животное. Э. Эверсман, посетивший Бухару в начале 20-х годов XIX в., отмечал, что местные индийцы сообща держали священную корову, которой поклонялись [23, 76].

В соответствии с канонами индуизма индийские выходцы-немусуль-

мане совершали и свои похоронные обряды. Архивные документы содержат сведения о регламентации этого обряда в описываемый период. Каждый раз индийцы информировали местные бухарские и русские власти о смерти своего соплеменника. Администрация же выделяла специальных людей из числа полицейских и судебных чиновников, которые присутствовали при кремации в специально отведенном для этого месте (по бухарской терминологии, *جَرِيَا مَوْبِيز*) [3, ф. И-126, оп. 1, д. 93].

Можно предполагать, что представители местных властей присутствовали при трупосожжениях по просьбам самих индийцев, поскольку среднеазиатские мусульмане считали «сжигание трупа поруганием человеческого праха» и могли помешать исполнению обрядовых норм [10а, 1894, № 9].

Населению Средней Азии были известны по крайней мере два крупных индуистских праздника. Об одном из них — празднике в честь Кришну — упоминается в материалах Кокандского уездного суда. Кокандские индийцы отмечали его 25 февраля (9 марта) 1879 г. столь пышно и шумно, что дело в конце концов дошло до драки и судебного разбирательства [3, ф. И-510, оп. 1, д. 26, л. 1].

Большой знаток Туркестана Н. Лыкошин посетил и подробно описал аналогичный праздник, отмечавшийся ташкентской колонией индийцев в феврале 1896 г. Торжество, по его описанию, сопровождалось угощением, состоявшим из индийских национальных блюд, хоровым пением под аккомпанемент бубна и литых колокольчиков, а также своеобразным маскарадным шествием [10а, 1896, № 92].

В материалах канцелярии кунцебеги эмира бухарского сохранился отчет главного миршаба (полицмейстера) г. Бухары о другом индуистском празднике. К сожалению, этот документ не датирован. Однако, судя по бумаге русского производства, на которой он написан, его с уверенностью можно отнести к описываемому периоду. Автор документа, посетивший торжество по приглашению нескольких именитых индийцев из караван-сарай «Карши», называет его «праздником светильщиков» (*عِيد چِراغان*). По его словам, все внутренние помещения караван-сарай были заставлены многочисленными лампадами [3, ф. И-126, оп. 1, д. 822]. Это краткое описание внутреннего убранства показывает, что речь идет о празднике «дивали» в честь богини Лакшми.

Индийские выходцы, жившие в Ташкенте, отмечали этот праздник в октябре месяце. Их караван-сарай по случаю торжества также освещались сотнями керосиновых ламп. Как и весной, празднество сопровождалось угощением, певцы и музыканты исполняли песни «религиозного и поэтического характера». Однако в отличие от весеннего осенний праздник сопровождался своеобразным постом. В этот день индийцы не употребляли спиртных напитков, а «те из них, которые в обычное время разрешали себе есть баранину... ограничивались растительной пищей» [10а, 1896, № 92].

Обряды и празднества индийских выходцев были известны не единицам, а широкому кругу лиц из среды коренного населения Средней Азии. Ведь только благодаря широкой известности специфического отношения индийцев к коровам у предприимчивых людей могла зародиться мысль об использовании этого отношения в своих меркантильных интересах. Совершенно не случайно жители Бухары накануне индуистских праздников приводили своих коров в индийские караван-сарай. Индийцы посыпали последних сухой красной краской и возно-

сили им молитвы. В знак благодарности хозяевам они кормили коров семенами хлопка, т. е. таким кормом, который был вряд ли доступен для большинства владельцев животных [22, 123].

Упоминавшийся выше бухарский миршаб особо подчеркивал в своем отчете, что он был приглашен индийцами на праздник в соответствии с установившимся обычаем (بَدْ سُتُور هَرَسَالَه). Такое приглашение означает, что о значительных событиях в жизни индийских выходцев был осведомлен широкий круг лиц из числа коренного населения Бухары. То же самое можно сказать и о жителях Ташкента. Н. Лыкошин отмечал, что во время одного из индуистских праздников «крыши четырехугольного сарая (индийского караван-саarya.— Г. Д.) сплошь были покрыты любопытными туземцами; многие из них вошли даже во двор и смешались с... индусами» [10а, 1896, № 92].

Не менее широко были известны в Средней Азии и индийские похоронные обряды. В 90-х годах XIX в. они обычно собирали из соседних кишлаков толпы зрителей, которые сидели «в течение всей церемонии поблизости» [10а, 1894, № 9]. Интерес к похоронным обрядам индийцев проявляло и европейское население Туркестана. Из приведенного выше описания Н. Лыкошина следует, что на одном из индийских погребений в 1894 г. присутствовали многие жители европейской части Ташкента, все русское чиновничество с начальником города во главе [10а, 1894, № 9].

Выше были отмечены отдельные специфические особенности быта немусульманской части индийских выходцев, резко выделявшие их из среды коренного населения Средней Азии. На основании приведенных фактов можно констатировать, что индийцы сохраняли основные черты,ственные бытовой культуре их родины. Поэтому представители различных слоев населения Средней Азии имели возможность близкознакомиться с ней. Многое в этой области в силу своей специфики привлекало внимание широкого круга людей, которые получали более или менее точное представление о чрезвычайно самобытной культуре соседней страны. За этим фактом нельзя не признать определенное просветительское значение, поскольку при низком уровне грамотности непосредственное живое общение с индийцами было для большинства единственным источником знаний и представлений об Индии.

В дошедших до наших дней личных архивах выходцев из Индии [2, Ms. Ind. IV, 12, 22] сохранилось значительное количество самых разнообразных документов на таджикском языке. Наряду с расписками должников о получении ссуд среди них встречаются и чисто бытовые записи, сделанные самими индийцами. Примером может служить собственноручная записка Кирпалдаса, адресованная его клиентам: «Кирпалдас сын Джасу уехал в Янги-Курган. У кого есть дело может вызвать его оттуда» [2, Ms. Ind. IV, 22].

Сохранились прямые сведения и о некоторых индийцах, владевших узбекским языком. Таким был, например, выходец из Кашмира Кабиршах Мустафин, проживавший с семьей в кишлаке Бекабад Пскентской волости Ташкентского уезда (90-е годы XIX в.), а также уроженцы Шикарпурा Кирпомаль и Сукумаль, приехавшие в 1909 г. в Ташкент [3, ф. И-1, оп. 31, д. 586, л. 58]. Индийцы же Садумаль Химанмалев, Хаса Хундаев, Гулямаль Химальмалев и Мусхямаль Химанмалев владели узбекским языком настолько, что могли давать на нем свидетельские показания в Скобелевском суде в 1913 г. [3, ф. И-133, оп. 1, д. 1386, л. 7].

Все эти факты говорят о том, что индийцы, в особенности проживавшие в районах с преобладающим узбекским населением, в силу

практической необходимости изучали и узбекский язык. Есть все основания предполагать, что многие индийцы достаточно хорошо знали языки коренного населения Средней Азии, поскольку без этого их деятельность на коммерческом поприще была бы невозможна.

После присоединения Средней Азии к России индийцам приходилось очень часто вступать в различные, большей частью чисто деловые контакты с русскими купцами, предпринимателями и администрацией. В связи с этим среди них очень скоро появились лица, овладевшие разговорным русским языком. Уже в 70-х годах XIX в. в Ташкенте проживал некий Нукра Бута, «освоивший русский язык» [3, ф. И-1, оп. 16, д. 1001, л. 27].

Однако овладеть русским языком удавалось не всем индийцам. Видимо, поэтому среди них нашлись такие, кто обслуживал своих соотечественников в качестве переводчиков. В нашем распоряжении имеются сведения по крайней мере об одном из них — Пирдасе Шабильдасове, жившем в Ташкенте в 1904 г. [3, ф. И-1, оп. 31, д. 282, л. 5].

Отдельные факты свидетельствуют, что некоторые выходцы из Индии активно стремились и к более глубокому изучению русского языка. Индиец Пуран-Сингх, например, живший в 1878 г. в Самаркандине, в возрасте 32 лет с целью изучения русского языка регулярно посещал русскую школу для взрослых и, по свидетельству соседей, ночи напролет читал русские книги [3, ф. И-5, оп. 1, д. 2595, л. 6, 8].

В 1877—1878 гг. в начальной русской школе г. Каттакургана обучался 16-летний индиец Мансок. В качестве обязательных предметов в этой школе изучали русский язык, арифметику, катехизис и священную историю. Однако учителя проявляли веротерпимость и не понуждали мальчика-индийца изучать начала чуждой ему религии. В связи с этим он аттестовался только по русскому письму, чтению и арифметике [3, ф. И-47, оп. 1, д. 82, л. 30]. Кстати говоря, школа, в которой обучался Мансок, по отзывам современников, была единственной в Зеравшанском округе, где дети коренного населения, обучаясь вместе с европейцами, получали не формальное, а действительное знание русского языка [3, ф. И-47, оп. 1, д. 97, л. 3].

Сам факт обучения мальчика-индийца в русской школе совместно с русскими детьми может служить довольно яркой иллюстрацией отношения русских властей к выходцам из Индии. Достаточно вспомнить, что в Южной Африке дети так называемых свободных индийцев не имели права посещать европейские школы [7, 189].

С течением времени участились случаи, когда индийцы утрачивали связи с родиной, обзаводились в Средней Азии семьями и оставались здесь на постоянное жительство. Потомки этих индийцев, видимо, не всегда имели ясное представление о своем родном языке. Так, Всесоюзная перепись населения 1926 г. зарегистрировала на территории Средней Азии 37 индийцев, ставших гражданами СССР. Пятеро из них считали родным языком русский и один человек — узбекский [6, 9].

Изучение русского языка выходцами из Индии можно считать начальным звеном в процессе зарождения непосредственных русско-индийских культурных связей на территории Средней Азии. На этой базе могли возникнуть и, как показывают архивные источники, действительно возникли различные формы культурного общения индийцев с представителями русского населения Туркестанского края.

Выше уже упоминался Пуран-Сингх, проявлявший определенный интерес к русской литературе. В дальнейшем, в частности в 90-х годах XIX в., склонность к ознакомлению с культурной жизнью русского Туркестана проявляли уже многие индийцы, проживавшие в Ташкенте.

Показателем этого может служить тот факт, что они регулярно посещали русские театры [3, ф. И-1, оп. 29, д. 1292, л. 1].

Многие выходцы из Индии пользовались услугами русских медицинских учреждений Туркестанского края. В одной только Ферганской области за медицинской помощью к русским врачам в 1887 г. обращалось 57 индийцев [15, 15].

В коллекции Хаса Джаса, содержащей личные документы индийца, долгое время прожившего в Средней Азии, сохранился даже рецепт на получение лекарства, выданного русским врачом [2, Ms. Ind., IV, 22]. Этот факт свидетельствует о том, что индийцы пользовались услугами туркестанских аптек.

Индийцы, проживавшие на территории Бухарского ханства, где практически не существовало системы медицинского обслуживания населения, довольно часто приезжали в Ташкент и другие города русского Туркестана для лечения у русских врачей. Отдельные из них для этой цели выезжали даже в Москву и Петербург [3, ф. И-1, оп. 32, д. 270, л. 147; д. 280, лл. 175, 203, 263, 282].

Пребывание индийцев в Средней Азии после ее присоединения к России вызывало интерес у русских востоковедов. Уже в 1867 г. видный русский ориенталист П. И. Пашино опубликовал статью «Рассказы кашмирцев об их родине», материал для которой был собран автором во время бесед с выходцами из Кашмира в Ташкенте. Статья эта содержала сведения о природе, экономике, населении и политическом устройстве Кашмира и представляла собой едва ли не первую попытку описания этого княжества в русской научной литературе [8].

Отдельные индийцы принимали участие в русских научных экспедициях по изучению Средней Азии. Одним из них был Рамчандр Баладжи, уроженец Битхура (Центральная Индия). После подавления народного восстания 1857 г. в Индии Рамчандр, происходивший из аристократической семьи, был вывезен англичанами в Европу, где и получил образование. Бежав из-под опеки англичан, он неоднократно пытался вернуться на родину. В 1878 г. Рамчандр приехал в Россию и некоторое время провел в Средней Азии [18]. Дальнейшие его попытки вернуться на родину, видимо, потерпели неудачу, и он был вынужден, по данным следившей за ним английской разведки, поселиться в Константинополе [5, 1886, № 18].

Во время пребывания в Петербурге Рамчандр познакомился со многими русскими учеными, в том числе с географом П. П. Семеновым-Тян-Шанским, индологом И. П. Минаевым, санскритологом К. А. Коссовичем, ориенталистом В. В. Григорьевым и др. Их рекомендательные письма, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют о том, как высоко они ценили ум и образованность Рамчандра [3, ф. И-1, оп. 1, д. 588, лл. 1, 6—7].

Летом 1887 г. Рамчандр вместе с так называемой Самарской научной экспедицией совершил большое путешествие по Средней Азии. По поручению руководства экспедиции он провел самостоятельную рекогносцировку одного из рукавов древнего русла Амударьи — Узбоя. По свидетельству многих участников экспедиции, он «полностью оправдал возлагавшиеся на него надежды и доверие» [3, ф. И-40, оп. 1, д. 17, л. 8].

В конце 90-х годов администрация Туркестанского края предприняла попытки организовать систематическое изучение восточных языков русскими чиновниками и офицерами. В 1895 г. был поднят вопрос и об изучении языка хиндустани, одного из наиболее распространенных в Северной Индии. В процессе подготовки преподавателей этого языка

русские востоковеды широко опирались на помощь живших в Средней Азии индийцев.

В 1896 г. в г. Бухару, где было много уроженцев Индии, владевших хиндустани, был командирован поручик Выгорницкий с заданием практически изучить хиндустани в процессе общения с индийцами. В том же году туда же был направлен с аналогичным поручением штабс-капитан Гильфердинг. Последний поселился в Старой Бухаре среди индийцев. Один из них согласился обучать его разговорному хиндустани и «разъяснял своему ученику некоторые народные обороты речи, с которыми нельзя было ознакомиться по учебникам, и обучал произношению этого языка» [3, ф. И-3, оп. 2, д. 35, лл. 24, 62—63]. Богатую разговорную практику Гильфердинг имел во время частых посещений индийских караван-сараев и бесед с их жителями.

С открытием в 1897 г. курсов языка хиндустани в Асхабаде и Ташкенте туркестанские власти занялись поисками лиц, способных обучать курсантов разговорной речи. Пробный опрос индийцев в этих целях был проведен через уездную администрацию еще в 1895 г. Тогда же в Самарканде и Бухаре был выявлен ряд индийцев, изъявлявших согласие преподавать на курсах [3, ф. И-18, оп. 1, д. 359, л. 4, 6, 8].

Позднее, в 1898 г., с помощью Российского политагентства в Бухаре был найден некто Фебдас, сын Чильдаса, согласившийся заниматься с курсантами в Асхабаде [3, ф. И-3, оп. 2, д. 35, л. 108].

В 1898—1899 гг. практические занятия по хиндустани на курсах в Ташкенте вел упоминавшийся выше кашмирец Кабир-шах Мустафин. Добросовестным отношением к делу он заслужил авторитет среди русских преподавателей, которые подчеркивали, что своим успехом «курсы ему немало обязаны» [4, ф. 1396, оп. 2, д. 1532, лл. 9—10].

Впоследствии разговорному хиндустани курсантов обучали и другие индийцы. Некоторые из них, по характеристике преподавателя курсов И. Д. Ягелло, приобретали такой навык в ведении практических занятий, что при хорошем знании русского языка вполне могли проводить их самостоятельно без помощи преподавателя-европейца [4, ф. 1396, оп. 2, д. 1662, л. 234].

Роль индийцев-преподавателей на туркестанских курсах языка хиндустани была довольно существенна. В учебный план были включены регулярные беседы учащихся с ними, ответы на их вопросы и устный перевод их речи на русский язык. Индийцы участвовали и в приеме выпускных экзаменов. В качестве основного испытания выпускник курсов должен был выполнять роль переводчика между экзаменационной комиссией и индийцем-преподавателем, переводя вопросы и ответы из области быта, религии, промышленности и т. д. (4, ф. 400, Азиатская часть, оп. 261/911, д. 520, лл. 9—11, 19).

Поскольку индийцы-преподаватели в отдельных случаях проводили отпуска на родине, руководство курсов поручало им покупать на месте литературу и учебники [4, ф. 1396, оп. 2, д. 1589, лл. 181—182]. Впоследствии преподаватели курсов адаптировали тексты этих книг, снабжали их словарями и использовали их в качестве учебных пособий. Некоторые из них были изданы в Ташкенте литографским способом.

Следует особо подчеркнуть, что туркестанские курсы языка хиндустани являлись первой в России попыткой наладить систематическое изучение живых языков Индии сравнительно широкой группой людей. Кроме того, многие (если не все) учебники и словари хиндустани, изданные в России в конце XIX — начале XX в., увидели свет именно в Ташкенте или были написаны людьми, служившими здесь. Все это

дает право рассматривать деятельность курсов как одно из крупных событий в истории русской индологии.

Подводя общие итоги вышеизложенному, необходимо отметить следующие моменты.

Выходцы из Индии в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. являлись частью значительного слоя эмигрантов, по разным причинам выезжавших из Индии в соседние с ней страны Среднего Востока. В то же время индийских эмигрантов можно рассматривать как одну из сравнительно небольших, но чрезвычайно своеобразных прослоек пришлого населения Туркестана и Бухары. Существование индийских колоний в Средней Азии в описываемый период явилось одним из этапов в истории экономических и культурных связей между народами Индии, Средней Азии и России. В этих областях общение индийцев с коренным и европейским населением Средней Азии принесло свои определенные положительные результаты. Все это свидетельствует о том, что изучение истории индийских колоний в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. имеет известный интерес с точки зрения истории взаимоотношений между народами Индии и Советского Союза.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. «Архив внешней политики России».
2. «Ленинградское отделение ИНА АН СССР».
3. ЦГА УзССР.
4. ЦГВИА СССР.
5. «National Archives of India, Foreign Department».
6. «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XV, Узбекская ССР, М., 1928.
7. Ганди М. К., Моя жизнь, М., 1959.
8. «Известия русского географического общества», 1867, № 6.
- 8а. Костенко Л., Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г., СПб., 1871.
9. Костенко Л., Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. I, СПб., 1880.
10. Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I, СПб., 1911.
- 10а. Лыкошин Н. М., Письмо из туземного Ташкента,—газ. «Туркестанские ведомости», 1894, № 9; 1896, № 92.
11. Маев Н., Азиатский Ташкент — Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб., 1876.
12. Мухаммед Юсуф Мунши, Муким — ханская история, Ташкент, 1956.
13. Небольсин П. И., Очерки торговли России с Средней Азией,—ЗРГО, кн. X, 1855.
14. «Новая история Индии», М., 1961
15. Обзор Ферганской области за 1909 г., Скобелев, 1911, Приложение 3.
16. Остроумов Н. В., География Туркестанского края с краткими сведениями о ханствах Бухарском, Хивинском и Закаспийской области, Самарканд, 1891.
17. «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», т. 82, 83, 85, 86, 89, СПб., 1904—1905.
18. Петров-Батурич С. В., Встреча с племянником Нана-Саиба в Петербурге,—«Русский вестник», 1879, № 6.
19. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 55 (газ.).
20. «Туркестанские ведомости», 1913, № 2/44561 (газ.).
21. Хорошин А. Самарканд,—«Туркестанские ведомости», 1872, № 44.
22. Albrecht M., Russische Centralasien, Hamburg, 1896.
23. Eversman E., Reise von Orenburg nach Buchara, Berlin, 1882.
24. Lansdell H., Russian Central Asia, London, 1885.
25. Lansdell H., Throught Central Asia, London, 1887.
26. Schuyler E., Turkestan, Notes of a Journey in Russian Turkestan, Khokand, Bokhara and Kuldja, vol. I, London, 1876.
27. Schwarz, Turkestan — die Wiege der indogermanischen Völker, Freiburg, 1900

В. В. Перцмахер

Ю. Ф. ЛИСЯНСКИЙ В ИНДИИ (1799 г.)

Научные и культурные связи между народами нашей страны и Индии имеют многовековые традиции. К XV в. относится «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, содержащее разнообразные достоверные сведения об Индии и ее населении. После «Хожения» в России появились и другие произведения, в которых затрагивались проблемы географии, экономики, истории и культуры Индии, а также индийского языкоизнания (в частности, созданные в первой половине XVIII в. труды В. Н. Татищева и Т.-З. Байера).

Со второй половины XVIII в., в эпоху английского завоевания Индии, английские колонизаторы чинили препятствия научному и культурному обмену между народами России и Индии, однако интерес к Индии в нашей стране не ослабевал, проникая во все более широкие слои населения.

В конце XVIII в. возникают непосредственные русско-индийские научные и культурные связи [19, 27]. Большая заслуга в этом принадлежит русским путешественникам, посещавшим Индию в те годы. Особое значение имела деятельность русского просветителя Г. С. Лебедева, жившего в Индии с 1785 по 1797 г.

Немалую роль в изучении Индии и Индийского океана сыграли первые русские кругосветные мореплаватели — Иван Федорович Крузенштерн (1770—1846) и Юрий Федорович Лисянский (1773—1837). И. Ф. Крузенштерн побывал в Индии в 1797—1798 гг., а Ю. Ф. Лисянский — в 1799 г.

Обстоятельства, предшествовавшие их плаванию в Индию, таковы. В 1792—1793 гг. английское правительство, встревоженное победами революционной Франции, добивается в своей политике сближения с Россией. В марте 1793 г. Англия и Россия заключили конвенцию, направленную против Французской Республики. В ноябре 1793 г. в Англию была отправлена группа русских морских офицеров для практики на английском флоте. В их числе были лейтенанты Крузенштерн и Лисянский. В 1794—1796 гг. Крузенштерн и Лисянский служили на английских военных кораблях у побережья Северной Америки и в Вост-Индии и участвовали в военных операциях против французского флота.

В начале 1797 г. русские моряки вернулись в Англию и сообщили русскому послу в Лондоне С. Р. Воронцову о своем желании побывать в Индии. Английское правительство всячески препятствовало посещению русскими моряками Индии, так что пришлось приложить немало усилий, чтобы получить разрешение [11, 8].

В июне 1797 г. Крузенштерн и Лисянский прибыли на мыс Доброй Надежды, где Лисянский решил задержаться на несколько месяцев. Крузенштерн на английском фрегате «Л'Уазо» (*«L'Oiseau»*) направился в Индию.

4 августа 1797 г. «Л'Уазо» прибыл в Мадрас [16, 248], а 12 сентября — в Калькутту [29, 310].

В Индии Крузенштерн, изучая состояние ее морской торговли с другими странами, пришел к выводу о целесообразности расширения морской торговли России с Индией и Китаем. В мае 1798 г. он направился в Гуанчжоу (Кантон), где жил до конца января 1799 г. [7, 38 об., 88 об.]. В Гуанчжоу мореплаватель тщательно изучил торговлю европейских купцов с Китаем. В конце июля 1799 г. Крузенштерн прибыл в Лондон, а через месяц вернулся в Россию.

Еще до возвращения на родину Крузенштерн составил проект организации морской торговли России с Индией и Китаем¹, а также проект русской кругосветной экспедиции [17, 339—347]. Плавание Крузенштерна в Индию и Китай имело большое значение для организации первой русской кругосветной экспедиции и для пропаганды в русском обществе идеи расширения морской торговли с Индией и Китаем.

В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота хранится несколько дел с отрывочными заметками Крузенштерна о его пребывании в Индии. Эти заметки не содержат сколько-нибудь подробных данных о стране и жизни ее населения, что вынудило нас лишь вкратце остановиться на посещении Индии Крузенштерном. На плавании Лисянского в Индию мы остановимся более подробно.

Основные источники, содержащие сведения о плавании Лисянского в Индию, следующие:

1. Хранящийся в Центральном Военно-Морском музее в Ленинграде (ЦВММ) вахтенный журнал, который Лисянский вел в 1797—1800 гг. на английских кораблях «Ризонабл», «Септр» и «Лоялист» [1, 1—186 об.]. Журнал содержит сведения о маршрутах кораблей, о навигационных и метеорологических условиях (в том числе сведения о глубинах и характере грунта на якорных стоянках, о направлении и силе ветра, о течениях, осадках и облачности). Имеются обширные выписки из книги английского мореплавателя Эрасмеса Гора (*Erasmus Gower*), совершившего в 1782 г. плавание в Индию [27, 266]. Выписки, очевидно, сделаны в то время, когда Лисянский готовился к плаванию в эту страну и собирал материал об условиях навигации в индийских водах.

Никаких записей об Индии и ее населении журнал не содержит. Он может представлять известную ценность для историков английского флота, так как, возможно, это единственный дошедший до нас вахтенный журнал с записями о плавании в конце 1798 — начале 1799 г. корабля «Септр», потерпевшего крушение в ноябре 1799 г. [36, 147].

2. Хранящийся в Центральном Военно-Морском музее «Журнал лейтенанта Юрия Лисянского с 1793-го году по 1800-й год» [2, 1—70]. Этот документ является дневником, который Лисянский вел во время его службы волонтером на английском флоте.

¹ В Центральном Государственном архиве Военно-Морского флота (ЦГАВМФ) хранятся черновые записи Крузенштерна на английском языке, озаглавленные по-немецки «Ueber... Handels Reise nach Indien» [1, 41—42 об.]. См. также: [6, 8—10] — письмо М. Поликути И. Ф. Крузенштерну от 21 октября 1799 г. с критикой его проекта. Крузенштерн, в частности, предлагал организовать регулярные рейсы русских торговых судов из Кронштадта в Бенгалию. Лучшим временем для начала плавания он считал середину апреля. В июле следующего года, по мнению Крузенштерна, суда должны были возвратиться в Петербург.

Много места в журнале уделено описанию плавания Лисянского в Индию на корабле «Септр» и его пребыванию в этой стране. В настоящей статье мы расскажем о путешествии Лисянского в Индию главным образом на основании записей в этом журнале.

Журнал написан рукой Лисянского четким и аккуратным почерком. Особенностью журнала являются отлично выполненные рисунки (зарисовки берегов, местных жителей, лодок, повозок и т. п.).

Журнал подвергся значительной авторской правке. В основном исправлялись орфография (например, замена «е» на «ѣ») и стиль (замены «етот» на «сей», «токмо» на «только» и т. д., а также замена некоторых тяжеловесных оборотов). Имеется и более существенная правка. В частности, это касается записей, содержащих непосредственные впечатления Лисянского о некоторых исторических событиях и его соображения о дальнейшем развитии событий. В позднейшем варианте Лисянский пишет об этом уже в прошедшем времени, причем несколько теряется своеобразие первоначального, основанного на непосредственных впечатлениях текста. В дальнейшем мы на одном примере покажем, насколько может быть интересным и полезным восстановление зачеркнутого самим Лисянским первоначального текста.

Характер правки, и в частности исправление стиля, может быть, свидетельствует о намерении Лисянского издать свой дневник. Это намерение не осуществилось. Ценный журнал, к сожалению, не издан и по сей день.

В XIX в. знакомый Ю. Ф. Лисянского А. И. Лер (1814—1884) прочитал записи Лисянского и, видимо, использовал их при написании биографии знаменитого мореплавателя [12]. Плаванию Лисянского в Индию автор уделил лишь несколько строк.

В конце 40-х годов XX в. дневник Ю. Ф. Лисянского был изучен Я. Б. Рабиновичем, который использовал его в числе других неопубликованных документов в очерке о жизни и деятельности Лисянского [22, 3—27]. Автор очерка, уделив, естественно, основное внимание первой русской кругосветной экспедиции, лишь вскользь упомянул о плавании Лисянского в Индию.

3. Хранящееся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (ЦГАЛИ) дело под названием «Записи лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденные им во время службы его волонтером на английском флоте» [10, 1—175]. Нами установлено, что это машинописная копия «Журнала лейтенанта Юрия Лисянского с 1793-го году по 1800-й год», хранящегося в Центральном Военно-Морском музее. Копия была снята, очевидно, в конце XIX или в начале XX в. Видимо, в то время кто-то подготавливал записи Лисянского к изданию.

Копию нельзя считать сколько-нибудь удовлетворительной. Не приводится подлинное заглавие рукописи и не указывается пагинация подлинника. Представляющие большую ценность рисунки в копии не воспроизводятся, а встречающиеся в дневнике выражения вроде «План, которой прилагается при сем» или «которой вооружен был, как показано в фигуре» в копии вычеркнуты синим карандашом. Также вычеркнуты некоторые записи специального, «морского» содержания.

Орфография подлинника несколько модернизирована. Например, вместо «щысленіе» пишется «счисленіе», вместо «Крюзенштернъ» пишется «Крузенштернъ» и т. д.

Несмотря на все недостатки копии, к ней иногда полезно обращаться, тем более что к некоторым записям имеются подстрочные примечания, главным образом биографические и исторические. Кроме того,

к копии приложена краткая справка о Лисянском и об эпохе, к которой относятся его плавания. Справка составлена приблизительно в 30-е годы нашего века.

Впервые документ ЦГАЛИ был использован Е. Л. Штейнбергом в его биографии Лисянского. Главным образом на основании этого документа написана глава, посвященная путешествиям Лисянского во время его службы на английских кораблях. Несколько страниц в книге Е. Л. Штейнберга посвящено пребыванию Лисянского в Индии [24, 105—114].

Штейнберг, к сожалению, не указал, что обнаруженный им в ЦГАЛИ документ является машинописной копией, а не подлинником записок Лисянского. Не говорится этого и в статье «Лисянский, Юрий Федорович» в «Советской исторической энциклопедии». Автор статьи пишет: «Записки Л., содержащие ценные сведения об англо-французской войне за колонии в Сев. Америке в колониальных войнах в Индии в конце 18 в., этнографические наблюдения о народах Южной Америки, Африки, Индии, Цейлона, хранятся в ЦГАЛИ, ф. XVIII в., д. № 5196» [23, 703]. Подлинный журнал Лисянского в статье даже не упоминается.

4. Различные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, в том числе письмо Лисянского Крузенштерну от 21 октября 1798 г. [5, 26—27 об.], послужной список Лисянского 1800 г. [9, 343—345 об.], письмо С. Р. Воронцова от 21 апреля (3 мая) 1800 г. с отзывом о Лисянском [8, 3—3 об.].

Таковы основные источники, которые дают нам возможность более или менее подробно рассказать о плавании Лисянского в Индию.

* * *

21 октября 1798 г. Лисянский, находившийся на мысе Доброй Надежды, писал Крузенштерну: «Наконец мое желание совершилось, и несет меня к востоку со всею тою радостию, каковую только может ощущать человек, оставивший Европу, чтоб видеть Индию, и который провел 15 смертных месяцев в ожидании к тому случаю» [5, 26].

В то время английские колонизаторы усиленно готовились к четвертой войне с независимым индийским государством Майсуром, который во второй половине XVIII в. стал центром сопротивления английским захватам в Южной Индии. Генерал-майор Бэрд, находившийся на мысе Доброй Надежды, получил из Лондона приказание прибыть в Индию с подкреплениями в составе 86-го полка, шотландской бригады и драгунского полка [32, 168—169]. Войска были погружены на транспорты и на 64-пушечный корабль «Септр», на котором с июня 1797 г. служил Лисянский.

Узнав о том, что «Септр» пойдет в Индию, Лисянский записал в журнале: «Для меня ничего не могло быть приятнее сего обстоятельства, а потому я тотчас перебрался на корабль и приготовился к походу» [2, 50]. Русский моряк предполагал по прибытии в Мадрас оставить «Септр» и отправиться в Калькутту, чтобы «не упустить полезнейшаго» [5, 26—26 об.].

27 октября 1798 г. «Септр» вышел в море и 7 ноября 1799 г. прибыл в Мадрас [2, 50, 52]. В Мадрасе «Септр» стоял 10 дней. Лисянский, которому не удалось оставить «Септр», использовал непродолжительное пребывание в Мадрасе для ознакомления с жизнью мадрасского населения, а также с политическим положением в Южной Индии. Он нанес визиты прибывшему в Мадрас для подготовки войны с Майсуром

генерал-губернатору Индии лорду Морнингтону (впоследствии маркиз Уэлсли), губернатору Мадраса лорду Клейву и навабу индийского княжества Карнатик Мухаммаду Али, лишенному англичанами реальной власти и жившему под их надзором².

17 января 1799 г. «Септр» и три транспорта покинули Мадрасский рейд и направились в Бомбей, поскольку Морнингтон, как писал Лисянский, «нашел за нужное зделать диверсию³ на берегу Малабарском, почему велел нам немедленно перевести несколько войска в Бомбей» [2, 55 об.]. После кратковременной остановки в порту Галле (на о-ве Цейлон) «Септр» близ майсурского порта Мангалаура соединился с эскадрой контр-адмирала Рейнира, крейсировавшей у Малабарского берега, и 17 февраля 1799 г. прибыл в Бомбей [2, 57].

В Бомбее Лисянский находился три месяца. «Первая неделя заняла меня знакомством, между которым самое важное было с фамилиею господина Дундаса, которая, бывши долгое время во внутренних местах Индии, меня много интересовала». Лисянский знакомился с бытом жителей Бомбея (индустров и парсов). В частности, он наблюдал свадебные процесии, «которых в городе было великое множество». «Не успеет солнце опуститься за горизонт, как повсюду зделаются слышны трубы и барабаны; церемония за церемонией протекает улицы, которые от факелов кажутся издали горящими» [2, 58]. Однажды Лисянский был приглашен на свадьбу к одному купцу; ему хотелось «узнать обряд оной, а потому я решился присудствовать с начала и до конца» [2, 58 об.]. Лисянский ознакомился с достопримечательностями Бомбея, а 13 марта посетил сокровищницу индийской скульптуры — пещерный храм на о-ве Элефанта.

«Септр» после ремонта в Бомбее должен был присоединиться к эскадре контр-адмирала Рейнира, чтобы, как писал Морнингтон, «способствовать безопасности британских владений в Индии» [28, 421]⁴. Лисянский решил покинуть Индию. Он собирался совершить интереснейшее плавание к берегам Австралии на небольшом фрегате, послы-ласом для морской описи тех мест. Побывать в Австралии Лисянскому не удалось: русско-английские отношения снова ухудшились, и 1 мая 1799 г. Лисянский получил письмо от С. Р. Воронцова, в котором посол поздравлял его с производством в капитан-лейтенанты и советовал не мешкать с возвращением в Россию. 20 мая 1799 г. Лисянский на 20-пушечном торговом судне «Лоялист» отправился в Европу [2, 62; 9, 345 об.]. 13 декабря 1799 г. он прибыл в Дувр, а 15 декабря — в Лондон [2, 65]. 31 мая 1800 г. после открытия навигации в Балтийском море Лисянский прибыл в Кронштадт [8, 4].

* * *

Таким образом, Ю. Ф. Лисянский пробыл в Индии немногим более трех месяцев. Однако наблюдательному моряку и за этот непродолжительный срок удалось составить подробные и ценные записи о стране и ее населении. Из этих записей в упоминавшейся уже книге Е. Л. Штейнберга приводятся лишь некоторые, говорящие главным образом о политическом положении в Индии. В настоящей статье впервые вводятся в научный оборот многие записи Лисянского, содержащие навигационно-гидографическую информацию об Индийском океане и

² Подробнее см.: [24, 108—110].

³ Против Майсура.

⁴ Англичане опасались появления у берегов Индии французской эскадры, которая могла бы оказать помощь Майсуру [13, 238].

разносторонние сведения об Индии и ее древней культуре, о жизни ее населения и борьбе индийцев с английскими колонизаторами.

Естественно, что Лисянский уделил большое внимание навигационно-гидрографической характеристике Индийского океана. Дневник Лисянского содержит краткие наставления для плавания у берегов Индии и Цейлона, представлявшие в свое время немалую ценность. «Шедши в Мадрас, когда NO^o монсун дует в бухте Бенгальской, должно править таким образом от долготы С. Павла, чтобы получить пасадный ветер в 85 или 86°, а потом придерживаться больше к N^u, дабы пересечь Екватор между 92 и 93; ежели же пасадный ветер будет наклоняться к O^{tu}, нежели к Z^u, то тогда и гораздо севернее лежать можно, ибо, получа W^o монсун (которой здесь дует с октября до апреля от ZW, а в остальное время от NW), нетрудно войти в вышеупомянутое место. Достигши северной широты, держать нужно полной бейдовинд, дабы взять не ниже мыса Ачин, что на острове Суматре, оттудова же или, ежели найдет себя и севернее, должно повернуть и правым галсом достигнуть Мадраса» [2, 51]. «Подходя к Мадрасу, стараться надобно при №^o монсуне править на гору Поликат, ибо оную можно видеть около 10th лигов, протчие же берега столь ниски, что деревья, на оных растущие, сперва оказываются, а другое — что оная гора лежит на ветре» [2, 51 об.]. Большую опасность для мореплавателей представляют скалистые гряды Грейт-Бассес и Литл-Бассес, находящиеся у юго-восточного побережья Цейлона. Лисянский указывает, что «их должно опасаться, идуши в Бомбей от берегов Коромандельских, а кольми паче, ежели течение примечено будет, что здесь нередко случается, к берегу, то мореплавателю непременно надобно придержиться к острову. Бурун на сих отмелях бывает иногда весьма велик, однако зависит от ветра» [2, 56]. О плавании от мыса Коморин до Бомбая Лисянский пишет: «От мыса Коморина до Теличеры ветры были регулярные, оттоле же, а кольми паче от Мангелора, по большей части № с некоторою наклонностью к O^{tu} или W^u, с небольшим течением, а понеже сие нередко случается, то, по моему мнению, лутче держать от первоупомянутаго места в море и при пасадном ветре увеличить широту до такой степени, дабы, повернувшись на другой галс, можно было взять прямо к Бомбею» [2, 57—57 об.].

Следует отметить, что вышеприведенные наставления для плавания основаны преимущественно на опыте, приобретенном Лисянским во время перехода на «Септре». Об уместности и правильности рекомендаций, данных Лисянским, можно судить по тому, что многие из них находят подтверждение в лучших лоциях XIX в., в частности в лоции Индии, составленной известным английским гидрографом, членом-корреспондентом Петербургской академии наук Джемсом Хорсбургом [33]⁵.

Известную ценность для мореплавателей представляли виды берегов Индии и Цейлона, имеющиеся в журнале Лисянского (вид горы Пуликат в районе Мадраса и два вида побережья в районе Тринкомали) [2, 52, 56].

Практическое ознакомление Лисянского в 1799 г. с условиями плавания в Индийском океане, без сомнения, сыграло немалую роль

⁵ Судам, находящимся в районе гряд Грейт-Бассес и Литл-Бассес, рекомендуется проходить вблизи побережья Цейлона [33, 409—410]; судам, идущим из Бенгалии в Мадрас при северо-восточном муссоне, рекомендуется приближаться к берегу в районе горы Пуликат [33, 484]; судам, идущим из Мадраса в Бомбей, не рекомендуется приближаться к берегу до тех пор, пока они не окажутся на широте входа в Бомбейскую гавань [33, 490].

в осуществлении в 1806 г. первого в мире безостановочного перехода шлюпа «Нева» под командованием Лисянского из Китая в Портсмут.

Первое, на что Лисянский обратил внимание в Индии, были местные лодки — плот катамаран и лодка масула. «Катамаран есть вещь весьма удивительная. Это не что иное, как три четырехугольные бруса дерева, связанные вместе травяными веревками, два из коих равной величины, а третей немного боле половины; голые индейцы сидят на оных и гребут разщепленною бамбуковою тростию. Оне (катамараны.— В. П.) разной длины и поднимаются от двух и до четырех человек. Гребцы сии, хотя весьма искусны, но при всем том часто опрокидываются и принуждены бывают ловить свои суда вплавь, для чего находятся всегда нагими, а имеют токмо на голове из травы плетеной колпак фи-гурою сахарной головы, которой подвязывают под шею и в которой кладут письма или другие посылки. Сии плотики употребляются в Мадрасе для обыкновенно рассылок и ходят весьма скоро». В Мадрасе, отмечает Лисянский, съехать на берег «вещь немаловажная, ибо бурун повсюду прежестокой. Подъехавши к оному, мы пересели на масула бот, ибо наши гребные суда без опасности далее ити бы не могли. Масула же есть тонкая лодка, сшитая травою, которая управляется так искусно, что самая большая опасность на оной есть только быть перемочену. Индейцы в средине буруна действуют с большею проворностию, и не успеет лодка приближиться к берегу, то в тот час и вытащат, для чего народ на берегу всегда в готовности с хорошею веревкою» [2, 52—52 об.].

Обстоятельное и точное описание своеобразных индийских лодок, данное Лисянским, является первым по времени и одним из лучших в русской литературе об Индии⁶.

Представляют также интерес имеющиеся в журнале Лисянского зарисовки катамарана и лодки масула, а также бомбейского перевозного бота на веслах и под парусами [2, 55, 62].

Лисянский сообщает любопытные данные о жизни и нравах различных слоев населения Индии, хотя, по его словам, «по малому пребыванию мне нельзя много сказать о индейцах».

Индийцы, пишет Лисянский, «вообще росту довольно высокого, построены хорошо и имеют черты лиц приятныя, а особливо женской пол, которой, изключая темного цвета, не уступит много своим товарищам в Европе» [2, 54].

Лисянский обратил внимание на то, что «быстрота ума индейцев бесподобная», и отметил их чистоплотность: «Нет в свете народа, который мог бы сравниться с женту⁷ в рассуждении чистоты: можно сказать, что оне не ложатся и не встают без омывания всего тела» [2, 54 об.]⁸.

От русского моряка не ускользнули и социальные контрасты в Индии. Он пишет, что «бедная часть ходит совершенно почти нагая». Указывая, что пища индийцев состоит из риса и зелени, а питье — из чистой воды, Лисянский добавляет: «При всем том рабочий народ трудится не менее нашего» [2, 54—54об.]. Лисянского поразила роскошь

⁶ Существует описание катамарана и лодки масула, данное Крузенштерном [3, 6]. Соответствующие записи Крузенштерна относятся к концу 30-х или началу 40-х годов XIX в. (бумага в деле имеет водяной знак 1821 г., на одном из листов имеется дата «1837»). Крузенштерн несколько дополняет описание, сделанное Лисянским; в частности, он сообщает, что на лодке масула находятся 8—10 гребцов.

⁷ Женту (англ. gentoo из португ. gentio — язычник) — индуист, хинду.

⁸ Ср. мнение Г. С. Лебедева: «Первосуществующие природные индийцы любят много чистоту и опрятность и как перед столом, так и после оного умываются и каждый день два раза купаются в реке Къянкэ» [18, 159].

европейских кварталов Мадраса и нищета туземного «Черного города». Жилища индийцев, записал он в журнале, «небольшие мазанки с галереями на улицу, кои, однако, содержатся довольно чисто. Место сие называется Черным городом и купно с их храмами делает неважную фигуру» [2, 53 об.]. Говоря о Бомбее, Лисянский отметил, что «внутри крепости жительство имеют европейцы, армяне и богатые персияне, также лавочники разных родов; бедный же народ живет в загородных местах, как-то в Машгale, Донгори, где также обитают женту и христиане, происшедшие от индейского поколения» [2, 61]⁹.

Лисянского заинтересовала жизнь неприкасаемых, стоящих на низшей ступени сословно-кастовой иерархии в Индии. «В Бомбее, как и во всех продчих местах Индии, есть род называемой паярской. Оный составлен из тех, которые, принадлежавши особливым своим сектам, не выполняли их уложения, а потому были изгнаны. В таковом положении никто даже из родных их, а не только из знакомых, не должен с ними иметь дела. Паяры здесь обыкновенно занимаются торговлею и нередко составляют порядочные капитальцы, а особливо на европейские и китайские вещи, которые иногда продаются в 500 процентов дороже первой своей цены. Оне одеваются, как все продчие индейцы...» [2, 61 об.]¹⁰.

Следует отметить, что, говоря о происхождении неприкасаемых и их «внекастовости», Лисянский в общих чертах излагает традиционную индуистскую точку зрения.

Кастовое деление индийского общества не совпадает полностью с классовым и имущественным делением. В этой связи представляет интерес сообщение Лисянского о богатых бомбейских торговцах-неприкасаемых. Однако зажиточная торговая прослойка среди бомбейских неприкасаемых в то время не была столь значительной, как об этом писал Лисянский.

Русский моряк обратил внимание на то, что часть населения Индии — мусульмане — потомки победителей Индостана, которые «теперь составляют одну массу с настоящими жителями» [2, 54 об.]. Это свидетельство очевидца ценно тем, что оно опровергает утверждения колонизаторов, а также индуистских и мусульманских шовинистов об извечном антагонизме и вражде между индуистами и индийскими мусульманами.

В журнале Лисянского мы находим любопытные сведения и о парсах Бомбая. Среди бомбейских парсов всегда было много богатых людей, и, замечает Лисянский, «некоторые из них имеют до полумиллиона фунтов стерлингов капиталу» [2, 61]. Среди парсов были известны судостроители и судовладельцы. «Бомбейская гавань почти всегда наполнена судами, из которых несколько принадлежат здешним парсам. Сии последнии обыкновенно ходят в Китай, откуда привозят знатные грузы в обмен своим произведениям» [2, 61 об.]¹¹. Лисянский подробно

⁹ «Персиянами» Лисянский называет зороастрийцев-парсов, потомков выходцев из Ирана. Машгала, по всей видимости, соответствует Мазагаону (маратхское *माझगांव*), в настоящее время являющемуся районом Бомбая. Авторы XIX в. отмечают, что среди жителей селения Мазагаон преобладалиmetisы-европейцы и особенноmetisы-португальцы; см. [35, 740]. Донгори соответствует Донгри (маратхское *दोंगरी*) — старому рыбакскому селению, расположенному на территории нынешнего района Эспланада; см. [25, 37].

¹⁰ Паяры — парни. Последний термин, широко распространенный в старой литературе для обозначения неприкасаемых вообще, неверен, так как слово «пария» являетсяискаженной формой дравидийского слова, обозначающего члена лишь одной из низших каст Южной Индии (тамильское *ராஜையன்* — член касты *ராஜை*).

¹¹ О морской торговле парсов с Китаем сообщает и Крузенштерн; см. [15, 362].

описывает внешний вид и одежду парсов (его внимание привлекли, в частности, «особливаго рода чалмы из разноцветных ситцев» [2, 61 об.], а также их обычаи и обряды).

Лисянский впервые в России оставил описание замечательных памятников индийской скульптуры на острове Элефанта, свидетельствующее о большом интересе русского мореплавателя к многовековой культуре Индии. О пещерном храме VIII в. н. э. на острове Элефанта Лисянский писал: «Все стены сего удивительного храма покрыты резьбою, представляющею баснословие Гиндостана и хотя многое уже рассмотреть невозможно от древности, но нельзя чтобы не удивляться искусству стариных жителей сих мест...».

Английские власти в Бомбее долгое время не проявляли заботы о сохранении ценнейших памятников индийской культуры на острове Элефанта, что вызвало следующую запись в журнале Лисянского: «Жаль, что место сие содержитя в небрежении, от которого приходит ежедневно в разрушение, инако оное могло бы служить еще долгое время памятником величества тех, которых потомки зделались почти невольниками горсти европейцев. В разсуждении же слона отменного ничего сказать не можно, кроме того, что оной до половины уже изломан молодыми вертопрахами, часто приезжающими на остров для гулянки» [2, 59 об.]¹².

В XVIII—XIX вв. многие авторы сомневались в древности памятников Элефанты или считали, что индийцы не могли быть их создателями¹³. Лисянский же, как это видно из его записей, не сомневался как в древности памятников, так и в их индийском происхождении. Эта точка зрения сейчас является общепризнанной.

В журнале Лисянского уделено значительное внимание политическому положению в Индии. Главными событиями, определявшими политическую обстановку в стране во время пребывания там Лисянского, были приготовления англичан к захватнической войне с Майсуром и разгром Майсур.

Записи Лисянского содержат краткие сведения о Майсуре и о военных приготовлениях англичан, а также характеризуют правителей Майсур — Хайдара Али и Типу Султана. Лисянский высоко оценил энергию и таланты Типу Султана, который после неудачной войны с англичанами (1790—1792) успешно провел реорганизацию своей армии и снова превратил Майсур в грозного противника английских колонизаторов. В первые же дни пребывания в Индии Лисянский записал в журнале, что английская Ост-Индская компания двинула войска к владениям Типу Султана и генерал-губернатор Индии лорд Морнингтон готовился «зделать диверсию» на Малабарском берегу. Типу Султан, продолжал Лисянский, между тем собрал «знатную артилерию и не малое число дисциплинированных солдат под командою европейских офицеров. Сколь несправедливо такое действие англичан, но им токмо и осталось: овладеть Майзором или удалиться из Индии, ибо по предприимчивости и известному намерению Типо вскоре может показать свою силу не токмо европейцам, но даже Индостану. Нет сомнения, что, ежели этот великий человек победит англичан, то Сарингопо-

¹² Дальнейшая судьба упомянутого Лисянским скульптурного изображения слона свидетельствует о том, как мало английские власти заботились об этом памятнике. В 1814 г. голова и шея слона обрушились. В 1864 г. остатки скульптуры были перенесены в сад Виктории в Бомбее. Только в 1912 г. скульптура была восстановлена [32, 21].

¹³ См., например, письмо Дж. Карнака генерал-губернатору Индии и президенту Азиатского общества Джону Шору от 29 июля 1795 г. [26, 405], а также [30, 540].

там зделается столицею гораздо славнее, нежели когда-либо были Дели или Агра» [2, 55 об.]¹⁴.

Лисянский вряд ли значительно переоценил военную мощь Майсуря. В начале 1798 г. английский генерал-губернатор Индии сообщал в Лондон: «...за относительно короткое время после нашей блестящей победы в 1792 г. Типу сумел не только восстановить свою армию, но и намного ее увеличить и прекрасно обучить... и майсурская армия для нас в настоящее время представляет самую серьезную силу во всем полуострове Индостан» [34]¹⁵.

Английских колонизаторов особенно беспокоила возможность со-здания антибританской коалиции с участием Франции, Афганистана и Майсуря. В Индии Бонапарт, «без сомнения, сыщет себе много по-мощников», — записал в своем дневнике Лисянский [2, 59 об.].

В феврале 1799 г. англичане развязали четвертую войну против Майсуря. В этой войне Майсур потерпел поражение. 4 мая 1799 г. пала столица Майсуря Серингапатам. Типу Султан был убит.

О падении Серингапатама и гибели Типу Султана Лисянский узнал 25 мая 1799 г. на пути в Европу. В тот же день в журнале Лисянского появилась любопытная характеристика создателя сильного независимого Майсуря Хайдара Али и его сына и преемника Типу Султана: «Покойный султан был сын славного Гайдер-Али, который завладел ею страною и, низвергнувши старого раджу, объявил себя майзорским султаном. Он был человек с большими дарованиями и, ежели бы не англичане, то прежде смерти обладал бы всею Индию». Лисянский отметил также «чрезмерную храбрость» Типу Султана [2, 62 об.]¹⁶.

Большой интерес представляют высказывания Лисянского о по-следствиях разгрома независимого Майсурского государства: «Я думаю, что уже теперь и весь Майзор пал в руки англичан, чрез что оне не токмо откроют сообщение с Малабарским берегом, но соделаются покойными владетелями всей Индии, то есть от мыса Де-Гала до Лагора, а, может быть, и до Кабула... Целая Индия склавствует ноне под оными» [2, 62—62 об.]¹⁷.

Русский моряк справедливо отметил, что победа над Майсуром расчистила англичанам дорогу к покорению всей Индии. С большой проницательностью он также указал на некоторые направления дальнейшей английской агрессии в Азии.

Записки Ю. Ф. Лисянского о его плавании в Индию имеют большую научную ценность. Дневник Лисянского содержит подробное описание Мадраса и Бомбея, а также проникнутые духом доброжелательности и уважения заметки о жизни индийцев и о самобытной индийской культуре.

¹⁴ Вышеприведенный отрывок представляет первоначальную запись, сделанную Лисянским под непосредственным впечатлением от событий, свидетелем которых он был. Позднейший, исправленный самим Лисянским текст, который, по нашему мнению, менее выразителен, чем первоначальный, таков: «Знатную артилерию и не малое число хорошо выученных солдат под командою европейских офицеров. Хотя таковое действие англичан и несправедливо, но им одно средство осталось: овладеть Майзором или удалиться из Индии, ибо по предприимчивости и известному намерению Типу вскоре бы показал свою силу не только европейцам, но даже всему Индостану, и тогда-то Серингапатам сделался бы столицею гораздо славнее, нежели были Дели Агра и пр.

¹⁵ Цит. по [14, 73].

¹⁶ Лисянский допускает неточность, утверждая, что Хайдар Али объявил себя султаном Майсуря. Титул падишаха принял в 1787 г. Типу Султан. До того времени главой государства считался раджа Майсуря, лишенный реальной власти [21, 133, 151].

¹⁷ Мыс Де-Гала соответствует мысу Галле на юго-западном побережье Цейлона.

Значительный интерес представляют содержащиеся в журнале Лисянского сведения о политической обстановке в Индии в конце XVIII в. и о борьбе независимого индийского государства Майсур с английскими колонизаторами. Записи Лисянского свидетельствуют о глубоком интересе русских людей к Индии, ее народу и индийской культуре.

Большое значение для мореплавателей имела собранная русским моряком информация об условиях плавания в Индийском океане. Следует особо отметить приведенные в его журнале наставления о плавании у берегов Индии и Цейлона.

Неопубликованный «Журнал лейтенанта Юрия Лисянского с 1793-го году по 1800-й год» ценен не только для тех, кто интересуется Индией. Он сообщает немало достоверных сведений о важных исторических событиях конца XVIII в. и рассказывает о жизни народов многих стран. Издание журнала представляется нам весьма желательным.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный Военно-Морской музей в Ленинграде (ЦВММ), рукоп.-док. ф., инв. № 41820/2, лл. 1—186об. Вахтенный журнал, который Ю. Ф. Лисянский вел в 1797—1800 гг. на английских кораблях «Ризонабл», «Септр», «Лоялист». Подлинник (на английском языке). Автограф Ю. Ф. Лисянского.
2. Центральный Военно-Морской музей в Ленинграде (ЦВММ), рукоп.-док. ф., инв. № 41821, лл. 1—70.
3. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. 14 (Круzenштерн), оп. 1, д. 19. Записки о плавании И. Ф. Круzenштерна волонтером на английских кораблях.
4. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. 14 (Круzenштерн), оп. 1, д. 30. Заметки различного содержания.
5. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. 14 (Круzenштерн), оп. 1, д. 224. Письма к И. Ф. Круzenштерну.
6. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. 14 (Круzenштерн), оп. 1, д. 230. Письма к И. Ф. Круzenштерну.
7. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. 14 (Круzenштерн), оп. 1, д. 533. Вахтенный журнал, который вел И. Ф. Круzenштерн с 1 декабря 1797 г. по 29 августа 1799 гг.
8. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. 198 (Г. Г. Кушелев), оп. 1, д. 36.
9. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), ф. 406 (Послужные и формульярные списки), оп. 7, д. 62.
10. Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 1337 (Коллекции дневников и мемуаров), оп. 1, д. 135, лл. 1—175, Машинопись.
11. «Адмирал Иван Федорович Круzenштерн (биографический очерк)», — «Морской сборник», т. 102, 1869, № 6, неоф. отд.
12. А. Л. [Лер А. И.], Юрий Федорович Лисянский, первый русский кругосветный мореплаватель, СПб., 1875. Криптоним «А. Л.» раскрывается в дарственной надписи «Его Высокоблагородию Александру Петровичу Логвенову на память от автора. А. Лер. 12 марта 1875.» на книге, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
13. Антонова К. А., Английское завоевание Индии в XVIII веке, М., 1958.
14. Касымов А. М., Борьба Майсура за свою независимость в конце XVIII века, Ташкент, 1964.
15. Круzenштерн И. Ф., Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... на кораблях «Надежде» и «Неве»..., ч. 2. СПб., 1810.
16. Круzenштерн И. Ф., Путешествие от мыса Доброй Надежды к Мадрасу в 1797 году, на фрегате Его Величества Короля Британского «L'oiscau» о 36 пушках, под начальством капитана Линзи,— «Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом...», ч. III, 1815.
17. Кушнарев Е. Г., Проект кругосветного плавания Круzenштерна (по новым архивным материалам), — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 95, 1963, вып. 4.

18. Лебедев Г., Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев, СПб., 1805.
19. Люстерник Е. Я., Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в., М., 1966.
20. «Народы Южной Азии», М., 1963.
21. «Новая история Индии», М., 1961.
22. Рабинович Я. Б., Юрий Федорович Лисянский — славный русский мореплаватель,— «Сборник докладов на I научно-технической конференции слушателей Академии (Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А. Н. Крылова), вып. I, Л., 1949.
23. «Советская историческая энциклопедия», т. 8, М., 1965.
24. Штейнберг Е. Л., Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского, содержащее историю его службы на военном флоте российском, его плаваний в Западную и Восточную Индию, Северную Америку и Южную Африку, а также о знаменитом первом вояже русских моряков вокруг света с 1803 по 1806 год, М., 1948.
25. Arunachalam B. Bombay City — Stages of Development,— «Bombay Geographical Magazine», 1955, vol. III, № 1.
26. «Asiatic Researches», 1807, vol. IV, 4th ed.
27. «Biographical Memoirs of Sir Erasmus Gower, Knight»,— «The Naval Chronicle», 1800, vol. IV.
28. «The Despatches, Minutes and Correspondence of the Marquess of Wellesley, R. G., During his Administration in India. Ed. by Mr. Montgomery Martin», vol. I, London, 1836.
29. «Fort William — India House Correspondence and other Contemporary Papers (Public Series)», vol. XIII, 1796—1800, Delhi, 1959.
30. Hamilton W., The East India Gazetteer, vol. I, London, 1828.
31. «A Handbook for travellers in India, Pakistan, Burma and Ceylon», 17th ed., London, 1955.
32. [Hook Th. E.], The Life of General, the Right Honourable Sir David Baird, Bart, vol. I, London, 1832.
33. Horsburgh J., India Directory or Directions for Sailing to and from the East Indies, China, New Holland, Cape of Good Hope, Brazil, and the Interjacent Ports..., 3rd ed., vol. I, London, 1826.
34. «Political Despatches to England, February 12., 1798».
35. Vivien de Saint-Martin, Nouveau dictionnaire de géographie universelle, vol. 3, Paris, 1887.
36. «Wreck of the Sceptre Man of War»,— «The Naval Chronicle», vol. III, 1800.

П. М. Долуханов

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ИНДИИ

Развитие человечества, в особенности на ранних его ступенях, неразрывно связано с развитием природной географической среды. С другой стороны, определения возраста ископаемого человека, палеолитических культур часто зависят от определения возраста вмещающих геологических слоев. Эти два обстоятельства являются причиной того, что наиболее полное изучение культур каменного века неизбежно связано с палеогеографическими исследованиями и наиболее полная история первобытного человеческого общества неизбежно должна сопровождаться историей географической среды.

Проблемы, с которыми сталкивается палеогеография каменного века, сходны во всех странах света. Природа в течение четвертичного периода проходила несколько эпох циклических изменений, вызванных (по наиболее распространенной теории) изменением общего количества поступающего на Землю солнечного тепла. Задача геологов — проследить признаки этих циклических изменений в различных геологических слоях и формах рельефа.

Особенностью Индии, сближающей ее территорию с территориями остальной части Южной Азии и с Африкой, является то, что все эти области входят в наиболее вероятную область первоначальной прародины человечества [7, 7—32].

Поэтому очень большую ценность приобретают сведения об условиях залегания древнейших находок ископаемого человека и нижне-палеолитических индустрий, а также данные относительно изменений в природной среде, происходивших на границе третичного и четвертичного периодов — наиболее вероятном времени антропогенеза.

Верхнетретичные отложения в Северной Индии представлены мощной системой сиваликских отложений, образующих холмистые предгорья Гималаев от Инда до Брахмапутры [3]. Сиваликские отложения имеют аллювиально-делювиальное происхождение: они образовались в результате разрушения склонов поднимающихся Гималайских гор и переотложения их водными потоками.

Особенностью сиваликских отложений является их сильная измятость молодыми тектоническими движениями: формирование этих образований происходило одновременно с мощными тектоническими движениями Гималаев. Наиболее характерными для сивалика являются складчатые и разрывные деформации: системы складок, сбросов и надвигов. Наиболее мощной является система параллельных сбросов и надвигов — «пограничный сброс», возникший на границе сиваликских и нижнечетвертичных отложений. Эти особенности построения сиваликских слоев позволяют считать, что область их накопления представляла собой сильно пересеченный гористый и тектонически активный район.

Еще более важной особенностью сиваликских слоев является насыщенность их фаунистическими остатками. Джунгли, болота, покрывающие склоны гор, были заселены фауной во много раз более разнообразной, чем та, которую можно встретить ныне в этих местах.

Изучению сиваликской фауны посвящена большая специальная литература. Фауна эта значительно более разнообразна и многочислenna, чем та, какую можно было установить в более древних слоях. Преобладающей в сиваликских отложениях является фауна млекопитающих. Изучение особенностей этой фауны позволило установить в ее составе отдельные группы, переселившиеся сюда из Египта, Аравии, Центральной Азии и даже Северной Америки [33, 362—363].

Еще недостаточно ясны причины, вызвавшие столь быстрое и разностороннее развитие фауны млекопитающих в сиваликское время. В числе таких причин называют благоприятные условия среды: теплый и влажный климат, изобилие источников пищи и воды.

Одной из важнейших особенностей сиваликской фауны является присутствие в ней большого числа костей приматов, в том числе 15 высокоспециализированных родов семейства человекообразных обезьян.

На основании палеонтологических соображений сиваликская система расчленяется на три секции, каждая из которых характеризуется определенным фаунистическим комплексом (переход от одного комплекса к другому плавный) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Соотношение оледенений Гималаев с ярусами верхнего сивалика

Период	Ярусы	Фауна	Ледниковые циклы Кашмира
Плейстоцен	верхний	Переотложенный лёсс	4-е оледенение. Конечные морены на высотах 2500—300 м.
		Эрозия	3-е межледниковые: эрозия
	средний	Потвар: желтоватый лёссовидный суглинок и гравий	3-е оледенение. Конечные морены на высоте 2000 м.
		Эрозия	2-е межледниковые. Верхние слои Карева: эрозия
	нижний	Валунный конгломерат	2-е оледенение: горизонты валунного суглинка и гравия в слоях Карева
		Пинджор	1-е межледниковые: нижние слои Карева: березовые, дубовые и сосновые леса
		Татрот	1-е оледенение: конечные морены на высоте 1800 м.
Плиоцен	Дхок Патхак	Hipparrison, Tragocerus, Stegolophodon, Branta therium	

По существующим представлениям, нижний сивалик сопоставляется со средним миоценом (гельветийским и торntonским ярусами), средний — с нижним плиоценом (понтикским ярусом) — средним плиоценом; верхний — с нижним плейстоценом — верхним плиоценом. Эти сопоставления в большой мере условны.

Антропоиды установлены во всех секциях сиваликской системы (в том числе роды дриопитеков, сугривапитеков и рамапитеков, начиная с горизонта Чинджи, — нижний сивалик).

Но до сих пор нигде не было получено данных, которые позволили бы связать древнейшие палеолитические индустрии с костными остатками высокоспециализированных антропоидов. Изучение состава фауны и растительных остатков позволяет считать, что на протяжении большей части сиваликского времени природная обстановка оставалась приблизительно одинаковой: листопадные тропические леса, переходящие на юге в саванны и высокогорную растительность на севере.

Первые признаки наступающих существенных перемен в природной среде обнаруживаются в слоях верхнего сивалика. Эти слои представлены горизонтами песка, красных глин и валунного конгломерата. Состав этих отложений напоминает перемытые морены, отложенные спустившимися с гор ледниками.

Де Терра и Патерсон, производившие детальные геоморфологические наблюдения на севере Индии и Пакистана, считают, что именно в верхнесиваликское время явственно чувствуются признаки похолодания, приведшего к возникновению первого четвертичного оледенения Гималаев. На этом основании Де Терра предлагает провести границу между третичным и четвертичным периодами по кровле нижнесиваликских отложений [19, 221—222].

Отложения нижней пачки верхнесиваликских слоев горизонта татрот, представленные серыми и желтыми конгломератами и песчаниками, свидетельствуют о значительном усилении процессов аккумуляции, видимо вследствие увеличения количества осадков. С этой стадией Де Терра связывает первый этап горного оледенения. Фауна и флора свидетельствуют о влажном климате и пышной растительности. Фауна вышележащего горизонта Пинджор (розовые и коричневые, часто слойстые илы и пески) свидетельствует об умеренно теплом климате — в Кашмире росли густые леса на равнинах — густая растительность саванного типа.

Но наиболее резкий перелом в характере развития географической среды прослеживается в осадках наиболее молодой стадии верхнего сивалика, так называемой зоне валунного конгломерата. С этой зоной связывается второе и значительно более мощное оледенение Гималайских гор. Период таяния ледников сопровождался значительным усилением процессов аккумуляции. Обломочный материал размывался водными потоками и переоткладывался в предгорьях в виде мощных конусов выноса. Именно тогда были отложены верхнесиваликские валунные конгломераты.

О похолодании говорит и состав фауны: в отложениях зоны валунного конгломерата почти полностью отсутствуют элементы верхнесиваликской фауны. Присутствуют лишь *Equus namadicus*, *Bubalus palaeindicus*, *Bos elaphus cf. namadicus*.

Четвертичный период — это время оледенений. Как было показано югославским исследователем Милановичем, вследствие ряда особенностей наклона земной эклиптики создаются условия, обуславливающие циклическое изменение общего количества солнечного тепла, попадающего на поверхность Земли. Уменьшение количества солнечной

радиации, согласно «астрономической теории», приводит к возникновению оледенений материковых в умеренных широтах, горно-долинных в областях нагорий [30, 593—698]. Недавно полученные данные изучения концентраций ионов кислорода в морских отложениях подтверждают правильность теоретической кривой Миланковича.

Наиболее разработанна стратиграфия ледниковых отложений в Европе. На основании обобщения большого количества данных, полученных как в зоне, непосредственно подвергавшейся оледенению, так и в приледниковой зоне, европейские ученые смогли выделить пять основных ледниковых эпох с большим числом второстепенных стадий и фаз и приблизительно установить их возраст.

На территории Индии наиболее благоприятной областью для изучения ледниковых явлений по вполне понятным причинам являются Гималайские горы. Действительно, детальные исследования, проведенные в Гималах и в их южных предгорьях, позволили выделить следы четырех оледенений, произошедших в четвертичное время. Если исходить из астрономической теории, то есть все основания считать эти оледенения синхронными основным ледниковым эпохам Европы (гюнцской, миндельской, рисской и вюрмской).

В 30-х годах Де Терра и Патерсон проводили детальные геоморфологические исследования в Кашмире с целью восстановления истории четвертичных оледенений в этом районе.

Ценную информацию относительно характера развития природной среды на севере Индии удалось получить в результате изучения слоев «карева», занимающих значительные площади в Кашмирской долине. Эти слои, общая мощность которых достигает 2210 м, являются преимущественно осадками озер, заливавшими Кашмирскую долину в периоды межледниковых. В некоторых разрезах озерные отложения перемежаются с прослойями ледниковых отложений, что позволяет в деталях восстановить четвертичную стратиграфию. Слои «карева» содержат богатую фауну и флору, благодаря чему можно довольно точно представить себе географические условия межледниковых периодов [33, 357—375; 3, 132—133; 2, 225].

На основании сопоставления географических, геоморфологических и палеонтологических данных Де Терра следующим образом рисует развитие древних оледенений Кашмира.

Первое оледенение, относимое к нижнему плейстоцену и сопоставляемое с горизонтом татрот верхнего сивалика, выразилось в заполнении льдом Синдской и Лиддарской долин и образовании морен на северном и южном склонах Кашмирской долины на высотах 1900—2000 м. Фауна эпохи первого оледенения характеризуется крайней бедностью по сравнению с верхнесиваликской. Климат определяется как умеренный, более холодный, чем современный.

В первую межледниковую эпоху вследствие накопления моренного материала и продуктов конусов выноса, а также поднятия хребта Пир-Панджал происходит подпруживание р. Джелум и образование обширного озерного бассейна, в котором происходит отложение мощной толщи озерных осадков (нижний слой «карева»). Изучение фауны и растительных остатков позволяет считать, что климат в эпоху первого межледникового был более теплым и в то же время менее аридным, чем современный (сосново-дубовые леса поднимались высоко в горы). На берегах озер и в долинах рек жили слоны верхнесиваликского типа, подножия гор были заселены узконосными обезьянами, кошачьими, слонами, лошадьми, гиппопотамами.

Второе оледенение, относимое к среднему плейстоцену, было более

значительным, чем первое, что объясняется как климатическими (направление муссонных ветров), так и тектоническими (поднятие южного хребта) факторами. Оледенение привело к формированию мощной системы морен, размыв и переотложение которых привели к образованию валунных конусов выноса и слоев валунного конгломерата. В эпоху второго оледенения, видимо, происходит вымирание (или миграции) верхнесиваликской фауны. Нигде в слоях валунного конгломерата не отмечены фаунистические находки.

Некоторое время на протяжении второго межледниковых Кашмирская долина была занята озерным бассейном, который позднее был спущен; поверх озерных осадков стали отлагаться эоловые пески. Межледниковая эпоха характеризуется усилением эрозионных процессов: происходит усиленный врез рек.

Нет прямых указаний на характер климата и растительности межледниковых. Однако тот факт, что именно в это время соседние равнины были заселены палеолитическим человеком, позволяет считать, что климат тогда был достаточно благоприятным.

Ледники третьего оледенения спустились в Кашмир долинами рек, углубленными в предшествующую межледниковую эпоху. Это оледенение в целом отличалось более скромными размерами, чем предыдущее, хотя на северном склоне хребта Пир-Панджал ледники опускались достаточно низко. Одновременно в долине верхнего Инда происходили сильное обводнение и аккумуляция толщи илов.

Отступание ледников в течение третьей межледниковой эпохи привело к новому усилению эрозионной деятельности. С этим этапом связывают формирование террасы Т₃, имеющей широкое распространение в долинах рек Северной Индии.

Четвертое, наименее мощное оледенение выразилось в ряде стадий деградации; нигде ледники четвертого оледенения не опускались ниже 4000 м.

Очень ценная информация для восстановления четвертичной истории Индии может быть получена в результате изучения алювиальной равнины Инда — Ганга. Равнина эта представляет собой огромную депрессию, погружение которой происходило одновременно с поднятием Гималайских гор, т. е. в конце третичного — в четвертичном периоде. Мощность осадков, выполняющих депрессию, превышает 400 м.

Сопоставление осадочных слоев с террасовыми уровнями рек Индо-Гангского бассейна, корреляция этих образований с ледниками отложениями позволяют восстановить палеогеографические события, происходившие в этой части Индийского субконтинента в четвертичное время, и связать их с ледниковой историей Гималаев. Особо важным обстоятельством является то, что долины рек Северной Индии содержат многочисленные палеолитические местонахождения, часто залегающие в четких геологических условиях и в ассоциации с четвертичной фауной. Таким образом, построение стратиграфии четвертичных отложений Северной Индии является одновременно построением хронологии каменного века.

Наиболее подробно были изучены долины рек бассейна Инда, в районе предгорной аллювиальной равнины Потвар (ныне входящей в состав Пакистана), в особенности долина небольшого притока Инда — р. Соан. Де Терра и Патерсон, проводившие изучение этой долины, выделили в ее пределах пять террасовых уровней, охватывающих по времени их образования всю четвертичную систему — от верхнего сивалика до голоцен [19, 278—298].

Наиболее высокий уровень — Терраса Т₄ и с отметками порядка

250 м — покрыт валунным конгломератом, сопоставляемым с моренными отложениями второго оледенения, и, как указывалось, датируется временем верхнего сивалика.

С усилившимся эрозионным врезом, происходившим в течение второго межледниковых, связывается образование первого (считая сверху) террасового уровня с отметками порядка 150 м, также частично перекрытого валунным конгломератом.

К склону первой террасы прислонены переотложенные конгломераты, сопоставляемые с третьим оледенением. Эти конгломераты образуют базальные отложения второго террасового уровня (с отметками порядка 130 м). Образование этого уровня, имеющего очень широкое распространение на севере Индии, связывается с «потварским эрозионным циклом», относимым ко времени третьего ледниковых. Именно к этому времени Де Терра и Патерсон относят заложение современной речной системы.

Базальные отложения второго террасового уровня перекрыты мощным плащом «потварского лессовидного суглинка». В толще потварского лесса обнаруживается третья терраса, имеющая высоту около 50 м. Этот уровень связывается с третьим ледниковым.

К склону этой террасы прислонена четвертая терраса с высотами около 30 м. Образование этой террасы сопоставляют с последним, четвертым, ледниковым периодом и временем геологической современности — голоценом. Ниже четвертой террасы располагается современная пойма.

Долина р. Соан богата палеолитическими местонахождениями. Наиболее ранние формы орудий: грубые массивные отщепы, сделанные из кварцитовых и сланцевых галек с нефасетированными ударными площадками, отнесенные Патерсоном [19, 301—311; 31, 59—88] к стадии «пресоан», встречаются в толще валунного конгломерата, развитого на террасе T_1 и сопоставляемого со вторым ледниковым.

В верхних слоях валунного конгломерата и на склонах террасы T_1 встречаются памятники, относимые Патерсоном к «нижнему соану». Для этих памятников характерно преобладание галечной (соанской) техники: одно- и двусторонне оббитых рубящих и скребущих орудий типа чопперов и чоппинг-тоолз.

С фазой эрозионного вреза террасы T_1 Патерсон связывает индустрию, относимые им к «среднему соану А». Для этой стадии характерно приблизительно одинаковое развитие галечной техники (отмечается развитие форм чопперов) и техники отщепов (описаны отщепы, напоминающие клектонские и протолеваллуазские).

Базальные конгломераты второй террасы, относимые ко времени третьего ледниковых, содержат индустрию «среднего соана Б». Они характеризуются тем же набором орудий, что и «средний соан А», отличаясь от них большей степенью патинизации и окатанности.

Базальные конгломераты террасы T_2 содержат также и комплексы орудий, относимые к «верхнему соану А». Для этой стадии характерно наряду с галечной техникой «развитие техники гораздо более закономерного первичного расщепления, часто сопровождающегося фасетированием ударных площадок и подготовкой нуклеусов, напоминающей технику леваллуа» [19, 312].

Базальные конгломераты второй террасы перекрыты мощной толщей потварских лёссов, время образования которых соответствует «верхнему соану Б». Для этой стадии характерно большее сравнительно с «верхним соаном А» развитие техники изготовления нуклеусов и отщепов.

Широкое развитие эрозионных процессов в течение последующего третьего межледниковых привели к переотложению позднесоанских орудий в аллювиальных отложениях третьей террасы. Однако многие орудия не имеют следов окатанности, что позволяет соотнести время существования верхнего соана со временем третьего межледниковых.

По новой терминологии, предложенной индийскими археологами, культуры, соответствующие по времени описанным выше, объединяются в понятие «раннекаменный век» (Early Stone Age) [23].

Следует сказать, что в последние годы многие индийские археологи высказывают мнение о необходимости типологически пересмотреть соанские палеолитические комплексы.

С поздним циклом седиментации третьей и со второй террасами Соана связывается новая палеолитическая индустрия, характеризующаяся употреблением ножевидных пластин и скребков. В соответствии с новой терминологией эта индустрия включается в категорию «средне-каменный век», или «серия II» [17, 185].

После 1947 г. большая часть рек бассейна Инда, включая классические соанские местонахождения, были включены в состав Западного Пакистана. В 50-е годы индийские археологи предприняли энергичные разведочные работы в предгорьях индийских Гималаев, что привело к открытию ряда новых памятников соанского типа: Биласпур, Даулатпур, Дехра, Гулер, Налагарк и др. Наибольший интерес из новооткрытых местонахождений представляет Гулер, где обнаруживается четкая зависимость литических комплексов от террасовых уровней. Наряду с большим сходством в каменном инвентаре этих памятников обнаруживаются и определенные отличия от собственно соанских (отсутствие ручных рубил и двусторонне обработанных кливеров). Некоторые индийские археологи предлагают обозначить новооткрытые комплексы термином «гулерская культура» [27, 146—147].

Двигаясь на юг от рассмотренных выше районов, мы попадаем в полуостровную Индию. Это мир, значительно отличный от Северной Индии. Полуостров сложен в основном гранитами и гнейсами докембрийского возраста. Деканские лавы (или траппы), образующие огромные поверхности, типа столовых гор, сложенные базальтами, образовались в результате извержений, происходивших в конце мелового периода.

Полуостровная Индия характеризуется преобладанием тропического климата. Климатические изменения, происходившие в течение четвертичного периода, находили здесь совершенно иное выражение, чем в областях, подвергавшихся оледенению или непосредственно граничащих с ними. Как сейчас считает большинство исследователей, периоды оледенений умеренных широт и высокогорных областей в тропических областях соответствуют периоды некоторого увеличения влажности — плювиали. Под термином «плювиал» в тропических областях подразумевается некоторое увеличение влажности и некоторое уменьшение средних температур по сравнению с современными показателями. Интерплювиали, соответствующие межледниковым, характеризуются возвращением к современным условиям.

Климатические колебания такого рода приводили к некоторым изменениям в характере речной аккумуляции и в характере почвообразовательных процессов. Последнее связано с широким распространением в полуостровной Индии (главным образом на базальтах и траппах) латеритов и латеритных почв. Под латеритами понимают обычно пористую суглинистую породу, химически представляющую собой смесь гидроокислов алюминия и железа (присутствие последних обусловли-

вает красноватую окраску). Как сейчас установлено, латериты образуются в основном за счет химического выветривания базальтов и других содержащих алюминий вулканических пород в условиях теплого и влажного муссонного климата [33, 403]. Наличие прослоев латерита в геологических разрезах рассматривается многими исследователями как показатель плювиальных условий. Другие исследователи считают латерит скорее показателем муссонного климата. Третий — вообще не считают латерит надежным индикатором климата.

Более благоприятным материалом для палеоклиматических реконструкций являются речные образования.

Как указывает Г. Карве-Карвинус, в реках полуостровной Индии выражено обычно лишь два террасовых уровня, образование которых связано с тремя эрозионно-аккумулятивными циклами. С образованием верхней террасы связано два древних цикла (аккумуляция — врез — новая аккумуляция). Позднейший цикл вреза и аккумуляции приводит к образованию нижней террасы. С врезом обычно связывают засушливые климатические условия типа интерплювиалов. Периоды аккумуляции сопоставляют с избыточным увлажнением, т. е. с плювиалами. При этом Карве-Карвинус справедливо указывает на опасность прямого палеоклиматического истолкования аллювиальных отложений: наблюдаемые переходы грубообломочных отложений в мелкозернистые могут объясняться фациальными замещениями. Большим затруднением является отсутствие в большинстве случаев в аллювиальных отложениях фаунистических остатков и пыльцы [20, 31—34].

Тем не менее изучение аллювия рек полуостровной Индии имеет огромное значение: с этими отложениями связана большая часть палеолитических местонахождений этой части страны. Палеографическое изучение аллювиальных отложений Индии в 30-е годы проводили Де Терра и Патерсон [19, 313—326], в послевоенные годы — Ф. Цейнер [34]. Успешно работают в этой области и молодые индийские геологи: Р. Ф. Джоши [21], Г. Г. Маджумдар и С. Н. Раджгуру [29], А. П. Хатри.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют работы А. П. Хатри [24; 25; 26], проведенные им в долине р. Нарбады. Вследствие особенностей тектонического развития этого района река Нарбада имеет широкую — в 8—20 км — хорошо разработанную долину и характеризуется чрезвычайно большой мощностью аллювиальных отложений. Бурение позволило установить, что мощность аллювия в долине Нарбады превышает 200 м, причем кровля коренных пород не была достигнута. Долина р. Нарбады была изучена Де Терра и Патерсоном в 30-е годы; позднее А. П. Хатри, осуществив повторные исследования в этом районе, пересмотрел некоторые выводы своих предшественников.

В долине Нарбады обнажается серия древних аллювиальных отложений общей мощностью около 40 м. По данным А. П. Хатри, в основании разреза залегают красноватые глины мощностью 2,5—3 м. В одном случае на контакте красных глин с вышележащими отложениями был обнаружен клык *Elephas antiquus*.

В ряде случаев можно наблюдать замещение красноватых глин сцементированными гравийно-галечными отложениями — гравий I, который, по-видимому, отлагался в несколько более позднее время на эродированной поверхности глин. Оба эти образования, содержащие палеолитические орудия, относятся Хатри к среднему плейстоцену. Выше с несогласием, свидетельствующим о длительном перерыве в осадконакоплении, залегает слой сцементированных песчано-гравийных отложений (гравий II) мощностью 2—2,5 м, содержащий палеолитические

индустрии и фауну. Стратиграфически выше согласно залегает горизонт косослоистого желтоватого песка, богатый палеолитическими находками, мощностью 8—10 м. Выше развиты коричневые «хлопчатниковые» почвы.

Наиболее ранняя индустрия, представленная почти исключительно орудиями типа чопперов и чоппингов (chopping-tools), сделанными из галек красного кварцита среднего и большого размера, была встречена в долине Нарбада в четырех случаях. В одном местонахождении (Хасалпур) эти орудия были найдены в слое гравия I, в двух местонахождениях (Махадео Пипария и Мургахера) — в слое красноватых глин.

В горизонте сцементированных песчано-гравийных отложений (в гравии II) в ряде местонахождений (Девакатор, Ратикарап, Сагуан-Гхат и Барман-Гхат) были обнаружены орудия, отнесенные Хатри к позднему шеллю — раннему ашелью. В горизонте желтоватого песка залегают орудия, относимые к развитому ашелью.

Фауна, найденная *in situ*, включает в описанных выше горизонтах *Elephas antiquus* (*namadicus*), *Equus namadicus*, *Bos namadicus*, *Bubalus*, *Bison*, *Hipparrison*. Приблизительное сопоставление стратиграфического разреза отложений долины Нарбады с палеолитическими индустриями и палеоклиматическая интерпретация (по А. П. Хатри) приведены в табл. 2.

Таблица 2
Сопоставление стратиграфического разреза реки Нарбады

Стратиграфические подразделения	Геологические формации	Климат	Археология
Голоцен	Коричневые почвы; желтовато-коричневый ил с конкрециями	Интерплювиал; современные условия	Микролитические индустрии
Плейстоцен верхний	Желтоватые пески (IV)	Медленное течение, довольно высокий уровень воды Плювиал	Поздний ашель — среднекаменный век
	Сцементированный песчаный конгломерат (III)	уровень воды более чем на 75 см выше современного	Поздний шелль — ранний ашель
Плейстоцен средний	НЕСОГЛАСИЕ		
	Гравийный галечник (II)	Интерплювиал; современные условия	Ранний шелль,
	Красноватые глины (I)	Влажно	махадевская культура
	Латерит (?)	Плювиал	

За последние годы на территории Индии было обнаружено значительное число памятников древнего каменного века, покрывающих практически всю территорию всей страны. В Индии в течение длительного времени выделяли две палеолитические традиции: соанскую, встречающуюся на севере страны и представленную преимущественно галечными орудиями типа чопперов и чоппингов, и мадрасскую, распространенную в центральных и южных районах и представленную в основном

орудиями типа ручных рубил и кливеров. Х. Д. Санкалия считает, что соанские люди предпочитали селиться в перигляциальных предгорьях Панджаба, тогда как носители мадрасской традиции жили преимущественно на берегах рек и на окраинах лесных массивов [32, 70].

В противоположность этому А. П. Хатри, опираясь на свои работы в долине Нарбады, делает заключение, что здесь в различных геологических горизонтах отражена постепенная эволюция индустрии ручных рубил, начиная от примитивной галечной дошельльской стадии и вплоть до стадии развитого ашеля. Представленная в слоях красноватых глин и гравия I галечная индустрия, включающая чопперы и чоппинги, сделанные на больших и массивных гальках, рассматривается Хатри как начальная стадия эволюционного ряда и обозначается (по названию стратотипической стоянки) как «махадевская культура». Более поздние культурные горизонты отражают дальнейшие этапы эволюции форм ручных рубил и кливеров, достигающих значительного совершенства на стадии развитого ашеля.

Более поздний этап индийского палеолита представлен памятниками среднекаменного века (или невасской культуры). Как указывает Санкалия, для среднекаменного века характерно сочетание старых (нижнепалеолитических) и новых технических приемов. Наиболее характерные орудия: различные типы скребков, наконечники (в том числе наконечники стрел), сверла. В отличие от изделий нижнекаменного века, сделанных в основном из кварцита, изделия среднекаменного века изготовлены преимущественно из халцедона, яшмы, черта [32, 76–78].

Индустрии среднекаменного века в долине Нарбады встречаются в горизонте косослоистых песков совместно с орудиями, относимыми к развитому ашелю. Сопровождающая эти индустрии фауна включает *Elephas namadicus*, *Bos namadicus*, *Hippopotamus namadicus*, *Equus namadicus*, *Bubalus*, *Sus*, что позволяет отнести их к плейстоцену, скорее всего к верхнему его отделу.

Условия залегания позволяют считать, что среднекаменный век в целом приходился на сравнительно влажную климатическую фазу, по-видимому соответствующую времени последнего оледенения. Как считает Санкалия, люди среднекаменного века предпочитали селиться в светлых лесах.

Наиболее поздняя стадия индийского каменного века — позднекаменный век — характеризуется распространением микролитических индустрий. Для изготовления микролитических орудий используется серый, розовый и коричневый черт, кварц, яшма различных цветов. Микролитические комплексы включают обычно карандашевидные нуклеусы с плоским основанием и с конической или усеченной вершиной, различные типы скребков, сверла, полумесяцы, треугольники, трапеции, подтреугольные наконечники с ретушированными спинками, асимметричные наконечники, обработанные отщепы и другие орудия [32, 127].

Микролитические комплексы распространены практически во всей Индии. Ряд памятников залегает в четких стратиграфических условиях. Так, группа стоянок Тери в округе Тинневелли (на крайнем юге Индостана) приурочена к древним дюнным образованиям, возникновение которых на основании их соотношения с древней береговой линией датируется 4000 лет до н. э. [32, 136].

Ряд стратифицированных микролитических памятников был изучен в Северном и Центральном Гуджарате. Один из таких памятников, Лангхнадж, был геологически изучен Ф. Цейнером. Этот исследователь

связывает появление микролитического населения с фазой увлажнения, последовавшей за фазой дюнообразования. В это время происходили разливы озер и рек, поверх дюнных песков формировались почвы, позднее вновь засыпанные песками, когда климат вновь стал более засушливым.

Развитие микролитических индустрий охватывает практически весь голоцен. Наиболее ранние памятники датируются 1000—4000 лет до н. э. Однако есть указания на то, что орудия микролитического типа изолированные лесные племена изготавливали вплоть до X в. н. э. [32, 129].

Сопоставление стратиграфических схем подразделения четвертичного периода — дело очень сложное даже для незначительно удаленных регионов. Значительно сложнее производить сопоставление таких схем для территорий, разделенных многими сотнями и тысячами километров. Тем не менее делать такие корреляции необходимо, ибо только на их основе можно понять закономерности развития географической среды, темпы и особенности развития человеческих культур в различных областях земного шара в четвертичное время.

Наиболее естественно начать сопоставление четвертичных образований Индии (в особенности Северной Индии) с таковыми советской Средней Азии. Эти области, лежащие соответственно к югу и к северу от высочайшей горной системы Азии, должны были подвергнуться воздействию сходных географических процессов на протяжении четвертичного периода.

Попытки сопоставить четвертичные формации Средней Азии и Индии неоднократно предпринимались советскими учеными [5; 14, 89—113]. Эта задача в последнее время во многом облегчилась тем, что в 1961 г. среднеазиатские геологи выработали схему корреляции четвертичных отложений Средней Азии и Южного Казахстана [4].

Не вдаваясь в подробности этих корреляций, приведем обобщенную схему (по В. А. Ранову), показывающую предположительные сопоставления среднеазиатских комплексов с альпийской схемой оледенения:

Стратиграфические подразделения	Среднеазиатские комплексы	Фаунистические комплексы Казахстана	Альпийская схема
Верхний плейстоцен — Q ₃	Голодностеп- ский (Люшам- бинский)	Мамонтовый, или верхнепале- олитический	Вюрм Рисс-Вюрм
Средний плейстоцен — Q ₂	Ташкентский (Иляксский)	Хазарский	Рисс
Нижний плейстоцен — Q ₁	Сохский (Кулябский)	Кошкурганский	Миндель-Рисс Миндель Доминдель

По мнению А. П. Окладникова [9, 22] и В. А. Ранова [13, 1—11], в палеолите Средней Азии прослеживаются две культурные традиции. Первая традиция (А) представлена памятниками, для которых характерна леваллуазская техника обработки камня, близкими к палеолитическим местонахождениям Переднего Востока. Для второй традиции (Б) характерно употребление галечных орудий, что сближает их с памятниками Восточной Азии (включая Индию) и Сибири.

Памятники, относимые к нижнему палеолиту — мустье группы А, как правило, залегают в образованиях, сопоставляемых либо с ташкентским, либо с голодностепским комплексом [11, 393—406].

Памятники группы Б (соанского типа) встречены в основном в Юж-

ном Казахстане [1] и в Таджикистане [10]. Геологический возраст этих памятников еще окончательно не установлен. Предполагается корреляция различных фаз «среднеазиатского соана» со средним и верхним плеистоценом.

Памятники, относимые к верхнему палеолиту Средней Азии, крайне немногочисленны. По существу, единственным памятником группы А (передневосточного типа), относимым к верхнему палеолиту, является мастерская, расположенная на 39-м километре дороги Красноводск — Ашхабад в Туркмении. Материал был собран на останцовой поверхности террасы нижнехвальинской трансгрессии Каспийского моря [8].

К верхнему палеолиту группы Б (восточноазиатского типа) В. А. Ранов относит единственный памятник — Самаркандскую стоянку, подчеркивая ее своеобразный характер [12, 87—89]. В качестве возможной даты стоянки называют поздние стадии развития голоднотеплового комплекса [12, 400].

Длительное сохранение традиций галечных культур в каменном веке Средней Азии доказывается, в частности, присутствием галечных орудий в каменном инвентаре неолитической гиссарской культуры [12, 8].

Еще несколько слов о корреляции, на этот раз со значительно более удаленной территорией — Африкой. В Африке наиболее ранние бесспорно человеческие изделия были установлены в слое I многократно описанного в литературе Олдовайского ущелья в Танзании. Слой этот по данным, приводимым Л. С. Б. Лики [28], представляет собой чередование глинистых отложений и лав (ущелье расположено в тектонически активном Восточноафриканском рифтовом ущелье). Многочисленные фаунистические материалы позволяют проследить изменение экологических условий от более влажных — плuvialного типа к более сухим — типа интерплувиала. При помощи калиево-арганового метода верхи слоя I были датированы: 1.02—1.38 миллионов лет. По мнению большинства исследователей, этот горизонт можно сопоставить с верхним виллофранком. Каменная индустрия, представленная в нижних слоях Олдовая, — это галечная культура (олдованская культура), весьма близкая к галечным культурам Восточной и Центральной Азии.

Галечная культура относительно быстро распространяется по всему Африканскому континенту. Так, в Северной Африке, в Марокко, древнейшие находки галечных орудий датируются приблизительно тем же временем, что и на востоке континента, — верхним виллафранком [15, 417—447].

Приблизительно в течение камасийского плувиала, сопоставляемого с минделем альпийской шкалы, на Африканском континенте происходит постепенный переход галечных культур в культуры ручных рубил ашельского облика.

Далее в Африке наблюдается определенное замедление темпов развития палеолитических культур. Культуры ашельского облика продолжают существовать в Африке на протяжении большей части плеистоцена, вплоть до начала вюрма. Культуры так называемого среднего каменного века соответствуют среднему и верхнему вюрму по европейской шкале, непосредственно предшествуя неолиту.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что распространение галечных культур на значительных пространствах Африки, Юго-Восточной и Центральной Азии происходит в начальную пору четвертичного периода. Наиболее ранние палеолитические культуры Индии,

как указывалось, датируются средним плейстоценом. Однако по аналогии с африканскими местонахождениями можно ожидать находок и более раннего возраста, соответствующего верхнему виллафранку — нижнему плейстоцену.

Большой интерес представляет то обстоятельство, что область распространения наиболее древних галечных культур приблизительно соответствует ареалу, принимаемому за «первоначальную прародину человечества».

Как известно, в Индии до сих пор не было обнаружено костных остатков архантропов, однако нахождение большого количества ископаемых низших и высших узконосых обезьян в сиваликских отложениях позволяет многим исследователям считать, что Индия входила в область первоначальной прародины человека [7, 11].

Многие исследователи включают в область «очеловечивания обезьяны» и Среднюю Азию [12, 8]. Исходя из этого можно высказать предположение, что галечные культуры были специфическими индустриями, присущими наиболее ранним гоминидам — производителям орудий.

Дж. Десмонд Кларк указывает на большие потенциальные возможности галечной техники, которую можно рассматривать как ступень, предшествующую и шелльско-ашельской технике ручных рубил и технике чопперов-чоппингов [18, 265—271].

В начале среднего плейстоцена галечная техника проникает в Европу [16, 88—201], в Переднюю Азию, охватывает значительные пространства Индии и Центральной Азии.

Начиная с этого времени наблюдается известная диспропорция в темпах развития палеолитических культур, с одной стороны, приледниковой Европы и Ближнего Востока и, с другой — Африки, Южной, Центральной и Восточной Азии. В этих последних областях на протяжении большей части плейстоцена продолжалось довольно монотонное развитие галечных культур, переходивших в культуры ручных рубил ашельского облика. Однако влияние галечной техники сохранялось вплоть до неолита.

В отличие от приледниковой Европы и Переднего Востока здесь не возникли верхнепалеолитические культуры европейского облика. Вместо этого здесь в конце верхнего плейстоцена возникают культуры среднего каменного века, являющиеся непосредственным продолжением ашельских комплексов.

В качестве одной из основных причин такого сравнительно замедленного развития палеолитических культур в Южной Азии и Африке следует назвать особенности развития природной среды.

Эти особенности, во многом способствовавшие процессу антропогенеза в этих областях, впоследствии превратились в могучий тормоз, сдерживавший развитие производительных сил. Этим тормозом мы считаем недостаточную амплитуду изменений географических условий на протяжении четвертичного времени. Действительно, изменения типа плювиалингерплювиял не могли привести к сколько-нибудь значительным перестройкам в географической среде, не стимулировали развитие функций адаптаций в виде развития техники.

Наличие же в Средней Азии элементов техники леваллуа-мустье скорее всего следует связать с возможностью культурных контактов этой зоны с Передним Востоком, входящим в один мир с приледниковой Европой¹.

¹ Более подробно эти вопросы рассматриваются в другой работе — «Роль географической среды в развитии палеолитических культур» («Известия ВГО» — в печати).

Приблизительное сопоставление темпов развития географической среды и палеолитических культур приледниковой Европы, Индии, Средней Азии и Африки отражено в таблицах.

Эти и другие проблемы неизбежно возникают при сравнительном рассмотрении развития природной среды и человеческих культур сопредельных территорий СССР и Индии в четвертичное время.

Еще многое предстоит сделать. Корреляция четвертичных отношений еще во многом несовершена, нуждается в проверке и уточнении. Много неясного и в типологическом изучении палеолитических культур. Однако крепнущее сотрудничество советских и индийских ученых позволяет надеяться, что эти проблемы будут разрешены в результате плодотворных совместных исследований.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Алпys с б a e в X. A. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане,— «Советская археология», 1961, № 1.
2. Б е л я е в с к и й Н. A., Геологическое строение Гималаев в районе Кашмира и Джамму,— «Проблемы геологии на XXII сессии Международного геологического конгресса», М., 1966.
3. Г о р с к и й И. И., Геологическая экскурсия в долину Кашмира,— «Проблемы геологии на XXII сессии Международного геологического конгресса», М., 1966.
4. К о с т е н к о Н. П., Т е т ю х и н Г. Ф., Ф е д о р о в П. В., Рабочая стратиграфическая схема четвертичных (антропогеновых) отложений Средней Азии и Южного Казахстана,— «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», 1962, № 27.
5. К у р д ю к о в К. В., О параллелизме геологического и палеографического развития Южной Ферганы и Северо-Западного Пенджаба в неогеново-четвертичное время,— «Проблемы физической географии», М., 1951, т. XVI.
6. Л е в Д. Н., Поселение древнекаменного века в Самарканде,— «Труды Самаркандского государственного университета», Новая серия, 1964, № 135.
7. Н е с т у р х М. Ф., Проблема первоначальной прародины человечества. У истоков человечества, М., 1964.
8. О к л а д н и к о в А. П., Древнейшее прошлое Таджикистана,— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», 1956, т. I.
9. О к л а д н и к о в А. П., Палеолит и мезолит Средней Азии. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, М.—Л., 1966.
10. Р а н о в В. А., Археологические исследования на возвышенности Кара-Бура в 1959 г.— «Труды Института истории АН ТаджССР», 1961, XXXI.
11. Р а н о в В. А., Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии. Основные проблемы изучения четвертичного периода, М., 1965.
12. Р а н о в В. А., Каменный век Таджикистана, Душанбе, 1965.
13. Р а н о в В. А., О связях культур палеолита Средней Азии и некоторых стран зарубежного Востока. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964.
14. Р а н о в В. А., О сопоставлении археологических данных со стратиграфией четвертичных отложений Таджикистана,— «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», 1961, вып. 1(24).
15. B i b e r s o n P., Human Evolution in Morocco in the Framework of the Paleoclimatic Variations of the Atlantic Pleistocene,— «African Ecology and Human Evolution. Viking Fund Publications in Anthropology», 1963, № 36.
16. C l a r k H o w e l l F., Observations on the Earlier Phases of the European Lower Paleolithic,— «American Anthropologist», 1964, № 36.
17. D a n i, A. H., Prehistoric Pakistan,— «Asian Perspectives», Hongkong, 1963, vol. VII, № 1, 2.
18. D e s m o n d C l a r k J., The Problem of the Pebble Cultures,— «Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protoistoriche», Roma, 1962.
19. D e T e g r a H. and P a t e r s o n T. T., Studies on the Ice Age in India and Associated Human Cultures, Washington, 1939.
20. Indian Prehistory 1964, ed. by V. N. Misra and M. S. Mate, Poona, 1964.
21. J o s h i R. V., Narmada Pleistocene Deposits at Maheshwar,— «Journal of the Paleontological Society of India», Lucknow, 1958, vol. 3.
22. J o s h i R. V., Pleistocene Studies in the Malaprabha Basin, Poona, 1965.

23. Khatri A. P., A Century of Prehistoric Research in India,— «Asian Perspectives», Hongkong, 1962, vol. VI, № 1—2.
24. Khatri A. P., Mahadevian: an Oldwan Pebble Culture in India,— «Asian Perspectives», Hongkong, 1963, vol. VI, № 1—2.
25. Khatri A. P., Recent Exploration for the Remains of Early Man in India,— «Asian Perspectives», Hongkong, 1964, vol. VII, № 1—2.
26. Khatri A. P., Stone Age and Pleistocene Chronology of the Narbada Valley,— «Anthropos», Freiburg, 1961, vol. 56, fasc. 3—4.
27. Lal B. B., A Decade of Prehistoric and Protohistoric Archaeology in India, 1951—1960,— «Asian Perspectives», 1963, vol. VII, № 1—2.
28. Leakey L. S. B., Olduvai Gorge 1951—1961. Fauna and Background, Cambridge, 1965.
29. Majumdar G. G., Rajguru S. N., Environments as Reflected in the River Deposits around Poona,— «Studies in Prehistory. R. B. Foot Memorial Volume», Calcutta, 1966.
30. Milankowitsch M., Astronomische Mittel zur Reforschung der erdgeschichtlichen Klimate,— «Handbuch der Geophysik», Bd 9, Berlin, 1938.
31. Paterson T. T. and Drummond H. J. H., Soan, the Paleolithic of Pakistan, Department of Archaeology. Government of Pakistan, [6. r.]
32. Sankalia H. D., Prehistory and Protohistory in India and Pakistan, Bombay, 1962.
33. Wadia D. N., Geology of India, 2nd ed., London, 1949.
34. Zeuner F. E., Stone Age and Pleistocene Chronology in Gujarat, Poona, 1950.

B. A. Ранов

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ИНДИЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА

(опыт сравнения археологической периодизации)

Изучение палеолита Средней Азии невозможно без привлечения материала соседних территорий, без сравнения с памятниками соседних районов зарубежного Востока.

Географическое положение Средней Азии, которая находится на самых южных широтах СССР, заставляет внимательно следить за новыми работами, которые ведут наши иностранные коллеги. Несмотря на то что возраст палеолитических культур, найденных в СССР, все более и более углубляется в результате последних исследований (находки в Азербайджане, на Алтае и Дальнем Востоке и др.), северное положение нашей страны нельзя не учитывать. И поэтому первоначальное заселение человеком территории СССР во многом было связано с миграцией палеолитического населения из более южных областей земного шара. Не преувеличивая роль миграции на стадии среднего и верхнего палеолита, тем не менее следует учитывать влияние таких интенсивно заселенных в каменном веке областей, как Передняя Азия и Индия. Благодаря находкам галечных орудий в различных по возрасту отложениях плейстоцена Средней Азии для нас особый интерес представляет Северо-Западная Индия — именно с соанской галечной культурой можно связывать среднеазиатские орудия типа чопперов и чоппингов. Как показывают новые работы в Западном Пакистане, влияние леваллуа-мустьерской традиции, явственно ощущающееся в памятниках так называемого среднего каменного века, могло передаваться через Среднюю Азию, где в мустьерское время существовал мощный очаг леваллуа-мустьерской культуры.

Таким образом, развитие палеолитических культур в рассматриваемых областях на некоторых этапах проходило параллельно, и культуры, которые мы здесь обнаруживаем, хотя и формировались вполне самостоятельно, на определенных этапах испытывали одинаковые влияния и, естественно, в еще большей степени взаимно влияли друг на друга.

Однако конкретное выражение подобных взаимовлияний, прослеживаемое в каменном инвентаре палеолитических стоянок, не обязательно является результатом миграции или заимствований. Оно может определяться совпадением общего уровня развития палеолитической культуры в сходных экологических условиях при наличии одинаковой сырьевой базы [5]. Действительно, говоря о взаимных связях и взаимных влияниях, мы часто не можем уверенно говорить на данном этапе наших знаний о существовании непосредственных контактов. Послед-

ние представляются лишь одним из возможных вариантов первобытной истории конкретных территорий. Другим вариантом является конвергентное развитие, имеющее место в разных зонах одной большой палеолитической провинции, объединенной общностью исторической судьбы палеолитических племен, вызванной существованием близких технических традиций. Иными словами, мы видим две основные причины, обуславливающие сходство крупных палеолитических культур между собой: 1) сходство, вызванное непосредственными контактами (миграция, генетическое родство, взаимовлияние и диффузия); 2) сходство, вызванное конвергентным развитием культур, принадлежащих к одной и той же палеолитической области. Именно так и понимается сходство между палеолитическими культурами Средней Азии и Индии, которое будет рассмотрено ниже.

Ввиду того что периодизация палеолитических культур Средней Азии неоднократно рассматривалась в отечественной литературе, она приведена в настоящей работе очень кратко. В Индии особое внимание уделено наиболее близко расположенной области — Северо-Западу.

Периодизация и хронология палеолита Средней Азии. Краткая история изучения

Основными этапами изучения палеолита Средней Азии можно считать открытие и изучение следующих памятников: Тешик-Таша (1938—1939) [16], Самаркандской стоянки (1939; 1958—1966) [12], Кайраккумов (1954—1961) [13], Ходжа-Гора (1954—1955) [17], Кара-Буры (1957—1964) [24], Ходжакента (1958—1959) [20], Джар-Кутана (1961—1963) [24], Обирахматы (1962—1965) [28]. Дополнительный материал получен из многих менее значительных по сборам или стратиграфическому положению памятников, среди которых можно отметить отдельные находки и местонахождения в Туркмении, Ферганской долине и под Ташкентом, на юге Таджикистана, в Северной Киргизии. Большое значение имеют также находки в Южном Казахстане [1].

В специальной литературе сейчас можно найти более 80 статей, заметок и других публикаций, посвященных палеолиту Средней Азии. Общие сводки по палеолиту Средней Азии имеются в первом томе «Истории таджикского народа» [21], в монографии автора [24], в недавней публикации А. П. Окладникова [18].

Четвертичные комплексы Средней Азии

Стратиграфия четвертичных отложений Средней Азии строится сейчас на основании методики, разработанной Ю. А. Скворцовым [27], Н. П. Васильковским [3], Н. П. Костенко [8]. В основе этой стратиграфии лежит представление о смене четырех циклов денудации горных областей и соответствующей аккумуляции в равнинных частях. Эти денудационно-аккумулятивные циклы протекают более или менее одновременно во всех областях Средней Азии. Поэтому отложения им соответствующие и образуют стратиграфические комплексы. В разных регионах затронутой территории эти комплексы имеют различные названия, но в настоящее время уже осуществлена успешная корреляция этих схем [15]. Приведем краткую характеристику четвертичных комплексов, необходимую для объяснения хронологической шкалы палеолита Средней Азии.

Нижний плейстоцен — Q₁. К нижнему плейстоцену относятся на-
найский, вахшский, восточнопамирский, сакисябский и т. д. комплексы.
Это наиболее мощные (до 500 м) четвертичные отложения Средней
Азии, представленные конгломератами различной степени цементации,
древними лёссами, галечниками, песчаниками, глинами и т. д. Для этих
отложений характерна значительная степень дислокации. Геоморфологи-
ческие отложения этого цикла соответствуют адирным уровням и по-
верхностям самых высоких террас. Отложения нижнего плейстоцена
иногда выполняют и плоские водоразделы.

Согласно данным В. С. Бажанова и Н. Н. Костенко, нижнему плей-
стоцену соответствует кошкурганский фаунистический комплекс Южно-
го Казахстана, куда входят лесной слон (*Palaexodon antiquus* Fals.
et Caut.), мосбахская лошадь (*Equus caballus* cf. *mosbachensis* Reich),
этрусский носорог (*Dicerorhinus etruscus* Falc.), носорог Мерка
(*Rhinoceros Merckii*) и др. [2]. Отдельные находки костей животных,
входящих в состав кошкурганского комплекса, известны из тепкинских
слоев Киргизии, вахшских — в Таджикской депрессии и т. д.

Средний плейстоцен — Q₂. К среднему плейстоцену относятся таш-
кентский, илякский, яблоновский и др. комплексы. В основном эти
комплексы представлены отложениями главной лёсовой террасой долин
и уровнями низких адир. В последнее время наметилась тенденция
к расчленению комплексов среднего плейстоцена на два: Q₂¹ и Q₂².
В обоих случаях характерно двучленное деление отложений: в нижней
части залегают базальные галечники, а в верхней — свита рыхлых по-
род (лёссы и лёссыводных суглинков). В Южном Казахстане — это
хазарский фаунистический комплекс с трогонтериевым слоном
(*Mammuthus trogontherii* Pohl), ранней формой мамонта (*Mammuthus primigenius*), длиннорогим бизоном (*Bison priscus longicornis* V. Grom)
и т. д. Важным местонахождением хазарской фауны является джерга-
ланский разрез в восточной части Иссык-Кульской впадины [29]. От-
дельные находки известны и в других районах Средней Азии.

Верхний плейстоцен — Q₃. К верхнему плейстоцену относятся го-
лоднотеплический, душанбинский, багирский и т. д. комплексы. Это
высокие надпойменные террасы (III и IV в крупных долинах). Речные
террасы, как правило, имеют строение, аналогичное в общих чертах со
строительством террас предыдущего комплекса: в основании находятся ба-
зальные галечники, верхнюю часть составляют лёссывидные суглинки.
Последние отличаются от подобных отложений ташкентского комплекса:
меньшей однородностью, обилием прослоев и линз, супесей и песков,
гравия, щебня и гальки [10]. Мощность подобных отложений достигает
иногда 50—70 м. В горных частях эти террасы сложены мощными пач-
ками галечников, перекрытых очень тонким покровом суглинков. Особенностью террас этого комплекса является значительное развитие в их
составе пролювиального обломочного материала.

Для Казахстана этому периоду соответствует верхнепалеолитиче-
ский, или мамонтовый, комплекс: поздняя форма мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis* Blum),
северный олень (*Rangifer tarandus* L.) и др. В других районах находки
фауны очень редки. Возможно, что к началу этого фаунистического
комплекса относится фауна мустьевских пещер, содержащая в основ-
ном современные формы [6]. Вопрос синхронизации перечисленных
комплексов со стратиграфией четвертичных отложений Европы и стран
Азии чрезвычайно сложен и решается различными авторами по-разно-
му. В. С. Бажанов и Н. Н. Костенко сопоставляют три четвертичных
комплекса Южного Казахстана соответственно с таманским, хазар-

ским и мамонтовым Восточной Европы [2]. Вместе с тем нельзя не учитывать, что те же самые виды животных могли существовать в разных областях нашей страны в разное время [14]. Анализ данных по фауне джергаланского разреза в Киргизии и мустерьских пещер в Узбекистане показывает, что хазарский комплекс сменяется верхнепалеолитическим раньше, чем думают указанные авторы, и уже во второй половине среднеплейстоценового времени в Средней Азии существовала фауна, близкая по своему характеру к современной. Сопоставления среднеазиатских комплексов со стратиграфическими единицами Северо-Западной Индии по геологическим данным проводились Курдюковым [11] и по археологическим — автором [26]. Уточненный вариант этих сопоставлений см. в табл. 3.

Основные черты палеолита Средней Азии

К началу 1966 г. автору было известно 122 пункта с палеолитическими находками. Из них 10 принадлежат нижнепалеолитическому (домусьеcкому) времени, 78 — мустерьскому и остальные — верхнепалеолитическому¹.

Нижний палеолит. Все десять пунктов представляют собой отдельные, изолированные находки, связанные с горными районами Средней Азии, за исключением Янгаджи — пункта, расположенного в Западной Туркмении.

В Туркмении — это Янгаджа, в Таджикистане — Кызыл-Кала, Куки-Пиез, Койки-Тау, в Киргизии — Ходжа-Гаир, Он-Арча, Кайрагач, Уч-Курган и Пальман [24].

Только в двух случаях (Он-Арча и Кайрагач) орудия найдены в четвертичных отложениях — *in situ*. Для датировки остальных находок привлекались общие данные об археологии и учитывалось геоморфологическое положение находок.

С точки зрения типологии в трех пунктах из восьми встречены изделия типа ручных рубил. В семи случаях находки имеют достаточно хорошо выраженный облик галечных орудий.

Для галечных орудий целесообразно за основу взять типологическую шкалу соянской культуры Северо-Западной Индии. Тогда все галечные орудия нижнего палеолита Средней Азии можно сопоставить с древним соаном, со стадиями В и С, соответствующими шелльско-ашельскому периоду Европы.

Существование галечных культур на территории Средней Азии тем более вероятно, что памятники, в которых преобладают галечные орудия, известны в ряде прилегающих к Средней Азии областей: Казахстане, Индии, Китае.

Типология соянских орудий разработана еще недостаточно. Дискуссию вызывает и соотношение между ручными рубилами и галечными орудиями [64; 46]. Незначительные по объему материалы из Средней Азии нельзя пока использовать в качестве сравнительного материала. Тем не менее отдельные находки галечных орудий являются свидетельством существования древних, нижнепалеолитических памятников на территории Средней Азии, и именно они лежат в основе периодизации палеолитических культур Средней Азии.

Мустерьское время. Мустерьская культура является самым изученным периодом палеолита в Средней Азии. Основными памятниками

¹ Большая часть из 34 пунктов отнесена к верхнему палеолиту условно.

являются в Узбекистане пещерные стоянки Тешик-Таш, Аман-Кутан, Ходжакент и Обирахмат, в Таджикистане открытые местонахождения Кайраккумы, Джаркутан и Кара-Бура. Отдельные пункты зафиксированы в Туркмении (Томчи-Су) и Киргизии (Тоскор). Долгое время все памятники мустьевского времени в Средней Азии относили к леваллуа-мустьевской фации и сближали их с переднеазиатским леваллуа-мустьевской группой памятников нескольких локальных (фациальных) группировок. Последние имеют различия, которые по всем данным можно поставить в ранг «культурных групп», или «технических вариантов» [4].

Основным критерием для выделения локальных (фациальных) группировок для нас послужило развитие леваллуазской техники. В свое время в литературе остро дискутировался вопрос о существовании самостоятельной леваллуазской культуры. М. З. Паничина, например, в ряде работ защищала тезис о том, что нельзя выделять леваллуазскую культуру, а леваллуазская техника является лишь совокупностью определенных приемов раскалывания камня внутри мустьевской культуры [22].

В настоящее время в это представление необходимо внести некоторые корректизы. Мы знаем теперь, что леваллуазская техника в памятниках мустьевского времени развита неравномерно — в отдельных случаях она превалирует, в других имеет подчиненное значение. Не существует самостоятельной леваллуазской культуры, но нет и единой мустьевской культуры. По-видимому, сейчас наступило время говорить об общемировой леваллуа-мустьевской культуре, которая в разных регионах может подразделяться на отдельные локальные (фациальные) варианты, в том числе и леваллуазский и мустьевский.

На основании типологических и технических данных мы считаем возможным выделить в мустьевских памятниках Средней Азии следующие локальные (фациальные) группировки.

Леваллуазский вариант. Характеризуется почти полным преобладанием полюсных (площадочных) нуклеусов и крайне редким применением дисковидных. Имеет высокие индексы пластин, фасетажа, леваллуа. Характерны очень крупные размеры заготовок. За редким исключением, памятники дают минимальное количество готовых орудий.

Леваллуа-мустьевский вариант. Полюсные и дисковидные нуклеусы находятся примерно в одинаковом количестве. Много односторонних дисковидных нуклеусов с пластинчатым скальванием. Индекс пластин и фасетирования такой же высокий. Среди заготовок леваллуазские играют важнейшую роль, но количество атипических форм возрастает. Среди орудий превалируют леваллуазские с краевой ретушью.

Мустьевский вариант. Полюсные нуклеусы немногочисленны, преобладают дисковидные — двусторонние или односторонние. Для них характерно радиальное скальвание. Индекс пластин и леваллуа понижается. Среди готовых орудий чаще распространена мустьевская тщательная обработка — ретушь охватывает не только края, но и часть спинки орудия.

Мустьеро-соанский вариант. Преобладающий тип нуклеуса — односторонний дисковидный (чаще — неправильной формы с «беспорядочным» скальванием). На Кара-Буре таких нуклеусов в четыре раза больше, чем полюсных. Низкий процент пластин, низкие индексы фасетирования и леваллуа. Распространены отщепы укороченных очер-

таний, толстые с широкими гладкими площадками. Орудия с мустьевским характером обработки. Специфической чертой является наличие галечных орудий типа чоппингов.

К первому варианту принадлежат такие памятники, как Ходжакент, Джар-Кутан, ко второму — Кайраккумы, Капчигай, Тоссор, к третьему — Тешик-Таш, Семиганч, к четвертому — Кара-Бура, Ак-Джар.

Археологическая дата памятников леваллуа-мустьевской культуры Средней Азии не решается однозначно. В связи с выделением локальных группировок справедливо рассматривать развитие последних не как одну-две линии, а как ветвящееся дерево. Для такого представления очень подходит термин Ф. Борда — *duisennant* — «кустящийся» [32]. Поэтому, выделяя несколько локальных группировок — технических вариантов в мустье Средней Азии, нельзя оставлять работу по хронологическому подразделению всей культуры в целом.

У нас пока нет оснований для изменения той возрастной схемы леваллуа-мустьевских памятников Средней Азии, которая была предложена в 1965 г. [24, 97 и сл.].

Финальное мустье — Обирахмат, Ферганские стоянки, Тоссор.

Позднее или развитое мустье — Ходжакент, Джар-Кутан, Кара-Бура.

Раннее мустье (ашель-мустье) — Кайраккумы, Томчи-Су.

Верхний палеолит. Известен в Средней Азии еще очень мало. По всей вероятности, в эту эпоху Средняя Азия была заселена реже, чем в предыдущую. Трудно предполагать, что достаточно широко поставленная в разных республиках разведка лишь случайно не принесла верхнепалеолитических материалов. Не исключено, что здесь отрицательную роль сыграли неблагоприятные природные условия, хотя фактов для такого вывода мы пока не имеем. С другой стороны, памятники верхнего палеолита погребены в Средней Азии в толще лёсса, и их, естественно, найти значительно труднее, чем лежащие на поверхности мустьевские орудия. Можно думать, что оба эти фактора имеют значение.

Несмотря на значительное число пунктов, материалы из которых определяются как верхнепалеолитические, реально мы имеем только три крупные стоянки (мастерская у Янгаджи, Самаркандская стоянка, стоянка Ходжа-Гор). При этом сколько-нибудь подробно опубликованы материалы лишь Самаркандской стоянки.

Мастерская у Янгаджи и некоторые отдельные находки в Южном Таджикистане вместе с известной пещерой Кара-Камар у Айбака (Афганистан) [34] могут быть объединены в одну группу, которую можно назвать каракамарским вариантом верхнего палеолита Средней Азии. В основном характеризуется наличием нуклевидных скребков «высокой формы», грубопризматическими нуклеусами, пластинами крупных размеров. Находит аналогии в III—IV фазе верхнего палеолита Ближнего Востока [37].

К этой же линии развития относится и стоянка Ходжа-Гор, которая вместе с некоторыми находками в Туркмении и других местах Средней Азии образует ходжагорский вариант. Здесь мы встречаем значительно более развитые формы острый, напоминающие «граветт», концевые скребки, а также большое количество специализированных орудий: проколок, проворток и т. д. В материалах памятника этого варианта также прослеживается сходство с переднеазиатским верхним палеолитом «каспийского облика».

Самаркандский вариант, представленный пока одной сто-

янкой, резко отличается от двух предыдущих. Здесь основой для изготовления орудий являются не обычные для верхнего палеолита правильные ножевидные пластинки, а массивные и широкие пластинчатые отщепы или просто отщепы. Можно отметить и другие особенности: использование мустерских элементов, преимущественное изготовление орудий на отщепах, сочетание разных видов ретуши, наличие галечных орудий, грубые формы нуклеусов, среди которых немало дисковидных.

Периодизация палеолита Средней Азии

В основании периодизации палеолитических культур Средней Азии лежат отдельные находки галечных орудий. Возможно, они дополняются отдельными ручными рубилами очень древнего облика. Таким образом, есть основания думать, что в нижнем палеолите здесь развивается древняя галечная культура, близкая к древнему соану Индии. Со стороны Передней Азии заселение если и имело место, то в очень незначительных масштабах, и следы дошелльской и шелльской культур потеряны. Не случайно в прилегающих областях Иранского нагорья нет памятников старше рисс-вюрмского межледникова, а археологически — развитого ашеля.

Ашельской культуры в Средней Азии пока не обнаружено, если не считать двух рубил, найденных на крайнем западе — в Туркмении. Поэтому сразу после среднеплейстоценовых (?) галечных орудий без перехода через ашельскую стадию на территории Средней Азии появляется леваллуа-мустерьская культура, дающая четыре локальные (фациональные) группировки. Только мустерско-соанский вариант можно связать с предыдущими галечными орудиями. Другие варианты пока не имеют генетических корней в предыдущих памятниках. Следовательно, леваллуа-мустерьская культура появляется в Средней Азии как бы внезапно. Несмотря на недостаток фактов, теоретически можно реконструировать миграцию носителей этой культуры из Восточного средиземноморья — при сравнении находятся определенные черты сходства между леваллуа-мустерьской Средней и Передней Азии. В дальнейшем эта культура развивается в верхний палеолит каракамарского типа. Можно проследить и вторую линию развития среднеазиатского палеолита — от единичных находок галечных орудий к Кара-Буре и далее к Самаркандинской стоянке. Эту линию мы предложили называть восточноазиатской в противоположность первой. Памятники, составляющие эту линию, обнаруживают определенное сходство с восточноазиатскими синхронными культурами.

О геологическом возрасте палеолита Средней Азии

В результате многолетних исследований была выработана схема сопоставления четвертичных комплексов с палеолитическими стоянками Средней Азии — иными словами, был установлен геологический возраст среднеазиатского палеолита [26; 15]. В последнее время старые представления, основанные на жестком сопоставлении (нижний плеистоцен — нижний палеолит, средний плеистоцен — средний палеолит, верхний плеистоцен — верхний палеолит), в результате накопления новых фактов подверглись значительным изменениям [23; 9]. Исходя из вышеприведенной периодизации археологических памятников, геологический возраст палеолитических памятников Средней Азии можно представить следующим образом:

1. Ввиду небольшого археологического материала и отсутствия

значительных местонахождений, в которых орудия находились бы в безукоризненном залегании, возраст нижнепалеолитических находок сейчас установить не представляется возможным. Условно — это нижний плейстоцен, вероятно его вторая половина.

2. Для раннего мустье допустимо начало среднего плейстоцена, хотя фактически данных еще мало.

3. Наиболее важным и самым трудным является определение геологического возраста развитого мустье, к которому относится наибольшая часть среднеазиатских стоянок.

Полевые работы показывают, что большая часть мустьевских стоянок геоморфологически связана с уровнями ташкентского и соответствующих ему других среднеплейстоценовых комплексов. Это и дало основание для слишком заглубленной даты развитого мустье Средней Азии — Q_2 , что привело к трудноразрешимому противоречию между мустье Средней Азии и мустье Европы, Передней Азии и Африки (в основном вюрм, т. е. вторая половина верхнего плейстоцена — Q_3) [53]. И в СССР все большее число исследователей приходят к такому же заключению о возрасте мустье в Восточной Европе [7].

Подробный анализ геологической позиции мустьевских стоянок и принципиальные изменения прежних корреляций привели автора к выводу о необходимости передатировки возраста развитого мустье, которое теперь определяется как Q_2^2 — Q_3^1 . Таким образом, развитое мустье охватывает, вероятно, и конец ташкентского времени, но большая часть стоянок, известных на сегодняшний день, должна соответствовать самому началу врезания долин голодностепского цикла.

Хотя мы подразделяем мустье Средней Азии на три возрастные группы: раннее, развитое и финальное мустье, наши памятники в основном близки к верхнему леваллуа-мустье Передней Азии. Следовательно, все эти памятники должны размещаться в первой половине вюрма, т. е. в верхнем плейстоцене. На наш взгляд, есть два пути для разрешения создавшегося противоречия.

1. Предположить, что среднеплейстоценовый комплекс Средней Азии, по крайней мере вторая его половина, является синхронной не среднему, а верхнему плейстоцену Европы и Передней Азии.

2. Предположить, что покров лёссовидных суглинков, который перекрывает базальные галечники среднеазиатских аллювиальных террас полностью или частично, имеет более молодой возраст, чем сама терраса. В этом случае мустьевские находки в Средней Азии связаны не с собственно аллювием ташкентских террас, на которых они обычно встречаются, а с покровной толщей, отложившейся уже в верхнем плейстоцене.

Что касается верхнего палеолита, то для этого этапа нет еще достаточно данных. Известно, что самаркандская стоянка относится к заключительным этапам голодностепского комплекса. Таким образом, верхний палеолит можно уверенно относить ко второй половине верхнего плейстоцена среднеазиатской схемы.

Периодизация и хронология палеолита Индии

Краткая история изучения.

Совсем недавно, в 1963 г., палеолитоведение Индии отметило важную дату — столетие со времени первой палеолитической находки в Индии [41]. Первые сборы палеолитических орудий были сделаны в марте 1863 г. известным геологом и археологом Р. Брюсом Футом около Мадраса в местности Паллаварам. Уже в конце прошлого сто-

летия отдельные находки палеолитических орудий были сделаны в Ориссе (1875), Бхутре и на р. Нармаде (1873), на р. Гадавери (1875), в бассейне р. Санграули в районе Мирзапура (1883) [59] и т. д. Это беглое перечисление, конечно, не охватывает всех интересных открытий. Из более или менее значительных работ следует отметить исследования, проведенные К. Р. Тоддом в районе Бомбей [65] и А. А. Каммиэдом в Восточной Индии [33]. Определенное место в изучении палеолита Индии занимает геолог Д. Н. Вадиа, которому наука обязана открытием соанской культуры.

Большое значение для исследования палеолита Индии сыграла широко известная Североиндийская комплексная экспедиция Йельского университета, работавшая в 1934—1935 гг. в северо-западной части Панджаба [54; 64]. Результаты этой экспедиции, которой руководил крупнейший специалист по четвертичной геологии Азии американец Х. де Терра, с которым работал английский археолог Г. Г. Патерсон, трудно переоценить. Это была первая широко организованная научная экспедиция, завершившаяся открытием новой, очень своеобразной палеолитической культуры — соанской. Не менее важными были исследования названных авторов в долине Нармады, перенесших, таким образом, научные исследования на территорию полуостровной Индии.

После второй мировой войны появляется целая плеяда индусских археологов, изучающих каменный век. Среди последних необходимо отметить имена Х. Д. Санкалия, Б. Б. Лала, В. Д. Кришнасвами, В. Субборао. В наше время успешно работают А. Дани, К. Кхатри, В. Мисры и некоторые другие. В 50-е годы в Гуджарате ценные исследования проводил крупнейший специалист по четвертичной геологии профессор Лондонского университета Ф. Цейнер [67]. В эти же годы появляются работы Х. Д. Санкалии. В изучение каменного века включаются университеты различных штатов, а также Департамент археологии [56].

Среди работ последних лет особенно интересными и значительными являются исследования Х. Д. Санкалия в ряде районов Центральной Индии (особенно Гуджарат и долина р. Нармады) [59].

В долине р. Нармады (штат Мадхья Pradesh) работало вообще много археологов, среди которых следует отметить исследования Б. Олчин [30] и А. П. Кхатри [44]². В восточных районах Индии и Пакистана работали А. Дани [35], Г. С. Махапатра [51], в Раджпутане — В. П. Мисра [47]. Важным вкладом в исследования соанской культуры явились работы Б. Б. Лала в индийском Панджабе [46], которые проводились почти одновременно с исследованиями О. Прюфера в долине р. Сирса [55]. Для южных районов Индии важны исследования Саундарджана [63]. Необходимо также упомянуть итоги работ итальянской миссии в Панджабе [38], а также первые работы А. Дани, направленного Пешаварским университетом на крайний запад Пакистана [36].

Современные представления о каменном веке Индии изложены в публикации результатов симпозиума, проведенного Департаментом археологии Пунского университета в 1964 г. [49].

Некоторые сведения по геологии палеолита Индии

Периодизация и хронология палеолита Индии разработана лишь в самых общих чертах. Несмотря на очень большое количество различ-

² Ценное исследование по геологии палеолита нижнего плейстоцена Нармады составил Г. Вайнрайт [68].

ных публикаций, трудно четко представить последовательную смену палеолитических культур во времени и пространстве. Это происходит потому, что огромная территория, которая делится на ряд физико-географических районов, часто в значительной степени отличающихся друг от друга по своим природным условиям, дает чрезвычайно пеструю картину палеолитических культур, среди которых очень трудно выделить региональные особенности.

Возможно, что немалую роль здесь играет то обстоятельство, что для затронутого региона не подходят хорошо разработанные классификационные мерки европейского палеолита. Индусские археологи стоят перед необходимостью создания не только собственной периодизации, но и терминологии, типологического и функционального осмысления ряда палеолитических орудий, не встречающихся в европейском палеолите.

Необходимо отметить, что за последние годы было предложено несколько периодизаций палеолита, которые, как кажется, постепенно нащупывают основные, характерные признаки палеолитических культур Индии [62; 31; 59].

Для нашей темы наиболее интересны Западный Пакистан и пригималайская часть Северной Индии — междуречье Инда и Ганга. Эти районы будут рассмотрены подробнее³.

С точки зрения геологии палеолита страна резко делится на два региона — в Северной Индии для датировки используется соотношение ледниковых морен Кашмира и речных террас Потвара (стратотип — террасы реки Соан с богатыми археологическими находками). Согласно данным Х. де Терра, речные террасы в этом районе формировались (аккумулировались) как в период оледенений Гималайских гор (которые в общих чертах могут быть сопоставлены с альпийскими ледниково-ыми циклами), так и в период межледниковых [64]. Иное представление высказал Ф. Цейнер, который считает, что террасы не формируются в эпоху межледниковых — все террасы р. Соан связаны, по мнению этого автора, только с этапами оледенения [66]. Соотношение террас р. Соан, их возраст и археологические культуры, здесь найденные, представлены в табл. 1.

Для всей остальной части Индии основой стратиграфии палеолита являются фазы аккумуляции. Иногда они связываются с разными по высоте террасами, но чаще всего разновременные аккумулятивные отложения различаются по петрографическому составу, характеру цементации подстилающих и перекрывающих галечных пород.

Количество и положение этих галечников варьируется в различных долинах, но в целом встречаются два, а иногда три цикла аккумуляции, разделяющиеся отложениями лёссовидных суглинков или песков.

Первый цикл, древнейший, залегающий иногда непосредственно на коренных породах, или плотных древних глинах, испытал действие размыва. Мощность галечников максимально до 20—25 м.

После продолжительного периода эрозии реки опять заполняют долины, и откладывается второй уровень галечников. Но так как этот цикл аккумуляции не был таким мощным, в ряде случаев галечники этого цикла не перекрыли более древние, а отложились на том же уровне и сократили ширину долин [57]. В нормальных случаях отмечаются две разновременные террасы, но чаще древнейшие седименты размыты, их галечники находятся в речном русле. За исключением долины

³ Для остальной части Индии ограничимся самым общим обзором. Использована только археологическая литература.

Таблица 1

**Соотношение оледенений Кашмира и палеолита Северо-Западной Индии
и их сопоставление с альпийской хронологией**
(H. Movius, 1944; B. Krishnaswami, 1947)

Альпийская хронология	Гималайские оледенения и террасы Северо-Западной Индии		Палеолитическая индустрия
Верхний плейстоцен	Вюрм	Четвертое оледенение, терраса T_4 (40 м)	Очень развитый соан
	Рисс-вюрм	Третий межледниковый период, терраса T_3 (80 м)	Не обнаружена
	Рисс	Третье оледенение, терраса T_2 (120 м)	Поздний соан и развитый ашель
Миндель — Рисс	Второй межледниковый период, терраса T_1 (220 м)		Шелль-ашель и древний соан
Миндель	Второе оледенение. Валунный конгломерат, плато		Пресоан (?)
Нижний плейстоцен			Археологических материалов не обнаружено

Нармады (где отмечаются не два, а три цикла аккумуляции) и Западного Раджастхана (один цикл), в остальных долинах можно найти два горизонта галечников, содержащих различные по времени палеолитические орудия. Приведем выдержку из корреляционной таблицы, помещенной в монографии Х. Д. Санкалия (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение геологических формаций и археологических культур в долине р. Нармады*

Возраст	Формация	Археологическая культура
Голоцен	Чернозем, молодой аллювий, тонкие пески, галечник Верхние суглинки	Халколит Докерамические микролиты (мезолит). Переживание орудий средне-палеолитического типа
Поздний плейстоцен	Галечник (верхний галечник)	Средний палеолит или поздний соан и окатанные нижнепалеолитические орудия шелльско-ашельских типов
Средний плейстоцен	Нижние суглинки Галечник (нижний галечник)	Развитые нижнепалеолитические неокатанные ашельские рубила и отщепы Нижний палеолит. Шелль-ашель
Древний плейстоцен	Первичные латериты	—

* [59].

Корреляция между двумя основными регионами, предложенная еще Х. де Терра и поддержанная В. Кришнасвами [45], базируется в основном на данных археологии, так как фаунистических находок очень мало и их интерпретация испытывает трудности, поскольку однаковые формы (например, *Elephas namadicus*) встречаются в геологически разновременных отложениях [39]. В простейшей схеме чередование отложений галечников должно соответствовать более влажному периоду (плювиал-оледенение горной области?), тогда как лёссовидные суглинки откладываются в сухой период [50, 16]⁴.

Вместе с тем далеко не все исследователи соглашаются с возможностью такой корреляции. Так, Б. Олчин пишет: «В Северо-Западной Индии индустрия ручных рубил, открытая экспедицией де Терра, встречена на поверхности речных террас. С этими террасами очень трудно связать аккумулятивные циклы полуостровной Индии. Такое сопоставление можно провести лишь в самой общей форме. При этом надо помнить, что соанские стоянки находятся в совершенно иной географической зоне по сравнению со стоянками полуостровной Индии, поскольку они разделяются между собой степным поясом, который представляет из себя пустыня Тар. Долина Соана лежит на краю больших Центральноазиатских гор с их исключительно континентальным климатом, тогда как стоянки полуостровной Индии находятся в тропической зоне» [30, 212].

Действительно, в этом вопросе еще много неясного. С точки зрения археологии значительным недостатком является отсутствие настоящих стоянок или мастерских, которые не встречаются в полуостровной Индии даже для среднего каменного века. Практически все орудия найдены в указанных галечниках и лёссовидных суглинках в переотложенном состоянии, и невольно возникает предположение о более поздней переработке и переносе древних галечников (верхний плейстоцен). Окончательные решения требуют, очевидно, накопления новых материалов, в частности исследования стоянок с сохранившимся культурным слоем.

Периодизация палеолитических памятников. В результате оживленной дискуссии последних лет и решений Международного конгресса по азиатской археологии в Дели в 1961 г. в палеолите Индии выделено две серии: серия I — древний каменный век и серия II — средний каменный век. Поздний каменный век связан уже с микролитическими индустриями и не датируется старше мезолита [48].

Древний каменный век открывается двумя индустриями, не нашедшими пока общего признания. Это хорошо известная «пресоанская» культура Панджаба, представленная очень «грубыми отщепами», и «махадевийская» культура, исследованная П. Кхатри в долине Нармады. По мнению П. Кхатри, «махадевийская» культура галечных орудий предшествует всем индустриям палеолита Центральной Индии и занимает по своему положению в периодизации и хронологии этой страны место «олдовайской» культуры [42]. Однако, как показывает упоминавшийся выше симпозиум, другие специалисты не разделяют это мнение [61]⁵.

Древний каменный век представляет собой сложную картину шельско-ашельских культур, осложненных широким применением галечной техники и использованием галечных орудий типа чопперов и чоп-

⁴ Сторонник прямого сопоставления оледенений Европы и плювиалов Африки К. Оукли считает, что то же самое явление должно иметь место и в соответствующих температурных зонах Азии [53, 90].

⁵ См. также выступления В. Н. Мисры, С. П. Гупты и др. по данному докладу.

пингов. В общих чертах можно выделить три зоны: северную — с галечными орудиями соанского типа, южную — зону «мадрасских» рубил и кливеров и центральную, являющуюся переходной. Для юга Индии отмечается безусловное сходство с нижнепалеолитическими культурами Африки.

Типологически хорошо охарактеризована уже собственно ашельская стадия нижнего палеолита, тогда как понятие «шельльско-ашельские» типы орудий несколько расплывчато. Поэтому начальный период нижнего палеолита Индии не совсем еще ясен.

Еще больше трудностей связано с интерпретацией серии II — среднего каменного века⁶. Этот период сейчас привлекает внимание все большего числа исследователей [30; 51; 58; 43].

Как правильно отметил С. Гупта, средний каменный век Индии ставит больше проблем, чем можно решить на данном уровне наших знаний [39, 31].

Прежде всего настораживает огромный промежуток времени в археологической периодизации, который охватывает средний каменный век — от позднего ашеля до микролитических индустрий, датируемых V—IV тысячелетиями до н. э.! Трудно представить себе, что на протяжении 40 тыс. лет инвентарь и образ жизни первобытных обитателей Индии почти не изменились⁷. И это в то время, когда всюду имели место события огромной важности — формирование *Homo sapiens*. Эти процессы везде происходили в обстановке убыстряющегося развития мустьерских, а затем и верхнепалеолитических культур.

По данным Х. Санкалия (1964), в средний каменный век входят:

- а) стратифицированная индустрия скребков, проверток, острий, изготовленных на отщепах, происходящих из полуостровной Индии, Раджастана и т. п.;
- б) позднесоанская индустрия Западного Панджаба и Пакистана;
- в) индустрия из пещерной стоянки Сангао в Пакистане;
- г) индустрия из Восточного Панджаба;
- д) нестратифицированные коллекции из разных мест Индии⁸.

Происхождение этой культуры неясно. Отдельные моменты как будто связывают ее с предшествующим нижним палеолитом, с другой стороны, в ней содержится много новых элементов, что заставляет некоторых исследователей предполагать миграцию из Африки или Западной Азии.

Основные типы орудий среднего каменного века: 1) скребки разных типов, 2) острия, 3) проколки, 4) орудия с выделанной рукояткой, 5) мелкие галечные орудия, 6) редкие пластинки с затупленной спинкой, 7) крупные сегменты и т. д. Имеются нуклеусы, близкие к леваллуа-мусьерским полюсным или односторонне-дисковидным с пластинчатым скалыванием. Вторую группу составляют галечные нуклеусы, напоминающие галечные орудия.

В целом индустрия среднего каменного века — это индустрия флейков — пластинчатых отщепов небольших размеров, в которых прослеживается леваллуа-мусьерская техника. Но прямых аналогий с леваллуа-мусье Передней и Средней Азии здесь нет. Существуют

⁶ Некоторые индийские археологи предпочитают пользоваться термином «палеолит» — древний палеолит, средний палеолит.

⁷ Различия, которые отмечены в ряде публикаций, касаются в основном характера ретуши орудий, которая становится более тонкой в заключительных фазах. Однако принципы скалывания и набор инструментов остается неизменным на всем протяжении среднего каменного века.

⁸ С. Гупта (1964) выделяет две различные зоны культур среднекаменного века: 1) соанская культура, 2) индустрия тропической части Индии.

лишь отдельные элементы мустерьской и леваллуазской техники. Ретушь краевая, как правило следующая за формой отщепа. Нет аналогий и среди других известных палеолитических культур окружающих стран. Отдельные элементы сходства имеются в африканских культурах типа стилбей и смитфильда. Почти никаких аналогий нельзя найти с пластинчатыми культурами верхнего палеолита Европы и Передней Азии.

Несмотря на наличие отдельных элементов, получающих развитие в серии III — позднем каменном веке, пластинчатую микролитоидную индустрию Индии нельзя вывести из предшествующей индустрии среднего каменного века.

Такова периодизация палеолита Индии. Она отличается, как мы видим, большой самобытностью и лишь в нижних своих сериях (шелльашель) может быть сопоставлена с периодизацией палеолита Передней Азии. В целом же это уже иной мир, в котором развивались свои своеобразные, отличные от западных и еще во многом непонятные палеолитические культуры «азиатского» облика.

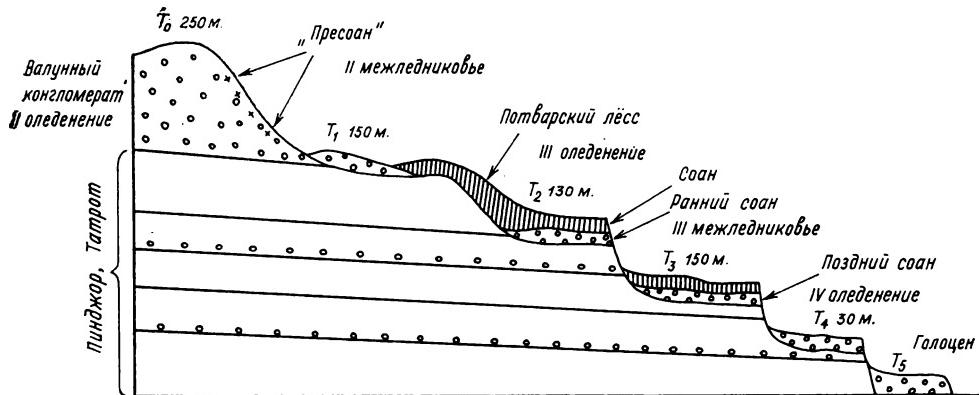
Рассмотрим теперь несколько более подробно соанскую культуру — палеолит Северо-Западной Индии и Пакистана, так как соанская индустрия, как мы уже видели, имеет непосредственное отношение к палеолиту Средней Азии.

Соанская культура и ее изучение в Индии и Западном Пакистане

Основные публикации при соанской культуре хорошо известны [64; 46; 59; 38]. Неоднократно публиковалась в различных изданиях и ставшая классической схема сопоставления речных террас р. Соана и найденной здесь индустрии [52; 25].

Остановимся кратко на характеристике соанской культуры.

1. Валунный конгломерат — второе оледенение Гималаев. По данным англо-американских авторов, в верхней части конгломерата

в 11 пунктах (из них в пяти случаях в стратифицированном положении) найдены тяжелые массивные отщепы с широкой площадкой, лежащей под тупым углом к отбивной поверхности. Они окатаны и отложились вместе с перемещенным водой валунным конгломератом. Среднеплейстоценовая фауна (Нарбадский комплекс), включаю-

щая *Elephas namadicus*, *Hippopotamus* sp., *Bos namadicus*, извлечена из конгломератов и не имеет прямой связи с археологическими находками.

Терраса Т¹—второй интерглациал. Это эрозионная терраса, на поверхности которой отложились «перераспределенные» валунные конгломераты, иногда сцементированные. Археологические находки связанны с тонким флювиальным галечником. Они представлены прежде всего древнесоанским комплексом, разбитым на три стадии (по степени патинизации и выветренности поверхности). Индустрия характеризуется преобладанием галечных орудий — чопперов, в меньшей степени чоппингов, сопровождающихся дисковидными и полюсными нуклеусами и отщепами, преимущественно клектонского или протолеваллуазского облика. Всего — девять пунктов. На этой же террасе, на ее поверхности, найдены сильно патинированные шелльско-ашельские рубила. Но положение ручных рубил остается не совсем ясным — нет ни одного пункта, где бы «шелльские» рубила были найдены отдельно. Они всегда встречаются с более поздними ашельскими рубилами, которые, как установлено, принадлежат более позднему времени. Fauna неизвестна.

Терраса Т²—третий гляциал, верхний плейстоцен. Это аллювиальная терраса, состоящая, как обычно, из базальных галечников и потварских лёссовидных суглинков (*Potvar loessic Silt*), их перекрывающих⁹. Археологически — это две стадии позднего соана и ашельская индустрия. Местонахождения позднего соана многочисленны. Стадия «поздний соан А» найдена в потварских базальных галечниках, а стадия «поздний соан Б» обнаружена в потварских лёссах на глубине 6 м. Впрочем, большая часть орудий собрана в высыпках галечников и на террасовых поверхностях. Fauna, связанная с Т², дает уже современные формы: лошадь, бизон, верблюд и волк.

Индустрия позднего соана в части галечных орудий отличается мало: старые формы сохраняются почти полностью. Изменяется только характер обработки орудий — они становятся меньше, обработка рабочего края делается более совершенной. Значительно изменяется сопровождающий материал: возрастает количество заготовок с фасетированной ударной площадкой и леваллуазских пластин.

Ручные рубила найдены в районе Чаунтра в отложениях третьего оледенения. Отсюда известны: позднеашельские бифасы, совершенно неокатанные, окатанные среднеашельские бифасы и очень окатанные — шелльские.

Т³—третий интерглациал. Эрозионная терраса, на которую перенеслись потварские галечники и лёссовидные суглинки. Палеолитической индустрии не обнаружено.

Т⁴—четвертый гляциал. Аккумулятивная терраса в основном из перемещенных отложений. Мощность лёссовидных суглинков незначительная. Индустрия, названная Х. Мовиусом «развитым соаном». Главный пункт — Дхок Патан у Пинди Гхеба. Сборы на поверхности. Галечные орудия напоминают соанские изделия более раннего периода, сопровождающий материал приобретает черты, характерные для стадий среднего каменного века полуостровной Индии.

Существование соанской культуры как локальной общности и ее характерные черты остаются предметом дискуссии. Неясно до сих пор, являются ли бифасы отдельно развивающейся самостоятельной фацией или они входят как составная часть в соансскую общность [40а, 1—18]. Эти вопросы достаточно сложны, и разбирать их в настоящем обзоре нет возможности.

⁹ Последние, по мнению Х. Терра, имеют эоловое происхождение.

Работы Х. Терра и Т. Патерсона сыграли значительную роль в мировом палеолитоведении, и их результатами пользуется уже второе поколение исследователей. Вместе с тем необходимо отметить, что на сегодняшнем уровне знаний ни описания условий нахождения палеолитических орудий, ни тем более их типологический анализ нас не могут удовлетворять. Работать с имеющимися данными становится все труднее. Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Террасу T² многие авторы сопоставляют с рисским оледенением Европы. Но в ней найдены позднеашельские рубила, орудия позднего соана с леваллуазской техникой раскалывания камня, фауна современного облика. Все это говорит о более позднем возрасте потварских отложений — максимально рисс-вюрмском, а может быть и вюрмском. Так по крайней мере можно думать на основании чисто формальных сопоставлений.

Посмотрим теперь, что нового получено за прошедшие со времени работы экспедиции Х. Терра тридцать лет в области изучения соанской культуры.

В 1951—1953 гг. О. Прюфер провел исследования в долине р. Сирса. Обнаружена целая серия палеолитических стоянок, которые располагались на двух уровнях террас, в основном на T².

Терраса T³ состоит из слабоцементированных галечников, покрытых отложениями, названными автором «верхней почвой» (*tompost soil*). На террасе T² галечники плотно сцеплены, а перекрывающая их толща также содержит галечный материал. Во всех 13 пунктах находки сделаны на поверхности. Различия между материалами, найденными на двух террасах, не соответствуют археологической датировке, в отдельных случаях на нижней террасе найдены более грубые орудия, чем на верхней.

О. Прюфер, описывая орудия, стремится доказать оригинальное происхождение обоих комплексов. Вместе с тем отмечается и близость материалов, собранных на террасе T², к позднему соану. По геологической ситуации так и должно быть. Важно, что, несмотря на существенные отличия, сборы в долине р. Сирса дали находки, подтверждающие существование соанской культуры как особой фации. Интересно, что здесь совершенно нет подлинных рубил¹⁰.

Важным вкладом в исследования соанской культуры явились работы Б. Б. Лала в бассейне р. Биас, где особенно интересна стоянка у Гулера, исследованная в 1955 г. Коллекция, собранная здесь, небольшая (72 орудия), она связана с тремя террасами р. Бангнга. В целом эта культура близка к древнему соану, хотя, как и в первом случае, она отличается своеобразными чертами. Ручных рубил всего два — они появляются уже на поздней стадии. Собранные на первой террасе чопперы грубее и сильнее патинизированы, чем изделия, собранные ниже. На второй и третьей террасах имеются и чоппинги.

В этой же части Индии отмечен еще один район с галечной культурой соанского типа — Биласпур. Несколько местонахождений Биласпур расположено в зоне предгорий Гималаев, в условиях, аналогичных предшествующим местонахождениям.

Имеется только предварительное сообщение, согласно которому соанские галечные орудия (бифасы отсутствуют) связаны с двумя уровнями трех террас в месте находок¹¹.

¹⁰ Небольшую заметку палеолиту соанского типа этого района посвятил и Д. Сен [60].

¹¹ Вряд ли имеет смысл для местонахождения индийской части Панджаба давать иное название этой индустрии — «гулер», как предлагает Б. Б. Лал, ведь этот район лежит в непосредственной близости к району, давшему название этой культуре,— долине р. Соан в Западном Пакистане [46а].

В 1954 г. член итальянской экспедиции в Кара-Корум и Гиндукуш П. Грациози провел своеобразную «ревизию» результатов экспедиции 1935 г. Он обследовал зону между реками Инд и Джелум на западе и востоке и Харо-Соаном на севере и юге, т. е. тот же район, в котором работал Х. де Терра [38; 24а]. Проведены сборы на некоторых старых и открыто новых 19 пунктов.

Геологические данные освещены плохо. Для двух пунктов (Моргах и Гола) отмечается, что орудия найдены на высоких террасах р. Соан, в первом случае они находились в прослойках конгломератов (линзах) в потварском лёссовидном суглинке, но в основном орудия собраны на низких террасах Т⁴, где, согласно схеме де Терра — Мовиуса, должен находиться развитый соан. Возможно, конечно, что сборы П. Грациози (и это отмечает сам автор) дают в основном переотложенный материал.

Наиболее важным результатом исследований итальянской миссии является открытие местонахождений с большим количеством ручных рубил. Так, на самом крупном местонахождении Моргах, близ Равалпинди, 34 найденных рубила составляют 40% орудий с двусторонней обработкой. Рубила П. Грациози относят к очень развитому или позднему ашелью. Галечная индустрия не составляет большой части коллекции. Мало выделяется и леваллуазских форм среди заготовок. Таким образом, работа итальянского археолога заставляет рассмотреть некоторые вопросы характеристики соанской культуры под новым углом зрения, в частности требуется пересмотр старых представлений о соотношении галечных орудий и «мадрасских рубил».

Подведем итоги. Новые работы не подтвердили в целом ни археологической периодизации соанской культуры, предложенной Т. Патерсоном, ни геоморфологической привязки разных ее этапов, осуществленной Х. де Терра. Правда, они ни разу не были проведены с такой тщательностью и размахом, с каким осуществлялись исследования экспедицией Йельского университета.

Очевидно, нужны новые исследования. Но уже сейчас ясно, что упомянутые выше работы показали, что в северо-западной части Индии существует все-таки очень своеобразная соанская культура, характерной чертой которой является изготовление наряду с обычными для Европы и Передней Азии ручными рубилами и оригинальных галечных орудий и нуклеусов.

Поскольку распространение галечных орудий как особой формы орудий эпохи палеолита в настоящее время отмечается во многих районах Азии, в том числе в Средней Азии и других областях СССР, исследование соанской культуры Индии приобретает значение, далеко выходящее за рамки палеолита одной страны.

И в заключение отметим исследования А. Дани в пещере Сангао [36, 24а]. Навес расположен в северо-западной части страны в хребте Малаканц — это наиболее северный памятник Индии и Пакистана, расположенный в непосредственной близости к Средней Азии. Он образован в сильно сцементированной известняковой брекчии в ущелье Паркхо. Последняя, по мнению А. Дани, может относиться к среднему плейстоцену. Пол пещеры находится всего на 1,4 м выше аллювия, заполняющего небольшой сай. Мощность отложений пещеры — 5 м. Они разделяются на 12 горизонтов, выделенных по наличию пепельно-углистых прослоев. Эти горизонты группируются в четыре периода заселения пещеры. Три из них принадлежат каменному веку. По нашему мнению, несколько отличному от мнения автора раскопок, верхний горизонт каменного века принадлежит уже послепалеолитическому времени. Два нижних — палеолитические. Их культурная принадлежность не

совсем понятна. Как считает А. Дани, орудия в этих слоях сделаны в технической традиции, которая близка к леваллуа-мустерьской технике Европы и Западной Азии. По терминологии индо-пакистанской археологии, эта индустрия может быть отнесена к среднему каменному веку. Культурные горизонты залегают в глине, заполненной обломками, упавшими со свода, и материалами, занесенными извне (делювий?). Сверху вниз отмечается изменение окраски от красноватой к желтоватой и белой, более компактными становятся и пещерные отложения.

Основываясь на работах Д. Аллека, автор дает сводный разрез отложений Пешаварской долины, который включает сверху вниз: 1) поздний аллювий, 2) тонкие гравии, 3) красные глины, 4) молодой лёсс, 5) сцепментированные галечники, 6) древний лёсс, 7) зону латеритизации, 8) коренные породы.

По мнению А. Дани, средний каменный век из Сангао соответствует молодому лёссу. Это эпоха последнего оледенения, и ее вероятная дата — от 15 до 50 тыс. лет. Сцепментированные галечники и брекчии соответствуют последнему интерглациалу (в обоих случаях климат холодный, но в эпоху оледенений сухой, в межледниковые — влажный). Остальные седименты относятся к среднему плейстоцену. Таким образом, заключает автор, потварский лёсс не представляет из себя, как это казалось раньше, единой массы. В данном районе он разделяется сцепментированным гравием на две части.

Опыт сравнения периодизации палеолита Средней Азии и Индии

Сопоставление палеолитических культур отдаленных территорий в настоящее время в значительной степени усложнилось. Признание локальных (фациальных) группировок требует более детальных, чем прежде, разработок местных схем периодизации палеолита.

Хронологическое подразделение палеолитических памятников на основании археологических данных стало намного сложнее — те признаки, которые ранее считались хронологическими, ныне часто признают фациальными. Поэтому некоторые исследователи считают возможным определять возраст памятника только на основании геологических данных. Сравнение периодизации палеолита Средней Азии и Индии в значительной степени затруднено еще и тем, что в первом регионе используется европейская терминология, тогда как в Индии — местная, совершенно отличная. На первый взгляд между палеолитом Средней Азии и Индии очень мало общего. В первом случае мы имеем следующую смену палеолитических культур: галечные культуры типа соана (?) — леваллуа-мустерьская группа, подразделяющаяся на несколько локальных группировок (два варианта верхнего палеолита). Начиная с леваллуа-мустье ясно ощущается влияние переднеазиатских культур. В Индии: шелльско-ашельская группа для юга, шелльско-ашельско-соанская — для севера. Затем следует не совсем ясный средний каменный век, заканчивающийся уже постпалеолитической III серией, связанной с геометрическими микролитами. Таким образом, в Индии выпадают такие общемировые, присущие почти всем континентам эпохи, как мустье и верхний палеолит.

Но более пристальный анализ особенностей палеолитических культур Средней Азии показывает, что сходство между палеолитическими памятниками Средней Азии и Индии значительно. Оно прежде всего проявляется в существовании особых приемов обработки камня, которые в совокупности создают культуру «азиатского типа», отличные от тех, которые мы встречаем в Европе. Причину этого различия надо

искать не только в особых экологических условиях, в которых существовали люди эпохи палеолита в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, но и в значительной степени в первичном материале. В Индии, например, человек каменного века пользовался материалами значительно менее пластичными и удобными для изготовления орудий, чем, скажем, во Франции. Отсюда — отличные приемы раскалывания и, естественно, другие формы готовых орудий.

В Индии элементы «азиатского палеолита» выражены со всей полнотой, а элементы «европейского» — сравнительно очень мало (в частности, существуют отдельные элементы мустерьской техники, но отсутствует мустерьская культура, как таковая). В Средней Азии, которая является зоной стыка трех крупных палеолитических провинций (переднеазиатской, сибирско-монгольской, восточноазиатской) [24, 4 и сл.], наоборот, превалируют черты «европейского» (в данном случае переднеазиатского) палеолита, но параллельно существуют черты, присущие «азиатскому» палеолиту. Это определяется географическим положением обеих стран.

Именно выделение указанных элементов и позволяет найти общее между отдельными памятниками или даже культурами Средней Азии и Индии.

Характеристика культур палеолита «азиатского» облика потребовала бы очень много места. В основных чертах она определена в работах Мовиуса [52; 40], А. П. Окладникова [19] и ряда других исследователей. Коротко культуры «азиатского» палеолита характеризуются:

1) Широким или подчиненным применением галечных орудий, переживающих здесь в отличие от Европы вплоть до заключительных этапов палеолита, а в горных регионах (Кашмир, Тибет, Средняя Азия) — до конца каменного века вообще.

2) Существованием специальной техники подготовки нуклеуса, изготовления заготовок и орудий — галечной техники.

3) Иным, чем на западе, процентным отношением между леваллуазскими и тейяко-клектонскими заготовками. Отмечается очень широкое распространение и длительное переживание «клектонских» отщепов и пластин с широкими сильно скошенными ударными площадками.

4) Существование «галечной техники» приводит к появлению особых форм орудий, иному типологическому выполнению функционально одинаковых с европейскими орудий. В странах Азии мы встречаем и иное соотношение между ведущими формами орудий и их отношение к остальному инвентарю.

Совершенно очевидно, что наибольшую близость к памятникам Индии демонстрируют культуры «группы Б» — культуры восточно-азиатского типа Средней Азии. Действительно, в этой группе «галечная техника» и другие элементы «азиатского палеолита» развиты в очень большой степени. Они прослеживаются и в нижнем палеолите (Борыкаган, Токалы, Он-Арча), в мустерьское время (Кара-Бура, Кара-Су) и в верхнем палеолите (Самаркандская стоянка) [24, табл. 3]. Возможное сопоставление с памятниками Северо-Западной Индии приведено в табл. 3.

Не менее интересно и влияние памятников «группы А» — культур переднеазиатского типа на палеолит Индии. Материалы из навеса Сангао, леваллуазские технические приемы, получившие развитие на поздних стадиях соана и на ранних — в других культурах среднего каменного века [58, 40], заставляют предполагать существование подобных связей. Нельзя, конечно, решать этот вопрос однозначно, вопрос заимствования и конвергентного развития один из наиболее сложных

вопросов в археологии, но такую возможность надо учитывать. Этим и объясняется серьезный интерес археологов Индии к новейшим достижениям среднеазиатской археологии.

Что же касается верхнего палеолита, то этот этап в периодизации Индии обычно не выделяется. Может быть, прав С. П. Гулта, относящий к этому периоду средний каменный век. Несмотря на кажущуюся монотонность, в последнем, очевидно, будет выделено несколько этапов. Эти этапы, конечно, не идентичны мустье и верхнему палеолиту Средней и Передней Азии — на территории Индии развитие палеолитических культур шло своим, присущим только этой области путем, но, как нам кажется, дальнейшие исследования будут приносить все больше и больше материалов для сравнения памятников палеолита Средней Азии и Индии.

Соотношение четвертичных комплексов Средней Азии и гляциальной стратиграфии Северо-Западной Индии приведено в итоговой таблице (табл. 3).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Алпысбаев Х. А., Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане,— «Советская археология», 1961, № 1.
2. Бажанов В. С., Костенко Н. Н., Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана, Алма-Ата, 1962.
3. Васильковский Н. П., К стратиграфии четвертичных отложений Восточного Узбекистана,— «Труды Комиссии по изучению четвертичного периода», т. XIII, 1957.
4. Гладилин В. Н., Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР (тезисы доклада),— «VII Международный конгресс. Доклады и сообщения археологов СССР», М., 1966.
5. Григорьев Г. П., К различию признаков генетического родства, диффузии и синтадиалиности (по материалам палеолита),— «Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс», М., 1966.
6. Громова В. Н., Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан,— сб. «Тешик-Таш», МГУ, 1949; ее же, Бибикова фауна из пещеры Аман-Кутан,— «Советская археология», № 2, 1958.
7. Иванова И. К., Геологический возраст ископаемого человека, М., 1965.
8. Костенко Н. П., Геоморфологический анализ речных долин горных стран,— «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 22, 1958.
9. Костенко Н. П., Ранов В. А., Покровная толща среднеплейстоценовых террас и возраст мустье Средней Азии,— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 1(43), 1966.
10. Крылов Ю. В., Литолого-фациальный анализ четвертичных отложений в районе проектирования Яванской системы орошения,— Известия АН ТаджССР, отд. геол.-хим. и техн. наук, вып. 2, 1960, стр. 73 и сл.
11. Курдюков К. В. О параллелизме геологического и палеографического развития Южной Ферганы и Северо-Западного Панджаба в неогеново-четвертичное время,— «Проблемы физической географии», т. XVI, 1952.
12. Лев Д. Н., Поселение древнекаменного века в Самарканде (Исследования 1958—1960 гг.),— «Труды СамГУ», вып. 135, 1964.
13. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А., Древности Кайрак-Кумов,— «Труды Института истории АН ТаджССР», т. XXXII, 1962.
14. Марков М. К., Лазуков Г. И., Николаев В. А., Четвертичный период, т. II, М., 1965.
15. Несмеянов С. А., К вопросу о стратиграфических схемах четвертичных отложений Западного Тянь-Шаня (в связи с существующими представлениями о развитии эрозионных циклов),— «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», 1965, № 30.
16. Окладников А. П., Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия),— сб. «Тешик-Таш», М., 1959.
17. Окладников А. П., Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии, М.—Л., 1959.
18. Окладников А. П., Палеолит и мезолит Средней Азии,— «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966.

Опыт сравнения периодизации Средней Азии и Индии (по В. А. Раинову)

Таблица 3

Средняя Азия				Полусторонняя Индия	
Археологическая датировка (европейская терминология)		Культуры передне-азиатского типа		Культуры восточно-азиатского типа	
Четвертичные комплексы Средней Азии					Корреляционная дата по радиоуглеродному (условно)
Голодностепенный (душанбинский) комплекс — Q ₃	Конец верхнего палеолита Фаза III—IV верхнего палеолита Передней Азии	Ходжа-Гор, Кизыл-Лай Кара-Камар Янгальжа II	Самаркандская стоянка	30—35 тыс. (Кара-Камар, Шанидар C)	
Q ₂ — Q ₃ Ташкентский (ильинский) комплекс — Q ₂	Финальное мусье Развитое мусье Раннее мусье	Обирахмат Тешик-Таш, Аман-Кутан, Ходжакент, Джар-Кутан Томчи-Су, Кайрак-Кумы	Кара-Су Кара-Бура Токалы I — III	35 тыс. (Кабара) 45—40 тыс. (Шанидар, Табун) 52—50 тыс. (Разель-Кельб, Шинидар)	
Нанайский (кулябский) комплекс — Q ₁	Нижний палеолит (Шель-ашель)	Янгальжа I Кайрак-Кумы	Пальман, Холжа-Бакир- ган, Он-Арча, Куши- Пиэз, Таниркаган, Борькаган		
Индия					
Северо-Западная Индия		Геологические подразделения (по де Терра)		Геологические подразделения	
Голодностепенный (душанбинский) комплекс Q ₃	Четвертое оледенение, терраса T ⁴	Археологические культуры	Археологические культуры	Археологические культуры	
Ташкентский (ильинский) комплекс Q ₂	Третье оледенение, терраса T ²	Очень развитый соян	Верхний галечник	Не расщлененная на этапы культура с эле- ментами мусье и верх- него палеолита	
Нанайский (кулябский) комплекс Q	Второй межледниковый период, терраса T ¹	Поздний соян и очень развитый ашель	Нижний галечник	Ашель Шелль-ашель	

19. Окладников А. П., Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита,— «Древняя Сибирь». Макет I тома «Истории Сибири», Улан-Удэ, 1964.
20. Окладников А. П., Ходжикентская пещера — новый мустъерский памятник Узбекистана,— «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», вып. 82, 1961.
21. Окладников А. П., Ранов В. А., Каменный век,— «История таджикского народа», т. I, М., 1963.
22. Паничкина М. З., Палеолитические нуклеусы.— «Археологический сборник», вып. I, Л., 1959 (Государственный Эрмитаж), стр. 29 и сл.
23. Ранов В. А., Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии,— «Основные проблемы изучения четвертичного периода», М., 1965.
24. Ранов В. А., Каменный век Таджикистана, вып. I. Палеолит. Душанбе, 1965.
- 24а. Ранов В. А., Новые работы по палеолиту Западного Пакистана,— «Вопросы антропологии», вып. 25, 1957.
25. Ранов В. А., О сопоставлении археологических данных со стратиграфией четвертичных отложений Таджикистана,— «Известия Отделения общественных наук ТаджССР», вып. 1, (24), 1961.
26. Ранов В. А., О стратиграфическом положении палеолита Средней Азии,— «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962.
27. Скворцов Ю. А., Элементы новейших тектонических движений Узбекистана,— «Труды Среднеазиатского государственного университета», 1949, вып. XII, кн. I, н. с.
28. Сулейманов Р. Х., Характер развития одной из локальных ветвей эволюции каменной индустрии,— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7, Ташкент, 1966.
29. Тарасов С. Л., К вопросу о палеонтологическом обосновании стратиграфии отложений кайнозоя Киргизии,— «Материалы по геологии Тянь-Шаня», вып. 4 (стратиграфия и тектоника), Фрунзе, 1964.
30. Allchin B. B., The Indian Middle Stone Age: Some New Sites in Central and Southern India and their Implications,— «Bulletin of the Institute of Archeology, University of London», 1959, № 2.
31. Allchin B. B., The Indian Stone Age Sequence,— «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1963, vol. 93.
32. Bordes F., L'évolution buissonnante des Industries en Europe Occidentale; Considérations théoriques sur le Paléolithique ancien et moyen,— «Anthropologie», 1951, t. 54, № 5—6.
33. Burkitt M. C., and Cammiade L. A., Fresh Light of the Stone Age of Southeast India,— «Antiquity», 1930, vol. 4.
34. Coon C. S., The Seven Caves. Archaeological Explorations in the Middle East, New York, 1957.
35. Dani A. H., Prehistory and Protohistory of Eastern India, Calcutta, 1960.
36. Dani A. H. Sangao Cave Excavation. The First Season, 1963,— «Bulletin of the Department of Archeology, University of Peshawar», 1964, vol. I.
37. Garrard D. A., Notes sur le paléolithique Supérieur du Mouyen Orient,— «Bulletin de la Société Préhistorique Française», 1957, t. LIV, fasc. 7—8.
38. Graziosi P., Prehistoric Research in Northwestern Punjab, Italian Expeditions to the Karakorum (K²) and Hindu Kush, «Scientific reports», V, «Prehistory-Anthropology», Leiden, 1964, vol. 1.
39. Gupta S. P., Les industries du Paléolithique supérieur de l'India, Bulletin de la Société Préhistorique Française Etudes et Travaux, t. 16, fasc. I, 1964.
40. Id.-Pebble-toll Terminology in India and Pakistan,— «Man in India», 1957, vol. 37, № 2.
- 40а. «Indian Prehistory», 1964.
41. Khatri A. P., A Century of Prehistoric Research in India,— «Asian Perspectives», 1963, vol. VI, № 1—2.
42. Khatri A. P., «Mahadevian»: An Oldowan Pebble Culture of India,— «Asian Perspectives», 1963, vol. 6, № 1—2.
43. Khatri A. P., Origin and development of Series II Culture of India,— «Proceedings of the Prehistorical Society», London, 1962, vol. 28, N.S.
44. Khatri A. P., Stone Age and Preistocene chronology of the Narmada Valley (Central India),— «Antropos», 1961, vol. 56.
45. V. D. Krishnaswami, Stone Age India,— «Ancient India», 1947, № 3.
46. Lal B. B., Palaeoliths from the Beas and Banganga Valleys, Panjab,— «Ancient India», 1956, № 12.
- 46а. Lal B. B., India,— «Asian Perspectives», 1964, vol. 7, № 1—2.
47. Misra V. N., Palaeolithic of Western Rajputana,— «Bulletin of the Deccan College Research Institute», 1962, vol. XXI.
48. Misra V. N., Problems of Terminology in Indian Prehistory,— «Eastern Anthropologist», 1962, vol. 15, № 2.

49. Misra V. N. and Mate M. S., (Ed.), Indian Prehistory: 1964,— «Bulletin Centenary and Silver Jubilee Series», Poona, 1965, № 32.
50. Mittre V., Some problems concerning Pleistocene Stratigraphy of India with remarks on pollen Stratigraphy,— «Indian Prehistory: 1964», Poona, 1965, cрп. 16.
51. Mohapatra G. C., Stone Age Cultures of Orissa, Poona, 1962.
52. Movius H. L., Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia,— «Papers of the Peab. Museum of Archeology and Ethnography», Cambridge, 1944, vol. XIX, N 3.
53. Oakley K. P., Frameworks for Dating Fossil Man, Chicago, 1966.
54. Paterson T. T. and Drummond H. J. H., Soan — the Palaeolithic of Pakistan,— «Memoirs of the Department of Archeology», Karachi, 1962, № 2.
55. Prufer O., The Prehistory of the Sirsa Valley, Punjab, India,— «Quartar», Bd 7/8, Bonn, 1956.
56. Sankalia H. D., Indian Archaeology Today, Bombay, 1962; «Ancient India. A Review», 1947—1960, № 1—19.
57. Sankalia H. D., Middle Stone Age Culture in India and Pakistan,— «Science», № 3642, vol. 146.
58. Sankalia H. D., Middle Stone Age Cultures in India and Pakistan, India Prehistory: 1964, Poona, 1965.
59. Sankalia H. D., Prehistory and Protohistory in India and Pakistan, Bombay, 1963.
60. Sen D., Nalagarh Palaeolithic Culture,— «Man in India», vol. XXXV, № 31.
61. Soundara Rajan K. V., Is «Soan» a separate Culture? Indian Prehistory: 1964.
62. Soundara Rajan K. V., Quaternary Pebble, Core and Flake Cultures of India an Appraisal of the Date,— «Ancient India», 1961, № 17.
63. Soundara Rajan K. V., Stone Age Industries near Giddalur, District Kurnool,— «Ancient India», 1952, № 8.
64. De Terra H. and Paterson T. T., Studies on the Ice Age in India and associated Human Cultures, Carnegie Institute of Washington, Publ., Washington, 1937, № 493.
65. Todd K. R., Palaeolithic Industries of Bombay,— «Journal of the Anthropological Institute», 1939, vol. LXIX.
66. Zeuner F., Dating the Past, London, 1962.
67. Zeuner F. E., Stone Age and Pleistocene Chronology of Gujarat, Deccan College M. S., Poona, 1950.
68. Wainwright G. J., The Pleistocene Deposits of the Lower Narmada River and an Early Stone Age Industry from the River Chambae, Baroda, 1964.

ХРОНИКА РАБОТЫ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНДИИ (1967—1971 гг.)¹

1967 г.

- 11 января** Совместно с Отделением экономической географии.
Сообщения о Конференции по проблемам экономического районирования в развивающихся странах (Москва, ноябрь 1966 г.).
И. В. Сахаров, Доклады по Индии.
- 25 января** Заседание, посвященное Дню Республики Индии. Совместно с Отделением истории географических знаний и Отделением этнографии.
В. В. Перцмахер, Ю. Ф. Лисянский в Индии в 1799 г. (по архивным материалам).
- И. В. Сахаров, Особенности этнического состава и социальной структуры населения Западной Бенгалии (Материалы к докладу для II Всесоюзного научного совещания по географии населения, Москва, январь — февраль 1967 г.).
- 24 мая** Т. В. Грек, Торжественные приемы (дарбары) Могольских шахов (по изобразительным материалам Эрмитажа).
В. И. Казаков (Москва), Национальные движения народов Индии и проблемы Махаращты.
- 31 мая** Совместно с Отделением экономической географии и Комиссией географии населения и городов.
Д-р Фулрани Сенгупта (Глава Отдела географии и картографии в Ведомстве Главного регистратора Индии, Нью-Дели) Региональный подход к демографическим проблемам и развитию ресурсов Индии.
- 2 июня** Совместно с Отделением экономической географии, Отделением картографии и Комиссией географии населения и городов.
Д-р Фулрани Сенгупта, Ведомство Главного регистратора Индии (Служба переписи населения Индии) и его работа в области географии и картографии.
- 17 октября** Научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.
Е. Я. Люстерник, Изучение истории Индии в Ленинграде за 50 лет (1917—1967 гг.).
- 22 ноября** В. В. Перцмахер, Неизвестные письма Герасима Лебедева И. Ф. Крузенштерну (1797—1802 гг.).
- 13 декабря** И. В. Сахаров, Изучение Индии в Географическом обществе СССР (1845—1967 гг.) (Материалы к докладу, подготовленному для XXI Международного географического конгресса, Дели, декабрь 1968 г.)

---

¹ Хронику работы Восточной комиссии по изучению Индии за предшествующий период (1955—1966 гг.) см. в ст.: И. В. Сахаров, Восточная комиссия Географического общества СССР и ее работа по изучению Индии (Приложение), — в сб.: «Страны и народы Востока». Выпуск V. Индия — страна и народ. М., 1967, стр. 17—22.

В хронике работы за 1955—1966 гг. пропущено сообщение В. И. Кальянова «О работе Секции индианистики на XXV Международном конгрессе востоковедов, Москва, август 1960 г.» (17 января 1961 г.).

* * *

В декабре 1967 г. Главная редакция восточной литературы, издательства «Наука» выпустила в свет подготовленный Восточной комиссией первый сборник статей об Индии («Индия — страна и народ»), посвященный 20-летию независимой Индии:

«Страны и народы Востока». Под общей редакцией академика [B. B. Струве] и члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. Вып. V. Индия — страна и народ. (Ответственный редактор И. В. Сахаров), М., издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1967, 271 стр.

В сборнике помещено 20 статей, заметок и рецензий, написанных 18 авторами.

1968 г.

- 7 февраля Т. А. Шумовский, «Великие острова» в Морской энциклопедии Ахмада ибн Маджида (XV в.).
- 25 марта Совместно с Отделением экономической географии и Комиссией географии населения и городов.
Л. А. Княжинская (Москва), Рост населения и продовольственная проблема в Индии.
- 27 марта Обсуждение сборника «Страны и народы Востока». Под общей редакцией академика [B. B. Струве] и члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. Вып. V. Индия — страна и народ. Отв. редактор И. В. Сахаров, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967. На заседании выступили: О. Б. Осколкова (Москва), Л. А. Княжинская (Москва), Н. Г. Краснодемская, В. Л. Афанасьев, А. М. Решетов, П. М. Долуханов, В. А. Ромодин, Г. П. Куриленко, В. В. Перцмахер, И. В. Сахаров, Д. А. Ольдерогге. Представили письменные отзывы: А. М. Рябчиков (Москва), Э. Ю. Бурнашев (Москва), П. А. Барапников.
- 29 мая С. А. Маретина, О так называемых кастах на о. Бали.
- 13 ноября Т. В. Грек, Впечатления о поездке в Индию (январь — февраль 1968 г.).
П. А. Барапников, Языковая проблема в Индии на современном этапе.
Н. Г. Краснодемская, Русские этнографы на Цейлоне. (И. П. Миняев и А. М. и Л. А. Мерварты).

* * *

В 1968 г. издательство «Мысль» выпустило в свет подготовленный при участии Восточной комиссии (Г. В. Сдасюк, Л. И. Бонифатьева, И. В. Сахаров, А. Х. Вафа) сборник статей:

«Экономическое районирование развивающихся стран» (Вопросы географии, сб. 76), М., 1968, 222 стр.

Одновременно Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» выпустила в свет этот же сборник (за исключением некоторых статей) на английском языке: «Problems of Economic Regionalisation in the Developing Countries», Moscow, «Nauka» Publishing House. Central Department of Oriental Literature, 1968, 196 стр.

1969 г.

- 26 марта И. В. Сахаров, Индия и Непал по личным впечатлениям (февраль 1969 г.).
- 14 апреля Совместно с Отделением экономической географии и Комиссией географии населения и городов.
Л. И. Бонифатьева (Москва), Проблемы регулирования развития городов в Индии.
- 8 октября Совместно с Комиссией геоморфологии и палеогеографии.
А. Я. Щетенко, Роль географической среды в становлении производящего хозяйства древнего Индостана.
- Ю. А. Заднепровский, Культура Ахар в Южном Раджастхане (ее происхождение и место в истории Индии послехарапского периода).
П. Ф. Беликов (Таллин), Николай Рерих и Индия.
- Б. П. Князева, О датировке картин Н. К. Рериха индийского периода.

1970 г.

- 26 января   Заседание, посвященное Дню Республики Индии.
                                  И. В. Сахаров, Вступительное слово.
                                  В. В. Перцмахер, Изменения географических названий в Индии за годы независимости.
                                  В. П. Князева, Индия в картинах Н. К. Рериха.
27 января   Совместно с Отделением экономической географии, Отделением этнографии и Комиссией географии населения и городов.
                                  Д-р Бикрам Кешари Рой Берман (Заместитель Главного регистратора Индии, Нью-Дели), Некоторые проблемы изучения населения Индии.
16 марта   Совместно с Комиссией географии населения и городов. Заседание, посвященное Дню независимости Маврикия.
                                  И. В. Сахаров, Этнический состав населения Маврикия.
6 мая   Совместно с Ленинградским общегородским индологическим семинаром.
                                  Д-р Магади Рангасвамайя Ранганатха (Отдел языков Ведомства Главного регистратора Индии, Калькутта), Языковая ситуация в современной Индии.
28 октября   А. П. Раскин, Выходцы из Индии в США.
7—11 декабря   В Москве состоялась I Всесоюзная конференция индологов, на которой членами Восточной комиссии были прочитаны следующие доклады:
7 декабря   Е. Я. Люстерник, Старые и новые черты в освободительной борьбе в Центральной Индии в 80-е годы XIX в.
                                  П. А. Баранников, Полилингвизм в Индии.
9 декабря   В. В. Перцмахер, Борьба индийского флота против европейских завоевателей в XVI—XVIII вв.
                                  Г. В. Сдасюк, Формирование экономических районов в независимой Индии.
                                  В. А. Пуляркин, Проблемы сельскохозяйственного районирования Индии.
10 декабря   Б. П. Супрунович, Об изучении политической географии Индии.
                                  Л. А. Княжинская, Население как фактор социально-экономического развития Индии.
                                  Л. И. Бонифатьева, Особенности урбанизации в Индии.
                                  А. Н. Зелинский, О возможности построения модели буддизма.
11 декабря   Ю. В. Маретин, Индийские влияния и проблема самобытности индонезийской культуры.
                                  И. В. Сахаров, Влияние административно-политических границ на формирование этнического самосознания населения и на направление этнических процессов².
                                  М. К. Кудрявцев, Основные черты деревенских общин в Северной Индии.
                                  С. А. Маретина, Пути классообразования у горных народов Северо-Восточной Индии.

1971 г.

- 26 января   Заседание, посвященное Дню Республики Индии.
                                  Е. Я. Люстерник, Вступительное слово.
                                  И. В. Сахаров, Новейшие административно-территориальные преобразования в Индии.
                                  С. А. Маретина, Мегхалая — новый штат Индии.
29 января — 3 февраля   В Москве состоялась научная конференция «География и развивающиеся страны (Проблемы использования природных и трудовых ресурсов)», созданная Центральной организацией, Восточной комиссией и Московским филиалом Географического общества СССР совместно с другими учреждениями и организациями.
                                  Доклады об Индии³:

² В опубликованном тексте доклада, представленном участникам конференции, рассмотрены общие вопросы этнической географии Индии. См.: И. В. Сахаров, Основные особенности этнолингвогеографии Индии (Доклад на I Всесоюзной конференции индологов. Москва, декабрь 1970 г.), Ленинград, 1970.

³ Тезисы докладов (кроме доклада А. М. Горячевой и Н. Н. Чижова, были опубликованы в кн.: География и развивающиеся страны (Проблемы использования природных и трудовых ресурсов). Тезисы докладов (29 января — 3 февраля 1971 г.). М., 1970. 142 стр.

- 30 января**   Л. И. Бонифатьева, В. Г. Былов, Некоторые особенности и проблемы географии трудовых ресурсов стран Южной Азии.
- 1 февраля**   И. В. Сахаров, Региональное экономическое развитие Индии в свете данных этнической географии⁴.
- 3 февраля**   В. А. Пуляркин, Влияние природных факторов на сельскохозяйственные рубежи в развивающихся странах (на примере Индии).
- 24 марта**   В. А. Пуляркин, Скотоводство в рамках традиционного земледельческого хозяйства в странах Южной Азии.
- 26 марта**   Г. В. Сдасяк, Территориальные сочетания природных ресурсов и формирование экономических районов Индии.
- 13 апреля**   А. М. Горячева и Н. Н. Чижов, К анализу статистической поверхности городского расселения в Индии.
- 19 мая**   Л. Б. Алаев (Москва), Год в Индии (о результатах научной командировки в Индию в 1968 г.).
- 22 июня**   Совместно с Группой общей этнографии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР и Ленинградским общегородским индологическим семинаром.
- 6 октября**   Л. Б. Алаев (Москва), Индийская сельская община каст и ее место в типологии сельских общин.
- 1971 г.**   С. И. Авербух (Харьков), Значение древнегреческих источников для изучения истории Северо-Западной Индии в конце IV в. до н. э.
- 1971 г.**   Г. А. Зограф, По университетам Индии (ноябрь 1970 — февраль 1971 г.).
- 1971 г.**   Е. И. Лубо-Лесниченко, Поездка в Индию в феврале — марте 1971 г. — впечатления искусствоведа.
- 1971 г.**   Совместно с Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР и Ленинградским общегородским индологическим семинаром.
- 1971 г.**   Д-р Акшаякумар Раманлал Десай (руководитель Департамента социологии Бомбейского университета), Некоторые вопросы языковой политики в Индии.
- 1971 г.**   Д. А. Ольдерогге, Сидди — африканцы в Индии.
- 1971 г.**   С. А. Мартина, Монографии по малым народам в «Переписи населения Индии 1961 г.».

⁴ В опубликованных тезисах доклада (Основные особенности этногеографии Индии) был рассмотрен более широкий круг вопросов.

CONTENTS

G. V. S das y u k (Moscow). Geographical problems of the Overcoming of Regional Imbalances in India's Economic Development	5
V. A. Pulya r kin (Moscow). Natural Factors and Boundaries of Agricultural Regions in India	21
A. M. Ryabchikov and V. A. Nikolayev (Moscow). Landscapes of Chota-Nagpur Plateau and West Bengal Plains	36
L. A. Knyazhinskaya (Moscow). Growth of Population and Food Problem in India	45
Ph. Sen Gupta (Delhi). Some Characteristics of Internal Migration in India	64
L. I. Bonifatieva (Moscow). The Regional Differences in Urbanisation of India	74
R. Ch. Nigam (Calcutta). Languages of India and Role of the Census in the Study of the Linguistic Situation in the Country	90
A. M. Dyakov (Moscow), I. V. Sakharov (Leningrad). Some Characteristics of Ethnolinguistic Statistics in India (The Review of Language Tables of 1961 Census)	109
A. M. Dyakov (Moscow), I. V. Sakharov (Leningrad). Linguistic Composition of India's Population (A Brief Regional Survey of the 1961 Census' Data)	139
B. K. Roy Burman (Delhi). Some Characteristics of the Distribution of the Scheduled Tribes in India	180
M. K. Kudryavtsev (Leningrad). On the Languages as the Media of Education in the Schools for the Scheduled Tribes in India	186
S. A. Maretina (Leningrad). The Ethnic Composition of Nagaland's Population	196
B. P. Suprunovich (Moscow). Indian Tamils in Ceylon (The Problem and Its Solution)	204
I. M. Oransky (Leningrad). On the Ethnography of the Parya Group Speaking an Indian Language (Hissar Valley, Soviet Central Asia)	219
G. L. Dmitriev (Tashkent). On the History of Indian Settlements in Central Asia (The Second Half of the XIXth—the Beginning of the XXth Century)	234
V. V. Perzmakher (Leningrad). V. F. Lisyansky in India (1799)	248
P. M. Dolukhanov (Leningrad). Palaeogeography of the Indian Stone Age	260
V. A. Ranov (Dushanbe). Soviet Central Asia and India during the Palaeolithic Period (An Attempt of Comparison of the Archeological Periodisations)	275
Indian Studies of the Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR (Chronicle of Work, 1967—1971)	298

СОДЕРЖАНИЕ

Г. В. Сдаюк (Москва), Географические проблемы преодоления региональных диспропорций в экономическом развитии Индии	5
В. А. Пуляркин (Москва), Природные факторы и рубежи сельскохозяйственных районов в Индии	21
А. М. Рябчиков, В. А. Николаев (Москва), Ландшафты плато Чхота-Нагпур и равнины Западной Бенгалии	36
Л. А. Княжинская (Москва), Рост населения и продовольственная проблема в Индии	45
Ф. Сенгулта (Дели), Некоторые особенности внутренних миграций населения Индии	64
Л. И. Бонифатьева (Москва), Региональные различия в урбанизации Индии	74
Р. Ч. Нигам (Калькутта), Языки Индии и роль переписей населения в изучении языковой ситуации в стране	90
А. М. Дьяков (Москва), И. В. Сахаров (Ленинград), О характере этнолингвистической статистики Индии (обзор языкового тома переписи населения 1961 г.)	109
А. М. Дьяков, И. В. Сахаров, Языковой состав населения Индии (краткий региональный обзор по данным переписи 1961 г.)	139
Б. К. Рой Бёрман (Дели), Некоторые особенности размещения «зарегистрированных племен» Индии	180
М. К. Кудрявцев (Ленинград), Заметки о языках школьного обучения у «зарегистрированных племен» Индии	186
С. А. Мартина (Ленинград), Население Нагаленда (этнический состав)	196
Б. П. Супрунович (Москва), Индийские тамилы на Цейлоне (проблема и ее решение)	204
И. М. Оранский (Ленинград), К этнографии индоязычной группы паряя (Гиссарская долина)	219
Г. Л. Дмитриев (Ташкент), Из истории индийских колоний в Средней Азии (вторая половина XIX — начало XX в.)	234
В. В. Перцмахер (Ленинград), Ю. Ф. Лисянский в Индии (1799)	248
П. М. Долуханов (Ленинград), Палеогеография каменного века Индии	260
В. А. Ранов (Душанбе), Средняя Азия и Индия в эпоху палеолита (опыт сравнения археологической периодизации)	275
Хроника работы Восточной комиссии Географического общества СССР по изучению Индии (1967—1971 гг.)	298

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА
вып. XII

Индия — страна и народ

*

Книга 2

Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества СССР
Академии наук СССР

*

Редактор В. Л. Резников
Художественный редактор И. Р. Бескин
Техн. редактор Л. Т. Михлина
Корректоры В. В. Воловик
и М. З. Шафранская

Сдано в набор 22/IX 1971 г.
Подписано к печати 10/I 1972 г.
А-05507. Формат бумаги 70 × 108¹⁶.
Бум. № 2. Печ. л. 19. Усл. п. л. 26,6.
Уч.-изд. л. 26,22. Тираж 2000 экз.
Изд. № 2689. Зак. № 1008. Цена 2 р. 10 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография изд-ва «Наука».
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

